

МОСКОВСКИЙ ЖУРНАЛ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

- ВЫСТУПЛЕНИЕ МИНИСТРА
ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РФ
И.С. ИВАНОВА
- МЕЖДУНАРОДНЫЙ
УГОЛОВНЫЙ СУД
- ГАРВАРДСКАЯ ШКОЛА
ПРАВА

**Moscow
Journal
of International
Law**

Главный редактор Ю.М. Колосов

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

**Л.Б. АРХИПОВА, К.А. БЕКЯШЕВ, Ю.Е. КАРЛОВ, И.И. КОТЛЯРОВ,
Э.С. КРИВЧИКОВА, В.И. КУЗНЕЦОВ, Е.Г. ЛЯХОВ, Ю.Н. МАЛЕЕВ,
А.И. МУРАНОВ, Э.Н. НИКОЛАЕВА** (первый заместитель заместитель
Главного редактора), **Ю.А. РЕШЕТОВ, В.А. РОМАНОВ, П.В. САВАСЬКОВ,
Г.П. ТОЛСТОПЯТЕНКО, Б.Р. ТУЗМУХАМЕДОВ, О.Н. ХЛЕСТОВ**

Председатель редакционного совета А.В. Торкунов

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

А.Х. АБАШИДЗЕ (Батуми), **Н.И. АКУЕВ** (Астана),
К.З. АЛИМОВ (Ташкент), **Э.Д. БЕЙШЕМБИЕВ** (Бишкек),
И.И. БЕРГХОЛЬЦАС (Рига), **В.Г. БУТКЕВИЧ** (Киев),
Г.В. ИГНАТЕНКО (Екатеринбург), **А.Л. КОЛОДКИН** (Москва),
Ю.М. КОЛОСОВ (Москва), **В.В. КОЧАРЯН** (Ереван),
Г.И. КУРДЮКОВ (Казань), **С.А. МАЛИНИН** (Санкт-Петербург),
Л.В. ПАВЛОВА (Минск), **А.Х. САИДОВ** (Ташкент),
М.А. САРСЕМБАЕВ (Алматы), **Л.А. СКОТНИКОВ** (Москва),
А.А. ТРЕБКОВ (Москва), **М.О. ХАЙТОВ** (Ашхабад),
Ю.Ю. ШАТАС (Вильнюс), **В.Н. ЯКОВЛЕВ** (Ижевск)

**Издание «Московского журнала международного права» осуществляется
при финансовой поддержке международной юридической фирмы
«Монастырский, Зюба, Семенов и партнеры» (Москва).**

Контактный телефон: (095) 231-42-22

Адрес в Internet: <http://www.mzs.ru>

СОУЧРЕДИТЕЛИ:

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ)
МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИИ**

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОЮЗ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ
ЮРИСТОВ «МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОЮЗ ЮРИСТОВ»**

**Адрес редакции: 117 454, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 76
телефон/факс: (095) 434-94-52, телефон: (095) 434-94-13**

Свидетельство о регистрации ПИ №77-5895 от 8 декабря 2000 г.

Московский журнал международного права

**Moscow
Journal
of International
Law**

Научно-теоретический
и информационно-практический
журнал

Издается
с 1991 года на русском языке
и с 2001 года — на английском

Выходит один раз в три месяца

№ 1 (41) 2001

январь—март

СОДЕРЖАНИЕ

Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации
И.С. Иванова

Верховенство права в международных отношениях — залог всеобъемлющей стратегической стабильности и безопасности в XXI веке.... 3

Вопросы теории

Ханс Корелл. Обращение к деканам юридических факультетов во всем мире..... 10

Права человека

Обращение Генерального директора ЮНЕСКО *Коитиро Мацуура* по случаю дня прав человека..... 16

Эрика Феллер. Конвенция 1951 г. о статусе беженцев и современность. 18

С. Рогожин. Права человека, или идеологические манипуляции Запада в России..... 35

Международная безопасность

Ж.М. Аманжолов. Центрально-азиатский вектор деятельности ОБСЕ и Республика Казахстан..... 42

Международное уголовное право

Рольф Эйнар Фифе. Международный уголовный суд 60

Л.Н. Анисимов. Международно-правовые средства противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных незаконным путем... 88

Международное частное право

А.В. Аничкин. Институт обратной отсылки в современном международном частном праве..... 120

<i>А.В. Асосков. Методы частноправового регулирования статуса коммерческих организаций, действующих на территории иностранных государств.....</i>	155
Международная частноправовая практика юридической фирмы «Монастырский, Зюба, Семенов и Партнеры»	
<i>Д.Е. Ловырев, А.И. Муранов. Некоторые проблемы института обеспечительных мер в международном коммерческом арбитраже в праве России. Нейтрализация дерогационного эффекта арбитражной оговорки.....</i>	172
Трибуна преподавателя и студента	
<i>М.Р. Давлетбаев. Гаагская модель Международного Суда ООН, или игра с огнем.....</i>	204
<i>Д. Мельник. Моя учеба в Гарварде.....</i>	212
Рецензии	
<i>М.Х. Фарукишин. Полезное исследование эффективности международно-правовых норм.....</i>	223
<i>А.И. Муранов. Ценное пособие для всех, связанных с правом международной торговли.....</i>	226
Документы	
<i>Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма..</i>	230
<i>Заявление Председателя Совета Безопасности: Роль Совета Безопасности в предотвращении вооруженных конфликтов.....</i>	253
<i>Декларация тысячелетия ООН.....</i>	257
<i>Варшавская декларация: К сообществу демократий.....</i>	270
<i>Европейское соглашение о важнейших внутренних водных путях международного значения.....</i>	276
<i>Конвенция для унификации некоторых правил международных воздушных перевозок.....</i>	311
<i>Закон об арбитраже Швеции. Регламент Арбитражного Института Торговой Палаты Стокгольма.....</i>	340
Кто есть кто в нашей науке	
<i>Г.Е. Лукьянцев.....</i>	367
<i>С.А. Орджоникидзе.....</i>	369
<i>Юсубов Айдын Махмуд оглы.....</i>	370

**ВЫСТУПЛЕНИЕ МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И.С. ИВАНОВА
НА МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«ВСТУПАЯ В XXI ВЕК: К ПРИМАТУ ПРАВА
В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ»
(2 НОЯБРЯ 2000 Г.)¹**

**ВЕРХОВЕНСТВО ПРАВА В МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЯХ — ЗАЛОГ ВСЕОБЪЕМЛЮЩЕЙ
СТРАТЕГИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ И
БЕЗОПАСНОСТИ В XXI ВЕКЕ**

Уважаемые организаторы и участники конференции,
дамы и господа,

надежное и повсеместное утверждение примата права в международных отношениях — одна из важнейших задач современной мировой политики. Это еще раз наглядно продемонстрировали дискуссии в ходе недавних Саммита и Ассамблеи тысячелетия. Ведь какими бы различными ни были взгляды государств на будущее мироустройство, вполне очевидно, что любая конструкция международных отношений может быть прочной только в том случае, если она опирается на соответствующую международно-правовую базу. Перефразируя известное высказывание Андре Мальро, можно ответственно утверждать: либо XXI век будет веком верховенства международного права, либо его может не быть вообще.

В Декларации, принятой на Саммите тысячелетия в сентябре 2000 г. в Нью-Йорке, главы государств и правительств подтвердили свою «приверженность целям и Уставу ООН, кои Уставу ООН, которые доказали свою неподвластность времени и универсальный харак-

¹ 2-4 ноября 2000 г. в Москве состоялась международная конференция «Вступая в XXI век: к примату права в международных отношениях», организованная Информационным центром ООН и Российской Ассоциацией международного права. В этом номере журнала публикуется выступление министра иностранных дел РФ И.С. Иванова. Выступление заместителя Генерального секретаря ООН по правовым вопросам, юрисконсульта Х. Корелла будет опубликовано в следующем номере.

тер». Это принципиально важно, поскольку Устав ООН как раз и является стеновым хребтом международного права, а сама Организация Объединенных Наций — оплотом правопорядка в мире. Думаю, не случайно, что именно в России идея укрепления международного правопорядка находит самых заинтересованных и последовательных сторонников. Созидательный, творческий подход к международному праву отвечает нашей давней исторической традиции. Достаточно вспомнить роль России в созыве первой Гаагской конференции мира 1899 г., которая заложила фундамент современного гуманитарного права. Наша страна принимала непосредственное участие в создании ООН и разработке ее Устава. И сегодня мы продолжаем рассматривать приверженность международному праву как один из основополагающих принципов российской внешней политики.

Кстати, в этом отчасти состоит ответ на вопрос, который нам нередко задают в последнее время: каким Россия видит будущее мироустройство и свое место в нем? Те, кто имел возможность ознакомиться с Концепцией внешней политики Российской Федерации, недавно утвержденной Президентом В.В. Путиным, могли убедиться в том, что все устремления нашего государства на мировой и европейской арене прямо связаны с опорой на международное право. Именно в миропорядке, основанном на верховенстве права и многосторонних механизмах регулирования международных отношений, Россия видит наилучшие условия для реализации своих национальных интересов.

Иными словами, в основе всей системы международных отношений должно быть не «право силы», а «сила права». Убежден, что в миропорядке, построенном на таком понимании национальных интересов, заинтересовано подавляющее большинство государств мира.

Еще на рубеже XIX-XX в.в. выдающийся русский юрист-международник Федор Федорович Мартенс сформулировал концепцию международного права, определив его главной целью управление международными отношениями. Современное мировое развитие полностью подтвердило справедливость такой оценки. Процесс глобализации резко усилил взаимозависимость государств: сегодня последствия вооруженных конфликтов, финансовых кризисов выходят далеко за рамки отдельных государств и регионов, сказываются на стабильности всей мировой системы. В сферу международных отношений втягивается все более широкий круг интеграционных объединений, правительственных и неправительственных организаций.

Управляемость всех этих процессов, может быть обеспечена только через международно-правовое регулирование.

Наконец, мировое сообщество активно использует правовую сферу для выработки ответов на новые угрозы и вызовы международной безопасности и стабильности. Подобно тому, как в недавнем прошлом возникли такие совершенно новые области международного права, как права человека, космическое право, международное уголовное право, право охраны окружающей среды, в настоящее время ведется разработка международно-правовых норм в области борьбы с терроризмом, наркотрафиком и транснациональной преступностью. Характерно, что при этом не происходит снижения роли национального права. Нормы, разработанные на международном уровне, все чаще включаются в национальные законодательства различных государств и тем самым способствуют их сближению.

Одним словом, международное право все более отчетливо предстает как своего рода «связующий материал» постепенно формирующейся новой многополярной архитектуры международных отношений. По существу это безальтернативный процесс. Выступая на заседании Совета Безопасности ООН 7 сентября этого года, Президент Российской Федерации В.В. Путин особо выделил непреходящее значение принципа верховенства международного права. Уроки новейшей истории, как подчеркнул Президент России, наглядно свидетельствуют: подходы и меры, игнорирующие международное право, неотвратимо подрывают и региональную, и глобальную стабильность.

Особенно прискорбно, что зачастую плохой пример в этом отношении подают как раз те страны, которые у себя дома считаются образцами воплощения в жизнь идеи демократического правового государства.

Серьезный ущерб международному правопорядку нанесла военная акция НАТО против Югославии, предпринятая без санкции Совета Безопасности ООН и в нарушение основополагающих принципов Устава Организации. И такой ущерб лишь усугубляется попытками задним числом подвести под это вопиющее нарушение международной законности квазиправовую основу в виде всякого рода концепций «гуманитарного вмешательства» и «ограниченного суверенитета».

Позиция России на этот счет, совпадающая с мнением подавляющего большинства стран мира, хорошо известна. Мы осудили эту акцию, которая по всем канонам международного права явилась ни-

чем иным как актом агрессии НАТО против суверенного государства. Думаю, вопрос этот настолько серьезен, что необходимо подробнее остановиться на его международно-правовых аспектах.

Наиболее радикальные сторонники применения силы, в том числе в обход Совета Безопасности ООН, утверждают, что принцип уважения прав человека на современном этапе должен получить приоритет над принципами невмешательства во внутренние дела, суверенного равенства государств и неприменения силы в международных отношениях. Натовская акция против Югославии, по мнению сторонников этой точки зрения, дескать, открыла прецедентный путь становлению новой нормы международного права, легитимизирующей «гуманитарную интервенцию».

Что можно на это ответить?

Прежде всего, нельзя не видеть, что в основе подобных концепций лежит глубоко ошибочная посылка, будто институт государства чуть ли не сам по себе является главным виновником нарушений прав человека в мире. Между тем за последнее десятилетие мы не раз на конкретных примерах убеждались в совершенно обратном: именно ослабление, а в некоторых странах — полное разрушение государственности приводило к перерастанию политических кризисов в вооруженные конфликты и связанным с ними массовым нарушениям прав человека.

Как бы ни расширялся круг участников современных международных отношений, главными действующими лицами в них есть и будут суверенные государства. И если сегодня звучат призывы вернуть международное сотрудничество лицом к человеку, сконцентрировать внимание на интересах его безопасности, благополучия и достоинства, то опять-таки решающую ответственность за это в состоянии взять на себя только государство.

Конечно, нельзя отрицать тот факт, что в наше время все большее число вопросов, ранее входивших в исключительно внутреннюю компетенцию государств, теперь чаще становится предметом международного обсуждения. В частности, проблематика соблюдения прав человека перестала рассматриваться как исключительно внутреннее дело государства, а принцип невмешательства во внутренние дела все теснее увязывается с транспарентностью политики государств в области прав человека и их добровольным сотрудничеством с международными органами. Повторяю, добровольным сотрудничеством. Однако все это говорит не о размывании, а наоборот, более совершенной и цивилизованной реализации принципа государственного

суверенитета. Ясно, что такой процесс может развиваться только на равноправной основе, то есть не вопреки, а благодаря неукоснительному соблюдению норм международного права. Принцип суверенного равенства как раз и дает государствам возможность проявлять добрую волю, идти на сотрудничество с мировым сообществом.

Между тем доктрины «гуманитарного вмешательства» и «ограниченного суверенитета» заведомо предполагают неравенство и произвол в отношениях между государствами. Ведь очевидно, что они отнюдь не предназначены для применения против наиболее богатых и сильных в военном отношении стран. Получается, как в известном произведении Джорджа Оруэлла: все вроде бы равны, но одни «более равны», чем другие.

Ставить под вопрос принцип суверенитета и суверенного равенства государств — это значит переворачивать с ног на голову всю систему международного права, которое является именно системой, выработанной в результате соглашения между государствами, а отнюдь не чем-то вроде «ресторанного меню», из которого можно выбирать то, что кажется подходящим для реализации тех или иных политических целей. Никакой иерархии принципов международного права не существует. Все они взаимосвязаны, все подкрепляют друг друга и все вместе призваны ограждать мировое сообщество как от гуманитарных катастроф, так и от актов агрессии.

Наконец, международное право по определению призвано защищать слабых от произвола сильных. Само предположение, что грубейшее нарушение этого принципа может стать нормой, является насмешкой над идеей международной законности.

Нельзя исключать и того, что применение разного рода доктрин «гуманитарного вмешательства» может расшатать международный порядок до пределов, опасных даже для тех, кто хотел бы присвоить себе «право» на проведение военных акций. Ведь если в международном праве закрепится идея допустимости применения силы в обход Совета Безопасности ООН, «гуманитарная дубинка» может оказаться в чьих угодно руках. Возможна и другая, нелепая с правовой точки зрения, ситуация: одни прибегают к силе, ссылаясь на право «гуманитарного вмешательства», а другие — жертвы подобной агрессии — не менее законно используют силу в порядке самообороны.

Не выдерживает критики и позиция тех, кто пытается успокоить международное сообщество заверениями о том, что доктрина «гуманитарного вмешательства» будет применяться не повсеместно, а лишь при «исключительных» обстоятельствах.

Такая постановка проблемы затрагивает, пожалуй, ключевой для судеб международного правопорядка вопрос: является ли международное право «факультативным» в глазах тех, кто отстаивает допустимость и целесообразность обхода в «исключительных случаях» Устава и прерогатив Совета Безопасности? Если да, а другого ответа быть не может, то разве это не заявка на «право» прибегать к произволу, разве не прямая дорога к анархии и хаосу в международных отношениях?

В общем, с какой бы стороны мы ни подошли к доктринам «ограниченного суверенитета» и «гуманитарной интервенции», они неизбежно выводят нас за рамки международного права, а следовательно — за пределы цивилизованных отношений между государствами.

Другое дело — как быть с реальной проблемой реагирования на гуманитарные кризисы, как повысить в этом плане оперативные возможности мирового сообщества и, в первую очередь, ООН? Здесь действительно есть необходимость коллективно уточнить правовые аспекты применения силы в международных отношениях в условиях глобализации, и мы внесли в ООН соответствующую инициативу на этот счет. Хочу подчеркнуть, что наша позиция носит вполне открытый, конструктивный характер. Ведь когда это действительно требовалось, Совет Безопасности ООН при нашей поддержке принимал решения о проведении операций в целях обеспечения прав человека и демократии: от Гаити до Восточного Тимора.

Кроме того, мы отнюдь не считаем верхом совершенства те механизмы миротворчества и предотвращения кризисов, которыми на сегодняшний день располагает мировое сообщество перед лицом новых угроз и вызовов.

Глубоко убежден: нет никаких препятствий для того, чтобы на базе фундаментальных принципов Устава ООН идти по пути дальнейшего развития международного права, постепенно закрывать остающиеся в нем «белые пятна». И в дальнейшем здесь главным генератором правовых норм, регулирующих, по сути, все сферы международных отношений, должна оставаться ООН. В ее рамках были разработаны такие «знаковые» международные инструменты, как Конвенция по морскому праву. Пакты о правах человека. Конвенция о праве международных договоров или совсем недавно принятый Статут Международного уголовного суда.

Россия выступает за то, чтобы и в XXI веке нормотворческая функция ООН и других международных организаций, была столь же востребованной. Об этом говорят, например, принятая недавно в

рамках ООН Конвенция о борьбе с финансированием терроризма (сейчас мы готовим ратификацию этого важного документа), а также Конвенция о борьбе с транснациональной организованной преступностью, которая будет открыта для подписания в декабре этого года на конференции в Палермо. В рамках ООН разрабатываются и другие документы, направленные на противодействие новым угрозам и вызовам.

Есть что сказать и региональным организациям. Российская Федерация является твердой сторонницей нормотворческой функции Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе. Мы будем и впредь активно этого добиваться.

Несомненно, эволюция глобальных и региональных процессов будет и в дальнейшем требовать развития и адаптации международного права. Вот почему мы приветствуем как можно более активное вовлечение в этот творческий процесс ученых и специалистов, представителей неправительственных организаций и в целом гражданского общества. В таком контексте рассматриваем и нынешнюю конференцию.

Пользуюсь случаем, чтобы выразить особую признательность московскому Информационному центру ООН и Российской ассоциации международного права за их инициативную роль в организации этого форума.

Хотел бы также пожелать всем его участникам интересной и плодотворной дискуссии. Надеюсь, что ее результаты станут вкладом в развитие международного права, в укрепление его поддержки широким общественным мнением в нашей стране и за рубежом.

Благодарю за внимание.

Вопросы теории

ОБРАЩЕНИЕ К ДЕКАНАМ ЮРИДИЧЕСКИХ ФАКУЛЬТЕТОВ ВО ВСЕМ МИРЕ

«Международное право, которое еще вчера казалось островком затишья в деятельности человека, начинает развиваться в областях, которые раньше нельзя было даже представить. Только за последние 40 лет страны мира заключили беспрецедентное число соглашений практически во всех областях деятельности человека: от морского дна до климата планеты и космического пространства. Происходит поистине ошеломляющее развитие международного публичного права, которое в грядущем столетии еще более ускорится. Никогда не была столь очевидной насущная потребность в международной системе, основанной на праве»¹.

Дорогие коллеги,

это обращение, с которым я выступаю на пороге нового тысячелетия, должно быть доведено до вас через юрисконсульта министерства иностранных дел вашей страны или по каким-либо другим каналам. Вне зависимости от того, какими путями вы его получите, прошу вас, несмотря на занятость, выкроить несколько минут, чтобы ознакомиться с ним.

Это обращение касается вас как деканов юридических факультетов, и решение, которое вы примете, ознакомившись с ним, будет иметь большое значение для всех, кто изучает и будет изучать право в вашем учебном заведении и за чье обучение вы несете ответственность.

Как видно из приведенной цитаты, международное право становится все более важным компонентом разветвленной системы свя-

¹ Brian Urquhart and Erskin Childers: «A World in Need of Leadership: Tomorrow's United Nations», Dag Hammarskjöld Foundation, Uppsala, Sweden, 1996.

зей, соединяющих нас как в пределах отдельных стран, так и через границы. Киберпространство открывает новые горизонты, а Интернет позволяет людям за считанные секунды связываться с абонентами на другом краю Земли.

Новые явления ставят новые задачи перед человечеством и теми, кому поручено их решать. Многие из этих явлений носят позитивный характер и способствуют нашему развитию и способности людей во всем мире вести достойную жизнь. Другие представляют собой серьезную угрозу нашей общей безопасности и должны решаться соответственно. Границы уже не имеют такого значения, как в прошлом, и многие действуют так, как будто их практически не существует; я имею в виду транснациональные предприятия. К сожалению, существуют и отрицательные силы, действующие подобным же образом; транснациональная преступность превратилась в угрозу организации общества.

Большинство юристов, закончивших юридический факультет, начнут заниматься профессиональной деятельностью на национальном уровне. Подавляющее большинство из них будут заниматься вопросами либо частного, либо экономического, либо уголовного права. Другие войдут в состав правительства или администрации.

Однако, как всегда, право необходимо приспособлять к развитию. Явления, о которых еще несколько лет назад никто и не слышал, сегодня ставят перед законодателями серьезные проблемы. Законодательство традиционно относилось к деятельности, носящей ярко выраженный национальный характер, и отдельные элементы национального законодательства являются четко выраженными проявлениями особых традиций и обычаев, существующих в национальном государстве. Однако параллельно с этим наблюдается и беспрецедентное развитие в области международного права.

Это развитие вытекает из потребности государств и населяющих их народов взаимодействовать друг с другом и обусловленной этим необходимостью создания единого международного правового порядка. Одна из целей Организации Объединенных Наций заключается в формировании международного общества, построенного на уважении принципа господства права. Одним из важных элементов в этой связи является защита прав человека.

Обсуждая с коллегами из научных кругов вопрос о том, как наилучшим образом обеспечить распространение информации о международно-правовых нормах во всем мире, я вдруг задумался над тем, что в учебные программы многих юридических факультетов не

входит курс международного права. В тех институтах, где международное право преподается, ему иногда уделяется крайне мало внимания, тогда как в других учебных заведениях международное право занимает более видное место или даже является одним из важнейших компонентов образования, которое дает этот институт.

Тем из вас, кто представляет юридические факультеты, в которых международное право не преподается, я хотел бы сказать следующее. В качестве аргумента в пользу отказа от преподавания международного права нередко ссылаются на то, что студенты не интересуются данной конкретной темой. Международное право вряд ли пригодится им в их будущей профессиональной деятельности. Этот предмет просто не стоит того, чтобы его изучать. Хотя нельзя спорить с тем, что лишь немногие из любого данного выпуска студентов юридических факультетов посвятят свою будущую деятельность исключительно международному праву, незнание и непонимание этой важной области права будет серьезным пробелом в образовании молодых специалистов.

Иногда утверждают, что если юрист работает с деловыми кругами, то ему следует делать упор не на международном праве, а на других дисциплинах. Позвольте заявить, что сегодня это совершенно не так. В деловых кругах растет понимание необходимости хорошего знания международного права и взаимосвязей этой области с более традиционными темами. Следует обратить внимание на важную работу, проводимую в этой области, например, Комиссией Организации Объединенных Наций по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ). Таким образом, юристы, которые работают с представителями деловых кругов и в дополнение к другим вопросам, входящим в сферу их компетенции, разбираются в международном праве, будут находиться в более выгодном положении по сравнению с их коллегами, которые не знакомы с этой дисциплиной.

Для тех юристов, кто также работает на национальном уровне, но выполняет другие функции, важно разбираться в международном праве и в том, насколько многие национальные нормы основаны на обязательствах, принятых их государствами в рамках международных договоров, заключенных под эгидой Организации Объединенных Наций или других международных межправительственных организаций.

Соответственно, руководствуясь интересами студентов, посещающих ваш юридический факультет, вы просто обязаны непременно обеспечить преподавание на вашем факультете международного права наряду с другими дисциплинами.

Тем коллегам, которые занимают пост декана юридического факультета, где изучается международное право, я хотел бы сказать следующее. В вашем случае также важно сознавать необходимость наличия хорошей учебной программы по курсу международного права. Не исключены, разумеется, ситуации, когда именно вы являетесь тем профессором, который непосредственно отвечает за этот курс. Однако даже если дело обстоит по-иному, важно, чтобы вы с пониманием относились к замечаниям, высказываемым вашим коллегой, на которого возложена эта ответственность. В ходе следующего пересмотра всей учебной программы юридического факультета обеспечьте, пожалуйста, понимание всеми того, что все студенты, выпускаемые вашим, факультетом, должны получить хоть какие-то элементарные знания по курсу международного права. Иными словами, изучение этого предмета должно быть обязательным условием получения студентом научной степени по дисциплине права.

Тем коллегам, которые занимают пост декана юридического факультета, где международное право занимает видное место в учебной программе, а сами юридические факультеты пользуются международным признанием в этой области, я хотел бы сказать следующее. Пожалуйста, продолжайте служить хорошим примером. Кроме того, попытайтесь по возможности оказывать помощь вашим коллегам, работающим на факультетах других учебных заведений, которые находятся в менее благоприятном, чем вы, положении. В частности, постарайтесь не оставлять без внимания просьбы подсказать или посоветовать, как организовать учебный процесс или оказать помощь в этой области.

Чтобы помочь вам в дальнейшем анализе этого вопроса, я обратился к нескольким представителям научных кругов, которые выразили заинтересованность в этой деятельности и которые с удовольствием окажут вам посильную помощь. В частности, для распространения знаний в этой области важно разработать подходящую учебную программу и найти преподавателей. Кроме того, имеются видео- и другие материалы, которые можно сравнительно дешево распространить и которые окажутся полезными на первых этапах ознакомления студентов с международным правом.

Все, к кому я обратился, так или иначе связаны или были связаны с Организацией Объединенных Наций. Это (подробную информацию см. в приложении) профессор Нисуке Андо (Япония), профессор Джон Дугард (Южная Африка), профессор Томас М. Фрэнк (США), профессор Морис Камто (Камерун), профессор Франсиско

Оррего Видуны (Чили), профессор Алэн Пеле (Франция), профессор Бруно Зимма (Германия), профессор Биржит Стерн (Франция) и профессор Кристофер Уирамантри (Шри-Ланка). Многие ученые разработали всеобъемлющие учебные планы, акцент в которых сделан на различных темах, отвечающих их собственным интересам. Один учебный план, который может послужить образцом или стимулом для англоговорящих студентов, приведен в Ежегоднике Института международного права (*Yearbook of the Institute for International Law*, Vol. 67, Session de Strasbourg, 1997 (pages 123-219)). Кроме того, определенную помощь в этом отношении может оказать ряд институтов и академий, например Гагская академия международного права.

Помимо этого, профессор Шарон А. Уильямс (Канада) заявила, что она готова помочь любому, кто обратится к ней за помощью. Ее задача будет заключаться в установлении контактов и в обеспечении вовлечения возможно более широкого круга людей в эту деятельность; короче говоря, она будет выступать в роли координатора. По сути, эта координация может стать первым шагом на пути создания «всемирной сети юридических факультетов».

Как вы, должно быть, заметили, в число рекомендуемых мною консультантов входят исключительно представители научных кругов. Это важно, поскольку университетская программа должна разрабатываться в условиях полной научной свободы. Однако Управление по правовым вопросам Организации Объединенных Наций, разумеется, готово оказывать всяческую помощь, в частности путем предоставления информации, с которой можно ознакомиться на веб-сайте Организации (www.un.org). Нажав на пиктограмму «Международное право» («International Law»), вы получите доступ ко многим важным источникам информации, а также к гиперссылкам на другие учреждения, занимающиеся вопросами международного права.

Позвольте в заключение остановиться на следующем моменте. На протяжении последнего столетия и в особенности со времени создания Организации Объединенных Наций международное право развивалось беспрецедентными темпами. Наиболее заметной на данный момент является работа, проводимая в рамках Подготовительного комитета по вопросу об учреждении международного уголовного суда. Можно надеяться, что создание этого суда наконец позволит — благодаря привлечению к ответственности лиц, виновных в совершении злодеяний, покончить с культурой безнаказанности и избежать повторения прошлых ошибок, причинивших страдания миллионам людей. Кроме того, все большую важность приобретает

система договоров о защите прав человека. По сути, во многих случаях они служат образцом для конституций, принимаемых или пересматриваемых разными странами мира. К числу других важных областей относятся: морское право, право окружающей среды, право международной торговли, правовой режим иностранных инвестиций и т.д. По этой причине важно добиться формирования у широкой публики понимания того, что международное право является таким же необходимым элементом, как и национальные обычаи и традиции и моральные ценности, лежащие в основе законодательных актов, принимаемых их демократически избранными парламентами.

Вместе с тем нельзя ожидать распространения информации о международном праве среди широкой общественности, если те, кто отвечает за правовую деятельность и правовые традиции страны, сами не знакомы с этой темой во всех ее аспектах. Поэтому юристы несут особую ответственность как на национальном, так и на международном уровнях за распространение информации о международном праве. А для этого они должны выполнить свою моральную обязанность разобраться в этой теме путем самообразования.

Независимо от того, где вы проживаете, и без различия расы, пола, языка и религии, если использовать формулировку Устава Организации Объединенных Наций, все вы несете общую ответственность за то, чтобы международное право заняло заметное место в процессе подготовки будущих поколений юристов в вашей стране. Мы должны быть признательны за существующие между нами различия. Однако для того, чтобы защитить себя и грядущие поколения, мы должны иметь что-то общее, что мы могли бы передать по наследству грядущим поколениям. Этим общим является международное право.

Желаю вам всяческих успехов в вашей будущей деятельности. Я искренне надеюсь, что независимо от того, к какой категории юридических факультетов вы себя причисляете, вы не отложите этот документ, а примете какие-то меры. Для вас и именно для вас это является не только уникальной обязанностью, но и уникальной возможностью сделать что-то, что в долгосрочной перспективе может изменить к лучшему положение в мире. Знание — сила, а прочное знание международного права, его принципов и духа — наилучшая защита, которую человечество может создать на благо мира.

Ханс Корелл
Заместитель Генерального секретаря ООН
по правовым вопросам

Права человека

ОБРАЩЕНИЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО ДИРЕКТОРА ЮНЕСКО ПО СЛУЧАЮ ДНЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА (10 декабря 2000 г.)

День прав человека был провозглашен полвека назад, однако, отмечая эту дату на рубеже тысячелетий, мы не имеем оснований для торжества. Продолжающееся нарушение основных прав человека повсюду на нашей планете по существу означает, что попираются права каждого из нас, ибо права человека универсальны и неделимы. Каждый раз, когда несправедливость унижает отдельного человека или группу людей, являющихся частью нашей человеческой семьи, она неизбежно затрагивает всех нас.

Государства взяли на себя юридические обязательства уважать, защищать и развивать права человека. Однако права человека зависят от всех и каждого. Соответствующие лица, неправительственные организации, учреждения и гражданское общество в целом должны способствовать тому, чтобы права человека стали живой реальностью. Следить за этим — долг каждого из нас.

Крайнюю нищету, дискриминацию по признаку пола, социальное и культурное угнетение мы сегодня расцениваем как нарушение прав, сравнимое с подавлением свободы мысли и свободы выражения убеждений. Совершенно недопустимым нарушением прав, с которым следует бороться, мы также считаем лишение права на образование, достойный уровень жизни, социальное достоинство, развитие личности и творческих способностей человека.

Обеспечение этих прав неизбежно вызывает необходимость уважения других прав. Все права по самой своей сути взаимосвязаны. Нищета порождает отчаяние, на почве которого возрастают ненависть и насилие. Наличие же достаточных средств к существованию способствует проявлению терпимости, а следовательно и соблюдению прав других людей.

Наглядным примером является образование. Совершенно необходимо, чтобы образование, само признаваемое как одно из прав че-

ловека, было доступно всем без каких бы то ни было ограничений по признаку пола, вероисповедания, классовой или этнической принадлежности. Кроме того, именно путем образования каждый из нас имеет возможность с самого детства приобретать более широкое представление о всеобщих правах человека, воспитывая в себе уважение и терпимость к другим. Приверженность ЮНЕСКО делу образования является центральным положением ее мандата. Десятилетие образования в области прав человека Организации Объединенных Наций (1995-2004 гг.) предоставляет ЮНЕСКО и ее партнерам возможность содействовать развитию подлинной культуры прав человека посредством целого ряда образовательных программ в рамках как формальной, так и неформальной системы.

Движение по пути к расширению прав человека должно быть безостановочным. Обеспечение прав человека является не состоянием, а непрерывным процессом, тем идеалом, к которому необходимо неустанно стремиться. Достижения в этой области никогда нельзя считать окончательными, ибо всегда сохраняется опасность быть отброшенными назад. Столетие, завершение которого мы отмечаем в этом году, было ознаменовано величайшими прорывами вперед, но также и самым вопиющим попиранием прав, возможно наихудшим, в истории человечества. Борьба за права человека требует постоянной бдительности, о необходимости которой следует помнить как в День прав человека, так и ежедневно.

Коитиро Мацуура

31 октября 2000 г.

КОНВЕНЦИЯ 1951 г. О СТАТУСЕ БЕЖЕНЦЕВ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Эрика Феллер,

Директор Департамента международной защиты
Управления Верховного Комиссара ООН по Делах Беженцев

Сегодня я хотела бы затронуть с международной точки зрения проблемы беженцев, стоящие перед Российской Федерацией. В настоящее время данный вопрос непосредственно затрагивает большое число стран, включая Российскую Федерацию, которая столкнулась со значительными проблемами перемещения населения. Россия является важным участником процесса обсуждения на международном уровне проблем беженцев, принимая во внимание статус и географическое положение вашей страны. Трудности, стоящие перед Россией и другими странами, в основном схожи. Речь идет о таких задачах, как дальнейшее развитие системы эффективной защиты беженцев, прием больших групп беженцев и применение процедур определения их статуса, создание условий для их социальной интеграции.

Например, Российская Федерация столкнулась с ситуацией, при которой миллионы людей были вынуждены, по не зависящим от них причинам, покинуть свои родные дома. В течение последних 10 лет вынужденные переселенцы стали приезжать из стран «ближнего зарубежья» в результате перемещения населения из бывших советских республик на территорию самой Российской Федерации. Дополнительное бремя легло на Российскую Федерацию в виде исторического наследия, когда она стала государством-правопреемником СССР, вынужденным принимать у себя группы лиц, которые не могли вернуться в свои страны с посткоммунистическим режимом, как, например, афганские беженцы. Совсем недавно перемещение населения внутри страны в результате событий на Северном Кавказе привело к появлению еще большего количества людей, не уверенных в своем будущем.

К другим трудностям относится наличие прозрачных границ со странами Средней Азии, что способствует незаконной миграции. Многие едут транзитом через территорию Российской Федерации из стран, расположенных южнее, стремясь добиться въезда в страны Запада, в то время как все больше и больше людей из Африки и Ближнего Востока приезжают сюда, чтобы остаться.

Продолжающаяся тенденция к переселению в города приводит к уменьшению населения в сельской местности. Также, как показы-

вает опыт, трудно препятствовать перемещению населения из восточной части России в западную в поисках лучшей жизни. Наряду с этим существуют проблемы национальных меньшинств и различные этнические вопросы.

Все эти проблемы на фоне быстро меняющейся ситуации с оказанием помощи беженцам привели систему международной защиты на перепутье. В то время как положения Конвенции 1951 г. и Протокола 1967 г. по-прежнему широко признаются в качестве основополагающих принципов международной защиты, наблюдается растущее разочарование среди государств относительно того, насколько полно режим защиты беженцев, основанный на Конвенции, отражает современные проблемы перемещения населения.

С этих позиций и в преддверии 50-й годовщины Конвенции 1951 г. УВКБ ООН приступило к проведению консультаций с участием высокопоставленных представителей правительств и экспертов по вопросам защиты беженцев. Целью данных консультаций является выяснение характера и масштаба защиты беженцев с учетом необходимости всеобъемлющего подхода, вызванного различными ситуациями появления групп беженцев, не учтенных в Конвенции 1951 г.

Сегодня я хотела бы подробно остановиться на предыстории этих консультаций — что послужило причиной их проведения, чего мы надеемся достичь и чего хотим избежать.

Прежде чем приступить к рассмотрению этого вопроса и для тех, кто не так хорошо знаком с деятельностью УВКБ ООН, разрешите мне сказать несколько слов о мандате нашей организации на защиту беженцев.

Роль УВКБ ООН

В соответствии с мандатом, в компетенцию УВКБ ООН входит обеспечение защиты беженцев и сотрудничество с государствами в поиске решений их проблем. Предоставление защиты носит обязательный, а не произвольный характер. Оно включает в себя право и обязанность вмешиваться с целью оказания защиты лицам, находящимся в ведении УВКБ ООН. Часто утверждается, что именно этот аспект мандата УВКБ ООН, а именно тот факт, что нас не надо специально приглашать для защиты беженцев, отличает УВКБ ООН от других организаций, и даже делает его уникальным в системе ООН.

Выполняя эти задачи на протяжении последних лет, УВКБ ООН пришлось столкнуться с проблемой беженцев все более расширяющегося масштаба и углубляющейся сложности. Проблема беженцев тесно связана с защитой прав человека, разрешением конфликтных ситуаций, содействием в экономическом и общественном развитии, защитой окружающей среды и процессом регулирования международной миграции. Проблемы беженцев оказывают непосредственное влияние на национальную, региональную и, в конечном итоге, глобальную стабильность и все чаще становятся одним из пунктов международной повестки дня по вопросам мира и безопасности.

Данная ситуация сама по себе препятствует усилиям международного сообщества в поиске надлежащего и принципиального способа разрешения проблем беженцев. Таким же препятствием являются и материальные издержки предоставления убежища, как предполагаемые, так и реальные. Государства все чаще и чаще заявляют, что имеющиеся в их распоряжении возможности ограничены материальными затратами, связанными с предоставлением убежища, а также соперничающими друг с другом национальными приоритетами, претендующими на ограниченные ресурсы. Проблемы безопасности, напряженность в отношениях между государствами, нелегальная миграция, социальная и политическая нестабильность, вред, наносимый окружающей среде, — все эти элементы принимаются во внимание.

Подлинность такой обеспокоенности понятна. Но на карту поставлены не только интересы, но и обязательства. На этом фоне очень важно понимать подход УВКБ ООН к решению вопросов защиты беженцев, что поможет объяснить принципы и направления нашей деятельности. Можно выделить следующие четыре наиболее важные и всеобъемлющие задачи, стоящие перед УВКБ ООН:

1. Первое — это качество системы предоставления убежища. Основная задача состоит в разработке принципиального подхода к управлению системой предоставления убежища, сочетающего в себе законные интересы государств с добровольно взятыми на себя обязательствами;
2. Второй задачей является обновление существующей системы защиты с одновременным обеспечением ее гибкости для восприятия новых подходов к решению вопросов защиты;
3. Третья задача, которая вызвана тенденцией к регионализации подходов, состоит в обеспечении согласованности взаимодействия на международном уровне;

4. Наконец, существует насущная необходимость оживления старых и создания новых партнерских отношений в поддержку международной системы защиты беженцев.

УВКБ ООН выполняет также наблюдательную функцию по отношению к двум Конвенциям по вопросам безгражданства. На сегодняшний день, 52 государства присоединились к Конвенции 1954 г. о статусе апатридов и 23 государства присоединились к Конвенции 1961 г. о сокращении безгражданства. Это имеет особую значимость в контексте Российской Федерации, где совместно с Советом Европы мы сотрудничаем с правительственными экспертами Комиссии по вопросам гражданства при Администрации Президента, которые подготавливают проект нового законодательства по вопросам гражданства. УВКБ ООН высоко ценит это тесное сотрудничество и считает, что данный проект находится в полном соответствии с положениями вышеупомянутых Конвенций. Мы надеемся, что вслед за принятием данного Закона последует присоединение к Конвенциям по вопросам безгражданства с целью решения вопросов гражданства и прав национальных меньшинств в соответствии с принципами международного права.

Для выполнения своего мандата УВКБ ООН открыл свои представительства в 120 странах мира. В настоящее время в Российской Федерации УВКБ ООН имеет свои представительства в Москве, Ставрополе, Владикавказе и Назрани. Мы активно стремимся расширить наше присутствие для поддержания национальных усилий, направленных на выполнение задач в области защиты беженцев. Сотрудники данных представительств оказывают поддержку властям в их усилиях по защите беженцев, наблюдая за применением принципов Конвенции в национальной практике и оказывая непосредственную помощь в конкретных вопросах. Имеющиеся у нас ресурсы также используются для предоставления защиты и помощи лицам, перемещенным внутри страны, а также тем, кто находится в ситуации, сходной с ситуацией беженцев.

Что представляет собой Конвенция 1951 г.

Вернемся теперь к процессу консультаций и его предпосылок. Часто и справедливо утверждается, что Конвенция 1951 г. является основополагающим документом по защите беженцев, единственным истинным универсальным инструментом, излагающим фундамен-

тальные принципы, на которых должна строиться международная защита беженцев. Эти принципы включают положение о недопустимости возвращения беженцев, подвергающихся преследованию, или тех, кому угрожает преследование (принцип невысылки); о том, что право на защиту имеют все беженцы без каких-либо различий; что проблема беженцев является социальной и гуманитарной по сути и, следовательно, не должна становиться причиной напряженности между государствами; что поскольку предоставление убежища может оказаться слишком тяжелым бременем для отдельных стран, удовлетворительное решение проблемы беженцев может быть достигнуто только в результате международного сотрудничества; что от лиц, спасающихся бегством от преследования, нельзя ожидать, что они покинут свою страну и въедут на территорию другого государства легальным образом, и, соответственно, они не должны быть наказаны за незаконный въезд или пребывание в стране, где они надеются найти убежище; что, учитывая самые серьезные последствия, которые может иметь выдворение беженцев, данная мера должна применяться только в исключительных обстоятельствах, непосредственно затрагивающих национальную безопасность или общественный порядок; что в целях обеспечения эффективной координации мер по решению проблем беженцев необходимо сотрудничество государств с Управлением Верховного Комиссара ООН по делам беженцев.

Конвенция имеет также правовое, политическое и этическое значение, выходящее за рамки ее конкретных положений. С правовой точки зрения, она определяет основные стандарты, которые должны лежать в основе принципиальных действий. Политический аспект заключается в том, что Конвенция представляет собой универсальную базу для сотрудничества между государствами и разделения бремени, вызванного вынужденным перемещением населения. Этическое значение состоит в том, что это — уникальная декларация 139 государств об их намерении отстаивать и обеспечивать права наиболее социально не защищенных и обездоленных граждан в мире. В мае этого года на состоявшемся в Аммане заседании Межпарламентского союза парламентарии из 124 стран единодушно «подтвердили фундаментальное значение Конвенции 1951 г. и Протокола 1967 г., касающихся статуса беженцев», и «призвали те страны, которые еще этого не сделали, присоединиться к этим документам, а также к другим универсальным инструментам в области международного гуманитарного права и прав человека. Также [они] обратились ко всем государствам с призывом выполнить свои обязательст-

ва в этой области». Подтверждение 648 парламентариями из многих стран мира на встрече в Аммане и, как упоминалось ранее, 15 главами государств ЕС на встрече в Тампере, а также 57 представителями государств-членов Исполнительного комитета УВКБ ООН фундаментального значения Конвенции для процедур предоставления убежища в настоящий момент, а также тот факт, что новые государства продолжают присоединяться к Конвенции, а государства-члены поощряют такое присоединение, — все это трудно увязать с утверждениями о том, что Конвенция устарела.

Многие государства, в том числе обладающие ограниченными ресурсами и имеющие внутренние проблемы, также требующие серьезного внимания и средств, продолжают выполнять свои гуманитарные обязательства в отношении беженцев и лиц без гражданства, проявляя участие и щедрость. Мы с удовлетворением отмечаем, что, по последним данным, 139 государств воплотили свои намерения по защите беженцев в реальные шаги, присоединившись к Конвенции 1951 г. и Протоколу к ней.

На какие области Конвенция не распространяется

Конвенция 1951 г. не распространяется на все виды перемещения населения. Защита лиц, перемещенных внутри страны, не входит в сферу ее компетенции. Права данной категории мигрантов закреплены в других документах и отражены в своде принципов, получившем название «Принципы Денга», который объединяет основные положения различных международно-правовых документов. В отдельных случаях (в частности, это касается ситуации на Северном Кавказе) Управление Верховного Комиссара ООН по делам беженцев работает с лицами, перемещенными внутри страны, но только после получения конкретной просьбы о нашем участии, а также в зависимости от того, выполнены ли наши требования по проведению данной операции.

Конвенция распространяется на беженцев — лиц, вынужденных покинуть свою страну. Во многих отношениях положения Конвенции, хотя и имеющие основополагающий характер, представляют собой лишь общие принципиальные положения. Конвенция не является панацеей, решением всех проблем, вызванных перемещением населения. Причины перемещения выходят за ее рамки. Хотя ее положения проникнуты идеей разделения бремени предоставления

убежища, в конкретных статьях Конвенции не приводится ее практического обоснования. Отсутствуют также положения о воссоединении семей, доступе к процедуре определения статуса или получения статуса беженца. Не предусмотрены специальные меры, учитывающие нужды женщин и детей, недостаточно разработаны меры по поиску долговременных решений проблемы защиты беженцев. Хотя Конвенция применима как к ситуациям массового наплыва беженцев, так и к приему отдельных лиц, на практике государства сталкиваются с трудностями и считают обременительным осуществление ее положений при неожиданном массовом наплыве беженцев.

В механизме осуществления Конвенции существуют явные проблемы. Однако признать это — не значит сделать совершенно неприемлемое предположение о том, что Конвенция несет ответственность за то, чего не было достигнуто в отношении проблем, решать которые она никогда не была призвана. За последнее время мы слышали немало критических высказываний относительно Конвенции 1951 г. Ее неоднократно называли устаревшей, неработающей, несущественной или чрезмерно усложняющей решение сегодняшних проблем миграции. Утверждается, что Конвенция недостаточно гибка, чтобы решать чрезвычайные и нештатные проблемы, вызванные вынужденным перемещением. Так, ряд стран объявил Конвенцию не отвечающей интересам государств в целом, а также реальным нуждам в конкретных ситуациях на местах. Необходимо твердо заявить, что Конвенция никогда не предусматривалась как инструмент, регулирующий вопросы только постоянного переселения, а тем более вопросы миграционного контроля. Так же как и Протокол 1967 г., Конвенция разрабатывалась в качестве международного, многостороннего соглашения, определяющего стандарты защиты лиц, нуждающихся в такой защите. Действительно, ее положения затрагивают суверенное право государства регулировать процедуру пересечения государственной границы, но это делается с целью введения необходимого исключения из общего правила для вполне определенной категории лиц. УВКБ ООН разделяет мнение государств о том, что не следует прибегать к предоставлению убежища без достаточных на то оснований или злоупотреблять данной процедурой. Однако на этот случай в самой Конвенции предусмотрены соответствующие гарантии, а также у государств имеются другие средства ограничить подобную возможность, не прибегая к формальному осуждению и внесению изменений в основные положения единственной существующей на сегодняшний день в мире законодательной структуры по защите беженцев. Неспособность госу-

дарств эффективно контролировать свои границы или депортировать незаконных иммигрантов, не имеющих законного права на постоянное проживание на их территории, не должна относиться на счет Конвенции. Почему же в таком случае Конвенция подвергается критике? Почему ощущается давление со всех сторон, направленное на разработку новых подходов или дополнительной Конвенции? Чтобы понять это, необходимо рассмотреть Конвенцию в более широком контексте, контексте вынужденной миграции и существующих на сегодняшний день тенденций.

Ситуация с защитой беженцев

На протяжении многих лет вынужденное перемещение населения является постоянным явлением международной жизни. Однако появились новые непривычные аспекты, не предусмотренные в существующих инструментах и соглашениях, имеющихся в распоряжении государств для разрешения ситуаций вынужденного перемещения населения.

Меняющийся характер вооруженных конфликтов и типов вынужденного перемещения населения, все более неблагоприятное соотношение затрат/выгод при предоставлении убежища, серьезные опасения относительно «неконтролируемой» миграции в наш век глобализации являются неотъемлемыми элементами ситуации, в которой приходится осуществлять защиту беженцев.

Преобразования в международной политической системе после окончания «холодной войны» привели к серьезным изменениям контекста обеспечения защиты беженцев. Так называемое гуманитарное пространство значительно сократилось, при этом УВКБ ООН и другим гуманитарным организациям все чаще приходится действовать в конфликтных ситуациях, требующих не только военного, но и политического решения. Во всем мире наблюдается явный сдвиг в характере вооруженных конфликтов; возрастает количество внутренних, межнациональных конфликтов, для которых характерны массовые перемещения населения, являющиеся не просто их непредсказуемым результатом, но истинной целью таких конфликтов. Перемещения беженцев сейчас часто являются результатом «деструктурированных» конфликтов, когда гуманитарным организациям, в том числе УВКБ ООН, приходится вести переговоры не с правительствами и даже не с национально-освободительными движениями, а, по словам

одного журналиста, «с кланами, бандитами, бандформированиями и наемниками». Такая ситуация сама по себе бросает вызов основополагающим принципам.

Проблемы беженцев тесно связаны не только с растущим числом межнациональных конфликтов, но также с регулированием миграционных тенденций в контексте процесса глобализации.

Несомненно, государства имеют серьезные опасения относительно «неконтролируемой» миграции в наш век всеобщей глобализации — в сфере коммуникаций, экономики и непосредственно миграции. Чем свободнее движение капитала и товаров в мире, чем быстрее обмен информацией и передвижение людей, тем труднее сдерживать перемещение людей. Ситуация с миграцией в Российской Федерации, имеющей, например, 8000-километровую границу с Казахстаном, является примером такой трудноразрешимой задачи. Доступность средств перемещения из одной части света в другую в глобальном масштабе, поощряет потенциальных мигрантов в то время, когда возможности легальной миграции ограничены. Одной из немногочисленных возможностей является поиск убежища. Государства, стремящиеся свести к минимуму последствия глобализации миграционных процессов, рассматривают его как лазейку, через которую слишком много людей имеют возможность проникнуть на их территорию. В результате размываются различия между лицами, ищущими убежище, и другими категориями обездоленных мигрантов.

Экономические возможности, имеющиеся сегодня в странах Западной Европы, привели к тому, что Российская Федерация становится транзитной страной, но одновременно и страной, предоставляющей убежище. Многие, желающие проехать транзитом через территорию Российской Федерации, оказываются лишенными возможности пересечь ее западную границу. Часто возникают затруднения при проведении различия между оказавшимися в затруднительном положении мигрантами и лицами, ищущими убежище. Невозможность разрешить такую ситуацию государствами, искренне стремящимися выполнить свою гуманитарную миссию, представляет серьезную угрозу самому институту убежища.

Впечатляющие наблюдения по этим и другим смежным проблемам приведены в статье Джереми Хардинга «Незванные», недавно опубликованной в Лондонском книжном обозрении (3 февраля 2000 г.). Одно из заключений, к которому он пришел в результате проведенных исследований, это то, что лица, ищущие убежища, являются все более нежеланными во многих странах, за исключением

тех случаев, когда их официально принимают в рамках программ переселения, предоставления визы или временного разрешения на въезд из стран, где существуют кризисные ситуации. Если они проникают в страну другими путями, пишет Хардинг, это влечет неизбежные последствия, включая то, что их мотивы поиска убежища будут считаться экономическими, а факт незаконного въезда будет использован против них.

Контрабанда и нелегальный ввоз людей как составляющий фактор

Одна из проблем заключается в том, что многие беженцы вынуждены не только проникать в страну незаконным путем, но и пользоваться при этом услугами контрабандистов. Контрабанда и нелегальный ввоз людей являются одним из элементов общей миграционной картины. Немногие контрабандисты занимаются этим из гуманитарных соображений. Контрабанда и незаконный ввоз людей связаны с различными проявлениями криминальной деятельности, что приводит к множеству нарушений прав отдельных лиц. Однако справедливо и то, что возможность использовать нелегальный способ приезда в страну убежища становится весьма существенной для лиц, ищущих убежище, которые готовы затратить на это значительные материальные средства, во много раз превышающие реальную стоимость подобной «услуги». Прибегающие к услугам контрабандистов лица, ищущие убежище, серьезно компрометируют себя в глазах многих государств. По словам Хардинга, это приводит к двойному обвинению: беженцы не только нарушают государственные границы, но и вступают в сговор с преступными группами для достижения этой цели. Следовательно, их притязания могут быть фиктивными, и поэтому оправданы меры, ограничивающие элементарные права таких людей. «Лицо, ищущее убежище, находится в положении чужака, проходящего испытательный срок,» — пишет Хардинг. «По существу, его обвиняют лишь только в том, что он имеет какие-то намерения, но предполагается, что эти намерения заведомо дурные, и бремя доказательства лежит на самом обвиняемом».

Цена предоставления убежища

Миграция стала отличительной чертой изменившейся ситуации в области защиты беженцев. Другой чертой является все более не-

благоприятное соотношений затрат/выгод предоставления убежища с точки зрения государственных интересов. Было время, когда преимущества от предоставления убежища, по крайней мере для многих государств, перевешивали необходимые издержки. В тех случаях, когда беженцы принадлежали к той же культуре, легко ассимилировались, восполняли нехватку рабочей силы, их число было сравнительно невелико и, в качестве дополнительного плюса, их прием способствовал достижению идеологических или стратегических целей, беженцев принимали с распростертыми объятиями. Сегодня, по мнению многих государств, на передний план выдвигаются издержки. Государства, стремящиеся ограничить предоставление убежища, часто утверждают, что такие ограничения вызваны экономическим бременем предоставления убежища, тогда как ограниченные ресурсы необходимы для решения неотложных национальных задач. В качестве «отрицательной» статьи в бюджете предоставления убежища приводятся соображения безопасности, напряженность в межгосударственных отношениях, нелегальная миграция, социальная и политическая нестабильность, ущерб окружающей среде. Рост числа беженцев и лиц, ищущих убежище, сопровождается все более частыми проявлениями расизма, ксенофобии и нетерпимости по отношению к беженцам, лицам, ищущим убежище и иностранцам вообще. За это приходится платить и на политическом уровне, что, конечно, препятствует проведению просвещенной государственной политики в отношении приема беженцев.

Такую же цену приходится платить и Российской Федерации. Здесь это выражается в необходимости выделять на данные цели и без того скудные ресурсы, в давлении со стороны общественного мнения и со стороны соседних государств, а также в необходимости обеспечения безопасности.

Пересмотр политики предоставления убежища

Все эти многочисленные проблемы привели к важным и не всегда позитивным изменениям с точки зрения защиты беженцев. Во многих странах мира, предоставляющих убежище, растет недовольство отсутствием решения определенных давно существующих проблем беженцев, таких как приток беженцев в города и нелегальная миграция, ощутимый дисбаланс в распределении ответственности. Среди других негативных тенденций это привело к росту случаев

дискриминации при предоставлении убежища, отказа в приеме ранее традиционно принимавшихся групп беженцев, отказа принимать возвращающихся нелегальных мигрантов и случаев необоснованного задержания. В некоторых странах все чаще наблюдается чрезмерно ограничительное применение принципов защиты беженцев, сопровождающееся введением новых препятствий, затрудняющих въезд на территорию этих государств. Параллельно отмечается рост числа альтернативных процедур защиты беженцев с целью решения ситуаций, не достаточно полно предусмотренных или не предусмотренных совсем, в рамках существующих документов.

В этих условиях возникает реальная угроза изоляции режима Конвенции 1951 г., вероятность раздробленности процедур защиты прав беженцев, снижения универсальной роли УВКБ ООН в защите прав беженцев и, в конечном итоге, нарушения целостности фундаментальных принципов защиты беженцев.

Динамика развития ситуации в Европе

Если обратиться только к ситуации в Европе, здесь все эти события претерпевают важную эволюцию. Европа — это континент, состоящий из ряда регионов, для каждого из которых характерны значительно отличающиеся друг от друга проблемы. В некоторых регионах происходят массовые перемещения граждан; здесь проблемы защиты включают ряд вопросов — от обеспечения безопасности в нестабильных регионах или районах неразрешенных конфликтов до предоставления помощи и обеспечения реализации программ возвращения перемещенных лиц в прежние места проживания. Кроме того, на Европейском континенте, в государствах, традиционно решительно поддерживавших режим защиты беженцев, УВКБ ООН тщательно анализирует далеко идущие законодательные, судебные и политические инициативы, влияющие на возможности предоставления убежища. Европейские страны не только играли решающую роль в претворении в жизнь режима защиты, предусмотренного Конвенцией 1951 г., но были и остаются ведущей силой, оказывающей поддержку деятельности УВКБ ООН в течение десятилетий, и представляют плодородную почву для адаптации концепций защиты беженцев к меняющейся ситуации.

Озабоченность незаконной миграцией, контрабандным ввозом мигрантов, нарушением процедур предоставления убежища, ростом

расходов, связанных с поддержкой беженцев и сложностями при отказе в предоставлении убежища, в сочетании со снижением общественной поддержки приему беженцев, привели к тому, что все большее число западноевропейских государств приступают к пересмотру правовой базы защиты беженцев. При этом возникает риск того, что специфика предоставления убежища как уникальной концепции рискует быть погребенной в общих дебатах по поводу миграции.

Одной из задач УВКБ ООН в контексте этой европейской динамики является анализ тенденций к гармонизации подходов странами-членами Европейского Союза. Мы озабочены необходимостью обеспечить при этом приведение стандартов к наиболее высокому общему знаменателю, включая наиболее полное применение определения понятия «беженец», лежащего в основе Конвенции. Все эти вопросы были согласованы на состоявшейся в прошлом году в Тампере встрече 15 глав государств ЕС. Для их решения не в последнюю очередь требуется, чтобы система была подкреплена доступными, справедливыми и оперативными процедурами предоставления убежища, к которым был бы гарантирован доступ.

Следует отметить, что в Западной Европе остается сильной приверженность защите беженцев. В Европе она поистине повсеместна. Участие Российской Федерации в Конференции СНГ, завершившейся встречей Руководящей группы в июле этого года, получило высокую оценку. УВКБ ООН надеется на неизменный вклад вашей страны в последующий процесс в виде участия в работе экспертных рабочих групп. Мы надеемся на дальнейшие успехи государств в результате развития этого процесса, в том числе стремление воплощать на региональном уровне законодательство, обеспечивающие эффективную защиту беженцев, и продолжающуюся работу по устранению существующих пробелов в законодательстве.

Почему консультации проводятся именно сегодня

Принимая во внимание все эти события, мы решили использовать предстоящее пятидесятилетие принятия Конвенции 1951 г., чтобы начать открытый, откровенный и конструктивный диалог с правительствами, неправительственными организациями и экспертами по проблемам беженцев. С одной стороны, наша цель — вновь подтвердить основополагающую роль Конвенции, а с другой стороны, откровенно признать наличие пробелов и недостатков в существ-

вующей системе как с точки зрения лиц, ищущих и нуждающихся в защите, так и правительств, перед которыми стоят связанные с этим серьезные дилеммы.

Перспективы

Более конкретно, мы стремимся вдохнуть новую жизнь в предусмотренные Конвенцией процедуры, сохраняя ее приоритет, одновременно дополняя ее более современной политикой в отношении миграции и введением дополнительных согласованных мер защиты.

В частности, речь идет о предоставлении временной защиты. УВКБ ООН рассматривает временную защиту в качестве гибкого и практичного механизма в случае массового наплыва беженцев с целью предоставления защиты нуждающимся в ней лицам, не обязательно предусматривающей предоставление постоянного убежища. Такая защита играет важную роль в качестве промежуточной меры и является существенным компонентом всестороннего подхода, основанного на разделении бремени и международной солидарности. В качестве примера можно привести новый подход, предложенный правительством вашей страны, по разрешению ситуации с 150 тыс. афганских граждан, ищущих убежище, в отношении которых в национальное законодательство должны быть внесены специальные положения. Сейчас теоретические права должны быть воплощены в практические меры защиты посредством применения соответствующего механизма защиты.

В международных масштабах необходимы более совершенные руководящие принципы относительно того, как и когда может объявляться ситуация, требующая временных мер защиты, когда она прекращается, когда надо принимать решение о необходимости возврата беженцев или отсутствия таковой. Критерии безопасности возвращения должны быть ясно определены, принцип добровольности возвращения в ситуациях временной защиты должен быть более четко обозначен. Такие руководящие принципы могут со временем стать обязательными, будучи зафиксированы в документе о временной защите. Мы надеемся, что процесс консультаций приведет к решению именно этих вопросов.

Возможно, следует принять в дальнейшем Протокол к Конвенции 1951 г., касающийся массового наплыва беженцев и временной защиты. Межгосударственное сотрудничество, или разделение бре-

мени, специальные меры по защите женщин и детей, процедурные требования к определению статуса беженца, воссоединение семей и добровольная репатриация — вот те области, где прогрессивное развитие, в той или иной форме, международных стандартов и инструментов может оказаться полезным.

Заключительные размышления

Проблема перемещения населения, будь то в поисках лучшей защиты или лучшей жизни, глобальна по своему характеру и неподконтрольна никакому государству. Как недавно имел основания заметить представитель правительства одной из главных принимающих беженцев стран: «Мы, кажется, обречены находиться в постоянном поиске новых более эффективных мер контроля над миграцией. Как только нам удастся решить одни проблемы злоупотребления системой, так тут же возникают другие. Мы постоянно вынуждены предпринимать все новые и новые дополнительные ограничительные меры. Появление хорошо организованных криминальных структур, занимающихся нелегальным ввозом людей, делает еще более недолговечным эффективность мер нашего контроля... Мы разрабатываем наши меры, [...] не зная заранее, какое действие они возымеют на все возрастающее число людей в мире, нуждающихся в защите. Мы измеряем эффективность этих мер уменьшением числа людей, претендующих на статус беженца [в той или иной стране]. Мы не знаем, скольким людям, действительно нуждающимся в помощи, препятствуют в приезде.... Мы не знаем, какие последствия имеют [наши] меры контроля, в сочетании с подобными мерами контроля в других странах, на тех людей, которые действительно нуждаются в защите». Эти трезвые слова не принадлежат УВКБ ООН, хотя они также могли бы быть сказаны и этой организацией.

Дальнейшее развитие системы защиты должно происходить в сочетании с возрастающим признанием со стороны государств, того факта, что в дальнейшем уже невозможно, а с демографической точки зрения еще и опасно, сосуществовать без наличия взвешенной миграционной политики. Большинство прогнозов по народонаселению в развитых странах предсказывают все большее и большее несоответствие между количеством молодых и пожилых людей в этих странах. По-настоящему всесторонний и всеобъемлющий подход к решению этого вопроса должен иметь нормативную базу для управ-

ления процессами миграции. С точки зрения мировой экономики будет все более сложно держать открытыми государственные границы для свободного движения капитала, товаров и услуг, одновременно проводя политику «нулевой миграции». Международная миграция должна рассматриваться как положительная движущая сила, при которой и страны происхождения, и страны приема получают выгоду из упорядоченного перемещения населения. Например, существующие в Европе демографические тенденции впечатляют. Предполагается, что европейским государствам к 2025 г. может понадобиться 135 миллионов иммигрантов для того, чтобы компенсировать процесс старения населения. Данная реальность привела в некоторых странах к дискуссии о возможности возобновления политики привлечения иностранной рабочей силы.

С точки зрения УВКБ ООН конструктивная иммиграционная политика уменьшит или, по крайней мере, сбалансирует давление, которое в настоящее время оказывается на процедуры предоставления убежища, и изменит в нужную сторону подход к данному вопросу — а именно, в управлении процессами миграции будут использоваться миграционные механизмы, а управление системой предоставления убежища будет осуществляться с помощью средств, предусмотренных при предоставлении убежища. Особые дополнительные подходы должны иметь место в случаях контрабанды и нелегального ввоза мигрантов. Здесь необходимо отметить, например, те попытки, которые предпринимаются в Вене для подготовки всеобщей международной конвенции против организованной преступности, включая разработку тех международных документов, в которых рассматриваются вопросы торговли людьми, в особенности женщинами и детьми, а также контрабандный перевоз мигрантов. С точки зрения УВКБ ООН, разработка таких документов предоставит уникальную возможность для создания твердой законодательной основы с целью принятия мер, при помощи которых можно вести борьбу с контрабандой людей и в то же время выполнять международные обязательства по отношению к лицам, ищущим убежище, и беженцам. Эта ответная реакция на проблему контрабанды и незаконного ввоза людей является, несомненно, более предпочтительной и принципиальной, чем разрушение основ той системы защиты беженцев, которая создавалась вовсе не для решения вопросов, связанных с контрабандой людей или миграцией в целом.

Защита беженцев — это, прежде всего, удовлетворение нужд наиболее социально незащищенных и подвергающихся угрозам лю-

дей. Конечно, эти нужды должны удовлетворяться с учетом иногда противоположных интересов других сторон, таких как государств, общин, принимающих беженцев, и мирового сообщества в целом. Система защиты беженцев должна соответствующим образом учитывать и соотносить все эти права, интересы и ожидания.

В последние годы законодательство Российской Федерации по вопросам убежища способствовало разработке похожих законов, предусматривающих защиту беженцев в соседних государствах, тем самым демонстрируя свою позитивную ценность применения в других странах. Созданная во всех российских регионах миграционная служба является средством претворения в жизнь положений этого законодательства. По мере того как Российская Федерация начинает уделять должное внимание решению вопросов, связанных с беженцами, создается хороший пример для подражания в других странах. Сюда относится и соблюдение основополагающего принципа Конвенции 1951 г. о невысылке, включая необходимость избегать возвращения лиц, ищущих убежище, в транзитные страны, что представляет само по себе угрозу их безопасности. Ратификация Конвенций по вопросам безгражданства послужит примером другим и тем самым явится вкладом в сокращение безгражданства в этом регионе.

Режим временного убежища, предусмотренный в российском законе «О беженцах», является новым подходом, который я уже упомянула ранее, расширяющим рамки защиты согласно Конвенции 1951 г., посредством предоставления больших прав по сравнению с теми, которые предусмотрены в этом международном документе. Такие примеры можно только приветствовать. Надеемся, что режим временного убежища будет скоро претворен в жизнь и что другие страны последуют вашему примеру.

Мне бы хотелось обратиться к Российской Федерации с просьбой принять на себя должную лидирующую роль, еще раз подтверждая тот факт, что право на международную защиту и безоговорочное выполнение Конвенции 1951 г. являются основополагающими принципами защиты беженцев. Нам хотелось бы надеяться, что любые предложения, относящиеся к защите беженцев, в будущем будут становиться частью многостороннего процесса, началом и основой которого всегда будут оставаться Конвенция и Протокол к ней.

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА, ИЛИ ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ МАНИПУЛЯЦИИ ЗАПАДА В РОССИИ

С. Рогожин

Как отрасль международного права, т.е. политическая идеология, изложенная языком международно-правовых норм, права человека начинаются с принятия в 1948 г. «Всеобщей декларации прав человека». При сравнении «международного права прав человека» с другой отраслью МП, регулирующей вопросы прав, безопасности, защиты личности в условиях войны, — международным гуманитарным правом — выясняется, что последнее формировалось намного медленнее. Однако более 800 статей правозащитных договоров подкреплены меньшим числом ратификаций. Минимальное число правозащитных норм признается обычным международным правом. Эта отрасль МП, прошедшая через несколько этапов развития, представляет собой довольно разрозненный конгломерат универсальных и региональных договорных норм, международно-правовых доктрин, основанных на религиозных и политических принципах, идеологических распрей, бюрократических установлений и дипломатической борьбы.

Пределы международного права прав человека по-прежнему четко не установлены, его предмет неуклонно расширяется и политизируется. Так, в настоящее время в понятие и предмет прав человека входят столь разрозненные темы, как право народов на самоопределение, право на развитие, «благое управление», терроризм, развитие и упрочение демократии, крайняя нищета, односторонние меры принуждения, наемники, права коренных народов, токсичные отходы, смертная казнь, права сексуальных меньшинств, безнаказанность, торговля женщинами, диффамация религий, глобализация, последствия структурной перестройки экономики, биоэтика и т.д.

Вопреки сложившемуся стереотипу демократические и правозащитные институты не исключают появление тоталитарных идеологий. Яркий тому пример в новейшей истории Европы — возрождение нацизма. Более того, права человека сами приобретают черты тоталитарной идеологии, претендуя на универсальность и *a priori* исключая какие-либо иные мотивы разумного поведения индивида. Тоталитарная суть прав человека проявляется в изначальной жесткой заданности рамок либерального сознания и самосознания личности. Правозащитная идеология зачастую предполагает, что человек просто обязан осуществлять свои права при любых обстоятельствах, же-

ляет он этого или нет. Создается впечатление, что вне основных прав и свобод человека, установленных правом, у личности вовсе нет ни прав, ни свобод. Тоталитаризм прав человека в том, что индивид лишается права на иррациональный, неоправданный, идеологически не запрограммированный поступок, возможно общественно бесполезный, но спасительный шаг, крик души, отказ от предписанного права во имя высшей цели, ценности, высшего духовного блага. Личность нивелируется, усредняется, подгоняется под правозащитный шаблон.

Примечательно, что утверждение правочеловеческой доктрины как единой и чуть ли не единственной государственной идеологии объединенной Европы сопровождается возвращением полицейского государства с его чрезмерной опекой над личностью и заботой о ее должном поведении. Более того, идеология прав человека претендует на роль некой псевдоморали западного либерального общества, «принудительной нравственности» его членов, обеспечиваемой законом.

Права человека ограничивают личную свободу и инициативу, кроме, разумеется, экономической, отрицают идейное и политическое «диссидентство» не в меньшей степени, чем коммунистическая идея. Обе идеологии ставят во главу угла построение идеального общественного порядка, который, однако, в случае с коммунизмом предполагает отмирание государства и права. Правочеловеческая доктрина, напротив, делает ставку на правовое государство как гарант разумности общественного бытия. Однако в обоих случаях целенаправленно реализуется политика «идеологической зачистки» социума, вытеснения из общественного сознания течений мысли, ставящих под сомнение идеальность и необходимость правочеловеческой и коммунистической доктрин. Такие действия предпринимаются на Западе под предлогом сохранения «демократических традиций», борьбы с «хаосом и анархией», хотя, к слову, анархизм, особенно русской закваски, всегда признавал и утверждал идею свободы и самоценности личности. При этом шельмуется любая идея, утверждающая приоритет не поддающихся правовому урегулированию понятий, таких, например, как совесть, честь, нравственный долг. Игнорируется тот очевидный факт, что формальный закон по объективным причинам естественным образом дополняет закон нравственный. Тем самым право противопоставляется морали, отрицаются его духовные основы и игнорируются личные добродетели.

Права человека в России — «варяжская» идеология, продукт выродившейся западной социологической и философской мысли, — привлекательна своим примитивизмом, формализмом, эклектичностью и

политической утилитарностью как для российских коммунистов, так и для доморощенных демократов, ибо российский коммунизм можно определить как западную безбожную идеологию плюс отечественный национализм, а российская демократия — это, судя по всему, западная безбожная идеология минус отечественный национализм.

Права человека — идеология социального утопизма, построения земного демократического рая¹. Сверхрационализм правочеловеческой доктрины Запада ставит под сомнение все, что противоречит ее разумным установкам, и прежде всего идею целостности, органичного единства юридических, нравственных и религиозных категорий. В эти рациональные догмы, очевидно, не вписываются такие фундаментальные понятия русского православного правосознания, как грех и покаяние, а не преступление и наказание; правда, а не право; право благодати, а не право формального закона; воля, а не свобода; нравственный долг, а не долговое обязательство; праведность, а не законопослушание; несчастные, а не преступники; многоединый народ и соборность, а не нация и «общественный договор»; веротерпимость, а не свобода совести; равенство всех перед Богом, а не перед законом; верховенство божественной благодати, а не человеческого закона; неверие в земной рай, возможность его построения, а не строительство общества всеобщего благоденствия². Эти понятия можно назвать отражением «правового нигилизма», однако для русского правосознания очевидна недостаточность рассудочной религии закона, законности и прав человека. Православие зиждется на этике «не от мира сего». Доктрина прав человека, характеризующаяся однородностью и примитивизмом миросозерцания, не в силах охватить ни нравственной, ни государственной русской идеи и традиции.

¹ В этой связи уместно процитировать одного из идейных отцов западного либерализма Ж.-Ж.Руссо. «Если брать понятие демократии во всей строгости его значения, то истинной демократии никогда не было и не будет». *Rousseau J.J. Du contrat social*. Flammarion, Paris, 1992, p. 95.

² «А вы представьте себе: вот вы встаёте однажды утром, день как день, дождик идет, и вдруг вы узнаете, что все отменено, что касалось там всяких глупостей, но не так, как в России, где только всего и сделали, что из тысячи церквей оставили одну, а полов отдали в арестные дома. Нет, отменено временем, веком все, связанное с совестью, с сознанием греха, с «блаженны плачущие». Секрет утерян. Остались, так сказать, только права человека и гражданина, да уголовный кодекс. И никто больше ни в чем не сомневается, никто не молится. Вам не было бы страшно?» *Нина Берберова*. Плач. Биянкурские праздники. Рассказы в изгнании. М., 1999, с. 349.

Причём обращение к православному миропониманию здесь уместно и оправдано хотя бы потому, что русские государственно-правовые доктрины: Божественной благодати и правды; соборности; России — последнего оплота православия как единственно истинного христианства — «Москва — третий Рим»; теория православной народности — «Православие, самодержавие, народность», — в основе своей были религиозно-нравственными.

С точки зрения русской культурно-исторической традиции идеология прав человека исключает подлинную свободу — свободу духовную, творческую, бытийную, т.е. свободу от греха. Для русского самосознания характерно как самодовольное холуйское: «Человек — это звучит гордо!», — или ещё: «Тварь я дрожащая или право имею?», — так и неистовое самоуничтожение протопопа Аввакума: «И мняся нечто быти, а кал и гной есм, окаянной, — прямое говно. Отовсюду воняю — и душою, и телом³». Нам предлагается спуститься с этих метафизических «русских горок», позабыть «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона, «Преступление и наказание» и «Братьев Карамазовых» Ф.М. Достоевского, «Оправдание добра» и «Краткую повесть об антихристе» В.С. Соловьёва⁴, «Воскресение» Л.Н. Толстого, «Нравственные начала анархизма» П.А. Кропоткина, работу П.И. Новгородцева «Об общественном идеале» и увлечься проповедью западной идеологии прав человека.

Эта идеология свободы, ограниченной правом, а не заповедью, во многом сводится к праву на грех, привилегию, неправду⁵. Права человека в современной России — это «недоправо» и «недоправда». По своему разрушительному воздействию на духовность и правосознание российского общества идеология прав человека вполне сопоставима с коммунистической доктриной. В России в последние годы бурно развивается правозащитная бюрократия и номенклатура, активно поддерживаемая и щедро оплачиваемая Западом. Между государственной властью и народом создается все больше посреднических правозащитных институтов, именующих себя «гражданским

³ *Аввакум. Житие. Житие Аввакума и другие его сочинения.* М., 1991, с.68.

⁴ В этом труде В.С. Соловьёв сформулировал классическое для русской философии определение назначения прав: «Задача права не в том, чтобы лежащий во зле мир обратился в Царство Божие, а только в том, чтобы он — до времени не превратился в ад.». В.С. Соловьёв. *Оправдание добра. Нравственная философия.* Соч. в 2-х томах, М., 1988, т.1, с. 454.

⁵ О значении понятия свобода в русском правосознании см. В.О. Ключевский. *Терминология русской истории.* Соч. в 9-ти томах. М., 1989, т.6, с. 199-200.

обществом». На основе поступающих из-за рубежа грантов развивается правочеловеческий бизнес. Услуги профессиональных правозащитников, и не только адвокатов, продаются и покупаются. Этот бизнес зачастую следует законам «черного рынка». Права человека в моде. Критиковать эту доктрину и её последователей невежливо, «нецивилизованно».

На этом фоне «идеологического холуйства» перед Западом неуклонно растет число желающих поучаствовать в нахождении правозащитного консенсуса между Богом и чёртом. Правозащитники требуют к себе особого отношения, неких моральных привилегий, гарантий безопасного миссионерства, закрепленных законодательно, продолжая при этом проповедовать равенство всех перед законом⁶. Правозащитное сообщество претендует на монополию знания и презумпцию правды; выполняет заказы политиков и финансистов; не чурается противоправной деятельности, лжи, особенно, если она оплачивается.

Примечательно, что как советские конституции, так и основной закон демократической России — доктринерские документы, имеющие мало общего с русским правопониманием и правосознанием, оторванные от исторической традиции. При этом Конституция 1977 г. тоталитарного СССР содержала меньше ссылок на социализм и марксизм-ленинизм, чем Конституция Российской Федерации 1993 г. — на права человека. Посткоммунистическая Россия, следуя примеру Советского Союза, продолжает порочную практику присоединения к международным договорам в области прав человека, в которых не отражены основы культурной, духовной, правовой российской и русской традиции. Международно-правовые обязательства принимаются нами «на вырост», а точнее, «с расчетом» на углубление кризиса самобытной правовой культуры.

Фундаментальный правозащитный вопрос в России — это пределы государственного произвола по отношению к отдельной личности и народу в целом, а отнюдь не границы личной свободы частного собственника в его отношениях с другими собственниками, включая, естественно, и государство. Грешно ли иметь хлеб насущный и крышу над головой? Нет, но права человека, как показывает жизнь, — привилегия

⁶ Весьма примечательно решение последней сессии Комиссии ООН по правам человека создать должность специального представителя (международного чиновника-эксперта) исключительно с целью обеспечения защиты прав правозащитников. См. резолюцию 2000/61 «Правозащитники», E/CN.4/2000/L.11/Add.6, 27 April 2000.

сытых и богатых. Нищие «животом» и духом не мыслят правозащитными категориями и не «качают» права. Россия испытывает потребность не в политически заангажированных чиновниках-омбудсменах и профессиональных революционерах-правозащитниках, а в юродивых. Важно отметить, что к государству и государю в России очень часто предъявляется требование «нравственного деспотизма» (добрый царь — сильный царь), что отодвигает на второй план попытки правового оформления взаимоотношений государства и личности. Чужда нам и форма изложения правозащитной идеи Запада — язык международно-правовых обязательств и норм. Мы привычны к литературной проповеди законов правды и любви. К тому же, и это, наверное, весьма важно учесть при оценке итогов десятилетия активного насаждения Российским государством правозащитной идеологии, любая западная идеология рискует стать в России тоталитарной.

Права человека — современная светская религия. Ее последователи бесцеремонно вмешиваются во внутренние дела государств и шельмуют самобытные культуры на основании одного только чувства религиозного братства и солидарности, присущего единоверцам. Следуя неkritичной вере в права человека, современные «цивилизованные» правители запрещают под страхом уголовной ответственности нарушать предписания и критиковать догмы этой религии, проповедуют «неистовую толерантность» и преследуют вероотступников по законам религиозных войн. Потуги Запада добиться универсального признания идеологии прав человека и вытеснить из сферы международных отношений гениев мировых религий напоминают борьбу с ними псевдорелигиозной ереси, в своей основе близкой к язычеству, превозносящей человека таким, каков он есть⁷.

Тоталитаризм идеологии прав человека наглядно проявляется в выдвижении неолиберальной и правозащитной идеи в качестве не только универсальной, но и общеобязательной нормы организации общественно-политической жизни. Правозащитные стандарты иудео-христианской цивилизации Запада представляются как единственно возможная форма разумной и эффективной организации общественного бытия. Правочеловеческая догма навязывается самобытным, самостоятельным и, в принципе, самодостаточным правовым

⁷ Обстоятельный анализ языческих основ правочеловеческой доктрины и антихристианской сути либеральной идеи дает Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл в статье «Норма веры как норма жизни». «Независимая газета», 16 февраля 2000.

системам. Это происходит несмотря на весьма относительную ценность большинства правозащитных норм и институтов и их малую привлекательность с точки зрения возможной рецепции, инкорпорации в национальное законодательство.

Неудивительно, что в этих условиях представители иных культурных полюсов мира, прежде всего китайской и мусульманской цивилизаций⁸, активно противодействуют навязыванию чуждых им западных ценностей, настаивая на собственном прочтении правочеловеческой тематики как во внутригосударственных, так и в международных отношениях. Эти цивилизации в идеологическом противостоянии Западу наиболее активно выдвигают самобытные гуманистические ценности, отстаивают верховенство собственных принципиальных воззрений на место и роль индивида в обществе, его права и обязанности. Так, в Китае считают, что при осуществлении принципа уважения прав человека необходимо учитывать специфические особенности суверенных государств и, более того, права человека не должны использоваться в качестве предлога для вмешательства во внутренние дела. Такой подход к правочеловеческой тематике был закреплен в заявлении «Шанхайской пятерки» в августе 1999 г.

Правам человека как политической идеологии и форме внешней политики стран Запада присуща беспринципность, или «двойной стандарт». Субъективная оценка Западом правозащитной ситуации в той или иной стране служит достаточным основанием для оказания политического давления, вмешательства во внутренние дела суверенных государств. В соответствии с новомодной доктриной «гуманитарного вмешательства» дело доходит до противоправного применения силы в международных отношениях. Эта доктрина основывается на извращенном понимании самой идеи гуманизма. Она противопоставляет себя нравственным основам христианства, заповеди «не убий», т.к. утверждает право убивать во имя соблюдения прав человека.

Москва, май 2000 года.

⁸ Наибольший интерес с точки зрения анализа мусульманского подхода к правам человека, вероятно, представляет «Каирская декларация о правах человека в исламе», принятая в 1990 г. Организацией Исламская конференция. В ней фактически утверждается приоритет норм шариата над правами человека. См Human Rights. A Compilation of International Instruments. Vol. 2. Regional Instruments. United Nations. New York and Geneva. 1997, p.478-484.

Международная безопасность

ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИЙ ВЕКТОР ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБСЕ И РЕСПУБЛИКА КАЗАХСТАН

*Аманжолов Жайсанбек Меирбекулы**

Крупные политические перемены, происшедшие в международной системе, особенно на Европейском континенте, выдвинули на первый план проблемы безопасности. Речь идет как о теории, в которой необходимо переосмыслить понятие самой безопасности и проблему источника современных угроз¹, так и о роли тех институтов, приоритетной задачей которых является укрепление безопасности. В этом контексте в главе VIII Устава ООН говорится, что региональные соглашения и организации могут вносить значительный вклад в усилия Совета Безопасности. В статьях 52, 53 и 54 содержатся прямые ссылки на ту особую роль, которую могут играть такие региональные организации, «однако в них не предусматривается официальных руководящих принципов и не устанавливается конкретных параметров»². В период «холодной войны» главе VIII или использованию потенциала этих организаций уделялось мало внимания. Однако в последние годы Совет Безопасности стал изучать возможности, открываемые главой VIII, а также использовать многочисленные соглашения.

* Соискатель, ст. преподаватель кафедры международного права факультета международных отношений КазГНУ им. аль-Фараби.

¹ По данному вопросу см., например, исследования следующих зарубежных авторов: Booth K., Wheeler N. *Contending Philosophies About Security in Europe* // MacInnes C. (ed.). *Security and Strategy in the Europe*. L.: Routledge, 1992, и Buzan B. *People, States and Fear. An Agenda for International Security in the Post Cold War Era*. L.: Harvester Wheatsheaf, 1992, или статью: Thomas C. *New Direction in Thinking About Security in the III World* // Booth K. (ed.). *New Thinking About Strategy and International Security*. L.: Harper, 1991. P. 267-290.

² В.Петровский. ООН действует от имени 184 государств // *Международная жизнь*, № 10. — 1994. — с. 10.

Все такие организации могут сыграть в этом отношении важную роль, но нам хотелось бы особо выделить одну из них: Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), которая стала так называться с 1 января 1995 г. С момента ее создания в 1975 г. в виде Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ) она продолжает расти и развиваться. Сегодня 54 ее члена³ соответственно не только из самой Европы, но и Северной Америки и Центральной Азии являются участниками динамичной и расширяющейся организации, включающей в себя системы раннего предупреждения, меры по укреплению доверия и безопасности, интеграцию человеческого измерения (демократия, права человека, власть закона), а также многочисленные органы, занимающиеся вопросами развития взаимоукрепляющего сотрудничества с ООН и другими межправительственными организациями регионального характера — Советом Европы, НАТО и Советом североатлантического сотрудничества, а также Западноевропейским союзом. Таким образом, подобная особая роль этой организации объясняется тем, что:

- ОБСЕ — единственная институциональная структура, объединяющая все государства евразийско-атлантического ареала (от Владивостока до Ванкувера);

- ОБСЕ является единственным местом для диалога и сотрудничества по многим проблемам и тем самым связывает между собой все государства-члены;

- ОБСЕ — единственный институт, создавший и развивший механизмы для предотвращения угрожающих безопасности конфликтов разного типа и способы управления ими на всем огромном европейском пространстве⁴.

³ Членство Югославии (союзного государства Сербии и Черногории) приостановлено. Андорра (ставшая членом ООН в июле 1993 г.) не подавала просьбу о приеме.

⁴ Главными для ОБСЕ было и остается исключение применения силы, раннее предупреждение конфликтов и урегулирование кризисов политическими средствами, принятие средств предотвращения конфликтов и мирное урегулирование споров. Все это входит в понятие превентивной дипломатии.

Именно такой подход закреплен в решениях «Хельсинки-2», где сказано, что операции ОБСЕ по поддержанию мира не будут предусматривать принудительных действий, а последние рассматриваются как временная мера, пока не будет налажен надежный механизм своевременного предупреждения возникновения конфликтов и мирного урегулирования споров и разногласий. А до тех пор ОБСЕ будет обращаться за помощью к ООН, ЕС, НАТО, ЗЕС и СНГ в

Вступление республик бывшего СССР в ОБСЕ оказало серьезное воздействие на структуру и функционирование организации. Прежде всего с точки зрения структуры ОБСЕ вхождение бывших советских союзных республик обернулось, во-первых, эффективным ростом количества участников; во-вторых, трансформацией пространства СБСЕ/ОБСЕ из прежнего, евроатлантического в новое — евразийско-атлантическое. Одновременно заметно ухудшилось функционирование ОБСЕ. Действительно, большое число членов, неопытных «новичков» в европейских делах и их собственные специфические проблемы — все это влияет на такие важные аспекты деятельности организации, как механизм принятия решений (они

контексте необходимых шагов по поддержанию мира. См.: *Ю.Рахманинов. СБСЕ и вызовы времени // Международная жизнь, № 5. — 1994. — с. 46.*

Замечательные успехи, хотя и не получившие широкой огласки, были достигнуты двумя новыми инструментами превентивной дипломатии — это местные миссии ОБСЕ на территории потенциальных конфликтов и деятельность Верховного комиссара по делам национальных меньшинств. См.: *Эстер Барбе и Нора Саинз. Постсоветское пространство: лаборатория СБСЕ/ОБСЕ // Этнические и региональные конфликты в Евразии. Книга 3. / Международный опыт разрешения этнических конфликтов (общая редакция: Б.Комптерс, Э.Ремакль, А.Зверев). — Москва: Издательство «Весь мир». — 1997. — с. 96-117.*

Необходимо также добавить, что опыт последних лет свидетельствует о том, что институты ОБСЕ годятся для проведения превентивной дипломатии, но явно недостаточны для укрепления мира. Следует отметить, что ОБСЕ не располагает военной силой или другими подобными инструментами. Она опирается лишь на свой собственный престиж, убеждая стороны прекратить конфликт. См.: *Адам Ротфельд. Поиски системы коллективной безопасности // Международная жизнь, № 10. — 1994. — с. 57.*

Что касается ООН, имеющей и мандат, и финансирование, и контингент миротворческих сил, то она в 1994 г. была вовлечена в 17 миротворческих операций по всему свету и испытывает серьезные трудности в их расширении, а главное — в эффективном обеспечении. Стало очевидно, что в деле урегулирования конфликтов в обширном евро-центральноазиатском пространстве трудно рассчитывать только на ООН.

Не исключая возможностей обращаться к НАТО в критических ситуациях и строго по мандату СБ ООН или ОБСЕ, все же было бы предпочтительнее, чтобы ОБСЕ имело собственные многонациональные миротворческие силы. НАТО — это военно-политический альянс 19 государств, имеющий свои интересы. И задействование его военного потенциала вне зоны его ответственности не всегда и не всеми может положительно восприниматься. См.: *У.Т.Касенов. Безопасность Центральной Азии: национальные, региональные и глобальные проблемы. Алматы. Университет «Кайнар». Центр стратегических и международных исследований. — 1998. — с. 80.*

принимаются более медленно) и уровень представительства (новые независимые государства не в состоянии нести расходы на дипломатический аппарат)⁵.

Все пять государств Центральной Азии (Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, Туркменистан и Таджикистан) стали равноправными членами ОБСЕ в январе 1992 г. как правопреемники бывшего СССР. Кроме того, высшие законодательные органы этих государств в течение этого года были приняты в члены Парламентской Ассамблеи ОБСЕ. Так, в частности, в соответствии с Постановлением Верховного Совета Республики Казахстан от 23 декабря 1992 г. Парламент Казахстана вступил в члены этого евразийско-атлантического парламентского форума. Показывая в этой связи свой интерес к инициированию и развитию политических консультаций и контактов с недавно принятыми в состав СБСЕ/ОБСЕ государствами, в 1994 г. Генеральный Секретарь организации посетил все пять стран Центральной Азии. То же самое можно сказать и об активности других институтов, действия которых дополняли деятельность организации в иных областях. Например, в декабре 1995 г. Верховный Комиссар ОБСЕ по делам национальных меньшинств работал в Казахстане и Кыргызстане, изучал положение цыган в сфере действия ОБСЕ. В июле того же 1995 г. по решению Постоянного Совета ОБСЕ было открыто бюро ОБСЕ по связи в Центральной Азии в г. Ташкенте. «Задачами его являются установление контактов между институтами ОБСЕ, прежде всего Генеральным секретарем, Постоянным советом и действующим председателем, с одной стороны, и правительствами, парламентами, политическими партиями и общественными движениями центральноазиатских стран — с другой»⁶. Также ОБСЕ осуществляет и прочие виды деятельности в регионе: сегодня действуют Центры организации в Алматы, Ашхабаде и Бишкеке.

По высказыванию бывшего председателя ОБСЕ Кнута Воллебека, «Центральная Азия все больше становится объектом внимания

⁵ Взаимоотношениям ОБСЕ и новых независимых государств постсоветского пространства посвящены немало работ. Среди них см.: *Zagorski A. The CSCE and the Euro-Asian Challenge* // Zucas M.R. (ed.). *The CSCE in the 1990 s: Constructing Security and Cooperation*. Baden-Baden: Inst. for Peace and Security Policy at the University of Hamburg, 1993. P. 279-292.

⁶ ОБСЕ активизирует свою деятельность в Центральной Азии // *Panorama*, № 9. -- 1996. — Март.

и очень важна для ОБСЕ»⁷. В организации, по его словам, тщательно следят за развитием региона. Другой представитель организации — Президент Парламентской Ассамблеи ОБСЕ Хели Дайн полагает, что «проблемы экономической и политической стабильности, демократизации общества должны решаться в Центральной Азии в сотрудничестве с международными организациями»⁸. Парламентская Ассамблея ОБСЕ, по мнению ее президента, может дать, в частности, очень многое казахстанскому руководству и стране в целом, в особенности в обсуждении тех ситуаций, которые потенциально чреваты кризисом. В этом аспекте важно напомнить о том, что на следующей ежегодной сессии Парламентской Ассамблеи ОБСЕ, которая состоится 6-10 июля 2000 г. в Санкт-Петербурге, будет решаться вопрос о создании нового Устава по безопасности в XXI в.

«Центральная Азия важна для ОБСЕ не только ввиду того, что ее республики являются членами этой организации, но и потому, что конфликты в ней могут иметь значение для всей Европы и для всего мира». Это точка зрения другого бывшего председателя ОБСЕ — Бронислава Геремека, который также хотел бы видеть, что такие страны, как Казахстан, имеют влияние на укрепление стабильности и мира во всем регионе в свете существующей серьезной причины для беспокойства, связанной с ситуацией на севере Узбекистана и на юге Кыргызстана. Данная проблема в настоящее время входит в стратегические планы ОБСЕ и обозначена как одно из направлений деятельности организации по предотвращению конфликтов в регионе. Также она позволяет «рассматривать безопасность в Азии... в контексте безопасности в Европе»⁹.

Несмотря на неоднократно сделанные заявления официальных представителей ОБСЕ о том, что Центральная Азия, как и Средиземноморье и Закавказье, примыкает к зоне ответственности организации, до последнего времени не было какого-либо закрепления (а возможно и действительного признания) указанного положения в политических документах ОБСЕ. К тому же организация медленно развивала свою деятельность в регионе. Известны по

⁷ Глава ОБСЕ считает, что Казахстану следует совершенствовать выборное законодательство // Рапогата, № 39. — 1999. — 8 октября

⁸ В ходе предстоящих парламентских выборов ОБСЕ намерена проследить, выполняются ли ее рекомендации // Рапогата, № 6. — 1999. — 19 февраля.

⁹ Представитель будущего председателя ОБСЕ посетил Астану // Рапогата, № 46. — 1999. — 26 ноября.

этому поводу высказывания Президента Казахстана Н. Назарбаева в адрес ОБСЕ по ее работе в Республике¹⁰. Он также отрицательно оценил деятельность организации по обеспечению безопасности в Центральной Азии¹¹. Точку зрения главы государства подтвердил,

¹⁰ Миссия ОБСЕ признала досрочные президентские выборы в Казахстане в январе 1999 г., на которых Н. Назарбаев продлил свой мандат, недемократическими. Так же резко ОБСЕ критиковала и парламентские выборы, прошедшие в октябре этого же года, указывая на нарушения в их проведении, главное из которых — вмешательство исполнительных органов в ход выборов и подсчет голосов. Г-н Назарбаев, как известно, усмотрел в деятельности ОБСЕ двойной стандарт и вмешательство во внутренние дела государства. См.: Президент Назарбаев недоволен деятельностью ОБСЕ в Казахстане // *Raport*, № 44. — 1999. — 12 ноября; ОБСЕ беспокоят выборы в Казахстане // *Статья Информационного агентства США* от 21 сентября 1999 г.; Пресс-релиз Бюро по демократическим институтам и правам человека (БДИПЧ) ОБСЕ от 17 сентября 1999 г.; Миссия ОБСЕ/БДИПЧ отметила «прогресс по пути развития демократического государства», проявившийся в ходе выборов в Казахстане. Оппозиционные кандидаты остались крайне недовольными такой оценкой // *Raport*, № 40. — 1999. — 15 октября; Минусов больше, чем плюсов // *Деловая неделя*, № 40. — 1999. — 15 октября; Выборы в парламент Республики Казахстан 10 и 24 октября 1999 г. Заключительный отчет БДИПЧ ОБСЕ. 20 января 2000 г. // *Деловая неделя*, № 6. — 2000. — 11 февраля.

¹¹ В интервью государственному телеканалу «Хабар» 10 ноября 1999 г. Президент Казахстана Н. Назарбаев сказал: «Некоторые государства нашего региона говорят: а зачем мы вступили в ОБСЕ? Может быть, нам стоит выйти оттуда? Мы не видим, что сегодня ОБСЕ работает по безопасности в Таджикистане, мы не смогли добиться, чтобы бандитов, которые вторглись на территорию Киргизии, назвали международными террористами; мы не видим, что ОБСЕ занимается успокоением обстановки в Афганистане».

Оппозиционные политические силы, в частности Республиканская народная партия Казахстана, напомнили о негативных экономических перспективах для Казахстана в случае выхода из ОБСЕ. Один из лидеров этой партии Нурболат Масанов заявлению Президента Республики назвал «безответственным» и добавил, что «если такие заявления будут продолжаться, то пострадает в конце концов Республика Казахстан, так как у международных организаций уровня ОБСЕ есть достаточно рычагов воздействия, в том числе экономических, на страну, где попираются права человека». По словам же директора Казахстанского Международного бюро по правам человека и соблюдению законности Евгения Жовтиса, «эта организация сможет прожить без Казахстана, но вот Казахстан без ОБСЕ и демократии выжить не сможет». См.: Оппозиция пытается использовать охлаждение между Президентом РК и ОБСЕ. По словам ее представителей, им остается лишь политическая борьба и упование на международные организации // *Raport*, № 45. — 1999. — 19 ноября; Целесообраз-

но ли дальнейшее участие Казахстана в ОБСЕ? Что дает Казахстану членство в этой организации? // Деловая неделя, № 46. — 1999. — 26 ноября.

Однако на состоявшем 18-19 ноября 1999 г. в Стамбуле саммите ОБСЕ Президент Казахстана Н. Назарбаев не затронул тему критической оценки деятельности организации. В своем выступлении в начале саммита он, наоборот, дал позитивную оценку деятельности ОБСЕ в Казахстане и отметил, что позиция Республики состоит в том, что ОБСЕ должна понимать необходимость прошения «определенного времени для осуществления полноценных демократических преобразований». Пресс-секретарь главы государства А. Бисембаев, проводя брифинг, посвященный прошедшему в Стамбуле саммиту ОБСЕ, подчеркнул, что подход государств Центральной Азии «к выполнению стандартов ОБСЕ состоит в долговременности влияния реформ на общество и адекватности понимания со стороны ОБСЕ ситуации в наших странах. То есть речь не должна идти об автоматическом переносе определенных ценностей на неподготовленную почву». См.: Несмотря на подписанные в Стамбуле документы, Казахстан сохраняет приверженность различным направлениям транспортировки нефти на внешние рынки // Panorama, № 46. — 1999. — 26 ноября.

Жесткая реакция со стороны европейских структур на прошедшие в Казахстане выборы связана, вероятно, помимо их несоответствия международным стандартам, и с желанием добиться от страны максимальной геополитической однозначности и усилить свое политическое влияние в Казахстане. См.: Соблюдение демократических процедур у нас становится разменной монетой в определении геополитической ориентации Казахстана во взаимоотношениях Запада с РФ // Panorama, № 45. — 1999. — 19 ноября.

В целом деятельность ОБСЕ относительно Казахстана оценивается положительно по многим показателям. Прежде всего, как считают эксперты, присутствие любой международной организации в Республике полезно для Казахстана. Данные организации выступают в качестве своеобразных гарантов соблюдения на территории Республики международных принципов и договоров, которые Казахстан должен уважать как полноправный участник международного сообщества и член таких организаций, как ООН, ОБСЕ и др. И в этом плане ОБСЕ является серьезным механизмом воздействия на Правительство РК через дипломатические каналы с целью соблюдения им основополагающих международных принципов в области демократии.

По мнению некоторых экспертов, ОБСЕ проявляет большее внимание к ситуации в Казахстане с позиции соблюдения прав человека, нежели, например, ООН. В определенной степени присутствие ОБСЕ в Казахстане стало своего рода внешним фактором присутствия здесь демократии. Эксперты отмечают объективное изучение ОБСЕ происходящих в Республике общественно-политических процессов. В этом отношении ОБСЕ действует как консультативный орган, который дает оценку тем или иным событиям и выражает свое мнение, не вмешиваясь при этом в сферу принятия решений на государственном уровне. Здесь на работе ОБСЕ положительно сказалось открытие своего представительства.

а также немного уточнил вступивший 10 ноября 1999 г. в должность министра иностранных дел Казахстана Е. Идрисов, по мнению которого «ОБСЕ не нашла ниши в Центральной Азии, эта организация еще не осознала своего места в регионе. Критика Аста-

Однако некоторые эксперты находят недостаточной деятельность ОБСЕ в Казахстане для оказания влияния этой организации на ситуацию в стране. Прежде всего потому, что представительство открыто недавно и работа только началась. К тому же трудно было начинать работу с резкой критики, но позиция ОБСЕ относительно президентских выборов была выражена прямо и честно. Однако, некоторые эксперты считают, что деятельность ОБСЕ незаметна для населения Казахстана. Наибольшее представление о ней жители Казахстана получили благодаря деятельности представителей Бюро по правам человека в период выборов президента.

Отдельные эксперты отмечают, что деятельность не всех ведомств ОБСЕ достаточно продуманна. Например, Комитет по делам беженцев тратит большие деньги в сфере межэтнических отношений на подготовку чиновников и развитие у них терпимости и толерантности к различным этническим группам. Хотя система Казахстана делает местных бюрократов невосприимчивыми к подобным технологиям, Комитет упорно продолжает тратить на это деньги.

Однако выделим некоторые моменты, которые, возможно, повысят уровень эффективности присутствия ОБСЕ: расширение присутствия ОБСЕ особенно на региональном уровне; повышение уровня информированности о ситуации в республике; проведение разъяснительной работы, направленной на ознакомление граждан Казахстана и общественных организаций с характером деятельности ОБСЕ, ее принципами и т.д.; проявление настойчивости и требовательности по отношению к руководству Республики с целью достижения его реагирования на заявления ОБСЕ и доведения до населения точной и неискаженной информации; усиление скоординированности внутренних структур ОБСЕ; изменение или расширение аудитории, с которой работают представители ОБСЕ; проведение различных семинаров и круглых столов; оказание необходимой помощи казахстанскому правительству, особенно в вопросах законодательства.

Таким образом, можно заметить, что эффективность присутствия ОБСЕ в Казахстане — это проблема не столько ОБСЕ, сколько самой республики. Прежде всего эксперты называют неэффективной работу неправительственных организаций. Иначе говоря, потенциал возможностей ОБСЕ в РК достаточно высок, но он не реализован из-за низкой активности неправительственных организаций. В целом же, чем больше Казахстан будет зависеть от внешних отношений с миром, которые, в свою очередь, будут развиваться в зависимости от оценок ситуации в Республике со стороны ОБСЕ и других международных организаций, тем скорее руководство Республики изменит свое отношение к этим оценкам // Всемирная паутина (World Wide Web). Домашняя страница. <http://www.nia.kz/0499/index.html> // <http://www.nia.kz/0499/index.html> // <http://www.nia.kz/0499/0504991.html> // <http://www.nia.kz/0499/0504991.html>.

ны заключается в том, что подход представителей этой организации выпячивает одно, а не рассматривает всю картину в контексте общего развития», но при этом также подчеркнул, что «... выйти из ОБСЕ Казахстан не собирается»¹².

Лишь на Стамбульском саммите ОБСЕ, который проходил 18-19 ноября 1999 г., роль и значение Центральной Азии в системе обеспечения безопасности применительно к Европе были по достоинству отмечены. Необходимо в этой связи подчеркнуть и то, что с инициативой о расширении понятия европейской безопасности до евразийской Казахстан выступал и немного раньше, на саммите ОБСЕ 2 декабря 1996 г.¹³. Однако в итоговом документе этого саммита глобальная идея, которая могла бы объединить Евразийский континент, не нашла отражения. В отличие от него, по итогам работы Стамбульского саммита были приняты два основополагающих документа, имеющих важное значение в плане определения и реализации стратегии ОБСЕ как в самой Центральной Азии, так и на всем евро-атлантическом пространстве: Декларация Стамбульского саммита и Хартия европейской безопасности. Оба этих документа были приняты главами государств и правительств 54-х государств — членов ОБСЕ 19 ноября 1999 г.

В Декларации Стамбульского саммита Центральной Азии посвящены две отдельные статьи¹⁴. Если ст. 13 подтверждает заявление

¹² *Махамбет Аuezов. Дебют министра // Деловая неделя, № 44. — 1999. — 12 ноября.*

¹³ Озвучивая инициативу о расширении понятия европейской безопасности до евразийской, Президент Казахстана Н. Назарбаев, в частности, сказал: «В своих устремлениях к укреплению мира мы (т.е. трансконтинентальные государства, к которым относится и Казахстан. — *прим. автора*) исповедуем евразийский подход. В его основе лежит принцип сотрудничества государств на основе развивающихся интеграционных цивилизационных тенденций. Естественно, что реализация данного принципа активно влияет на снижение конфликтного потенциала, который в некоторых регионах приобрел взрывоопасный характер». См.: *Лера Цой. Лиссабон не оправдал всех возлагавшихся на него надежд // Рапогата, № 47. — 1996. — декабрь.*

¹⁴ Кроме того, к Декларации Стамбульского саммита было принято приложение, в котором говорится, что правительство Казахстана принимает к сведению обязательства сторон (Азербайджана, Грузии, Турции, Казахстана и США) по своевременной транспортировке нефти, произведенной в республике, на мировые рынки через экспортный нефтепровод Баку-Джейхан, и стороны приветствуют готовность Турции принять значительные объемы природного газа, произведенного в Казахстане, для внутреннего потребления и транзита

организации о «цели добиться всеобъемлющей безопасности во всем регионе ОБСЕ», и, следовательно, Центральная Азия признается неотъемлемой частью такой безопасности, то ст. 14 исходит из необходимости расширения сотрудничества ОБСЕ с Центральной Азией в борьбе с международным терроризмом, агрессивным экстремизмом, организованной преступностью, незаконным оборотом наркотиков и оружия. ОБСЕ также признает «важность рассмотрения экономических и экологических рисков безопасности региона, таких как вопросы, связанные с водными ресурсами, энергетикой и эрозией»¹⁵. В ОБСЕ убеждены, что укрепление сотрудничества с государствами Центральной Азии будет способствовать стабильности и безопасности в регионе.

Принятие в Стамбуле другого важного документа — Хартии европейской безопасности «отдельные политики называют... мини-уставом ООН для Европы в будущем»¹⁶. В то же время Хартия является своего рода эталоном миропорядка в XXI веке. Она исходит из неделимости безопасности государств — членов и закрепляет роль ОБСЕ как единственной общеевропейской организации, призванной обеспечивать мир и стабильность в своем регионе ответственности.

По предложению делегации Казахстана в текст Хартии был включен пункт, еще раз подтверждающий, что «безопасность в центральноазиатском регионе является неотъемлемой частью системы европейской безопасности»¹⁷. Так, п. 6 Хартии гласит, что «безопасность... в районах, находящихся в непосредственной близости к государствам-участникам, таким как государства Центральной Азии, имеет для ОБСЕ всевозрастающее значение». В Организации признают, что нестабильность в этом регионе «...порождает вызовы, ко-

на мировые рынки по коридору Восток-Запад. В приложении есть пункт, в котором приветствуется намерение Казахстана обеспечить транспортировку значительных объемов нефти. «Почему это очень важно? Дело в том, что фактически без объемов нефти, производимой на территории Казахстана, этот трубопровод теряет свою экономическую привлекательность. Решение данной проблемы без Казахстана фактически невозможно». См.: *Raporama*, № 46. — 1999. — 26 ноября.

¹⁵ Декларация Стамбульского саммита. 19 ноября 1999 года // Деловая неделя. № 48. — 1999. — 10 декабря.

¹⁶ *Расул Розыбакиев*. Суверенитет и нефть // Деловая неделя, № 44. — 1999. 12 ноября.

¹⁷ Хартия безопасности конституция XXI века // Казахстанская правда. № 273. — 1999. — 23 ноября.

горые прямо затрагивают безопасность и процветание государств ОБСЕ»¹⁸. Это означает, что Центральная Азия не была и не будет периферией интересов ОБСЕ и что «этот региональный вектор деятельности организации стал занимать одно из основных мест в ее повестке дня»¹⁹. Данную точку зрения подтвердил в своей речи на заседании Постоянного совета ОБСЕ в Вене 13 января 2000 г. тогдашний действующий председатель организации и бывший федеральный министр иностранных дел Австрии г-н Вольфганг Шюссел, который, в частности, отметил: «...нам следует уделять больше внимания Центральной Азии. Терроризм и жестокий экстремизм, организованная преступность, незаконный оборот оружия и наркотиков, а также экономические и экологические проблемы угрожают стабильности во всем регионе. Эти проблемы не могут быть эффективно решены лишь на национальном уровне. И здесь используемая для решения этих проблем политика в области обеспечения безопасности должна иметь как можно более широкую основу при уделении особого внимания социальным, экономическим и экологическим аспектам...»²⁰.

Что касается непосредственно деятельности Казахстана в ОБСЕ, то она активизировалась после создания постоянного представительства Республики при международных организациях в Вене в декабре 1995 г., которое способствовало регулярному участию казахстанских делегаций в акциях организации²¹. В этом направлении определяющую роль сыграло участие Президента Н. Назарбаева во встречах глав государств и правительств стран-участниц ОБСЕ в Будапеште в 1994 г. и председательство на одной из сессий Лиссабон-

¹⁸ Хартия европейской безопасности. Стамбул, 19 ноября 1999 года // Деловая неделя, № 49. — 1999. — 16 декабря.

¹⁹ Визит президента Назарбаева в штаб-квартиру ОБСЕ в Вене // Деловая неделя, № 48. — 2000. — 25 февраля.

²⁰ Речь г-на Вольфганга Шюсселя, федерального министра иностранных дел Австрии, действующего председателя, на заседании Постоянного совета ОБСЕ. 13 января 2000 года, Вена // Деловая неделя, № 3. — 2000. — 21 января.

²¹ С 1996 г. представители РК стали работать в структурах организации. К примеру, казахстанские дипломаты приняли активное участие в подготовке и проведении Лиссабонского саммита ОБСЕ 2-3 декабря 1996 г. На подготовительной встрече в Лиссабоне делегация РК участвовала в обсуждении основных документов саммита. Так, в тексте Итоговой Декларации был зафиксирован предложенный казахстанской делегацией пункт о том, что участники саммита приветствуют выполнение Казахстаном, Украиной и Беларусью взятого ими обязательства удалить со своей территории все ядерные боезаряды.

ского саммита ОБСЕ в 1996 г., а также участие бывшего министра иностранных дел РК К.Токаева в заседаниях Совета министров иностранных дел (СМИД) ОБСЕ в 1995 г. в Будапеште и в 1997 г. в Копенгагене и его выступление на пленарном заседании Постоянного совета ОБСЕ в Вене в 1997 г. Дальнейшее продолжение этой практики, которая позволила с международной трибуны заявить о приоритетах Республики, стало участие Президента РК на Стамбульском саммите ОБСЕ в ноябре 1999 г. и его выступление с докладом на очередном заседании Постоянного совета ОБСЕ в феврале 2000 г.²² и участие министра иностранных дел РК в работе ОБСЕ в Вене в апреле 1999 г.

В своем выступлении на Будапештском саммите ОБСЕ 5 декабря 1994 г. Президент Казахстана Н. Назарбаев отметил, что ОБСЕ является уникальным международным форумом, где можно не только обсудить проблемы, но и принять конструктивные решения по актуальным вопросам поддержания стабильности на Евразийском континенте. «Именно этими соображениями руководствовался Казахстан, принимая решение о вступлении в эту организацию»²³. Конкретно же концептуальные подходы Казахстана к процессу деятельности ОБСЕ заключаются в первую очередь в том, что Республика «поддерживает незыблемость основных принципов организации»²⁴. В Республике сознают, что она значительно отстает в создании демократического, цивилизованного государства, и прилагают все усилия для ускорения процесса все более полной интеграции в мировое сообщество. С этой точки зрения главная цель участия Казахстана во всех мероприятиях ОБСЕ состоит в том, чтобы подтвердить свою

²² Выступление Президента РК было посвящено теме безопасности, борьбы с терроризмом и исламским экстремизмом. Была определена позиция Казахстана относительно будущих взаимоотношений между Центральной Азией и ОБСЕ, которые имеют важное значение в плане определения и реализации стратегии организации как в самом регионе, так и на всем евро-атлантическом пространстве. В ходе пребывания в штаб-квартире организации в Вене состоялись встречи Президента Н. Назарбаева с Генеральным секретарем Я. Кубышем, директором БДИПЧ Ж. Штудманом и другими руководителями ОБСЕ. Состоялась также встреча с Федеральным Президентом Австрии Т. Клестилем согласно договоренности, достигнутой в ходе последнего саммита ОБСЕ в Стамбуле.

²³ «Нурсултан Назарбаев: Потенциал ОБСЕ задействован еще не в полной мере» // Рапогата, № 48. — 1994. — Декабрь.

²⁴ Казахстан поддерживает тезис о незыблемости принципов ОБСЕ // Рапогата, № 46. — 1994. — Ноябрь.

заинтересованность в дальнейшем углублении сотрудничества со всеми государствами — членами ОБСЕ.

Сегодня Казахстан открыт для сотрудничества с ОБСЕ по многим направлениям. Наиболее динамично развивались в последнее время отношения Республики с Верховным комиссаром ОБСЕ по делам национальных меньшинств Максом Ван дер Стулом в контексте уделения организацией большого внимания вопросам человеческого измерения²⁵. В Республике считают, что «задача поддержания и укрепления межэтнического согласия на основе соблюдения прав национальных меньшинств должна стать насущной необходимостью и существенным элементом внутренней политики всех государств СНГ»²⁶. Поэтому Казахстан выступил в 1994 г. с предложением о принятии на Совещании глав государств СНГ Пакета о поддержании мира и стабильности в пространстве СНГ.

В рамках военного сотрудничества закреплено участие Казахстана в таких постоянно действующих органах ОБСЕ, как Форум по сотрудничеству в области безопасности (ФСБ) и Совместная консультативная группа по Договору об обычных вооруженных силах в Европе (СКГ ДОВСЕ). В феврале 1997 г. право представительства в ФСБ впервые было предоставлено Казахстану, и наша республика стала третьим государством в СНГ, удостоенным этой почетной миссии. Важное значение имело и состоявшееся в ноябре 1998 г. представительство Казахстана в СКГ ДОВСЕ. «Все это способствовало продвижению военно-политических интересов Казахстана»²⁷, отражению их в адаптируемом Венском документе по мерам укрепления доверия и безопасности и пересмотренном Договоре об обычных вооруженных силах в Европе.

²⁵ В частности, заметный резонанс имел состоявшийся в апреле 1994 г. в Алматы семинар по человеческому измерению. Совместными усилиями в декабре 1996 г. был проведен круглый стол по теме «Казахстан: построение единого многонационального общества на пороге XXI века», на котором Верховный комиссар ОБСЕ по делам национальных меньшинств высоко оценил усилия руководства Республики и лично Н. Назарбаева в деле сохранения и укрепления межнационального согласия в Казахстане.

²⁶ Выступление Президента Республики Казахстан Н. Назарбаева на встрече глав государств и правительств — участников ОБСЕ. Будапешт, 5 декабря 1994 г. // Текущий архив Министерства иностранных дел Республики Казахстан.

²⁷ Посол Турсунов: «Усиление присутствия ОБСЕ в Центральноазиатском регионе отвечает нашим интересам...» // Panorama, № 39. — 1998. — 9 октября.

Следует отдельно остановиться на Венском документе 1994 г., принятом по итогам переговоров по мерам укрепления доверия и безопасности. Согласно ему, 54 государства-участника ежегодно обмениваются информацией о своих военных силах²⁸ — в плане организации, личного состава, основных систем вооружения и техники. Каждое государство, имеющее боевые авиационные части, организовывает для уполномоченных представителей других государств-участников посещение одной из обычных авиабаз. Им предоставляется возможность ознакомиться с деятельностью авиабазы для получения представления о приблизительном количестве самолетовылетов и типе выполняемых во время них задач.

Одну из таких авиабаз возле села Николаевка Алматинской области, «где располагается 149-й бомбардировочно-авиационный гвардейский полк», в ноябре 1996 г. «посетили представители Дании, Греции, Франции, Германии, Норвегии, Швеции, России, Великобритании США»²⁹. 17 марта 1999 г. первую инспекцию из возможных трех запланированных на этот год в соответствии с Венским документом 1994 г. совершили представители вооруженных сил Франции. Они собирали «сведения о количестве вооружения в воинских соединениях, дислоцированных в Алматы, а также в Отаре»³⁰.

Сотрудничество Казахстана с ОБСЕ развивается и в направлении осуществления мер по охране окружающей среды. Этому в **небольшой** степени способствует тот факт, что в ОБСЕ вопросы безопасности рассматривают не только с военной и экономической точек зрения, но и с экологической. Поскольку и для Казахстана обеспечение экологической безопасности имеет особое значение, а ряд серьезных проблем в этой области, например, использование водных ресурсов государствами Центральной Азии, носит трансграничный характер, Республике необходимо максимально интегрироваться в реализуемый под эгидой ОБСЕ проект «Окружающая среда для Европы». В этой области сторонами предпринимаются первые совместные шаги. Так, 11-12 июня 1999 г. в Алматы прошел семинар, организованный ОБСЕ и Национальным экологическим центром при

²⁸ Любое из 54 государств, подписавших данный документ, может посетить Казахстан с целью проведения подобной инспекции.

²⁹ Делегация ОБСЕ посетила авиабазу 149-го бомбардировочно-авиационного полка // *Рапорт*, № 46. — 1996. — Ноябрь.

³⁰ Представители вооруженных сил Франции завершили инспекцию в воинских соединениях Казахстана // *Рапорт*, № 11. — 1999. — 19 марта.

Министерстве природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Казахстан³¹. Семинар проводился на тему «Роль гражданского общества в области окружающей среды в Центральной Азии» в рамках дальнейших шагов VII Экономического форума ОБСЕ, который состоялся в Праге 25-28 мая 1999 г.³²

Целями семинара стали экологические аспекты национальной безопасности³³, и в особенности ознакомление с Орхусской конвенцией, принятой 28 июня 1998 г. в Дании, и представление трех ее слагающих: доступ к информации, участие общественности в процессе принятия решений и доступ к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды³⁴. Особое внимание на семинаре было привлечено к вопросам рационального использования ограниченных водных ресурсов в Центральной Азии государствами региона. «Эту проблему ОБСЕ тесно связывает с вопросами безопасности в регионе»³⁵. Актуальность проблемы была подтверждена и участниками семинара, которые были едины в своем мнении, что должны быть выработаны соглашения, способные служить важными инструментами предотвращения потенциальных конфликтов³⁶. По их мнению, главными условиями эффективности режимов совместного использования водных

³¹ На семинар прибыла представительная делегация ОБСЕ в составе тогдашнего действующего председателя ОБСЕ Карла Саликата (от МИДа Норвегии), представителя ныне действующего председателя ОБСЕ (от МИДа Австрии) Яны Атшлер, координатора ОБСЕ по экономическим и экологическим вопросам Томаса Прайса. В работе семинара приняли также глава Центра ОБСЕ в Республике Казахстан Ульрих Шоннинг, официальные лица и представители неправительственных организаций Казахстана и других республик Центральной Азии, Европейской Экономической комиссии ООН, Представительства ООН в Казахстане, МИД и Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды РК.

³² Седьмая встреча Экономического форума ОБСЕ прошла по теме «Вопросы, связанные с безопасностью окружающей среды».

³³ На этот раз дискуссия развернулась по следующим основным темам: энергетика и окружающая среда, аспекты безопасности трансграничных водных ресурсов и региональное сотрудничество, участие общественности в принятии значительных решений в области охраны окружающей среды.

³⁴ Казахстан приступил к реализации положений Орхусской конвенции // Рапогата, № 24. — 1999. — 18 июня.

³⁵ ОБСЕ намерена содействовать ратификации Казахстаном Орхусской конвенции // Рапогата, № 23. — 1999. — 11 июня.

³⁶ Айнура Аuesханова. Результаты пражского форума ОБСЕ // Деловая неделя. № 24. — 1999. — 18 июня.

ресурсов являются наличие политической воли, равноправие и эффективный контроль заинтересованных сторон над деятельностью по распоряжению этими ресурсами и их мониторингу.

В ОБСЕ считают, что договоры по водным ресурсам должны основываться на нормах международного права и тщательно выполняться во избежание межгосударственных конфликтов. К тому же организация обязуется делать все возможное для успешного политического сотрудничества с государствами региона в этом вопросе.

Также следует отметить, что ОБСЕ придает большое значение подписанию и ратификации Орхусской конвенции государствами-членами организации. Эта конвенция не только определяет, каким должно быть отношение государства к обеспечению собственных граждан нормальной водой, пищей и воздухом, но и впервые в международном праве оговаривает индивидуальное право граждан в области охраны окружающей среды. Она позволяет оказывать давление на руководство того или иного государства — члена ОБСЕ в решении экологических проблем.

На сегодня 39 государств из 54 уже подписали Конвенцию, однако лишь немногие ратифицировали ее. Казахстан подписал Конвенцию вместе с другими государствами — членами ОБСЕ на международной конференции в Дании 28 июня 1998 г., но до сих пор ее не ратифицировал. На данный момент три из пяти министерств Республики уже одобрили соответствующие документы, служащие основанием для ратификации договора Парламентом страны. Однако, как заверяют представители Алматинского регионального филиала Национального экологического центра, Республика, не дожидаясь выполнения этой необходимой конституционной процедуры, уже приступила к реализации некоторых норм Конвенции.

В последнее время стало очевидным и то, что государства Центральной Азии должны стремиться к тесной интеграции. А реальным стимулом к такому объединению на данный момент может стать лишь совместное противостояние внешним угрозам. На это обратила внимание руководства Казахстана ныне действующий Председатель ОБСЕ, федеральный министр иностранных дел Австрии Бенита Ферреро-Вальднер в ходе своего официального визита в Республику 1-2 июня 2000 г. Со стороны ОБСЕ в числе угроз безопасности региону она еще раз отметила экстремизм, терроризм, наркоторговлю, справедливое и рациональное использование водных ресурсов.

включая экологические и энергетические аспекты проблемы³⁷. Дестабилизирующим фактором для всей Центральной Азии является, по ее словам, и ситуация, сложившаяся вокруг Афганистана, в контексте заявлений отдельных российских политиков о возможном нанесении бомбовых ударов по территории этой страны³⁸. Вспомним в этой связи и слова министра иностранных дел Норвегии Кнута Воллебека, который, покидая 31 декабря 1999 г. пост действующего Председателя ОБСЕ, заявил, что регион Центральной Азии может быть потенциально опасным не менее, чем Балканы. Комментируя это утверждение, посол ОБСЕ в Казахстане Ульрих Шоннинг сказал, что в Центральнoазиатском регионе существует много потенциальных проблем для угрозы стабильности, в частности недемократические методы управления и несоблюдение прав человека³⁹.

Однако, кроме вышеперечисленных традиционных видов внешних угроз Центральной Азии следует обратить внимание и на не менее существенные проблемы, которые возникают во взаимоотношениях между государствами самого региона. Это, к примеру, открытые вопросы государственных границ, возникшие, как считают некоторые эксперты, без учета исторических и этнических факторов; проблемы национальных меньшинств; сложности преодоления централизованной плановой экономики; различные порой противоречащие друг другу внешнеполитические и геополитические концепции развития государств.

В целом, констатируя наличие проблем безопасности и обозначив их, нельзя не отметить и то, что государства региона ищут конкрет-

³⁷ Вопреки ожиданиям оппозиции, визит председателя ОБСЕ прошел вполне спокойно и без сенсаций // *Рапoгaмa*, № 22. — 2000. — 2 июня.

³⁸ Но ОБСЕ хотя и разделяет обеспокоенность, занимается проблемами в области постконфликтной реабилитации. «Лучше начать политический диалог с Афганистаном и прийти к политическому решению», — отметила г-жа Ферреро-Вальднер. Председатель ОБСЕ считает необходимым привлечь возможности Организации Объединенных Наций, поскольку ООН выделен для решения таких задач специальный представитель. См.: Визит председателя ОБСЕ // *Деловая неделя*, № 22. — 2000. — 2 июня. Президент Казахстана Н. Назарбаев также, комментируя заявления российских официальных лиц и средств массовой информации, заявил, что не видит необходимости в нанесении превентивных ударов по Афганистану. См.: там же. Константин Санников. Талибов пока не тронут.

³⁹ Особо главой Центра ОБСЕ в Казахстане было выделено давление на оппозицию в «одной из соседних с Казахстаном стран», что тоже очень опасно, так как может «принести новых оппонентов правительству».

ные пути решения оных. Ради справедливости стоит заметить, что хотя и не всеми, но некоторыми из них признается, что большинство проблем, в частности такие, как терроризм и наркоторговля, порождены усиливающейся бедностью населения региона. Поэтому пока, пожалуй, единственным фактором, который реально может объединить государства региона, является предпринимаемая попытка наладить совместное пользование водными ресурсами. Это может говорить о том, что постепенно к ним приходит понимание новых концептуальных основ интеграции. Если в предыдущие годы как стержневые рассматривались такие факторы, как экономика и взаимодействие в хозяйственных проектах, то теперь приходит осознание того, что интеграция в Центральной Азии может реально начаться со сферы безопасности. Одно можно утверждать точно: забвение региону со стороны ОБСЕ не грозит. Известный немецкий специалист по странам СНГ Александр Рар заявил, что события в Центральной Азии остаются в фокусе внимания общественности Европы⁴⁰.

⁴⁰ 25-27 мая 2000 г. в Казахстанском институте стратегических исследований (КИСИ) проводился международный форум «Интеграционные модели в Центральной Азии и Европе», организованный совместно КИСИ и двумя организациями из ФРГ — Ведомством прессы и информации федерального правительства Германии и Институтом международных исследований (г. Штутгарт).

Международное уголовное право

МЕЖДУНАРОДНЫЙ УГОЛОВНЫЙ СУД

Откуда он пришел и куда идет¹

Рольф Эйнар Фифе*

1. Вопреки всему, к смене парадигмы в международном уголовном праве

После принятия 17 июля 1998 г. Римского Устава Международного уголовного суда идет процесс образования нового учреждения². Постоянная и всемирная уголовная юрисдикция может сокра-

¹ Эта статья основана на обращении, прозвучавшем на семинаре, проведенном 18 марта 1999 г. в Норвежском Институте прав человека в Осло в память проф. Торкеля Опсала. Память о нем вдохновляет и поощряет к действиям юристов-международников и правозащитников далеко за пределами Норвегии. Эта статья была завершена в марте 2000 г. Подзаголовок этой статьи создан под влиянием John Kenneth Galbraith, *Money: Whence it came, where it went*, (1975). Настоящее время в последней части подзаголовка обозначает, как бы то ни было, более оптимистичный взгляд на будущее развитие Суда, нежели чем мрачное, но, тем не менее, остроумное описание проблем монетарной политики в середине 70-х гг.

* Заместитель Генерального директора, Правовой департамент, Министерство иностранных дел Норвегии. Глава норвежской делегации на переговорах по Международному уголовному суду, а также на Дипломатической конференции ООН, посвященной учреждению Международного уголовного суда. Глава рабочей группы по уголовному преследованию в течение всего процесса. Эта статья не отражает точку зрения правительства Норвегии.

² Текст Устава см. <http://www.un.org/law/icc/statute/romefra.htm>. Устав был принят на Дипломатической конференции ООН, посвященной учреждению Международного уголовного суда при голосовании 120 «за», 7 «против» и 21 воздержавшихся. На 1 июня 2000 г. Устав был подписан 97 государствами и ратифицирован 10 государствами, в то время как подготовительный процесс, предшествующий ратификации, шел в ряде других государств. Согласно ст. 126 Устава, для его вступления в силу необходимо 60 ратификаций. Исчерпы-

тить время на реакцию со стороны международного сообщества в случае совершения массовых зверств. Интересы ясности и предсказуемости будут также лучше соблюдены с помощью ожидаемого судебного учреждения, а не посредством утомительного и длительного процесса учреждения ретроспективных уголовных трибуналов в частных случаях и после совершения деяний³. Образование такого учреждения должно по всем вышеупомянутым причинам означать возросший фактор сдерживания, по сравнению с новыми *ad hoc* трибуналами. Именно с учетом этих реалий Устав должен восприниматься, по словам Генерального Секретаря ООН Кофи Аннана, в качестве «гигантского шага вперед»⁴ в процессе укрепления международного правового порядка.

Принятие Устава при поддержке 120 государств привело в изумление многих наблюдателей. Это было результатом длительного и сложного переговорного процесса. Он явился венцом многих длившихся на протяжении десятилетий усилий создать учреждение, которое, по всей видимости, не является слишком многообещающим⁵. Принятие Устава было показательным отпором скептицизму, выражавшемуся знаменитыми теоретиками, равно как и практиками международного права.

В начале 90-х гг. раздавались предупреждения против утвердительных ответов на далеко идущие вопросы, имеющие отношение к превращению постоянного международного уголовного суда в нечто реальное. Это воспринималось как настолько трудная задача, «что дальнейшая дискуссия в отношении индивида, могущего выступить в качестве потенциального подсудимого в уголовных делах на от-

вающий постатейный комментарий к Уставу представлен в Otto Triffterer (ed.), *Commentary on the Rome Statute of the International Criminal Court*, (1999).

³ Эта отличительная черта, а также обзор развития и характера международного уголовного права представлены в Lyal S. Sunga, *The Emerging System of International Criminal Law, Developments in Codification and Implementation*, (1998), p. 323-340.

⁴ Заявление на церемонии, проведенной в Риме 18 июля 1998 г. по случаю празднования принятия Устава, с. 2, также приведено в предисловии Roy S. Lee (ed.), *The International Criminal Court, The Making of the Rome Statute: Issues, Negotiations, Results*, (1999) ix.

⁵ Более нейтральное утверждение классического учебника см. Hubert Thierry, Jean Combacau, Serge Sur, Charles Vallée, *Droit International Public*, (1996), p. 573: «*La création d'une juridiction internationale permanente habilitée à se prononcer sur les violations du droit des conflits a souvent été envisagée, mais les projets conçus à ce sujet n'ont jamais abouti concrètement*».

личной от *ad hoc* основе, кажется, не имеет практической ценности»⁶. В подобной тональности другой известный автор утверждал, что «несмотря на детальное рассмотрение проблемы в комитетах Генеральной Ассамблеи, вероятность учреждения международного уголовного суда является весьма низкой»⁷. Сомнения продолжали расти, что нашло свое отражение в обычном учебнике, изданном в 1957 г.: «То, в какой степени универсальный консенсус в отношении устава [суда] может быть достигнут, принимая во внимание консервативную силу доктрины государственного суверенитета, еще не ясно.»⁸ Признавая, что большинство в 120 голосов в отношении Устава в целом не может быть сопоставимо с универсальным консенсусом, наблюдатели были, тем не менее, поражены той широкой поддержкой, которая, в конце концов, появилась. Следует также отметить, что консенсус был в действительности достигнут по всем частям Устава, за исключением определенных, весьма значительных положений в части 2 о юрисдикции, приемлемости и применимого права, и, в меньшей степени, в части 12 в заключительных статьях⁹.

Это не послужило препятствием для сомнений, обеспокоенности и критики, выражаемых в положительных или даже многословных заявлениях. Обеспокоенность выражалась в связи с возможной юрисдикцией суда¹⁰. Другие критические замечания, достаточно противоположные, были относительно того, что составление юрисдикционных оговорок и «пусковых механизмов» Суда закончится в итоге тем, что Суд никогда не будет эффективно использован¹¹. Да-

⁶ Elihu Lauterpacht, *Aspects of the administration of international justice* (1991). 73-75.

⁷ Ian Brownlie, *Principles of public international law* (1990), 563-564.

⁸ Peter Malanczuk, *Akehurst's Modern Introduction to International Law*, (1997). p. 360-361.

⁹ См., в частности, David J. Scheffer, *The United States and The International Criminal court*, 93 *Am. J. Int'l Law*, 19-22, (1999); Ruth Wedgwood, *The International Criminal Court: An American View*, 10 *Eur. J. Int'l Law* 93, (1999).

¹⁰ См. предыдущую сноску. О дебатах в США см. Alton Frye (ed.), *Toward an International Criminal Court?*, Council on Foreign Relations, (1999). Ответ на выраженную озабоченность предложен в Louise Arbour, Morten Bergsmo, *Conspicuous Absence of Jurisdictional Overreach*, 1 *International Law FORUM du droit international*, p. 13-19, (1999).

¹¹ Это отражено, *inter alia*, у Martti Koskenniemi, *Between commitment and cynicism: outline for a theory of international law as practice*. Collection of Essays by Legal Advisers (etc.), United Nations, New York (1999).

лее, возникали даже вопросы, в частности, безоговорочно ли отбросит назад фактическое создание постоянного международного уголовного суда в борьбе против безнаказанности. Это могло бы, как высказывалось, создать опасность общего недостатка ответственности, потому что Суд повысит ожидания, которые не могут быть выполнены, ведя в то же самое время к самодовольству государств и предотвращая создание новых *ad hoc* трибуналов¹².

В этой статье будет предпринята попытка рассмотреть проект Суда в разном контексте, расположив его в рамках существующей, а также развивающейся структуры международного права и международной политики, и таким образом предположив, почему и как был принят Римский Устав и, соответственно, каким образом Суд намеревается функционировать¹³.

В этой статье за основу взято то, что Устав уже начал изменять ситуацию. Он внес значительный нормативный вклад в консолидацию и развитие международного права. Он привел в действие процесс инкорпорации определенных ключевых норм во внутригосударственные правовые системы. Также представляется, что Устав может нести в себе потенциал для смены парадигмы в международном уголовном праве. Под этим имеется в виду, что его частный подход представляет собой модель, которая может характеризовать развитие этой дисциплины в последующие годы¹⁴. Эта модель не только отражает конвергенцию национальных интересов и международных ценностей в этой области. Она может укрепить ее. Масштабы, в которых этот потенциал может быть практически реализован, будет в большой мере зависеть от преобладающих восприятий, насколько хорошо Устав интегрирован в правовые и политические реалии XXI века. Именно на таком фоне Устав может оказать значительное влияние как на международное право, так и на международные отношения. Это предложение может показаться смелым, пре-

¹² Serge Sur, *La Convention de Rome entre ONG et Conseil de Sécurité*, 103 *Revue Générale de Droit International Public*, 45, (1999).

¹³ Продвижение понимания природы и функции Суда является важным для его рождения и последующей работы. Рамки данной статьи не позволяют провести анализ эпистемологических предположений и методологических подходов. Эклектичный взгляд с высоты птичьего полета, хотя и уязвимый для аналитической критики, может, тем не менее, быть оправдан с целью иллюстрации того, чем Суд является, а чем нет.

¹⁴ Термин «парадигма» здесь употреблен в значении, подсказанном в классическом труде Thomas S. Kuhn, *The Structure of Scientific Revolutions*. (1962).

тенциозным или узким, а возможно всем одновременно. Таким образом, оно призывает к дальнейшим уточнениям.

2. Чем Суд не является

Суд будет отличаться от любых других известных международных учреждений. С целью отвести определенные ложные концепции, будет предпринята попытка определить то, чем Суд не является. Неправильные трактовки могут в определенных случаях происходить от недостатка точности и аккуратности¹⁵.

Суд не будет ни судом по правам человека, ни учреждением, занимающимся мониторингом прав человека. Со времени окончания Второй мировой войны в области прав человека образовался огромный пласт права. Более того, сама концепция прав человека, определенно, была подвергнута существенному расширению. Тем не менее, до сих пор защита прав человека является обязанностью, налагаемой на государства. Это является обязанностью в отношении индивидумов, которые находятся в пределах территории государства или являются субъектами юрисдикции государства¹⁶. Поэтому права человека предполагают соответствующую обязанность со стороны государства¹⁷. Поскольку Международный Суд не будет судить или

¹⁵ Вполне обычно, например, встретить термин «трибунал прав человека». Не придавая излишнего веса выбору концепции и терминологии (*Begriffsjurisprudenz*), можно предположить, что недостаток точности и аккуратности в таких случаях загружен непреднамеренными правовыми и политическими значениями.

¹⁶ См. Adriaan Bos, *Some reflections on the relationship between international humanitarian law and human rights in the light of the adoption of the Rome Statute of the International Criminal Court*, в *Collection of Essays by legal Advisers (etc.)*, United Nations, New York, (1999), p. 71-84.

¹⁷ См. Rosalyn Higgins, *Problems and Process, International law and how we use it*, (1994), p. 99; Hilaire McCoubrey, *International humanitarian law, Modern developments in the limitation of warfare*, (1997), p. 6. По этому вопросу см. также Christopher Greenwood, *Historical development and legal basis*, в Dieter Fleck, *The handbook of humanitarian law in armed conflicts*, (1995), p. 102. Именно государство является адресатом положений, направленных на защиту прав человека. Их нарушение регулируется положениями относительно ответственности государств. Договоры, которые оказывают влияние на интересы индивидумов, но не предоставляют прав, которые могут противостоять интересам государства, однозначно не должны рассматриваться в качестве инструментов прав че-

оценивать соблюдение государствами прав человека, он не должен рассматриваться в качестве суда по правам человека. Совершенно не связанная с этим проблема состоит в том, что работа Суда может привести к укреплению защиты прав человека. Тем не менее, еще дело в том, что Суд сам по себе должен будет своей деятельностью соответствовать международным стандартам права прав человека¹⁸.

Основополагающим камнем Устава является вместо ответственности государства за права человека уголовная ответственность индивидумов за международные преступления¹⁹. Действительно, Устав закрепляет обязательства индивидумов выступать в определенных случаях в качестве субъекта или объекта международного права²⁰. Это сделано без придания индивидам права потребовать соотвещения с такими обязанностями или права инициировать расследование или наложить меру наказания²¹. Пусковые механизмы Суда

ловека, как отмечено Jean Combacau, Serge Sur, *Droit international public*, (1995), p. 393.

¹⁸ См. ст. 21(3) Устава о применимом праве. Более того, важность стандартов в области прав человека является очевидной в процедурных положениях, рассматривающих права обвиняемых и режим преследования.

¹⁹ См. Bos, *op.cit.*, p. 82. Хотя попытки учредить международную уголовную ответственность государств происходили в отличном и довольно противоречивом контексте, бывший Специальный докладчик Комиссии международного права по ответственности государств, Roberto Ago, предложил в 1976 г. следующее определение «международного преступления»: «серьезное нарушение в широких масштабах международного обязательства наипервейшей важности во имя защиты человека, подобно запрету рабства, геноцида и апартеида», см. ст. 19.3 в ILC Yearbook 1976, Vol. II, Part 2, p. 95-96. Как бы то ни было, концепция международных преступлений может быть также понята в более широком смысле, напр., преступления, которые влекут за собой возникновение правового интереса международно-правового значения, напр., Hans-Heinrich Jeschek, *International Crimes*, в R. Bernhardt (ed.). *Encyclopedia of Public International Law*, (1985), Vol. 8, p. 335.

²⁰ Концепция субъекта является намного более подходящей в отношении обязанностей индивида, в то время как концепция объекта может быть более полезной в отношении уголовного преследования индивида.

²¹ Краткий анализ правовых терминов права и соотносимых обязанностей см. David M. Walker, *The Oxford Companion to Law*, (1980), p. 1070. Основные отличительные особенности являются тем теоретическим вкладом, которым мы обязаны Wesley Newcomb Hohfeld, *Fundamental Legal conceptions as Applied in Judicial Reasoning*, (1919). Критический обзор данного анализа содержится в Nils Kristian Sundby, *Om normer*, (1974), 65 f. 310 f.

являются ссылками государств или Совета Безопасности на основании гл. VII Устава ООН или *proprio motu* инициативы Прокурора²².

Также может потребоваться еще одно разъяснение. Суд будет не только судебным учреждением с полномочиями судить лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права. Последнее, строго говоря, ограничено ситуацией вооруженного конфликта²³. В конфликтном контексте подобных ситуаций само собой разумеется, что компетенция Международных уголовных трибуналов по бывшей Югославии и по Руанде была определена Советом Безопасности именно в таких терминах. Это расширило традиционные рамки термина «международное гуманитарное право», включив в него геноцид и преступления против человечности в дополнение к военным преступлениям²⁴. Связь преступлений против человечности с вооруженным конфликтом, как бы то ни было, была заложена в Уставе (ст. 6). Предварительно потребовалась связь или с международным вооруженным конфликтом, как указано в Нюрнбергской хартии (ст. 6), или с вооруженным конфликтом как международным, так и немеждународного характера, как указано в Уставах Международных трибуналов по бывшей Югославии и по Руанде (соответственно ст. 5 и 3). Отсутствие требования такой связи является вместе с включением военных преступлений во внутренний вооруженный конфликт в основном на тех же основаниях, как в международном вооруженном конфликте (ст. 8 (22), пара. (c)-(f)), одним из принципиально новых нормативных изменений, совершенных на Дипломатической конференции.²⁵ На таком фоне действительно будет слишком ограничительно относиться к Суду исключительно как к учреждению, поддерживающему соблюдение международного гуманитарного права.

²² См. статьи 13-15 Устава.

²³ См. Adriaan Bos, *op.cit.*, p. 72, 75; Serge Sur, *op.cit.*, p. 35.

²⁴ См. ст. 1 Устава Международных уголовных трибуналов по бывшей Югославии и по Руанде. Устав Международного трибунала по бывшей Югославии содержится в приложении к Резолюции Совета Безопасности 827 (1993), 32 I.L.M. 1023. Устав Международного уголовного трибунала по Руанде содержится в приложении к Резолюции Совета Безопасности 955 (1994), 33 I.L.M. 1600.

²⁵ См. Luigi Condorelli, *La Cour pénale internationale: un pas de géant (pourvu qu'il soit accompli...)*, 103 *Revue Générale de Droit International Public*, 10 (1999); bos, *op.cit.*, p. 80; Herman von Hebel, Darryl Robinson, *Crimes within the Jurisdiction of the Court*, в Roy S. Lee, *op.cit.*, p. 92-93.

Главным отличием по сравнению с Международными трибуналами по бывшей Югославии и по Руанде²⁶ является отношение с национальными правовыми системами. Суд не будет обладать совпадающей юрисдикцией с национальными судами или первичной юрисдикцией над ними. Суд будет в последней инстанции решать относительно своей собственной компетенции²⁷, которая, как предполагается, является важной для доверия к учреждению. Как бы то ни было, Суд не ставит своей целью занять главенствующую позицию над системами национальных судов. И он также не будет изменять существующую систему межгосударственного правового сотрудничества и помощи в уголовных делах. Это вытекает из принципа взаимодополняемости между Судом и национальными уголовными юрисдикциями, см. раздел 3, а также положения о сотрудничестве государств с судом в выполнении решений Суда²⁸.

Устав не означает изменений в праве относительно международного мира и безопасности. Он вновь утверждает уважение к этому праву (ввод. пара. 7) и к государствам в том смысле, что ничто в Уставе не должно восприниматься как авторизация вмешательства в вооруженный конфликт или внутренние дела любого государства (ввод. пара. 8). Более того, ряд положений в Уставе внесут свой вклад в интеграцию Суда в существующую архитектуру коллективной безопасности, обозначенную в Уставе ООН и других соответствующих международных инструментах, см. раздел 3. Таким образом, Устав не имеет претензий ни на создание нового мирового порядка,²⁹ ни на победу правых над сильными³⁰. В этой связи, Устав никогда не сможет разре-

²⁶ См. ст. 9 (2) Устава Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии и ст. 8 (2) Устава Международного уголовного трибунала по Руанде.

²⁷ Положения, отражающие этот принцип содержатся, напр., в ст. 17 и 18 (вопросы приемлемости), ст. 19 (проблемы юрисдикции) и ст. 119 (разрешение споров).

²⁸ Части 9 и 10 Устава.

²⁹ Ожидания в отношении нового мирового порядка см. M. Cherif Bassiouni, *Draft Statute for an International Criminal Court*, 9 *Nouvelles études pénales*, (1992), p. 5.

³⁰ Отношение права v. сила на протяжении веков рассматривалось в качестве двух составляющих, как утверждал Thomas Hobbs, *Leviathan*, 1651, или противоположностей, по утверждению Jean-Jacques Rousseau, *Du contrat social, ou Principes du droit politiques*, 1672. В 90-е гг. произошел резкий подъем в обсуждении международного права и использования силы. Это дало толчок широким и противоречивым дебатам, начавшимся в 1990 г. с видения «нового мирового порядка», предложенного на обсуждение президентом США

шить проблему «трудного выбора, который должны сделать государства между узко сформулированными национальными интересами и возникающими глобальными интересами после окончания «холодной войны»³¹.

Далее следует добавить, что Устав не подразумевает того, что будет положен конец безнаказанности за совершение зверств. Как отмечал министр иностранных дел Норвегии, Кнут Холлебек, «мы, конечно, полностью отдаем себе отчет в том, что действительная эффективность Суда и практический эффект будут зависеть от соблюдения разными государствами Устава и от их политической воли поддерживать Суд.»³² Спорным образом, Международный уголовный суд сам по себе не будет иметь решающего сдерживающего эффекта против, хотя автор и спешит добавить, что он был бы только рад оказаться неправым. Как также отмечал докладчик Комитета иностранных дел Французской Национальной Ассамблеи, Суд за недостатком автономной полицейской силы, будет зависеть от воли государств, с которыми он сотрудничает³³. И как отмечал министр иностранных дел Франции Юбер Ведрин, Устав и его ратификация не должен ни в коем случае превращаться в алиби для политической воли³⁴. Во избежание опасных заблуждений, невы-

Джорджем Бушем во время Иракско-Кувейтского кризиса в 1990 г. и проанализированном David J. Scheffer, *Use of force after the cold war: Panama, Iraq, and the new world order*, в *Right v. Might in the New International Order*, (1991). См. также Lori Fisler Damrosch, David J. Scheffer, *Law and Force in the New International Order*, (1991). Эта дискуссия продолжалась на фоне событий в Сомали, бывшей Югославии и т.д. Она приняла более жесткий оборот в связи с ситуацией в Косово и военной реакцией НАТО на эту ситуацию в 1990 г. и еще далеко не исчерпала себя, см., в частности, Bruno Simma, *NATO, the UN and the Use of Force: Legal Aspects*, 10 Eur. J. of Int'l Law, (1999), p. 1-22.

³¹ Scheffer, *Use of Force after the cold war: Panama, Iraq, and the new world order*, p. 111. Г-н Scheffer позже стал послом США по проблемам военных преступлений и главой американской делегации в переговорном процессе по Международному уголовному суду.

³² Заявление в Парламенте на пленарном заседании 27 января 2000 г., посвященном ратификации Норвегией Международного уголовного суда, как цитируется в неофициальном переводе пресс-релиза Постоянной миссии Норвегии в ООН в Нью-Йорке от 17 февраля 2000 г.

³³ Pierre Brana, протокол пленарного заседания Национальной Ассамблеи от 22 февраля 2000 г. относительно ратификации Устава («La CPI, ne disposant pas de forces de police autonomes, dépendra de la volonté de coopération des Etats.»).

³⁴ Министр иностранных дел Франции Юбер Ведрин, протокол пленарного заседания Национальной Ассамблеи от 22 февраля 2000 г. относительно ратифи-

полненных ожиданий, но также и опасений, что Суд может послужить препятствием проведению международных операций по поддержанию мира, он может быть полезен при работе с терминами и концептуальной трактовкой Устава. Более того, требуется трезвое понимание взаимоотношений между международным правом и международной политикой.

3. Тип Суда, который Устав предусматривает в действительности

Понимание того, чем Суд не является должно быть дополнено пониманием того, чем, собственно, Суд будет являться. И то, и другое может помочь объяснить широкую поддержку Устава.

Устав подтверждает и операционализирует индивидуальную ответственность за определенные преступления непосредственно по международному праву, рассматриваемые на фоне их несомненной серьезности. Аналогично эта серьезность придает им особенное международное измерение.³⁵ Устав, таким образом, действует в рамках концепции «международных преступлений» (пара.6). В контексте Устава они являются самыми серьезными преступлениями, заботящими международное сообщество в целом³⁶. Концепция международных преступлений, как здесь определено, предоставляет поэтому относительно нейтральную ценностную терминологию. В сочетании с принципом взаимодополняемости она может заложить универсальную основу того, если заимствовать у Роулса, что может быть обозначено как совпадающий консенсус, который может быть одобрен основными религиозными, политическими и правовыми системами³⁷.

Вторым условием для понимания широкой поддержки Устава является то, что Дипломатической конференции удалось сконцентрироваться на узком списке категорий преступлений, которые в наибольшей степени способствовали консенсусу. Это было достигнуто

кации Устава («Il faut ratifier le statut de la CPI, mais elle ne devra être l'alibi d'aucune défaillance de la volonté politique»).

³⁵ См. Sunga, loc.cit.

³⁶ См., например, пара. 4 и 9, а также ст. 1 и 5 Устава.

³⁷ См. более поздний Роулсианский подход в John Rawls, *Political Liberalism*, (1996), p. 133-172 и, в применении к международным отношениям, John Rawls, *The Law of Peoples*, в S. Shute, S. Hurley, *On Human Rights: The Oxford Amnesty Lectures*. (1993). Интересный комментарий к последнему дает Stanley Hoffman в John Rawls, *Le Droit des Gens*. (1996), p. 115-154.

нуто посредством возможного пересмотра списка преступлений последующим чтением (ст. 123). Это позволило сосредоточиться на преступлениях, уголовный характер которых не только признан всемирно, но также и в значительной мере является уже обязательным. Часто на них ссылаются как на «*core crimes*» международного права: геноцид, преступления против человечности и наиболее серьезные военные преступления, в то время как акт агрессии *inter alia* все еще называется в определении. Этот акцент на *core crimes* был среди центральных предварительных условий укрепления единодушного подхода в переговорах по проекту Суда.

Ключевым и действительно инновационным в этом смысле для понимания широкой базы поддержки Устава является принцип «взаимодополняемости» между Судом и национальной уголовной юрисдикцией. Устав напоминает в пара. 6, что «обязанностью каждого государства является осуществлять свою уголовную юрисдикцию над ответственными за совершение международных преступлений». Более того, в пара. 4 утверждается, что «их эффективное пресечение должно быть обеспечено принятием мер на национальном уровне и усилением международного сотрудничества». Соответственно, в пара. 10 подчеркивается, что Суд «будет дополнять национальную уголовную юрисдикцию». Принцип взаимодополняемости первоначально разработан в ст. 17 Устава, хотя также должен рассматриваться в контексте процедурных правил, заложенных в ст. 18 и 19 Устава. Его артикуляция уже является объектом ряда исследований, и есть основания ожидать в будущем увеличения их числа³⁸. Как бы то ни было, главным является то, что дела будут рассматриваться только тогда, когда конкретное государство не желает или не способно по настоящему расследовать дело или наказать виновных.

Это означает, что Устав не только не исключает возможности национального уголовного преследования, как это часто указывается. По сути он предполагает, что они имеют место, и дает им на определенных условиях абсолютное верховенство. Суд таким образом не предназначен брать на себя основные обязательства государств.

³⁸ См. John T. Holmes, *The Principle of Complementarity*, в Roy S. Lee, op.cit., p. 41-78; Sharon A. Williams, *Article 17*, в Triffterer, op.cit., 383-394; Bartram S. Brown, *Primacy or Complementarity: Reconciling the Jurisdiction of national Courts and International Criminal tribunals*, 23 Yale J. of Int'l Law, (1998), p. 383-436; Flavia Lattanzi, *The complementary character of the jurisdiction of the Court with respect to national jurisdictions*, в Flavia Lattanzi (ed.), *The International Criminal Court: Comments on the Draft Statute*, (1998).

Он также не предназначен вмешиваться в традицию экстрадиции между государствами и другие механизмы правовой помощи и сотрудничества. При условии, что *bona fide* расследования и пресечение осуществляется государствами, основной смысл Устава заключается в подтверждении ключевой роли международного уголовного права. Это является безоговорочной констатацией уважения суверенитета государства. Хотя можно утверждать, что деятельность Международных уголовных трибуналов по бывшей Югославии и по Руанде, в определенной мере, также опирается на принцип взаимодополняемости, Устав устанавливает действительно инновационным способом перспективный механизм подтверждения верховенства, которое должно быть отдано системам национальных судов. Это сочетается с мощным стимулом для конкретных государств для обеспечения того, что их обязанности найдут свое воплощение на практике. Значительной чертой является также то, что в экстремальных случаях обвала или паралича национальной судебной системы³⁹, Устав не дает оценки или характеристики никакой национальной системы уголовного преследования как таковой. Поэтому Суд будет оставаться нейтральным в своем взаимодействии с государствами. Взамен этого он вводит серьезное бремя доказательства на конкретное государство, включая развитую систему коммуникаций с этим государством и предварительным решением относительно приемлемости⁴⁰. В то время как установлена строгая презумпция невиновности в пользу национальных систем⁴¹, государства должны, по мере необходимости, задокументировать то, что их действие совместимы с истинным намерением представить лиц перед судом. Более того, для государств существует возможность в добровольном порядке использовать это учреждение посредством *ad hoc* принятия юрисдикции Суда⁴². Существование такого Суда может поэтому также быть полезным в отдельных случаях, когда национальная система уголовного преследования сама хотела бы, но не способна справиться с ситуацией, которая вызывает международную озабоченность.

Механизм, представленный принципом взаимодополняемости, особо подчеркивает принятие превентивных мер, нежели чем репрессивных. Разумно предположить, что бремя доказательства перед

³⁹ Ст. 17 (3) Устава.

⁴⁰ Ст. 18 Устава.

⁴¹ См. Lattanzi, *op.cit.*, p. 15.

⁴² Ст. 12 (3) Устава.

судебной машинерией более чем перед средствами массовой информации и политическими заявлениями может авторитетно внести вклад в выяснение, действительно ли государство выполняет свои основные обязательства по уже существующему международному праву. Существование такого механизма должно стимулировать действия государства⁴³. Термин «стимулировать» не обязательно является эвфемизмом. Действительно, он может быть более аккуратен, чем «угрожать», поскольку не существует никаких принудительных сил, пока не будет принято соответствующее решение Совета Безопасности. Даже в отношении *ad hoc* трибуналов, управляемых решением Совета Безопасности в соответствии с гл. VII Устава ООН, следует отметить, как бы то ни было, что четкие ограничения были подтверждены в международной юриспруденции в отношении, например, компетенции международных судебных органов на издание обязательных приказов государственным официальным лицам, действующим по своей должности или *subpoenas* государств⁴⁴.

В отношении международного мира и безопасности, а также и интересов национальной безопасности, Устав со всей очевидностью подчеркивает необходимость гармонии, симбиоза и взаимноусиливающегося взаимодействия с существующими международными и национальными учреждениями. Совету Безопасности предоставлена таким образом ключевая роль в инициировании действий Суда посредством полномочий, предусмотренных в Уставе (ст. 13b) в отношении ситуаций, определенных в гл. VII Устава ООН. Предполагалось, что такие ссылки могут стать важным источником для работы Суда, расширив его юрисдикционные рамки на весь мир и укрепив его финансовую базу⁴⁵. Более того, Совет может во исполнение ст. 16 откладывать расследование и пресечение Суда на период до 12 месяцев. По словам министра иностранных дел Франции Юбера Ведрина, в то время, как нет причин *a priori* полагать, что может быть некое противоречие между деятельностью Совета и Суда, переговорщики обнаружили, что пауза может быть необходима в определенных ситуациях, чтобы найти в качестве приоритетного вопроса

⁴³ См. Lattanzi, *op.cit.*, p. 15.

⁴⁴ См. единогласное решение Кассационной палаты Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии относительно аннулирования *subpoena duces tecum*, обращенного к Хорватии и министру обороны Хорватии в решении от 29 октября 1997 г. в «Prosecutor v. Tihomir Blaskic», IT-95-14-AR 108 bis.

⁴⁵ Louise Arbour, Morten Bergsmo. *op.cit.*, p. 19.

решение безвыходной ситуации и положить конец насилию⁴⁶. В отношении международных операций по поддержанию мира Устав предусматривает особую защиту военного персонала. Определения преступлений в части 2, а также основные принципы уголовного права в части 3 с помощью «элементов преступления», исходящие из ст. 9, могут повысить правовую точность и предсказуемость намерений частного поведения военного персонала. Далее, ст. 98(2) предусматривает то, что Суд может работать при наличии призыва к капитуляции в обязательствах, вытекающих из соответствующих международных соглашений. Среди важных гарантий в отношении национальной безопасности следует отметить, что ст. 72 предусматривает новые процедуры для защиты информации, имеющей отношение к национальной безопасности.

В отношении правил уголовной процедуры, применяемых Судом и организацией последнего достаточно отметить, что Устав предусматривает достигнутый в результате переговоров «гибрид» традиций общего и гражданского права. Отвечая на критику о том, что Международные уголовные трибуналы по бывшей Югославии и Руанде в значительной мере подвержены влиянию противоборствующих традиций общего права, Устав устанавливает, среди прочего, более активную роль судей на стадии расследования в соответствии с традициями континентального европейского гражданского права. В дополнение к укреплению более универсальной основы для Суда Устав тщательно отражает вклад всех основных правовых систем, что также оказывает влияние на процедурные гарантии против неправомерных действий прокурора. Таким образом, последний контролируется Предсудебной палатой судей, а также Судебной палатой, которые имеют функции и полномочия, обеспечивающие значительное право вето на всех стадиях, включая потенциально чувствительную стадию инициирования расследования⁴⁷.

Можно добавить в качестве еще одного составляющего звена для понимания универсальной поддержки Устава, что весь режим уголовного преследования Суда, в конце концов, достиг консенсуса

⁴⁶ Министр иностранных дел Франции Юбер Ведрин, см. сноску 32 («Certes, il n'y a pas de raison, *a priori*, de penser que les logiques du Conseil et de la Cour puissent être contradictoires. Mais les négociateurs ont pensé qu'une pause pouvait se révéler nécessaire, dans certaines situations, pour trouver, en priorité, une solution à un conflit inextricable et mettre fin aux violences.»).

⁴⁷ См., напр., ст. 53 Устава.

в течение последних дней Дипломатической конференции. Значение единогласного решения выходит за рамки примирения чрезвычайно полярных точек зрения относительно применимых видов наказания, включая вынесение смертного приговора. Это недооценивается некоторыми делегациями, которые подчеркивали значимость соразмерных приговоров по отношению к доверию к суду и справедливости⁴⁸.

Подводя итоги, вышеупомянутые черты были среди тех, которые составили основу для признания на Дипломатической конференции преимуществ достаточно статичной и стабильной нормативной и институциональной структуры международного уголовного права, если использовать терминологию Сунга⁴⁹.

4. История и теория международного права: где место Устава?

«Осмотрительный историк заканчивает свою работу задолго до настоящего времени; затем он занимает свое место вместе со всеми остальными для дневного парада. Единственная причина этому — история не может быть написана слишком рано, перспективу нужно достигнуть. Тактическое преимущество этого ограничения даже еще больше. О текущих событиях люди часто информированы. Они будут оспаривать интерпретацию историка, возможно даже его факты. Таким образом, его профессиональное преимущество теряется. Тогда лучше остаться в хороших отношениях с прошлым. Обстоятельства этого эссе не позволяют принять такое осторожное решение. Оно стремится высказать мудрость и глупость прошлого, но также и использовать их, чтобы наполнить настоящее светом.»⁵⁰

Это *предостережение* не менее полезно, когда имеешь дело с вновь создаваемыми учреждениями, такими как Международный уголовный суд. Рамки данной статьи не позволяют идентифицировать просвещенную мудрость и глупость прошлого. Определенные выдающиеся черты развивающейся природы и функций международного права могут, тем не менее, дать некоторое представление об Уставе.

⁴⁸ См. часть 7 Устава. Для анализа см. Rolf Einar Fife, *Penalties*, в Roy Lee (ed.) *The International Criminal Court. The making of the Rome Statute: Issues, Negotiations, Results*, (1999), p. 319-343.

⁴⁹ См. Sunga, *op.cit.*, p. 332.

⁵⁰ John Kenneth Galbraith, *op.cit.*, p. 296.

Устав не представляет собой никакого вызова основам вестфальской системы международного права⁵¹. Этот этатистский и сильно фрагментированный правопорядок отражен в значительной мере в международном уголовном праве. Утверждалось, что текущее региональное и субрегиональное развитие в Европе, в частности в отношении Шенгена и рамок сотрудничества ЕС, несет в себе потенциал, способный модифицировать Вестфальскую систему в этой области⁵². Это не является целью Устава, который, скорее, сам адаптируется к этой системе. Тщательный анализ принципа взаимодополняемости может даже показать, что Устав отклоняется от традиционного обсуждения прав человека vs. суверенитета государства как двух противоположных полюсов⁵³. В том же самом тоне можно добавить, что целью Устава также не является оспорить основной подход гроцианской системы, которая опирается на обязательство государств экстрадировать или судить преступников⁵⁴. Это межгосударственное сотрудничество в международном уголовном праве остается неприкосновенным.

В то же самое время Устав представляет собой калейдоскоп новых вызовов международному праву, которые в большой мере могут быть соотнесены с пробелами в Вестфальском правопорядке⁵⁵. Он обращается к проблеме распавшихся или расколотых государств⁵⁶ и признает роль новых негосударственных акторов⁵⁷. В отношении международного уголовного права общий ландшафт доминируется

⁵¹ См. Leo Gross, *The Peace of Westphalia 1648-1948*, в *International Law in the Twentieth Century*, The American Society of International Law, (1969), p. 25-46.

⁵² См. Christopher Harding, в Christopher Harding, C.L. Lim (eds.), *Renegotiating Westphalia, Essays and Commentary on the European and Conceptual Foundations of Modern International Law*, (1999), p. 213.

⁵³ Сравните, например, с Yash Ghai, *Human Rights and Governance: the Asian debate*, Australian Yearbook of Int'l Law, (1994), p. 1-34.

⁵⁴ Harding, op.cit., p. 195. Относительно Гуго Гроция (1583-1645) и его взгляда на мировой порядок см., например, Cornelius F. Murphy Jr., *The Search for World Order*, (1985), p. 1-28.

⁵⁵ В области международного мира и безопасности проблемы были четко очерчены и поставлены на международную повестку дня, см. Boutros-Ghali, *An Agenda for Peace (A/47/277-S/24111)*, Доклад Генерального Секретаря ООН в 1992 г. относительно определения возможности ООН быстро и эффективно реагировать на угрозу международному миру и безопасности, за которым в 1995 г. последовал *Supplement to an Agenda for Peace (A/50/60-S/1995 1)*

⁵⁶ См., напр., статьи 17 (3) и 57 (3) Устава.

⁵⁷ См., напр., ст. 15 (2) Устава.

полицентричной сетью, состоящей из договорных обязательств, обычного права и национальных законов.⁵⁸ Устав предпринимает попытку создать метод для соединения воедино всего вышеперечисленного.

Акцент Устава на индивидуальной уголовной ответственности за международные преступления не так уж нов. Он был продемонстрирован на национальном уровне, например, «Klinge judgement» Верховного Суда Норвегии еще в 1946 г.⁵⁹, и на международном уровне Нюрнбергским правом⁶⁰. Устав надстраивает и развивает наследство Нюрнбергского и Токийского трибуналов. Его принятие стало возможным при помощи политического и правового момента, созданного учреждением Советом Безопасности Международных уголовных трибуналов по бывшей Югославии и по Руанде ООН в 1993 и 1994 гг. соответственно. Таким образом, новые модели международных отношений и сотрудничества после окончания «холодной войны», включая окончание конфликта Восток-Запад, заложили основу для обновленной способности к действию Совета Безопасности ООН. Одним словом, учреждение двух трибуналов доказало, что глобальное создание такого рода учреждений было возможным, и прежний опыт этих двух учреждений принес ясность и масштаб в отношении ряда проблем⁶¹, создав принципиально важное мнение, что их можно уладить⁶².

В конечном итоге Суд может представить собой проверку на значимость международных правил и амбиций международного права в его сегодняшнем состоянии⁶³. Значимость Устава может быть

⁵⁸ Immi Tallgren, *Completing the «International Criminal Order»*, 67 Nordic J. of Int'l Law, (1998), p. 137.

⁵⁹ Решения Верховного Суда Норвегии: Retstidende 1946, 198 f.

⁶⁰ Quincy Wright, *The Law of the Nuremberg Trial*, 41 Am. J. of Int'l Law, (1947), p. 38-72.

⁶¹ Краткий обзор преимуществ постоянного уголовного суда над *ad hoc* трибуналами см. Michael P. Scharf, *A Critique of the Yugoslav War Crimes Tribunal*, 13 Nouvelles Etudes Pénales, Association Internationale du Droit Pénal, (1997), p. 259-266.

⁶² Claude Lombois, *Droit pénal international*, (1979), p. 79-96, 129-176; M. Cherif Bassiouni, *The Statute of International Criminal Court, A documentary history*, (1998), p. 1-35; Herman von Hebel, *An International Criminal Court — A historical Perspective*, в *Reflections on the international Criminal Court, Essays in honour of Adriaan Bos*, (1999), p. 13-38.

⁶³ Описание основных проблем дано в Ian Brownlie, *The Rule of Law in International Affairs*, (1998), p. 1-17. Авторитетную дискуссию, исходящую из того.

затронута путем постановки вопроса, удовлетворяет ли он и в какой степени критериям и требованиям различных правовых теорий. Не затрагивая, «может ли теория предоставить какие-либо полезные ответы на важнейшие вопросы, касающиеся основного источника обязательной силы закона», которые были обстоятельно раскрыты в отрицательном смысле Браунли⁶⁴, может быть сделано предположение в том смысле, что основные принципиально важные вопросы, поставленные теорией международного права, тем не менее, могут представить полезную перспективу в идентификации выдающихся черт природы и функций Международного уголовного суда.

Рамки данной статьи не позволяют ничего более, как отметить, что Устав отражает несколько важных теоретических наследий. Они включают в себя связи, ведущие к естественному праву представленным в Нюрнбергском праве, преамбуле Устава ООН и соображений гуманности⁶⁵. С точки зрения теории, представленной «New Haven School», можно признать отражение в Уставе великой ценности человеческого достоинства, — проект Суда может быть плодотворно проанализирован в смысле более широкого процесса⁶⁶. Более того, Устав, как можно утверждать, вносит свой вклад в скептицизм как классических, так и структурных реалистов, и в этом он тщательно, насколько это возможно, отражает современные институциональные и прочие силовые структуры. Это выражено в виде положений, регулирующих отношения Суда с Советом Безопасности и касательно защиты информации, имеющей отношение к национальной безопасности. Различные институционалистские подходы могут добавить интересные перспективы в отношении самого суда и как он взаимо-

что международное право — это процесс, нежели чем свод положений см. Rosalyn Higgins, *Problems and Process, International Law and How we use it*, (1994), p. 2-16. Пример противоположной точки зрения вместе с полезным введением в теорию международного права и международных отношений см. Robert J. Beck, Anthony Clark Arend, Robert D. Vander Lugt, *International Rules — Approaches from International Law and International Relations*, (1996).

⁶⁴ Brownlie, op.cit., p. 11.

⁶⁵ См. Brownlie, *Principles of Public International Law*, (1980), p. 28.

⁶⁶ Главный представитель «New Haven School», W. Michael Riesman, проанализировал подход США к Суду, отметив при этом, что «... инструмент, возникший на Римской конференции в 1998 г. рассматривался как способный помешать попечительской роли США, которую они могли бы сыграть в военном смысле», *The United States and international institutions*, The International Institute for Strategic Studies, Survival 41-4, Winter 1999-2000, p. 75.

действует с исследованием различных режимов. Ученые, представляющие так называемое New Stream, имеют массу материала для разрушения языка Устава. Далее, феминистские голоса были услышаны в той мере, которая была непредставима в праве Нюрнберга или даже Уставах Международных трибуналов по бывшей Югославии и по Руанде, например, в отношении гендерных проблем в определениях преступлений или защиты свидетелей⁶⁷. В то же самое время исламская перспектива оказалась полезной для того, чтобы в полной мере понять формулировку нескольких положений, и это благодаря активному участию исламских государств в переговорах по Уставу.

Влияние суда в конечном итоге будет связано с функцией и ролью международного права в целом в контексте основных международных кризисов. Эту роль невозможно не принимать во внимание, хотя и с переменным результатом. Вес, приданный положениям международного права в практике Совета Безопасности ООН, представляет собой важный индикатор в этом контексте. Определенно, принятие Римского Устава следует за периодом значительно увеличивающейся вовлеченности Совета Безопасности в укрепление международного правопорядка⁶⁸. Ныне покойный судья ICJ Guy de Lacharrière сделал наблюдение о том, что решающим элементом в определенном момент времени в отношении важности международного права в международных отношениях, является мнение о нем людей, принимающих решения в каждом конкретном государстве⁶⁹. Следует отметить, что возможность того, что эти люди будут серьезно рассматривать, например, основополагающие принципы международного права не будет уменьшена существованием Международного уголовного суда. Напротив, есть основания ожидать, что последний может быть принят во внимание среди прочих факторов в планировании, артикуляции и проведении будущей политики.

⁶⁷ См. Cate Steains, *Gender Issues*, в Roy S. Lee, op.cit., p. 357-390.

⁶⁸ См. исследование судьи ICJ Gilbert Guillaume в *Les grandes crises internationales et le droit*, (1994). В отношении растущей озабоченности Советом Безопасности ООН гуманитарной ситуацией или правами человека внутри суверенных государств см. Sydney Bailey, *The UN Security Council and Human Rights*, (1994). Оба демонстрируют увеличившийся вес международного права в недавней практике Совета Безопасности, анализ предоставлен в Rosalyn Higgins, *The place of international law in the settlement of disputes by the Security Council*, 64 Am. J. of Int'l Law, (1970), p. 1-18.

⁶⁹ Guy L. de Lacharrière, *La politique juridique extérieure*. (1983). p. 212.

5. Возникающая структура и роль Международного уголовного суда

Томас Гоббс еще в 1651 г. просто и метко прокомментировал одно из взаимоотношений между преступлением и безнаказанностью: *«То же действие является большим преступлением, если до этого другие люди неизменно наказывались за подобное действие, и меньшим — если они оставались до этого во многих случаях безнаказанными. Ибо такие примеры являются надеждой на безнаказанность, внушенной правонарушителю самим сувереном. И так как тот, кто внушает человеку надежду на безнаказанность, которая поощряет его к совершению преступления, сам является соучастником, то у него нет основания взваливать всю вину за это преступление на непосредственного нарушителя»*⁷⁰.

Ключевым признанием в недавнее время является необходимость бороться с безнаказанностью с целью укрепления долгосрочного примирения, мира и демократии. Более того, огромные бюджетные статьи передаются на поддержание и укрепление мира в случае гуманитарных катастроф, а они часто приводятся в действие или поддерживаются индивидуумами, которые цинично действуют в качестве «conflict entrepreneurs»⁷¹. Суммы, достигающие почти 10 процентов обычного бюджета ООН, предусмотрены на два *ad hoc* трибунала, руководимых Советом Бузопасности⁷². Более эффективные меры предупредительного характера, которые международное сотрудничество в форме пеницитарной машинерии может существенно пополнить, должны быть поэтому в смысле экономики и «хорошей Realpolitik» очевидным приоритетом. Заслуживающий доверие фактор сдерживания предполагает эффективные нормативные и институциональные механизмы предотвращения безнаказанности.

Попытки поиска правды в суде, например, на Балканах, в регионе Великих озер в Африке, Камбодже и Восточном Тиморе, могут означать медленную, но, тем не менее, необратимую тенденцию, направленную против безнаказанности преступников, совершивших

⁷⁰ Thomas Hobbs, *Leviathan*, (1651) chapter 27 (Penguin Classics, ed. 1987, at p. 347.

⁷¹ Asbjørn Eide, *Peaceful and Constructive Resolution of Situations Involving Minorities*. United Nations University, 10 (1995).

⁷² Цифры, упомянутые министром иностранных дел Франции Юбером Ветрином, протокол пленарного заседания Национальной Ассамблеи от 22 февраля 2000 г. относительно ратификации Устава.

жесточайшие зверства. Информационные и коммуникационные технологии являются основным фактором, наряду с осведомленным гражданским обществом. В случае опубликования фотографий массовых захоронений в средствах массовой информации, когда фотографирование с воздуха быстро может обнаружить места массовых захоронений, а Интернет распространяет информацию по всему свету со скоростью света и устанавливает беспрецедентную сеть, не знающую границ, или «flagless tribes» в антропологическом смысле, общественные требования на политическом рынке могут быть быстро переведены в требования незамедлительных действий.

В начале нового тысячелетия основной вопрос может, по всей видимости, быть относительно того, кем и в соответствии с какими стандартами должно быть предпринято пресечение международных преступлений, нежели чем, будет ли оно вообще предпринято. Существует увеличивающаяся практика государств в отношении национального пресечения иностранцев за международные преступления, совершенные за границей на основе универсальной юрисдикции. Дело Пиночета представляет собой иллюстрацию того, как испанский судья инициировал расследование и уголовное преследование бывшего лидера Чили, таким образом приведя в движение спор о пределах неприкосновенности настоящих и бывших глав государства⁷³. Другие инициативы, предпринятые недавно на национальном уровне, демонстрируют потенциал для распространения государственных инициатив. Примерами могут послужить арест в начале 2000 г. в Сенегале бывшего главы Чад Hissène Habré и единогласное решение от 29 мая 1998 г. Французской Национальной Ассамблеи в отношении проекта закона, согласно которому Франция признает, что в 1915 г. имел место геноцид армян⁷⁴.

Рассматриваемый на этом фоне Международный уголовный суд, Устав которого устанавливает четкие определения преступлений и принципов уголовного права, отражает всемирно признанные принципы уголовной процедуры и интегрирован в архитектуру ООН по поддержанию мира и безопасности, может укрепить правовую

⁷³ См. напр., *Ex-dictators are not immune* и *Bringing the general to justice*, The Economist, 28 November 1998, p. 13-14, 23-28. Обсуждение проблем, связанных с полномочиями национальных судей, см. Philippe Moreau Defarges, *Punir les tyrans*, Défense Nationale, Paris, (1999:1), p. 46-54.

⁷⁴ Как бы то ни было, закон не был принят Сенатом Франции, согласно решению от 22 февраля 2000 г., см. Le Monde, 24 February 2000, p. 34.

определенность и предсказуемость. В то время, когда главы государств могут быть объектами расследования спустя много лет после совершения деяний и когда применяемые нормы отражают полицентричный и фрагментированный международный правопорядок, Суд может обеспечить не только внимание, но и руководство ответственными действиями. Правовая и политическая интернализация определенных базовых стандартов, отраженных в Уставе, могут укрепить координацию и стабильность. Устав может таким образом стать носителем общего и гармонизированного языка, отражающего хорошую Realpolitik и международные ценности. Вклад в долгосрочную предсказуемость может быть в интересах как малых государств, так и великих держав, пока они разделяют ключевые ценности человеческого достоинства, мира и безопасности.

Смена парадигмы в международном уголовном праве может быть поддержана очевидной конвергенцией интересов, с одной стороны, и моралью и международным правом, с другой. Для больших и малых государств в равной степени может быть в долгосрочной перспективе предпочтительнее принимать активное участие в создании такого института, нежели чем противостоять этому. Это в особенности так, поскольку создание такого рода учреждения основывается на напоминании государствам об их первичных обязанностях и основном уважении суверенитета государства.

Более того, справедливость и примирение не исключают друг друга. Не будучи двумя противостоящими сторонами, может быть приведен убедительный пример дополнения их друг другом. Современная политическая наука и социальные исследования все в большей степени концентрируются на процессах примирения и миростроительства или в случае вооруженного конфликта международного или немеждународного характера, или же в случае перехода от авторитарного правления к демократической системе, или же в других ситуациях, когда совершены международные преступления. Такое исследование подтверждает то, что, например, комиссия правды является «недостаточной для того, чтобы сдвинуть страну с его прошлого в направлении к более надежному будущему»⁷⁵. Основой

⁷⁵ Priscilla B. Hayner, *Questioning the truth: further research questions*. 17 Third World Quarterly 28 (1996), в David Gairdner, *Truth in transition, The role of truth commissions in political transition in Chile and El Salvador*, Report 1999:8, Christian Michelsen Institute, Bergen, (1999), p. 3. Последнее исследование предлагает

основ примирения является, какие бы механизмы не применялись с целью укрепления миростроительства, консолидация верховенства закона и борьба с безнаказанностью в отношении самых ужасных преступлений⁷⁶. Сказать правду может быть шагом в направлении к отчетности, а последняя является основополагающей для долгосрочного примирения и миростроительства.

Устав не противоречит ни одной из целей международных усилий, направленных на такие переходные процессы. Существование Суда может совсем наоборот обеспечить плодотворное взаимодействие с международными институтами, занимающимися укреплением такого рода процессов, включая компетентные органы ООН или региональные организации. Основным посланием Устава является обновленный акцент на ключевой ответственности государств бороться с безнаказанностью и принцип взаимодополняемости, обеспечивающий определенный стимул. Устав сигнализирует, что международное сообщество никогда не должно ставить своей целью принимать на себя эту ответственность государств, и то, что их несостоятельность может привести к необходимости взять на себя бремя доказательства. В конечном итоге юрисдикция Суда может сработать, поэтому проект суда расположен в точке пересечения справедливости, мира и примирения.

Принцип взаимодополняемости Устава предоставляет внушительный стимул для действий государства. Приоритетом должно быть обеспечение национального уголовного преследования международных преступлений, потому что это имеет смысл, если оценивать это с точки зрения эффективного распределения средств⁷⁷. Определенно, международное сообщество не должно ставить своей целью принятия на себя обязательств конкретного государства, пока это не будет необходимо, и такое разделение труда может также на-

свою трактовку понимания роли комиссий правды в перспективе развития прав человека.

⁷⁶ О работе Комиссий правды см. напр., Thomas Buergenthal, *The United Nations Truth Commission for El Salvador*, в United Nations Institute for Peace, *Transitional Justice: How Emerging Democracies Reckon with Former Regimes*, (1995).

⁷⁷ Об административных проблемах, связанных с руководством международными уголовными трибуналами см. UN Doc. A/54/634 от 22 ноября 1999 г., озаглавленном *Report of the Expert Group to conduct a review of the effective operation and functioning of the International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia and the International criminal Tribunal for Rwanda*.

помянуть «principle of subsidiarity» в праве ЕС⁷⁸. Интернализация в внутригосударственные системы⁷⁹ определенных основных норм и обеспечение их операционализации может дать результаты в конкретном государстве⁸⁰. Отсюда можно вывести мысль родом из социальной теории, отраженной в работе Парсонса⁸¹. Проверка приемлемости и эффективности Суда таким образом может быть связана с такими понятиями как мобилизация ресурсов, политическая поддержка, легитимизация, поддержание согласованности, координация подсистем и предотвращение разрывов, управление напряженностью, включая разрешение внутренних конфликтных ситуаций среди акторов. Суд должен будет адаптироваться к своему политическому и правовому окружению, а они должны будут подобным же образом адаптироваться к нему.

Устав представляет собой огромный прыжок в укреплении согласованности в международном праве. Хотя переговоры в отношении Римского Устава в первую очередь и главным образом рассматривались в качестве учреждения института, но, тем не менее, содержали элементы кодификации и прогрессивного развития международного права, что примечательным образом было отмечено тем прогрессом, который был достигнут в определении преступлений против человечности (ст. 7). Более того, участники переговоров приняли во внимание, в дополнение к Нюрнбергским «acquis», быстро развивающееся прецедентное право двух международных уголовных трибуналов, а также международной и национальной юриспруденции. Рассматривая международное уголовное право и международное гуманитарное право в качестве двух специализированных подсистем права, было важно обеспечить их согласованность с другими

⁷⁸ См. ст. 5 Соглашения ЕС, дополненного Амстердамским договором от 2 октября 1997 г.

⁷⁹ См. Koh, loc.cit.; Michael Cottier, *Die Anwendbarkeit von voelkerrechtlichen Normen im innerstaatlichen Bereich als Ausprägung der Konstitutionalisierung des Voelkerrechts*, в Swiss Rev. of Int'l and Eur. Law 4/5/99, p.420-424.

⁸⁰ Экономика международного права, рассмотренная в Вестфальском контексте, проанализирована в John Linarelli, *The economics of sovereignty*, в Harding and Lim (eds.), *Renegotiating Westphalia, Essays and Commentary on the European and Conceptual Foundations of Modern International Law* (1999), p. 351-389.

⁸¹ Основы системы теорий Парсонса заложены в *The social system* (1951) и *Toward a General Theory of action* (1951). Теории Парсонса сыграли свою роль норвежской правовой теории и социологии права, в особенности, через Torstein Eckhoff, Nils Kristian Sundby, *Rettsystemer* (1976).

подсистемами международного права и принципами и положениями общего международного права и институтов⁸². Без всякого сомнения, Устав представляет собой главное международное усилие в выяснении масштаба индивидуальной уголовной ответственности в международном праве. Как таковой, он несет в себе потенциал добавления еще одного компонента к аналитическим попыткам выявить основу для минимальных гуманитарных стандартов на пересечении международного гуманитарного права и международного права прав человека⁸³.

Спорным образом, Устав также представляет собой главный вклад в большую согласованность между этой подсистемой международного права и национальным законодательством. Тщательные переговоры в отношении определений преступлений и общих принципов уголовного права, за которыми следует важное коллективное усилие наметить «элементы преступления», предусмотренные в ст. 9 и которые будут помогать Суду в интерпретации и применении положений, привели к транснациональным успехам. Был начат новый этап международной гармонизации. В связи с ратификационными процессами на сегодняшний момент происходит пересмотр гражданского и военного уголовного права во многих государствах.

Более того, Устав уже начал укреплять гармонизацию национальных правовых положений. С целью ратификации Устава государства обязуются выполнять все свои обязательства, вытекающие из Устава, по мере возникновения необходимости в будущем. Подготовительная работа необходимая для ратификации не является не-

⁸² Анализ проблем и необходимости большей согласованности и координации в многосторонней торговой системе, рассматриваемой также в качестве специализированной подсистемы права см. Gabrielle Marceau, *A call for coherence in international law, Praises for the prohibition against «clinical isolation» in WTO dispute settlement*, 33 (5) J. of World Trade. (1999), p. 87-152. См. также L.A.N.M. barnhoorn and K.C. Wellens (eds.), *Diversity in Secondary Rules and the Unity of international Law* (1995). О кажущейся разобщенности между ВТО и правом ООН в отношениях между торговлей и безопасностью, а также попытке озвучить посреднический подход, призывающий к согласованности между этими двумя институтами см. Antonio F. Perez, *WTO and UN Law: Institutional Comity in National Security*, 23 Yale J. of Int'l Law, (1998), p. 301-381.

⁸³ О дискуссии относительно минимальных гуманитарных стандартов в рамках ООН, см. David Petrasek, *Moving forward on the development of minimum humanitarian standards*, 92 Am. J. of Int'l Law. 557-563 (1998).

значительной⁸⁴. Процедурные требования зависят от национальных конституционных правовых систем. Имплементация Устава требует вклада со стороны различных правительственных властей, а также значительной координации между организациями.

Через косвенное давление, чтобы убедиться, что налицо соответствие принципу взаимодополняемости, путем сравнения национального законодательства и практики с утвержденными в Уставе определениями преступлений и общих принципов уголовного права, может быть достигнута увеличившаяся согласованность между национальными системами и международным правом. Устав не означает никаких обязательств обеспечить криминализацию и уголовное преследование всех преступлений, закрепленных в статьях 5-8. Если проверка на взаимодополняемость не будет удовлетворительна в частном случае, тем не менее она будет означать, что последняя может стать приемлемой для рассмотрения на Суде. Сама по себе она не предполагает отвержение или неодобрение конкретной системы государства. Спорным образом, государство может отметить, что в отношении баланса затронутых интересов оно может не иметь никаких сомнений, позволив международной юрисдикции взять верх над расследованием и наказанием конкретного дела. Может быть, это является последним выражением того, насколько государство поддерживает систему Суда. Также может быть то, что конкретное государство не имеет действительных средств заниматься этим делом.

Ключевая проблема при рассмотрении соответствия с международным правом была определена Кохом в анализе транснационального правового процесса посредством комплексного процесса институционального взаимодействия, в рамках которого универсальные нормы введены в национальные правовые системы⁸⁵. Система международного уголовного суда посредством стимула, предоставленного принципом взаимодополняемости с национальными системами уголовного права, определенно имеет потенциал, необходимый для укрепления правовой и политической интернализации положений, заложенных в Уставе. Система международного уголов-

⁸⁴ См. William A. Schabas, *Follow up to Rome: Preparing for Entry into Force of the International Criminal Court Statute*, 20/4-6 Human Rights Law J., 157-166 (1999).

⁸⁵ Harold Hongju Koh, *Why do nations obey international law?*, 106 Yale Law J. (1997). p. 2602. В развитие этого аргумента см. также этого же автора, *Transnational Legal Process*, 75 Neb. Law Rev. 181 (1996).

ного суда не имеет никаких предосудительных характеристик в смысле отношения какой бы то ни было национальной правовой системы с международным правом и позволяет в значительной степени различным дуалистическим или монистическим системам рассматривать, каким образом будет организовано институциональное взаимодействие.

Устав и будущие дополнительные инструменты, находящиеся в стадии разработки, представляют собой базовую нормативную структуру, другими словами, основной архитектурный дизайн. Хотя это и не должно сопоставляться с завершенным строительством. Работа по строительству продолжается, а затем возникнет необходимость в тщательной работе по поддержке и эксплуатации созданного. Главным в этом учреждении является выбор судей и прокурора. Требующиеся профессионализм, а также тщательность и честность, беспристрастность и объективность должны сочетаться с четким пониманием человеческой природы, истории и международных отношений.

Рассматриваемый здесь процесс создания будет длительным процессом консолидации и практических усовершенствований. Действительные результаты и долгосрочная устойчивость этого института не может быть оценена только через оценку одного Устава или других правовых инструментов, обсуждаемых Подготовительной комиссией. Без должного рассмотрения мер, которые могут укрепить и увеличить приемлемость и эффективность Суда, устойчивой осведомленности общества, соразмерных ресурсов и политической поддержки со стороны малых и крупных государств, этот институт может легко превратиться в пыльный свод положений без больших последствий, примеры чему известны как в сборниках договоров, так и кодексах национального законодательства. Если так и будет, существует опасность, что направленный в начале критический взгляд может, в конечном итоге, оказаться правым. Суд может действительно привести к общему недостатку ответственности, потому что он повысит ожидания, которые не могут быть выполнены, в то же самое время укрепляя самодовольство государств и препятствуя учреждению новых *ad hoc* трибуналов⁸⁶.

Реакция международного сообщества и гражданского общества на недавние массовые зверства в Европе и где бы то ни было еще может фактически рассматриваться в более широком контексте про-

⁸⁶ Serge Sur, *La Convention de Rome entre ONG et Conseil de Sécurité*, *Revue Générale de Droit International Public*, 103: 1 (1999), p. 45

блем современности в современной социальной теории. В анализе Гидденса современный мир характеризуется «глобализацией риска». Это применимо как в отношении интенсификации риска, так и в отношении расширения атмосферы риска при работе с такого рода проблемами⁸⁷. По словам Гидденса, требуется жесткое разделение между реалистической и утопической мыслью. «Утопическое мышление бесполезно, и может быть чрезвычайно опасно, если его применять к, скажем, политике сдерживания. Моральное убеждение, преследуемое без ссылки на стратегические действия, может предоставить психологический комфорт, который приходит с осмыслением того, что ведут за собой радикальные обязательства. Но это может привести к противоречивым результатам, если не будет смягчено осознанием того, что, с большой степенью риска, первостепенной задачей должна быть минимализация опасностей.»⁸⁸ Есть соблазн отнести эти слова к Международному уголовному суду, чья природа и функции взаимосвязаны со сдерживанием. Таким образом, еще один вопрос, может быть, состоит в том, является ли Устав результатом утопического мышления или, наоборот, в основе его лежит реальная необходимость минимизировать потенциальные опасности. Еще один вопрос может касаться того, привели ли эти идеи к чрезмерному усилию смягчить ситуацию, делая таким образом Суд неэффективным. Автор предполагает, что Устав является сбалансированным продуктом утопии и реализма. Поэтому у него действительно есть потенциал, преувеличивать который будет наивно со стороны его сторонников и игнорировать который будет опасно потенциальным преступникам.

⁸⁷ См. Anthony Giddens, *The Consequences of Modernity* (1990), 125-137.

⁸⁸ Giddens, *op.cit.*, p. 155.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЛЕГАЛИЗАЦИИ (ОТМЫВАНИЮ) ДОХОДОВ, ПОЛУЧЕННЫХ НЕЗАКОННЫМ ПУТЕМ

*Л.Н. Анисимов**

В последнее десятилетие организованная преступность и коррупция, в том числе легализация (отмывание) доходов, полученных незаконным путем, приняли международный характер, в особенности в крупных финансовых и экономических центрах Европы, и превратились в политический фактор, негативно влияющий на авторитет государственной власти в ряде стран, в том числе в Российской Федерации.

Абсолютным большинством государств Европы, да и всем международным сообществом признано, что легализация (отмывание)¹ денег и имущества, полученных преступным или незаконным путем, стала глобальной угрозой экономической безопасности государств, что требует принятия согласованных мер как на национальном, так и на европейском и международном уровнях для защиты легальной экономики от криминальных инвестиций.

Объективности ради отметим, что первыми к пониманию необходимости организации борьбы с отмыванием незаконно полученных денег пришли законодатели Соединенных Штатов. Конгресс США еще в 1970 г. принял закон о банковской тайне, обязывающий финансовые и некоторые другие учреждения противодействовать легализации доходов, полученных преступным путем. В 1986 г. американские законодатели включили в Свод законов (раздел 18) статью 1956, квалифицирующую отмывание денег как преступное деяние и предусматривающую максимальное наказание за него в виде 20 лет тюремного заключения и штрафа в 500 тыс. долларов². Аме-

* Доктор юридических наук, профессор кафедры международного права МГИМО (У) МИД РФ.

¹ О происхождении этого понятия см.: *Филатов В.П.* Правовые аспекты борьбы с международной преступностью // *Московский журнал международного права*, 1997, № 4, с. 64.

² См.: *Кузнецов И.Ф., Багаутдинова С.К.* Контроль над легализацией преступных доходов в США // *Вестник Московского университета. Серия 11: Право*. 1997, № 6, с. 39.

риканцы перманентно принимали различные нормативно-правовые акты в этой сфере, и специалисты считают США «самой активной страной, борющейся с отмыванием грязных денег»³.

Как считают специалисты, в мире ежегодно отмывается не менее 200 миллиардов долларов. Преимущественно это доходы транснациональных преступных корпораций, получаемые от незаконного оборота наркотиков, сокрытия прибыли, торговли оружием, а также в результате других преступлений.

Располагая этими колоссальными средствами, организованные преступные группировки получают безграничные возможности подкупа, коррупции и террора. Именно поэтому они представляют серьезную угрозу законности, общественному порядку и эффективной деятельности правительств. В то же время именно огромный объем находящегося в незаконном обороте денежных средств вынуждает руководителей преступных организаций (синдикатов) так или иначе использовать легальную экономику и финансовую систему для отмывания грязных денег, что составляет уязвимое звено преступной деятельности, облегчая государствам контроль над потоками незаконных денежных средств, их изъятие и конфискацию.

Важным средством борьбы с организованной преступностью является международно-правовое сотрудничество государств.

Международно-правовые нормы противодействия легализации доходов, полученных незаконным (преступным) путем

Мировым сообществом накоплен определенный межгосударственный опыт борьбы с отмыванием денег и другого имущества, полученного незаконным путем, и разработана общая международно-правовая концепция противодействия легализации нелегальных доходов, нашедшая свое отражение в таких важнейших международно-правовых документах, как Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 г. (Венская конвенция)⁴ и Конвенция Совета Европы об отмывании

³ Там же, с. 46.

⁴ См.: Действующее международное право. В 3-х тт. Сост. Ю.М.Колосов, Э.С.Кривчикова. Т. 3. М., 1997, с. 60-89.

вании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности 1990г. (Страсбургская конвенция)⁵.

Прежде всего обозначим положения Венской конвенции в части, касающейся рассматриваемого нами вопроса. Правда, в ней не используется термин «отмывание денег» и говорится не о «преступных доходах», а о доходах, полученных от незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. При этом согласно п. «р» ст.1 ««доходы» означают любую собственность, полученную или приобретенную прямо или косвенно в результате совершения правонарушения, признанного таковым в соответствии с пунктом 1 статьи 3», а под собственностью согласно п. «q» ст. 1 понимаются «активы любого рода, материальные или нематериальные, движимые или недвижимые, осязаемые или неосязаемые, а также юридические документы или акты, удостоверяющие право на такие активы или участие в них»⁶. В п.1 ст.3 установлено, что «каждая Сторона принимает такие меры, которые могут потребоваться, с тем чтобы признать уголовными преступлениями согласно своему законодательству следующие действия, когда они совершаются преднамеренно: ...

— конверсию или перевод собственности, если известно, что такая собственность получена в результате любого правонарушения или правонарушений, признанных таковыми в соответствии с подпунктом (а) настоящего пункта, или в результате участия в таком правонарушении или правонарушениях, в целях сокрытия или утаивания незаконного источника собственности или в целях оказания помощи любому лицу, участвующему в совершении такого правонарушения или правонарушений, с тем чтобы он мог уклониться от ответственности за свои действия;

— сокрытие или утаивание подлинного характера, источника, местонахождения, способа распоряжения, перемещения, подлинных прав в отношении собственности или ее принадлежности, если известно, что такая собственность получена в результате правонарушения или правонарушений, признанных таковыми в соответствии с подпунктом (а) настоящего пункта, или в результате участия в таком правонарушении или правонарушениях»,

⁵ См.: Международное частное право. Сборник документов. М., 1977, с. 744-757; Сборник документов Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью. М., 1998, с. 168-184.

⁶ Здесь и далее цит. по: Действующее международное право. Т. 3, с. 60-69.

а также, с учетом конституционных положений и основных принципов правовых систем государств-участников, — *«приобретение, владение или использование собственности, если в момент ее получения было известно, что такая собственность получена в результате правонарушения или правонарушений, признанных таковыми в соответствии с подпунктом (а) настоящего пункта, или в результате участия в таком правонарушении или правонарушениях».*

Как видим, в приведенных положениях речь идет о правонарушениях, а не о преступлениях. В этом есть определенный смысл. Согласно общим принципам международного права те или иные противоправные деяния могут не признаваться преступлениями в соответствии с национальным законодательством государства — участника того или иного международного правового акта. Государство-участник Конвенции само определит, какую ответственность установить за то или иное правонарушение: уголовно-правовую, административную или гражданско-правовую. Например, во многих странах установлена уголовная ответственность за немедицинское употребление наркотических средств или психотропных веществ, а в иных такой ответственности нет, в частности в Российской Федерации. В Нидерландах же, к примеру, за изготовление и продажу наркотиков установлена административная ответственность, в то время как во многих странах мира подобные деяния наказываются смертной казнью.

Перечисленные в п. «а» ст.3 Конвенции правонарушения — это уголовные преступления в сфере незаконного производства и оборота наркотиков. Таким образом, уголовным правонарушением признается отмывание только тех доходов, которые получены в результате преступлений, связанных с наркотиками.

Кроме самих деяний, относящихся к отмыванию денег, государства-участники должны в соответствии с п.1 ст.3 Конвенции признать уголовными преступлениями, с учетом их конституционных положений и основных принципов правовой системы, также участие, причастность или вступление в преступный сговор с целью совершения любого из таких деяний, попытки совершить такие деяния, а также пособничество, подстрекательство, содействие или дачу советов при их совершении.

Иными словами, Конвенция дает развернутый перечень действий по отмыванию денег и их четкое юридическое определение: эти действия признаются умышленными (т.е. совершаемыми преднаме-

ренно) уголовными преступлениями. При этом осознание, намерение или цель как составные элементы этих преступлений «могут быть установлены из объективных фактических обстоятельств дела» (п.3 ст.3).

Данное Венской конвенцией 1988 г. определение сущности совершаемых противоправных деяний получило широкое признание в международном праве, в том числе в европейском международном и национальном праве. При этом последующие международно-правовые акты существенно конкретизировали и дополнили его. К таким актам относится прежде всего Конвенция об отмыывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности 1990 г. (Страсбургская конвенция), в самом названии которой уже используется формулировка «доходы от преступной деятельности», а в ст. 1 — «уголовное правонарушение, в результате которого получены доходы»⁷. Кроме того, в п.1 ст. 6, озаглавленной «Правонарушения, связанные с отмыыванием средств», установлено, что каждая сторона принимает законодательные и другие необходимые меры, чтобы квалифицировать в качестве правонарушений следующие деяния, если они совершены умышленно:

«а) конверсию или передачу имущества, если известно, что это имущество является доходом, полученным преступным путем, с целью скрыть незаконное происхождение такого имущества или помочь любому лицу, замешанному в совершении основного правонарушения, избежать правовых последствий своих деяний;

б) утаивание или сокрытие действительной природы, происхождения, местонахождения, размещения или движения имущества или прав на него, если известно, что это имущество представляет собой доход, полученный преступным путем;

с) приобретение, владение или использование имущества, если в момент его получения было известно, что оно является доходом, добытым преступным путем;

д) участие или соучастие в любом из правонарушений, определенных в настоящей статье, или в покушении на его совершение, а также помощь, подстрекательство, содействие или консультирование в связи с совершением такого преступления».

Причем в п. 2 «а» ст. 6 специально оговорено — «не имеет значения, подпадает ли основное правонарушение под уголовную юрисдикции Стороны». Это положение вызывает неоднозначное толкова-

⁷ Здесь и далее цит по: Совет Европы и Россия. М., 2000, № 2, с. 33-42

толкование со стороны некоторых специалистов, которые считают, что криминализация основного правонарушения не имеет значения для квалификации соответствующего деяния в качестве отмывания денег⁸. Такой подход, на наш взгляд, не представляется достаточно обоснованным.

Страсбургская конвенция 1990 г. расширяет сферу уголовных правонарушений, являющихся источником преступных доходов, отмывание которых в свою очередь составляет преступление. В этих целях Конвенция вводит понятие «основное правонарушение». Согласно п.«е» ст. 1, оно означает любое уголовное правонарушение, в результате которого были получены доходы, которые могут стать предметом правонарушения в соответствии со ст. 6 Конвенции. Таким образом, в отличие от Венской конвенции, признающей основными правонарушениями только преступления в сфере оборота наркотиков, Страсбургская конвенция охватывает все уголовные преступления. При этом, однако, на основании п.4 ст.6 за участниками Конвенции сохраняется право в момент подписания или при сдаче на хранение документов о ратификации сделать оговорку о том, на какие основные правонарушения или категории таких правонарушений они будут распространять положения Конвенции.

Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов 1990 г., использующая, в отличие от Венской конвенции 1988 г., термин «отмывание доходов», шире определяет понятие «доход». В соответствии с п.«а» ст.1 он означает любую экономическую выгоду, полученную в результате совершения уголовного правонарушения. Эта выгода может включать любое имущество, определенное в п.«b» ст.1 (определение имущества соответствует определению собственности по Конвенции 1988 г.).

Далее, Страсбургская конвенция содержит еще несколько важных положений, касающихся понятия отмывания доходов. В частности, в ст.1 она прямо признает это правонарушение уголовным преступлением.

Исключительно важное значение придается идентификации личности и имущества, а также прозрачности кредитно-финансовой системы. Так, в ст.4 подчеркивается, что стороны не могут отказать-

⁸ См.: Алиев В.М., Болотский Б.С. Разработка российского законодательства о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных незаконным путем. некоторые дискуссионные вопросы // Государство и право, 1999, № 6. с. 46

ся от наложения ареста на банковские, финансовые или коммерческие документы под предлогом банковской тайны. Наряду с этим каждой из сторон предлагается принять законодательные и другие меры, позволяющие применять специальные приемы расследования, облегчающие идентификацию и розыск доходов, а также сбор соответствующих доказательств.

Согласно п.2 «б» ст.6 Страсбургской конвенции, за ее участниками сохраняется право предусмотреть в национальном законодательстве, что преступления, представляющие собой отмывание доходов по п.1 ст.6 Конвенции, не могут вменяться в вину лицам, совершившим основное правонарушение. Это положение является, несомненно, ограничительным, поскольку оно умаляет юридическое значение отмывания доходов как самостоятельного (хотя и связанного с основным правонарушением) уголовного преступления. При этом Конвенция, закрепляя указанную норму, не возлагает на государства каких-либо обязательств по усилению ответственности лица, если после совершения преступления оно отмывало доходы, полученные от этого деяния. Таким образом, указанное положение Конвенции позволяет преступнику полностью избежать ответственности за отмывание доходов, полученных в результате совершенного им преступления, и является препятствием для дальнейшего развития национального законодательства в области борьбы с легализацией преступных доходов.

И наконец следует отметить еще одну важную норму Страсбургской конвенции. Согласно п. 3 «а» ст.6 государства-участники могут признать преступными в соответствии с их национальным законодательством деяния по отмыванию денег, когда правонарушитель «должен был предполагать, что имущество является доходом, полученным преступным путем», т. е. действовал не только по умыслу, но и по неосторожности. Вопрос об ответственности за правонарушение, совершенное по неосторожности как форме вины, возникает прежде всего в том случае, когда речь идет об ответственности сотрудников банков и других финансовых учреждений, ведущих работу с клиентами и обязанных уделять особое внимание источнику происхождения денежных средств клиента. В соответствии с приведенным положением Страсбургской конвенции некоторые страны закрепили в национальном законодательстве ответственность за отмывание доходов по неосторожности.

Таким образом, Страсбургская конвенция содержит ряд существенных нововведений по сравнению с Венской конвенцией в опре-

делении отмыwania денег. Самым значительным из них, безусловно, является расширение сферы основных правонарушений на все уголовные преступления (с учетом возможных оговорок в соответствии с п.4 ст.6). Положения об этом отражают соответствующую тенденцию в международном сотрудничестве.

В июне 1991 г. Советом европейских сообществ (ЕС) был принят еще один документ — Директива Совета ЕС № 91/308 от 10 июня 1991 г. о воспрепятствовании использованию финансовой системы в целях легализации доходов от преступной деятельности.

В Директиве четко определено, что преступной является легализация не только доходов и имущества, полученных в результате торговли наркотиками, как это определяет Венская конвенция 1988 г., но и «имущественных ценностей всех видов (материальных и нематериальных, движимых и недвижимых), правовых титулов и документов, которые удостоверяют право собственности и иные имущественные права»⁹, если эти «экономические выгоды» получены в результате совершения любых деяний, признанных преступными на территориях государств-членов Совета Европы. Иными словами, то, что в одном государстве отмываемые доходы были получены в результате совершения уголовного правонарушения на территории другого государства, не влияет на юридическую квалификацию отмыwania денег в качестве преступления по национальному законодательству первого государства.

Ст.1 Директивы устанавливает, что ее положения должны относиться ко всем кредитным и финансовым учреждениям, в том числе к страховым компаниям, и филиалам указанных учреждений, расположенных за пределами Европейского Союза, а также к тем предприятиям, организациям и профессиональным группам (казино, игорные заведения, пункты обмена валюты, нотариусы, адвокаты, налоговые консультанты и др.), которые могут быть использованы для отмыwania капиталов.

Согласно абз.4 ст.1 Директивы ЕС 91/308 от 10 июня 1991 г., под легализацией незаконно приобретенных средств понимается конверсия или передача имущества, полученного незаконным путем, с целью скрыть незаконное происхождение такого имущества, утаивание или сокрытие действительной природы, происхождения, местонахо-

⁹ Здесь и далее цит. по: Council Directive 91/308/EES of 10 June 1991 on prevention of the use of the financial system for the purpose of money laundering. // Official Journal, № 166, 28. 06/1991, p. 0077-0082.

ждения, размещения или движения имущества или прав на него, если известно, что это имущество приобретено преступным путем, а также приобретение, владение и использование имущества, если в момент его получения известно, что оно является доходом, добытым преступным путем. Перечисленный перечень деяний является общим описанием объективной стороны состава рассматриваемого преступления.

Директива 91/308 согласно ст. 189 Договора об учреждении ЕЭС, в частности, является нормативно-правовым актом, обязательным для всех государств-участников в отношении достижения указанных в ней целей. При этом за ними сохраняется свобода принятия конкретных мер по ее выполнению.

Рассматриваемая Директива содержит программу действий в финансовой сфере, направленную на предотвращение легализации доходов и развитие сотрудничества финансовых учреждений и правоохранительных органов. Так, она возлагает на кредитные и финансовые институты следующие обязанности:

- осуществлять идентификацию клиентов и всех сделок на сумму, равную или превышающую 15 тыс. экю;
- сохранять в течение определенного срока документы о банковских операциях;
- проверять финансовые сделки на предмет их возможной связи с отмыванием доходов;
- сообщать компетентным государственным органам о подозрительных финансовых операциях.

Введение обязанности идентификации клиентов, предусмотренное в ст. 3 Директивы, и обязанности хранения документов о финансовых операциях в течение пяти лет (ст. 4) имеет целью документальную фиксацию финансовых операций, позволяющую при проведении расследования преступлений в сфере отмывания денег восстановить всю цепочку движения легализуемых средств.

Статья 5 Директивы обязывает кредитные и финансовые учреждения особенно внимательно проверять операции, которые, по их мнению, могут быть связаны с отмыванием денег. С точки зрения исследователей¹⁰, юридическое содержание этой нормы представляется недостаточно определенным.

¹⁰ См., например: *Иванов Э.А.* Отмывание денег и правовое регулирование борьбы с ним. М., 1999, с. 43.

Из обязанности осуществления проверки логично вытекает требование о сообщении компетентным государственным органам о подозрительных операциях. В соответствии с положениями Директивы (статьи 6 — 9), государства должны обязать кредитные и финансовые учреждения сообщать о всех ситуациях, имеющих признаки отмыывания денег. В случае, если есть серьезное подозрение или информация о том, что финансовая операция связана с легализацией незаконных доходов, эти учреждения не должны осуществлять ее до того, как сообщат о ней компетентным органам. По решению последних подозрительная финансовая операция может быть приостановлена. При этом вопрос о процедуре и сроке приостановления отнесен Директивой на усмотрение государств.

В соответствии со ст. 8 Директивы клиенту не должно сообщаться о приостановлении его финансовой операции, а также о том, что о ней были проинформированы органы по борьбе с отмыыванием денег. Финансовые и кредитные учреждения освобождаются от ответственности за передачу информации в случае, если подозрение в легализации доходов не подтвердилось.

Важное значение для сотрудничества финансовых институтов и компетентных органов имеет решение вопроса об использовании предоставленной информации о подозрительных финансовых операциях. Директива рекомендует предусмотреть применение этих сведений только в целях борьбы с отмыыванием денег. Однако данный вопрос отнесен на усмотрение государств, которые могут согласно ч. 3 ст. 6 Директивы разрешить уполномоченным органам распоряжаться этой информацией и в других целях. На наш взгляд, для более эффективного сотрудничества правоохранительных органов с кредитными и финансовыми учреждениями целесообразно ограничение использования информации, поскольку отсутствие таких ограничений, означающее широкое применение конфиденциальных данных, относящихся к банковской тайне, способно нанести серьезный ущерб авторитету банков и других кредитных и финансовых институтов.

Таким образом, в основе установленной Директивой системы конкретных мер по предотвращению отмыывания денег в государствах-членах лежит тесное сотрудничество их финансовых и кредитных учреждений со специальными органами по противодействию легализации преступных доходов.

Имплементация положений Директивы в государствах ЕС стала предметом двух докладов¹¹, представленных Еврокомиссией на рассмотрение в Совет ЕС и Европарламент. Оба доклада, подготовленные соответственно в 1995 и в 1998 гг., констатируют, что все государства-члены ЕС надлежащим образом осуществили имплементацию Директивы в национальном законодательстве. При этом подчеркивается, что цели, определенные в Директиве, были в основном достигнуты.

Вместе с тем указывается, что по прошествии нескольких лет с момента принятия Директивы изменился характер преступлений, связанных с легализацией (отмыванием) денежных средств и других капиталов, способы, методы и средства их осуществления. Отмывание денег как динамично развивающаяся криминальная деятельность со временем охватило не только сферу банковского капитала, но и многие отрасли экономики, а также некоторые иные сферы деятельности, не охваченные регулированием Директивы. Это поставило на повестку дня вопрос о внесении в нее определенных изменений и дополнений.

В соответствии с рекомендациями, данными Советом ЕС и Европарламентом после рассмотрения второго доклада, Еврокомиссия в 1998 г. начала работу по составлению проекта изменений и дополнений к Директиве 1991 г., который был представлен в конце 1999 г. в Совет ЕС и Европарламент.

Основное нововведение, содержащееся в проекте, состоит в расширении обязанности сообщать о подозрительных операциях на широкий круг учреждений и организаций, которые находятся за пределами финансового сектора экономики и в той или иной степени могут вовлекаться в процессы, связанные с отмыванием денег. К таким учреждениям относятся, например, казино, риэлторские компании, ювелирные салоны, аукционы, нотариальные конторы, адвокатские бюро и др. Другое важное дополнение состоит в расширении сферы основных правонарушений.

¹¹ First Commission Report to the European Parliament and the Council on the implementation of the Money Laundering Directive, 1995; Second Commission Report to the European Parliament and the Council on the implementation of the Money Laundering Directive, 1998.

Международное сотрудничество государств в борьбе с отмыванием капиталов

Сотрудничество государств Европы в противодействии легализации (отмыванию) денежных средств и других доходов, полученных незаконным путем, осуществляется как на основе *общих* норм и принципов международного права, так и в рамках так называемого европейского права¹². В настоящее время европейским правом пользуются государства, юридические и физические лица, так или иначе вовлеченные в отношения с участием Совета Европы, европейских сообществ и Европейского Союза, а также многих других международных организаций. В европейском праве гармонично сочетаются идеи и нормы континентального и общего права, принципы равенства сторон и национального суверенитета. Для него характерна согласованность, с одной стороны, с общим международным правом, а с другой — с национальным правом. К примеру, в рамках правового сотрудничества государств-участников Совета Европы по его рекомендации проводятся унификация их законодательства и правовой политики и соответствующие реформы. В этих целях функционируют два органа — Европейский комитет правового сотрудничества (гражданское, коммерческое, административное и международное право) и Европейский комитет по вопросам преступности (уголовное право, криминология, психология), которому оказывает содействие Научно-криминологический совет.

Европейский Союз ставит своей целью интеграцию прежде всего в сфере базисных общественных отношений — экономических, что, разумеется, требует повышения эффективности сотрудничества в борьбе с экономическими преступлениями, в том числе и с отмыванием капиталов, полученных незаконным путем.

Рассмотренные выше международно-правовые документы и другие общие международные и европейские нормативно-правовые акты по борьбе с отмыванием доходов определяют необходимость организационно-правового международного сотрудничества по трем основным направлениям:

¹² Подробнее см., например: *Топорнин Б.Н.* Европейское право. Учебник. М., 1999; *Саидов А.Х.* Концепция европейского правового пространства: проблемы и перспективы // Московский журнал международного права, 1992, № 3, с. 59-72.

— сближение позиций по уголовно-правовой оценке отмыывания капиталов (доходов) в законодательстве государств-участников;

— унификация внутригосударственных мер, направленных на борьбу с легализацией (отмыыванием) денежных средств или иных капиталов, полученных незаконным путем;

— определение наиболее эффективных форм и процедур международного сотрудничества в борьбе с отмыыванием доходов.

Так, статьи 2 и 3 Страсбургской конвенции обязывают ее участников принять законодательные и иные необходимые меры, позволяющие проводить расследование преступлений, связанных с отмыыванием доходов, осуществлять их розыск и конфискацию при условии их криминального происхождения.

Учитывая, что их принятие тесно связано с существующими в государствах концепциями прав человека, а также серьезно затрагивает финансовые и банковские системы государств, Конвенция оставляет на усмотрение сторон выбор необходимых конкретных мер. При этом она обязывает ее участников предоставлять их судам или другим компетентным органам право издавать постановления о предъявлении или аресте банковских, финансовых или коммерческих документов в целях осуществления соответствующих мер. При этом оговаривается, что государства не могут уклоняться от исполнения этой обязанности, ссылаясь на необходимость сохранения банковской тайны.

Кроме того, Страсбургская конвенция содержит рекомендательный перечень специальных приемов расследования, облегчающих идентификацию и розыск доходов, а также сбор соответствующих доказательств. Согласно п.2 ст.4, это установление негласного контроля за счетами, ведение наблюдения, перехват сообщений, доступ к компьютерным системам и постановления о предъявлении определенных документов.

Помимо мер, принимаемых на национальном уровне, Страсбургская конвенция регламентирует различные формы и процедуры международного сотрудничества. К ним относятся обмен информацией, предоставление помощи в проведении расследований и судебных разбирательств, принятие предварительных мер и конфискация имущества и доходов от преступной деятельности, выдача преступников, различные формы технического сотрудничества, процедура направления запросов об оказании юридической помощи и др.

Правовое регулирование указанных форм основывается на общем международно-правовом принципе сотрудничества государств,

являющемся одним из важнейших принципов международного права. Применительно к сфере борьбы с отмыванием доходов он означает обязанность участников Конвенции в максимально возможной степени сотрудничать друг с другом в целях проведения расследований и разбирательств, направленных на конфискацию орудий преступной деятельности и доходов от нее (п.1.ст.7 Страсбургской конвенции).

Одной из основных форм международного сотрудничества в сфере борьбы с отмыванием преступных доходов является *взаимная правовая помощь* в расследовании, уголовном преследовании и судебном разбирательстве, включающая в себя также обмен информацией между компетентными органами государств.

По общему правилу, взаимная юридическая помощь предоставляется только на основе письменного запроса. В то же время Страсбургская конвенция предусматривает возможность оказания помощи в определенных случаях и при отсутствии запроса со стороны другого государства. Так, ст.10 Конвенции гласит: «Без ущерба для собственного расследования или разбирательства, Сторона может без предварительного запроса передать другой Стороне информацию об орудиях и доходах, когда она считает, что предоставление такой информации может помочь Стороне-получателю в возбуждении или проведении расследования или разбирательства» либо может привести к направлению этой Стороной запроса о помощи в проведении расследования. Данное положение существенно облегчает оперативный обмен информацией между национальными полицейскими учреждениями.

Конвенция предусматривает также возможность взаимной передачи материалов уголовного разбирательства, что может осуществляться по соглашению между сторонами в интересах надлежащего отправления правосудия.

Другим важнейшим направлением международного сотрудничества является взаимодействие в сфере *конфискации преступных доходов*, регулированию которого уделено основное внимание в Страсбургской конвенции.

Так, в соответствии с п. «d» ст. 1 конфискация означает «наказание или меру, назначенную судом в результате разбирательства по уголовному делу или уголовным делам и состоящую в лишении имущества».

Как и в сфере взаимной правовой помощи, сотрудничество в сфере конфискации осуществляется на основании запросов компе

тентных органов государств. Такие запросы могут быть направлены на осуществление двух форм конфискации:

- конфискацию доходов или конкретного имущества, полученных в результате отмывания денег, или собственности, стоимость которой соответствует таким доходам или имуществу, а также оружий преступления;

- конфискацию иной собственности, если в нее были конвертированы такие доходы или имущество.

Страсбургская Конвенция предусматривает также две разновидности запросов о конфискации. В первом случае запрашивающая сторона, обладающая юрисдикцией над соответствующим преступлением, направляет запрашиваемой стороне просьбу о конфискации доходов или имущества от этого преступления. Запрашиваемая сторона передает запрос своим компетентным органам с целью получения постановления о конфискации и в случае выдачи такого постановления приводит его в исполнение. Во втором случае запрашивающая сторона направляет вместе с просьбой постановление о конфискации, вынесенное ее национальными органами, которое подлежит исполнению запрашиваемой стороной.

В любом из этих случаев, согласно ст.11 Страсбургской конвенции, запрашивающее государство, возбудившее уголовное преследование или разбирательство в целях конфискации, может просить запрашиваемое государство принять в отношении имущества, подлежащего конфискации, необходимые меры обеспечения, такие как замораживание или арест имущества, с тем чтобы предотвратить любые операции с имуществом вплоть до его конфискации. Просьба о принятии таких мер может направляться также до запроса о конфискации. Получив соответствующую просьбу о принятии мер обеспечения, запрашиваемое государство обязано ее удовлетворить.

Международное сотрудничество в сфере конфискации осуществляется исключительно в рамках национального законодательства запрашиваемого государства. При этом согласно ст.16 Конвенции запрос о конфискации не затрагивает права запрашиваемой стороны самой исполнить постановление о конфискации.

Определенную проблему, на наш взгляд, представляют собой положения Конвенции, касающиеся судьбы конфискуемого имущества. Ст. 15 предусматривает право запрашиваемой стороны «распоряжаться любым конфискованным ею имуществом в соответствии со своим внутренним законодательством, если только соответствующие Стороны не договорятся об ином». Вполне очевидно, что это поло-

жение может оказывать стимулирующее влияние на решение запрашиваемой стороны о конфискации, так как конфискуемое имущество остается в ее распоряжении. В то же время запрашивающая сторона заинтересована в возвращении в ее экономику денежных средств или иного имущества, изъятых в результате совершения преступления. Учитывая то, что обычно лишь часть конфискованных средств возвращается в страну происхождения, сторона может не обращаться с запросом о конфискации, рассчитывая осуществить ее на своей территории. Однако в этом случае операции по отмыванию могут успешно завершиться, и имущество останется в распоряжении преступных организаций.

Представляется, что наиболее приемлемые варианты распределения конфискованного имущества могли бы быть определены общим соглашением о его разделе, например в виде Дополнительного протокола к Страсбургской конвенции, что послужило бы еще одним стимулом к международному сотрудничеству государств-участников в отношении конфискации доходов от отмывания денег.

В Страсбургской конвенции предусмотрена и возможность *отказа от сотрудничества*. Этот вопрос является наиболее сложным в международно-правовых отношениях, поскольку он непосредственно касается суверенитета того или иного государства. Основания отказа предопределяются прежде всего необходимостью сохранения за государствами их суверенных прав, в том числе права исключительной юрисдикции на собственной территории.

В ст. 18 Страсбургской конвенции приводится широкий перечень оснований для отказа в сотрудничестве. Так, во взаимодействии может быть отказано, если правонарушение, в связи с которым сделан запрос, не является преступлением по законодательству запрашиваемой стороны. Невозможность принятия соответствующих мер при расследовании или судебном разбирательстве аналогичного дела по внутреннему праву может выступать основанием для отказа запрашиваемой стороны в принятии мер обеспечения. Далее, в конфискации может быть отказано, если законодательство запрашиваемой стороны не предусматривает возможность ее осуществления в связи с основными видами правонарушений, в отношении которых сделан запрос.

Помимо того, в соответствии со ст. 18, в сотрудничестве может быть отказано, если:

— запрос противоречит основным принципам правовой системы запрашиваемой стороны;

— запрашиваемая сторона считает, что дело, в связи с которым сделан запрос, не является достаточно важным для того, чтобы оправдать осуществление запрашиваемого действия;

— исполнение запроса может нанести ущерб суверенитету, безопасности, общественному порядку или другим существенным интересам запрашиваемой стороны;

— запрос сделан в связи с политическим или фискальным правонарушением;

— запрашиваемая сторона считает, что удовлетворение запроса противоречит принципу *ne bis in idem*.

По существу, все приведенные основания сводятся к одному главному препятствию для международного сотрудничества — различиям во внутригосударственных правовых нормах. Страсбургская конвенция, как следует из вышесказанного, не устраняет в целом этих различий, хотя и поощряет их упразднение. Таким образом, в полном соответствии с Конвенцией может сложиться ситуация, когда государства-участники в силу расхождений в их национальном праве смогут правомерно отказаться от сотрудничества, несколько не нарушая своих международных обязательств. При таких обстоятельствах положения Конвенции в этой части останутся нереализованными.

Страсбургская конвенция закрепляет многочисленные возможности для отказа в сотрудничестве, в то же время провозглашая общей целью их устранение и унификацию национальных законодательств государств-участников, имеет свое объяснение.

Международное сотрудничество государств в любой сфере развивается постепенно. Первоначально государства, как правило, еще не готовы принимать на себя обширные международно-правовые обязательства и вследствие этого стремятся их ограничить. В то же время на последующих этапах, вместе с дальнейшим осознанием государствами важности сотрудничества в этой сфере и проявлением определенных положительных результатов от взаимодействия, происходит постепенная отмена ограничений и активизация сотрудничества. При этом на всех этапах государства провозглашают стремление ко все более интенсивному взаимодействию.

Такая тенденция в полной мере характерна и для международного сотрудничества в сфере борьбы с отмыванием денег. Страсбургская конвенция, относящаяся к начальному этапу, действительно еще содержит значительные препятствия международному взаимо-

действию. В то же время развитие сотрудничества будет, как представляется, связано с поэтапной отменой указанных ограничений.

Помимо сотрудничества, предусмотренного многосторонними международно-правовыми актами, взаимодействие в области противодействия отмыванию доходов осуществляется также в рамках других международно-правовых договоренностей. К ним относятся, главным образом, двусторонние соглашения об оказании взаимной правовой помощи, о сотрудничестве в области борьбы с преступностью, о взаимной выдаче преступников. За последние годы отмечается заключение специальных двусторонних соглашений, направленных на борьбу с незаконным оборотом наркотиков и отмыванием денег.

Наряду с этим, отдельные положения о противодействии легализации преступных доходов включаются в общие рамочные двусторонние соглашения.

В течение истекшего десятилетия сотрудничество государств и международных организаций в целях противодействия легализации (отмыванию) доходов развивалось сравнительно быстрыми темпами как в рамках организаций с широкой компетенцией (например, Совет Европы, ЕС), так и через специальные органы, созданные для борьбы с отмыванием денег, в частности ФАТФ (Financial Action Task Force on Money Zoundering).

Роль международной специальной Финансовой комиссии по проблемам отмывания денег (ФАТФ)

Международная Финансовая комиссия по проблемам отмывания денег была учреждена по инициативе семи ведущих индустриальных стран и президента Комиссии Европейских Сообществ во время встречи на высшем уровне в июле 1989 г. в Париже.

В ФАТФ входит около 30 государств, в том числе Австрия, Бельгия, Дания, Финляндия, Франция, Германия, Исландия, Ирландия, Италия, Норвегия, Португалия, Испания, Люксембург, Нидерланды, Швейцария, Турция, Великобритания и др.

При обсуждении вопроса о приеме России в ФАТФ представители этой организации в первую очередь высказались за приведение российского законодательства в соответствие с нормами междуна-

родного права, принятыми мировым сообществом в отношении финансовых преступлений¹³.

Деятельность ФАТФ многогранна, что очень важно для борьбы с отмыванием денег, она объединяет экспертов, определяющих политику в законодательной, экономической и правоохранительной областях, и располагает большими техническими возможностями, а ее сотрудники обладают специальными знаниями и опытом принятия решений в сфере финансов, юстиции, иностранных дел и др.

В 1990 г. были подготовлены «Сорок рекомендаций ФАТФ», которые представляют собой основные положения концепции противодействия легализации незаконных доходов. В дальнейшем они пересматривались с учетом накопленного опыта и изменений, происходящих в сфере отмывания денег.

Укажем на следующие основные рекомендации государствам-участникам:

- объявить отмывание грязных денег уголовным преступлением;
- осуществлять ряд эффективных мер с целью выявления, изъятия и конфискации «отмытых» денег;
- реализовать эффективную систему установления личности клиентов и внедрить процедуры ведения учета финансовыми учреждениями;
- внедрить практику извещения компетентных органов власти о фактах сомнительных сделок, включая отмену конфиденциальности банковских операций при возникновении подозрений в том, что в обращении находятся криминальные деньги;
- поддерживать тесное сотрудничество между государствами в осуществлении операций правоохранительного характера и оказывать взаимную помощь в уголовном и судебном разбирательстве случаев отмывания грязных денег, расследовании, изучении и конфискации легализованных незаконных доходов.

Уже в вводной части Рекомендаций государствам-участникам предлагается включить в национальные программы по противодействию легализации (отмыванию) доходов и в соответствующие нормативно-правовые акты положения, дающие возможность осуществлять многостороннее международное сотрудничество, правовую помощь и экстрадицию в связи с отмыванием денег.

¹³ См.: Мусин Э. В Европе с «отмыванием» строго // Экономика и жизнь. 1997. № 51, с. 26.

Вопросам укрепления международного сотрудничества в борьбе с отмыванием денег, полученных незаконным путем, посвящены 30 — 40-я рекомендации.

Положения 30 — 32 «Сорока рекомендаций ФАТФ» касаются обмена информацией как общего характера, так и о конкретных подозрительных сделках. Национальным исполнительным властям рекомендуется регистрировать международные перемещения денежных средств в любом валютном выражении, чтобы после соотнесения этих сумм с информацией центрального банка иметь возможность оценить объем отправляемой за рубеж и поступающей из различных зарубежных источников наличности, и представлять эту информацию Международному валютному фонду и Банку международных расчетов.

Обмен оперативной информацией о конкретных подозрительных операциях и участвующих в них лицах, преступных организациях и финансовых учреждениях должен способствовать выявлению полицейскими органами различных государств всего комплекса финансовых операций международного характера, осуществляемых в процессе отмывания денег, обеспечить возможность своевременного возбуждения уголовных дел в каждой из стран, а при необходимости — проведение совместных действий и оказание правовой помощи. Предусматривается возможность передачи информации по запросу, а также без запроса, аналогично положениям Страсбургской конвенции.

В рекомендации 32 особо отмечается необходимость обеспечения обмена информацией в строгом соответствии с национальными и международными нормами, касающимися конфиденциальности и защиты данных. Эта проблема имеет как юридические, так и неюридические аспекты. К юридическим аспектам относится наличие или отсутствие в законодательстве государств положений, касающихся защиты персональных данных, к неюридическим — степень коррумпированности органов полиции и юстиции, что обуславливает возможность утечки информации.

Рекомендации 33 — 35 касаются «основ и средств для сотрудничества в области проведения конфискации, взаимной помощи и экстрадиции». В частности, рекомендация 33 побуждает страны посредством двустороннего или многостороннего сотрудничества принять меры к тому, чтобы различные толкование и понимание правовых норм в рамках национальных определений не оказывали негативного воздействия на возможность и добрую волю в оказании взаимной

правовой помощи в борьбе с легализацией (отмыванием) грязных денег и иных капиталов.

Рекомендация 34 предлагает государствам расширять систему двусторонних и многосторонних договоров, регулирующих вопросы правовой помощи в борьбе с отмыванием денег. В целом эти положения Рекомендаций совпадают с нормами Венской и Страсбургской конвенций, касающихся розыска преступников и конфискации доходов.

Среди различных видов оперативно-розыскной деятельности, применяемых в этих целях, особо следует выделить контролируемое перемещение отмываемых средств (разновидность контролируемой поставки, как она определена в Венской конвенции). Рекомендация 36 всемерно поощряет использование этого метода.

Данный метод наряду с использованием оперативного внедрения справедливо оценивается как один из самых эффективных. Выявление конкретных цепочек финансовых операций по отмыванию денег до их завершения позволяет обнаружить легализуемые средства в полном объеме, а также установить их реальных владельцев, входящих, как правило, в руководство преступных организаций. Кроме того, с помощью указанных методов собирается аналитическая информация как о наиболее типичных, так и о новых формах отмывания денег, используемых в финансовых центрах и оффшорных зонах.

Согласно рекомендации 37, должны существовать процедуры оказания взаимной помощи в сфере применения уголовного права, касающегося введения принудительных мер, включая введение регистрационных записей финансовыми учреждениями и другими лицами, розыск конкретных лиц и недвижимости, изъятие и получение доказательств для использования на территории иностранной юрисдикции в ходе расследований, предпринимаемых в отношении отмываемых денег.

Рекомендация 38 нацелена на то, чтобы у соответствующих органов имелись полномочия в ответ на просьбу других стран предпринимать неотложные меры по выявлению, замораживанию, изъятию и конфискации доходов или другой собственности, равной по своей стоимости доходам, которые получены в результате отмывания денег или в ходе преступных действий, включающих отмывание денег. Должны также существовать договоренности о координации судебных разбирательств по вопросам изъятия и конфискации, в ходе которых возникают проблемы с разделением подлежащего конфискации имущества.

Рекомендация 40 предлагает государствам включить в национальное законодательство положения, позволяющие осуществлять выдачу лиц, совершивших преступления, связанные с отмыванием денег. При этом государства, с учетом основных принципов их правовых систем, могут рассмотреть возможность упрощения процедуры выдачи, в частности, путем:

- непосредственного направления просьб о выдаче через уполномоченные министерства;

- признания в качестве достаточного основания для экстрадиции ордера на арест или судебного решения запрашивающего государства;

- осуществления выдачи запрашиваемым государством своих граждан;

- введения ускоренной процедуры выдачи в отношении лиц, отказывающихся от применения к ним формальностей, связанных с экстрадицией.

ФАТФ с самого начала своего существования исходила из того положения, что стороны имеют различные законодательные и финансовые системы и потому не в состоянии использовать одинаковые способы борьбы с отмыванием денег. Поэтому рассмотренные рекомендации предложены лишь в качестве принципов работы в этой сфере, которые каждая сторона должна внедрять в соответствии со своими конкретными обстоятельствами и конституционной системой. Таким образом, стороны получают свободу действия, а не подробные предписания. Эти меры не являются чрезмерно сложными или трудными при условии реального желания добиться успеха. Равным образом они не оказывают негативного воздействия на свободу проведения легальных финансовых операций и не создают угрозу экономическому развитию.

Страны — члены ФАТФ заявили о безусловном согласии на проведение многостороннего контроля и детального анализа ситуации, складывающейся в результате деятельности других участников на своей территории. Все страны-участницы используют двусторонний подход для контроля реализации рассматриваемых рекомендаций: проведение ежегодной самооценки и осуществление более детального взаимного контроля; в ходе которого предусмотрена инстанция на месте. В дополнение к этому ФАТФ проводит в различных странах сравнительное изучение мер, принятых для реализации конкретных рекомендаций.

В настоящее время деятельность ФАТФ осуществляется в четырех основных сферах¹⁴:

- проверка соблюдения рекомендаций ФАТФ ее членами;
- обзор новых методов и типологий отмывания денег;
- обеспечение выполнения рекомендаций государствами — членами ФАТФ;
- сотрудничество с другими международными организациями.

Кроме того, ФАТФ проводит специальные исследования имеющих место и могущих возникнуть в будущем методов (типологий) отмывания денег в целях содействия их выявлению компетентными органами государств и ежегодные деловые встречи экспертов правоохранительных органов для обсуждения наметившихся за истекший год тенденций в сфере отмывания денег. По результатам работы специалистов готовятся специальные доклады о типологиях легализации (отмывания) денег (*money laundering typologies reports*), которые являются авторитетными источниками сведений о способах и методах легализации доходов, полученных незаконным путем. В итоге в них обобщается наиболее важная информация, предоставленная государствами-участниками и международными организациями в сфере борьбы с отмыванием денег.

Еще одно из направлений деятельности ФАТФ заключается в анализе положения дел с реализацией сорока рекомендаций государствами, не являющимися ее членами. Это объясняется тем, что многие основные центры по отмыванию капиталов, нажитых преступным путем, расположены за пределами юрисдикции рассматриваемой организации. Таким образом, ставится задача привлечь к активной борьбе с отмыванием денег как можно большее число государств. С этой целью в 1999 г. создана экспертная группа *ad hoc*, представившая в феврале 2000 г. Отчет о не участвующих в сотрудничестве странах и территориях (*Report on non-cooperation countries and territories*). Основные его идеи заключаются в том, что ФАТФ должна активизировать свою деятельность по распространению принципов, содержащихся в ее сорока рекомендациях, во всем мире.

Осуществление предусмотренных в Рекомендациях в общем-то несложных мероприятий требует лишь одного — политической воли высшего руководства. Кроме того, реализация этих мероприятий не

¹⁴ См.: The globalization fight against money laundering: remarks by Patrick Moullet, Executive secretary of the FATF; FATF/BSEC Seminar on Money laundering, Athens, 21-22 October 1998, а также: FATF annual report, 1998-1999.

представляет никакой угрозы для экономического развития той или иной страны и не ставит под сомнение свободу осуществления законных сделок.

Российское законодательство о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных незаконным путем

Международное и европейское право становится все более значимым для России, вступившей в Совет Европы и постоянно расширяющей свои деловые экономические и политико-правовые контакты с государствами Европейского Союза.

7 мая 1999 г. в Будапеште от имени Российской Федерации подписана под условием последующей ратификации рассмотренная выше Конвенция об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности (Страсбургская конвенция). Участие России в Конвенции предусмотрено обязательствами, взятыми нашей страной при вступлении в Совет Европы, и может стать важным шагом на пути дальнейшей интеграции Российской Федерации в европейские правовые структуры.

Конвенция содержит правила несколько иные, чем предусмотренные действующим уголовным законодательством России (ст. 174 Уголовного кодекса РФ), поэтому на основании п. 1 «а» ст. 15 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» от 16 июня 1995 г. она подлежит ратификации¹⁵.

С учетом вышеизложенного, участие России в Конвенции потребует внесения соответствующих изменений в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации¹⁶. Впрочем, этого требуют и объективные обстоятельства. За последние годы в России все очевиднее первоочередной становится проблема нелегального капитала — проблема, имеющая экономические, социально-политические, правовые и иные аспекты. Сформировавшийся в России социальный слой владельцев средней и крупной собственности в немалой степени скрывает эту собственность от официального учета и контроля со стороны государства и обще-

¹⁵ См.: Комментарий к Федеральному закону «О международных договорах Российской Федерации». М., 1996.

¹⁶ См., например: Алиев В. М., Болотский Б. С. Указ. соч., с. 44-50.

ства. Нелегальный капитал изъят из официального оборота, а во многих случаях эмигрирует за границу.

Соответствующее уголовное наказание предусмотрено ст. 174 УК РФ «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных незаконным путем». Она гласит:

«1. Совершение финансовых операций и других сделок с денежными средствами или иным имуществом, приобретенными заведомо незаконным путем, а равно использование указанных средств или иного имущества для осуществления предпринимательской или иной экономической деятельности — наказывается штрафом в размере от пятисот до семисот минимальных размеров оплаты труда или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от пяти до семи месяцев либо лишением свободы на срок до четырех лет со штрафом в размере до ста минимальных размеров оплаты труда или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период одного месяца либо без такового.

2. Те же деяния, совершенные:

а) группой лиц по предварительному сговору;

б) неоднократно;

в) лицом с использованием своего служебного положения — наказывается лишением свободы на срок от четырех до восьми лет с конфискацией имущества или без таковой.

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные организованной группой или в крупном размере, наказываются лишением свободы на срок от семи до десяти лет с конфискацией имущества или без таковой»¹⁷.

Прежде всего следует обратить внимание, что данная норма Уголовного кодекса РФ предусматривает уголовную ответственность за отмывание доходов, полученных не только преступным путем (т.е. в результате преступления), но и извлеченных незаконным образом — например, в рамках административного правонарушения.

Такое толкование находит свое подтверждение и в Постановлении Правительства Российской Федерации от 8 июня 1997 г. № 840, которым утверждено Типовое соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством иностранного государства о сотрудничестве и взаимной помощи в области борьбы с незакон-

¹⁷ Полное собрание кодексов РФ. М., 2000, с. 213-214.

ными финансовыми операциями, связанными с легализацией (отмыванием) доходов, полученных незаконным путем¹⁸.

Ст. 1 Типового соглашения гласит: «Доходы, полученные незаконным путем» — вещи, включая деньги и ценные бумаги, движимое и недвижимое имущество, имущественные права, работа и услуги, результаты интеллектуальной деятельности, в том числе исключительные права на них (интеллектуальная собственность), иные объекты гражданских прав, приобретенные в результате нарушения национального законодательства каждой из сторон, влекущего за собой уголовную, административную или гражданскую ответственность».

Указанная и другие нормы были воспроизведены в ряде двусторонних соглашений Правительства России с зарубежными странами¹⁹.

Поскольку формулировка «легализация (отмывание) имущества, приобретенного незаконным путем», закрепленная в ст. 174 УК РФ, должным образом не определена, специалисты высказывают различные суждения относительно юридической сущности понятия «незаконный путь приобретения имущества».

В широком лексико-правовом смысле «незаконный» означает: вопреки закону, не в соответствии с законом, в противоречии с законом и т.д.

В этом контексте требуется ответ законодателя на вопрос, какому именно закону должно не соответствовать деяние, квалифицируемое по ст. 174 УК РФ (уголовному, административному, гражданскому или какому-либо иному)?

По смыслу этой статьи, видимо, следует считать, что незаконность в данном случае заключается в нарушении уголовно-правового запрета, иначе применение рассматриваемой статьи УК будет само по себе противоправным в силу п. 2 ст. 14 УК РФ («Понятие преступления») ввиду отсутствия общественной опасности деяния. В этой статье речь идет о том, что «не является преступлением действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренные настоящим Кодексом, но в силу малозначительности не представляющие общественной опасности»²⁰, то есть не причинившие вреда и не создавшие угрозы причинения вреда личности, обществу и государству.

¹⁸ См.: Собрание законодательства РФ. 1997, № 28, ст. 3471.

¹⁹ См.: Алиев В.М., Болотский Б.С. Указ соч., с. 48-49.

²⁰ Полное собрание кодексов РФ, с.191.

Для состава преступления, предусмотренного ст. 174 УК РФ, не является обязательным знание виновным того, в результате какого именно преступления добыто имущество, кто и при каких обстоятельствах его совершил. Однако необходимо установить заведомое знание субъектом того, что он легализует денежные средства или имущество, приобретенные преступным путем. Об этом могут свидетельствовать различные объективные обстоятельства: вид имущества, его количество и стоимость, время и место совершения сделки и т.д.

Состав преступления является формальным и деяние считается оконченным в момент совершения любого из действий, указанных в рассматриваемой статье.

Часть 2 ст. 174 УК РФ содержит три квалифицирующих признака преступления: а) группой лиц по предварительному сговору; б) неоднократно; в) лицом с использованием своего служебного положения.

Предварительный сговор может касаться отдельных моментов (эпизодов) совершения преступления, не образуя прочных связей между соучастниками, или представлять собой высокую степень согласованных действий.

Неоднократность преступлений квалифицируется ст. 16 УК РФ и предполагает совершение одним лицом или группой лиц не менее двух преступлений.

Совершение лицом (группой лиц) двух или более преступлений предполагает, что каждое из них имеет характер отдельного, единичного преступления. При этом не имеет значения, окончено ли каждое из них или нет, в какой роли выступал виновный — исполнителя, организатора, подстрекателя, пособника.

Преступление не признается совершенным неоднократно, если за ранее совершенное преступное деяние лицо было в установленном законом порядке освобождено от уголовной ответственности либо судимость за совершенное ранее преступление была погашена или снята.

Под действием, совершенным с использованием служебного положения, необходимо понимать такие действия лица, которые не выходят за пределы его функциональных обязанностей, но направлены против общественных интересов.

Размер ущерба, трактуемого в ст. 174 УК РФ как крупный, отнесен к категории оценочных признаков.

В то же время необходимо отметить, что определение состава преступления по отмыванию капиталов, закрепленное в ст. 174 УК

РСФСР, не совсем соответствует положениям Конвенции Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности 1990 г., т.к. предусматривает уголовную ответственность только за деяния в виде финансовых операций, преступных и иных незаконных сделок с имуществом, а также использование незаконных средств для предпринимательской или иной экономической деятельности²¹. Совершение других деяний с денежными средствами и иным имуществом остается за пределами действия этой уголовно-правовой нормы. Однако конкретные правонарушения могут квалифицироваться и по другим нормам УК РФ, а именно по ст. 175 («Приобретение или сбыт имущества, добытого заведомо преступным путем»); при наличии признаков соучастия — ст. 34 («Соучастие»), ст. 35 («Совершение преступления группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, организованной группой или преступным сообществом») с одновременной квалификацией по соответствующим нормам Особенной части УК, предусматривающим ответственность за преступления, в результате которых был получен незаконный доход (например, ст. 228 «Незаконные изготовление, приобретение, хранение, перевозка, пересылка либо сбыт наркотических средств или психотропных веществ»). В последнем случае российское уголовное законодательство исходит из того, что деяние соучастника, выразившееся в легализации незаконного дохода, представляет общественную опасность в силу того, что оно причинно и виновно связано с основным преступлением, в результате совершения которого получен противоправный доход.

Различные аспекты борьбы с незаконными доходами регламентируются нормами отдельных законодательных актов.

В соответствии с Федеральным законом РФ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» от 8 июля 1999 г.²² Банк России осуществляет надзор за соблюдением банковского законодательства, может назначать и осуществлять проверку операций банков, поручать проведение таких проверок аудиторским организациям. Также Банк России вправе давать банкам обязательные для исполнения предписания об устранении нарушений законодательства Российской Федерации о банках. В случае неисполнения предписаний Банка Рос-

²¹ См. также: Российское уголовное право. Особенная часть / Под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. М., 1997, с. 187; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. М., 1997, с. 405-406.

²² См.: Российская газета, 1999, 14 июля.

сии, а также при выявлении нарушений нормативов, причинивших ущерб банкам и клиентам, непредставления отчетности или представления недостоверной или вводящей в заблуждение отчетности, при обнаружении других систематических нарушений Банк России вправе предъявить требования, в частности, о реорганизации банка, о замене руководителей банка, а также имеет право назначить временную администрацию по управлению банком или применить иные меры вплоть до отзыва лицензии на совершение банковских операций, что действует как решение о ликвидации банка.

Закон РФ «О банках и банковской деятельности» от 2 декабря 1990 г. в редакции от 3 февраля 1996 г. и от 8 июля 1999 г.²³ содержит перечень операций и сделок, которые рассматриваются в качестве банковских и, соответственно, требуют наличия банковской лицензии, выдаваемой Центральным банком. Закон регулирует общие вопросы наложения ареста и обращения взыскания на денежные средства и другие ценности, находящиеся в банках; устанавливает перечень органов, имеющих право на совершение указанных действий (суды общей компетенции, арбитражные суды, следственные органы, а также финансовые и другие органы в случаях, прямо предусмотренных законодательством Российской Федерации. Регламентируются вопросы обеспечения банковской тайны, а также возможные случаи ее ограничения по решению или приговору суда, по мотивированному постановлению следственных органов и т.д.

Ряд положений, направленных на борьбу с отмыванием денег, содержится в законах «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» от 9 июля 1999 г.²⁴, «О валютном регулировании и валютном контроле» от 9 октября 1991 г. (в редакции от 29 декабря 1998 г. и от 5 июля 1999 г.)²⁵, «Об основах налоговой системы в Российской Федерации» от 27 декабря 1991 г. (в ред. от 5 августа 2000 г.)²⁶, «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» от 22 марта 1991 г. (в ред. от 2 января 2000 г.)²⁷.

²³ См.: Российская газета, 1996, 10 февраля; 1999, 14 июля.

²⁴ См.: Собрание законодательства РФ. 1999, № 28, ст. 3493.

²⁵ См.: Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992, № 45, ст. 2542.

²⁶ См.: Российская газета, 1992, 10 марта; 2000, 10 августа.

²⁷ См.: Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1991, № 16, ст. 4999; Российская газета. 2000, 5 января.

В действующем законодательстве имеются определенные механизмы контроля за доходами, полученными в результате преступной деятельности.

Прежде всего эффективной мерой в этой области призваны стать положения Закона РФ «О налоговых органах Российской Федерации» (в ред. от 8 июня 1994 г.)²⁸, в соответствии с которыми государственным налоговым инспекциям предоставлено, в частности, право:

- производить проверки денежных документов, бухгалтерских книг, отчетов, планов, смет, деклараций и иных документов, связанных с исчислением и уплатой налогов и других обязательных платежей в бюджет; получать необходимые объяснения, справки и сведения по вопросам, возникающим при проверках, за исключением сведений, составляющих коммерческую тайну²⁹;

- приостановить операции предприятий, учреждений, организаций и граждан по расчетным и другим счетам в банках и иных финансово-кредитных учреждениях в случае непредставления (или отказа представить) государственным налоговым инспекциям и их должностным лицам бухгалтерских отчетов, балансов, расчетов, деклараций и других документов, связанных с исчислением и уплатой налогов и иных обязательных платежей в бюджет;

- изымать у предприятий, учреждений и организаций документы, свидетельствующие о сокрытии или занижении прибыли (дохода) или о сокрытии иных объектов от налогообложения, с одновременным производством осмотра документов, фиксации их содержания;

- контролировать соблюдение законодательства гражданами, занимающимися предпринимательской деятельностью;

²⁸ См.: Бюллетень нормативных актов. 1992, № 1; Российская газета, 1999, 14 июля.

²⁹ Перечень сведений, которые не могут составлять коммерческую тайну, содержится в Постановлении Правительства Российской Федерации от 5 декабря 1991 г. (учредительные документы и Устав; документы, дающие право заниматься предпринимательской деятельностью (регистрационные удостоверения, лицензии, патенты); сведения по установленным формам отчетности о финансово-хозяйственной деятельности и иные сведения, необходимые для проверки правильности исчисления и уплаты налогов и других обязательных платежей; документы о платежеспособности; сведения о численности, составе работающих, их заработной плате и условиях труда; документы об уплате налогов и обязательных платежах; сведения об участии должностных лиц в других организациях, занимающихся предпринимательской деятельностью.

— обследовать с соблюдением соответствующих правил при осуществлении своих полномочий любые используемые для извлечения доходов либо связанные с ним объекты налогообложения независимо от места их нахождения, производственные, складские, торговые и иные помещения предприятий, организаций и граждан;

— предъявлять в суде или арбитражном суде иски: о признании сделок недействительными и взыскании в доход государства всего полученного по таким сделкам; о взыскании неосновательно приобретенного не по сделке, а в результате других незаконных действий.

Механизм контроля за доходами и крупномасштабными операциями с денежными средствами осуществляют также федеральные органы налоговой полиции (Закон РФ «О федеральных органах налоговой полиции» от 24 июня 1993 г. в ред. от 17 декабря 1995 г.)³⁰, основной функцией которых является осуществление оперативно-розыскной деятельности в целях выявления юридических и физических лиц, уклоняющихся от уплаты налогов или занижающих полученный доход, и Федеральная служба России по валютному и экспортному контролю (Указ Президента Российской Федерации «О Федеральной службе России по валютному и экспортному контролю» от 24 сентября 1993 г. и соответствующие Постановления Правительства РФ от 15 ноября 1993 г. и 3 февраля 1994 г.), в компетенцию которой входят вопросы надзора за соблюдением действующего валютного и внешнеэкономического законодательства, репатриации валютной выручки от осуществления экспортных операций, обеспечения контроля за деятельностью субъектов внешнеторгового оборота.

К числу законодательных мер, направленных, в частности, на борьбу с незаконным оборотом денежных средств, можно отнести положения Указа Президента Российской Федерации «Об осуществлении комплексных мер по своевременному и полному внесению в бюджет налогов и иных обязательных платежей» от 23 мая 1994 г. Пункт 8 данного Указа предусматривает обязанность банков и других кредитных учреждений информировать налоговые органы о совершении физическими лицами (включая нерезидентов) операций на сумму, эквивалентную 10 тысячам долларов США и выше.

В соответствии со ст. 35 Конституции России, ст.ст. 235, 243 ГК РФ в случаях, предусмотренных законодательными актами, имущество может быть изъято по решению суда или арбитражного суда в виде санкции за совершение преступления или иного правонаруше-

³⁰ См.: Российская газета, 1993, 15 июля; 1995, 27 декабря.

ния. Таким образом, по российскому законодательству конфискация выступает в качестве меры как уголовной, так и административной ответственности.

Ст. 52 УК РФ (регулирует вопросы конфискации имущества осужденного) исходит, в частности, из того, что конфискация имущества является дополнительным наказанием и назначается судом в случаях, предусмотренных Особенной частью УК (прежде всего за корыстные преступления). Уголовно-процессуальный кодекс дает суду право, кроме назначения конфискации имущества, обращать также в доход государства являющиеся вещественными доказательствами деньги и иные ценности, нажитые преступным путем. На стадии расследования УПК предусматривает возможность наложения ареста на имущество, приобретенное преступным путем.

Гражданское законодательство предусматривает возможность взыскания в доход государства имущества, приобретенного по сделкам, признанным в установленном порядке недействительными, а также взыскания неосновательно приобретенного не по сделке, а в результате других незаконных действий (недопущение реституции). Однако правовые последствия в виде взыскания в доход государства приобретенного дохода могут иметь место только в случае «совершения сделки с целью, заведомо противной основам правопорядка и нравственности» (ст. 169 ГК РФ).

Сложившаяся в России криминальная ситуация, в том числе с отмыванием капиталов, предопределила общественную потребность комплексного решения проблемы. С одной стороны необходимо выявить ту часть нелегального капитала, не имеющего преступного характера, которая должна быть легализована и вовлечена в официальный гражданский оборот, а с другой, разработать и реализовать более жесткие формы борьбы с преступным капиталом в соответствии, в частности, с положением норм европейского и международного права.

Международное частное право

ИНСТИТУТ ОБРАТНОЙ ОТСЫЛКИ В СОВРЕМЕННОМ МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ

*А.В. Аничкин**

Международное частное право является относительно молодой и весьма динамично развивающейся отраслью юриспруденции, имеющей свои специфические предмет и метод. Несмотря на многообразие представлений о природе международного частного права, в российской и зарубежной доктрине сложился достаточно единодушный подход к предмету международного частного права, который в наиболее общем виде можно выразить следующим образом: международное частное право рассматривается как составная часть национальных систем права, призванная регулировать частноправовые отношения (в первую очередь, гражданско-правовые¹), в которых присутствует иностранный элемент.

Такая специфическая природа предмета международного частного права предопределяет специфику метода, которым регулируются частноправовые отношения с участием иностранного элемента. На сегодняшний день международному частному праву присущи два основных метода²: материально-правовой метод регулирования, т.е. создание норм, напрямую регулирующих отношения, осложненные наличием иностранного элемента, и коллизионный метод, предполагающий наличие системы норм для выбора права, призванного регулировать конкретное правоотношение, осложненное иностранным элементом. Хотя материально-правовой метод регулирования приобретает все большее значение (например, путем разработки между-

* Юрист международной юридической фирмы «Клифффорд Чанс Пюндер».

¹ О месте гражданского права в системе частного права — см. *Алексеев С.С.* Частное право. — М.: Статут, 1999, с. 49-63.

² *Тихомиров Ю.А.* Коллизионное право. — М.: Норма, 2000, с. 321.

народных договоров, посвященных регулированию различных отношений частноправового характера), тем не менее, основным методом остается коллизивно-правовое регулирование, при котором международное частное право решает вопрос о том, нормам какого государства подчиняется данное правоотношение.

Именно в связи с широким использованием коллизийного метода регулирования частноправовых отношений, осложненных иностранным элементом, возникают определенные трудности, связанные с действием коллизийной нормы. Одним из вопросов, возникающих при определении применимого к данным правоотношениям права, является проблема так называемой обратной отсылки (*renvoi*, *Rueckverweisung*, *remission*)³.

Суть проблемы заключается в следующем: когда коллизийная норма предписывает применение иностранного закона, то возникает вопрос о том, должны ли быть применены исключительно «внутренние» материально-правовые нормы иностранного права⁴ или же коллизийная норма предполагает отсылку ко всему иностранному правопорядку в целом, в том числе и к его коллизийным нормам. Иными словами, должен ли суд, применяя иностранное право, принимать во внимание коллизийные нормы иностранного государства. Итогом применения коллизийного права иностранного государства может стать вывод о том, что правом, компетентным решать данный спор, является именно право страны суда. Впрочем, коллизийная норма иностранного государства может содержать отсылку не обратно к закону суда, а к закону третьей страны (*renvoi au second degre*, *Weiterverweisung*, *transmission*).

Проблема обратной отсылки является одной из наиболее дискутируемых в международном частном праве, а ее рассмотрению посвящено значительное количество трудов⁵. По выражению

³ Согласно классической терминологии, понятие *renvoi* означает передачу, переадресование более компетентной юрисдикции или власти (*Иссад М. Международное частное право. — М.: Прогресс, 1989, с. 114*).

⁴ В английской литературе по международному частному праву принято определять «внутреннее» право государства как нормы, которые применил бы суд при рассмотрении споров без участия иностранного элемента (*Dicey and Morris On the Conflict of Laws, 1993. P. 71*).

⁵ По выражению Нуссбаума, количество трудов, посвящённых обратной отсылке, незначительно уступает общему количеству работ по международному частному праву (*Nussbaum A. Principles of Private International Law. Oxford University Press, 1943. P. 102*).

М.М. Богуславского, вопрос об обратной отсылке является «одним из самых сложных вопросов применения коллизионных норм»⁶. За рубежом наука международного частного права бурно отреагировала на доктрину *renvoi* и уделила весьма пристальное внимание существу проблемы, однако она так и не смогла прийти к единому мнению о надлежащем разрешении данного вопроса.

Вопрос об обратной отсылке как один из аспектов действия коллизионной нормы относится к специально выделяемой отечественной наукой общей части международного частного права. Следовательно, вопрос об обратной отсылке имеет общее значение для всех институтов особенной части, таких как коллизионное регулирование договорных отношений, коллизионные вопросы семейного права, обязательств из причинения вреда и т.д.⁷. Данное положение не исключает, впрочем, существования специальных правил разрешения проблемы обратной отсылки для отдельных институтов особенной части, возникающих вследствие особенностей конкретных институтов. Могущее возникать вследствие этого противоречие должно, естественно, решаться на основе общепринятого принципа *lex specialis derogat lex generalis* (специальный закон отменяет общий).

Поскольку на сегодняшний день российское международное частное право⁸ находится в некотором переходном состоянии, в ожидании головного для сферы коллизионного права нормативного акта, которым должен стать соответствующий раздел третьей части ГК РФ, исследование института обратной отсылки как принципа действия, общего для всех коллизионных норм, приобретает особое значение. Акты, принятые в ходе модернизации и обновления российского права в целом и коллизионного права в частности, такие как Кодекс торгового мореплавания и Семейный кодекс, содержат специальные коллизионные правила, рассчитанные на поиск компетентного правопорядка в рамках специальных институтов международного частного права, и не содержат ответа на общие проблемы коллизионного регулирования. Впрочем, такие отраслевые кодексы и не призваны регулировать общие вопросы коллизионного права. Общие для россий-

⁶ Богуславский М.М. Международное частное право. — М.: Юрист, 1998, с. 91.

⁷ О системе международного частного права см. Лунц Л.А. Международное частное право. — М.: Юридическая Литература, 1973, с. 33.

⁸ Здесь и далее в настоящей работе термин «международное частное право» используется для обозначения исключительно коллизионных норм, т.е. международного частного права в узком смысле.

ского международного частного права начала должны содержаться именно в давно ожидаемой третьей части ГК РФ.

Необходимость такого исследования обусловлена также и тем, что на сегодняшний день российская наука международного частного права не имеет внятной и четко сформулированной позиции по проблеме обратной отсылки. Это выглядит тем более странным на фоне все возрастающего в нашей стране интереса к международному частному праву. Однако выходящие в большом количестве учебники и публикации по международному частному праву основываются во многом на теоретических наработках советских коллизионистов и не предполагают творческого переосмысления безусловно выдающегося научного наследия. Так, последние фундаментальные работы по проблеме обратной отсылки относятся к началу 70-х г.г. XX века, когда вышел трехтомный курс международного частного права под редакцией Л.А. Лунца. С тех пор отечественные исследователи ограничивались лишь изложением сформулированных в этом исследовании тезисов.

Однако международное частное право находится в постоянном развитии, и на современном этапе можно выявить процессы и явления, в свете и под влиянием которых становится необходимым пересмотреть устоявшиеся представления о международном частном праве в целом и его институтах в отдельности, а также провести ревизию взглядов и подходов с целью проверки их жизнеспособности в современных условиях. В качестве наиболее ярких и важных изменений, происходящих в международном частном праве, можно назвать все большее распространение принципа наиболее тесной связи в качестве доминирующей коллизионной привязки, все большее ограничение действия принципа суверенитета государства в вопросах, связанных с защитой прав человека и участием государства в коммерческом обороте. Такие перемены в подходах к регулированию международного коммерческого оборота и иных частноправовых отношений, осложненных иностранным элементом, на наш взгляд, имеют непосредственное влияние, в первую очередь, на коллизионное право и его общие институты.

В качестве дополнительного аргумента в пользу необходимости проведения исследования института *renvoi* можно привести и то соображение, что даже законодательное закрепление этого принципа или отказ от него не снимают вопросов относительно методологического и научного обоснования того или иного подхода. Более того, как будет показано ниже, сами формулировки законов по проблеме

обратной отсылки не лишены известной внутренней противоречивости, а применение этих норм отнюдь не обязательно приводит к тем результатам, которых можно было бы ожидать по ознакомлении с текстом нормы, посвященной проблеме обратной отсылки. Таким образом, законодательное решение проблемы обратной отсылки также требует определенного теоретического и методологического обоснования, что позволило бы снять многие вопросы, связанные с применением нормы о *renvoi*, а также устранить какие-либо упреки в отсутствии рационального подхода при создании такой нормы.

Настоящая статья является попыткой дать сущностную характеристику института обратной отсылки с позиций новых веяний в международном частном праве, попыткой провести внятное позиционирование этого института в системе коллизионного права, предсказать судьбу доктрины *renvoi* в международном частном праве. Данная статья основывается на материалах, собранных автором при написании им дипломной работы по рассматриваемой проблеме, однако, с учетом формата научной статьи, настоящая работа не предполагает подробного изложения основных учений по вопросу об обратной отсылке, тем более что такой обзор уже неоднократно давался в российской и советской литературе по международному частному праву⁹. В рамках настоящей статьи будет дан лишь панорамный обзор основных теорий, разработанных как отечественной, так и зарубежной правовой наукой. В то же время данная работа призвана обобщить новейший опыт международного частного права по вопросу обратной отсылки, дать описание механизмов ее возникновения с целью восполнить пробел, существующий в отечественной правовой литературе.

Существо проблемы

Проблема обратной отсылки связана с решением вопроса, что подразумевает понятие «право страны», к которому отсылает коллизионная норма закона суда: отсылку к внутреннему материальному праву страны (*reference to municipal law*, *Sachnormenverweisung*), применение права которой предписано нормами международного частного права закона суда (*lex fori*), или отсылку к иностранному

⁹ См., например, Мандельштам. А.Н. Гаагские конференции о кодификации международного частного права. — СПб., 1900, Т. 1., Луиц. Л.А. Цит. Соч.

праву в целом (*reference to the whole law, Gesamtverweisung*), включая его коллизионные нормы.

В случае второго решения поставленного вопроса внутреннее материальное право страны, к которому отсылает коллизионная норма *legis fori*, применяется лишь в том случае, если это предписано международным частным правом этой страны.

В этой связи можно выделить следующие случаи возникновения проблемы обратной отсылки, являющиеся следствием разнообразных форм несогласованности коллизионных норм различных государств в процессе прикрепления правоотношения к конкретному правопорядку: несогласованность привязок; различная квалификация понятий, содержащихся в привязке; проблема скрытой обратной отсылки.

Обратная отсылка как следствие несогласованности привязок

В первую очередь, вопрос о применимом материальном праве ставится в зависимость от согласованности привязок, используемых коллизионными нормами с одинаковым объемом. Иными словами, решающую роль играет способ прикрепления правоотношений к различным правопорядкам. В качестве примеров несогласованности формул прикрепления можно упомянуть следующие случаи: в вопросах определения личного закона конфликтуют привязки к закону domicilia и закону гражданства (национальному закону); для определения статута договорного обязательства применяется привязка к закону места заключения договора (*lex loci contractus*) или к закону места исполнения договора (*lex loci solutionis*), — и таких примеров можно привести множество.

Обратная отсылка как следствие различной квалификации

Идентичные формулы прикрепления также способны порождать проблему обратной отсылки в связи с различиями в квалификации одних и тех же обстоятельств судами различных государств. Так, даже использование принципа domicilia для определения личного закона физического лица способно приводить к возникновению проблемы обратной отсылки в случаях, когда принцип domicilia имеет самостоятельное содержание в различных правопорядках. На-

пример, с точки зрения английского закона лицо может иметь домицилий в штате Нью-Йорк, тогда как в смысле права штата Нью-Йорк то же лицо будет считаться домицилированным в Великобритании¹⁰. Налицо проблема обратной отсылки, тесно связанная с другим вопросом действия коллизионной нормы, — проблемой квалификации.

«Скрытая» обратная отсылка

Однако кроме двух названных случаев возникновения проблемы обратной отсылки, являющихся наиболее типичными и распространенными, существуют и отдельные, достаточно редкие и специфичные случаи применения судами доктрины обратной отсылки.

Так, в германском коллизионном праве существует феномен так называемой «скрытой обратной отсылки» (*versteckte Rueckverweisung*), обоснованность которой вызывает сомнения у самих немецких коллизионистов, что, впрочем, не мешает достаточно широкому ее применению германскими судами. Формула «скрытой обратной отсылки» может быть выражена следующим образом: при отсутствии в иностранном правопорядке, к которому отсылает коллизионная норма *lex fori*, каких-либо предписаний относительно применимого права (собственно коллизионных норм) такие правила выводятся умозрительно путем толкования процессуальных норм о подсудности¹¹. Для наглядности представляется необходимым проиллюстрировать данный тезис примером.

Так, если американский гражданин, постоянно проживающий в Германии, умирает, не оставив завещания, и решается вопрос о праве, которому будут подчинены отношения по наследованию принадлежавшей ему недвижимости в Германии и денежных средств на счетах в немецких банках, то германский суд, рассматривающий дело, будет рассуждать следующим образом: немецкая коллизионная норма предписывает в таком случае обратиться к национальному закону наследодателя, т.е. к закону США. В соответствии с принципами определения применимого права при отсылке к праву государства с множественностью правовых систем установлено, что применению подлежит право штата Нью-Йорк. В соответствии с предписаниями п. 1

¹⁰ Dicey and Morris. Op. Cit. P. 71.

¹¹ К. Firschung. B. Hoffmann. Internationales Privatrecht. 5. Auflage. C.H. Beck, Muenchen, 1997. S. 231

§4 Вводного закона к Германскому гражданскому уложению немецкий суд должен учесть предписания коллизионных норм штата Нью-Йорк. Однако в праве штата Нью-Йорк не содержится указаний для определения статута наследования. В то же время, процессуальные законы штата объявляют суды Нью-Йорка компетентными рассматривать споры по наследованию:

- движимостей, оставленных наследодателем, domiciliрованным в штате Нью-Йорк, а также
 - недвижимостей, расположенных на территории штата Нью-Йорк.
- Из указанных норм, определяющих юрисдикцию суда, немецкий судья выводит следующие коллизионные принципы:
- в отношении движимостей применяется закон domicilia наследодателя,
 - в отношении недвижимостей действует принцип места нахождения вещи.

Следовательно, выведенные таким образом коллизионные правила штата Нью-Йорк предписывают применение немецкого права, и немецкий судья принимает такую обратную отсылку в соответствии с принципами германского коллизионного права¹². Данный подход, впрочем, подвергается обоснованной критике в самой Германии, поскольку не вполне понятна связь, которую усматривает немецкий суд между юрисдикционными нормами, относящимися су-

¹² В связи с феноменом «скрытой обратной отсылки» небезынтересным становится изучение возможности применения аналогичного подхода российскими судами. Поскольку в действующем российском коллизионном праве нет указания на предмет отсылки (иностранное материальное право или весь правовой порядок в целом), не исключено обращение суда к коллизионным нормам иностранного государства. Возникает вопрос, как должен поступить судья, которому не удастся установить наличие в иностранном международном частном праве коллизионных норм с объемом, аналогичным объему российской коллизионной нормы? Представляется, что ответить на этот вопрос можно следующим образом. Согласно ст. 157 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик, регулирующей установление содержания подлежащего применению иностранного закона, в случае, если суду не удастся установить содержание норм иностранного права, суд должен применить советское право. Поскольку, повторим, объект отсылки не определен и при отсутствии указаний иностранного правового порядка судья должен применить национальный закон (в рассматриваемом контексте он обязан руководствоваться собственной коллизионной нормой), то мы приходим к выводу, что использование приема «скрытой обратной отсылки» в российских судах, по-видимому, невозможно.

губо к процессуальному праву и решающими вопрос о том, компетентен ли суд решать конкретный спор, с одной стороны, и коллизийными нормами, определяющими, какое право подлежит применению, с другой.

Как следует из вышеизложенного, проблема обратной отсылки не возникает в случае, если коллизийные нормы обоих государств одинаковым образом определяют статут спорного правоотношения (т.е. компетентный правопорядок). Однако если выявляются расхождения в подходах законодателей двух стран к решению вопроса о применимом праве, то обратная отсылка не является единственно возможным последствием такого различия. Другим следствием такого расхождения может стать необходимость обращения к праву третьего государства, если коллизийная норма правопорядка, к которому отсылает коллизийная норма *legis fori*, считает компетентным какой-либо третий правопорядок. Возникает так называемая отсылка к праву третьей страны¹³. Несмотря на то, что и проблема обратной отсылки, и проблема отсылки к третьему правопорядку имеют один и тот же источник — различное коллизийное регулирование одинаковых правоотношений — в науке международного част-

¹³ С учетом возникающего вследствие принятия принципа *renvoi* разнообразия возможных ситуаций, необходимо сделать комментарии к употреблению терминов в настоящей работе, с тем чтобы избежать искажения в восприятии материала, а также с целью упростить изложение рассматриваемых проблем. Поскольку принципиальным для существования доктрины *renvoi* является ответ на вопрос, что является объектом отсылки — весь правопорядок иностранного государства, включая и его коллизийные нормы, или же только его «внутреннее» материальное право, — вопрос о последствиях включения в объект отсылки также коллизийных норм иностранного государства приобретает второстепенное значение. В этой связи, преследуя указанные выше цели, при исследовании вопроса об объекте отсылки автор использует термины «обратная отсылка» и «*renvoi*» для обозначения однопорядковых явлений, без разделения на ситуацию отсылки к праву страны суда и ситуацию отсылки к праву третьей страны. Такое разделение приобретет существенное значение лишь на том этапе исследования, где будут рассматриваться правила применения и принципы действия доктрины *renvoi*. При рассмотрении обозначенного круга вопросов в части, когда исследование будет проводиться в рамках дихотомии «отсылка к праву страны суда» — «отсылка к праву третьей страны», термин «обратная отсылка» будет обозначать лишь первую из названных ситуаций. Термин *renvoi* будет и далее применяться как родовое понятие, объединяющее частные случаи обратной отсылки и отсылки к праву третьего государства.

ного права, да и в законодательстве некоторых государств можно обнаружить неодинаковый подход к этим проблемам.

Кроме того, вследствие принятия отсылки к праву третьего государства могут возникать ситуации, называемые цепочкой отсылок. Можно выделить следующие возможные цепочки отсылок:

- коллизионная норма третьего государства может отсылать обратно к праву страны суда (возвращение судьи к своему национальному законодательству);
- коллизионная норма третьего государства может отсылать обратно к праву государства, к которому изначально отсылает коллизионная норма страны суда (возникает замкнутый круг, не захватывающий, однако, страну суда);
- коллизионная норма третьего государства может продолжить цепочки отсылок и направить судью к четвертому правопорядку, результатом чего может стать *mutatis mutandis* любая из вышеперечисленных ситуаций.

Родоначальником доктрины обратной отсылки считается классическое для международного частного права дело Форго, решенное Кассационным судом Франции в 1878 г. Именно данное дело получило наибольшую известность и легло в основу доктрины *renvoi* как одного из элементов действия коллизионной нормы¹⁴.

Однако, едва возникнув, доктрина обратной отсылки немедленно стала объектом пристального внимания и породила волну споров и разногласий. Причина такого расхождения мнений и острой полемики заключается в том, что в виде обратной отсылки законодатели и судьи получили в свои руки мощнейшее средство для ограничения применения иностранного права, и, соответственно, для расширения сферы действия собственного права. В условиях широкого спектра несогласованных привязок, различной квалификации привязок, а также общего настороженного отношения к применению иностранного права столь удобная возможность для возврата в условия знакомого права страны суда, основанная при этом на коллизионной норме иностранного правопорядка, — что позволяло избежать обви-

¹⁴ Впрочем, историческая справедливость требует указать на более ранние судебные дела, в которых в той или иной форме был поднят вопрос о *renvoi*. Так, в 1861 г. Апелляционный суд Любека рассмотрел спор, в котором была впервые применена отсылка к праву третьего государства, а в 1841 г. в деле *Collier v. Rivaz* английским судьей Дженнером впервые были сформулированы идеи, легшие в основу доктрины иностранного суда.

нений в односторонности и произволе, — не могла быть оставлена без внимания. При этом, зачастую, не скрывается желание использовать институт обратной отсылки в первую очередь в качестве ограничителя применения иностранного права, что породило справедливые возражения и повлекло резкие обвинения в том, что принцип *renvoi* извращает саму идею международного частного права. Возникла потребность в подведении под учение о *renvoi* достойной теоретической базы.

При этом вопрос об обратной отсылке имеет ключевое значение с той точки зрения, что он является именно общим вопросом международного частного права, поскольку определяет то, как должна применяться коллизионная норма. Возникшая в связи с доктриной *renvoi* полемика породила массу аргументов совершенно разнородного характера, касающихся совершенно различных сторон международного частного права.

Однако ни один из походов в пользу принятия обратной отсылки не оказался способен обеспечить цельное и универсальное обоснование для этого института. Впрочем, ни одного аргумента, позволяющего поставить крест на институте обратной отсылки, также не приводится. В этой связи представляется справедливым высказывание Л.А. Лунца, в целом оправдывавшего применение обратной отсылки, что с логической точки зрения возможно любое решение вопроса, возможно даже, что для некоторых норм будет предусмотрено принятие обратной отсылки, а для некоторых нет¹⁵.

Если систематизировать основные направления исследований по вопросу обратной отсылки, то можно выделить две большие группы теорий¹⁶:

- теории, исходящие из начал суверенитета в международном частном праве;
- теории, связанные с изучением объекта отсылки.

¹⁵ Лунц Л.А. Цит. Соч., с. 349.

¹⁶ В основу такого деления положено дифференцирование, сделанное Кольцовым Б.И. Критика буржуазных теорий по вопросам действия коллизионной нормы в международном частном праве. Диссертация. Защищена в МГИМО в 1973 г. Депонирована в библиотеке МГИМО, с. 11.

Теории, исходящие из начал суверенитета в международном частном праве

В группу теорий, обосновывающих принятие обратной отсылки исходя из начала суверенитета в международном частном праве, входят такие теории, как:

- теория международной вежливости;
- теория суверенитета;
- теория координации национальных правовых систем.

По поводу каждой из указанных теорий в литературе уже было высказано немало критических замечаний. В этой связи автор не видит необходимости на страницах настоящей работы подробно воспроизводить основные положения этих теорий, а также указывать на их теоретические недостатки и критиковать их с позиций юридической техники. Представляется, однако, целесообразным сделать замечания общего характера, относящиеся к основополагающему тезису этих теорий, заключающемуся в том, что международное частное право черпает свое начало в суверенитете государств, являющихся, собственно говоря, основными, первичными участниками международного общения.

Теории, в основу которых кладется принцип суверенитета, на сегодняшний день представляются все менее актуальными¹⁷ по ряду причин, и среди главных можно назвать две основные тенденции развития права на современном этапе. Во-первых, нежизнеспособность данных теорий обусловлена все более укореняющимся взглядом на международное частное право как на отрасль частного права¹⁸, в связи с чем проблема распределения компетенций между различными правопорядками, основанная на доктрине государственного суверенитета как института межгосударственного общения, уже не может рассматриваться как основной вопрос международного частного права. Во-вторых, даже если мы будем определять предмет международного частного права как распределение компетенций государств, то в условиях стремительно меняющейся международной обстановки принцип неограниченного государственного суверените-

¹⁷ Данный тезис действует не только в отношении доктрины обратной отсылки, но и в отношении остальных вопросов международного частного права, которые тем или иным образом затрагивались этими теориями.

¹⁸ (Уханов Е.А. Система частного права. — Вестник МГУ. Серия 11: Право, 1994, № 4, с. 26-30.

та подвергается значительным ограничениям, все больше уступая принципам равноправия участников международного коммерческого оборота¹⁹, принципам защиты прав человека²⁰, при несоблюдении которых для государства нарушителя могут наступать самые неблагоприятные последствия²¹.

Таким образом, думается, что на современном этапе попытки отыскать корни института обратной отсылки в началах суверенитета государств являются бесплодными и в целом порочными.

Однако определенный теоретический интерес представляет доктрина координации, способная, как нам кажется, преодолеть основные теоретические затруднения, связанные с противоречием доктрины обратной отсылки требованиям формальной логики: действительно, если в первом случае объектом отсылки является весь иностранный правовой порядок, то становится не вполне понятным, почему при отсылке обратно к праву страны суда в качестве объекта отсылки принимается только материальное право *legis fori*. Такое произвольное изменение объема понятия «право государства» является очевидным нарушением правил формальной логики²². Однако док-

¹⁹ Как отмечается отечественными исследователями международного частного права, принцип ограниченного государственного иммунитета (а государственный иммунитет в международных торговых отношениях есть категория, производная от суверенитета государства) заложен и в российском проекте федерального закона «Об иммунитете иностранного государства» (Хлестова И.О. Вопросы иммунитета государства в законодательстве и договорной практике Российской Федерации. — Проблемы международного частного права. Сборник статей памяти Лазаря Адольфовича Лунца. — М. — 2000, с. 80).

²⁰ Процессы, приведшие к ограничению принципа суверенитета в пользу все большего уважения и защиты прав человека, приобрели особую интенсивность в конце 80-х — начале 90-х г.г. нашего века, когда были разработаны и заключены такие международные акты, как Парижская Хартия для свободной Европы от 21.11.1990, провозгласившая новую эру демократии, мира и человечества и обозначившая человеческое измерение в качестве основного ориентира международных отношений (см. Действующее международное право в трех томах. — М. — 1996, с. 42-46).

²¹ Примером чему служат события вокруг Югославии в 1999 г., когда формальным поводом для вооруженного вмешательства НАТО стало массовое нарушение властями прав человека в крае Косово.

²² Объемом понятия считается множественность предметов, которые мыслятся в понятии (Кириллов В.В. Старченко А.А. Логика. — М.: Юрист, 1998, с. 34). В случае с принятием обратной отсылки, если коллизийная норма *legis fori* отсылает к иностранному правовому порядку, то в качестве «права государства» принимается его коллизийное и материальное право, тогда как при анализе при-

трина координации способна дать обоснование такому решению коллизионного вопроса, при котором будет принята обратная отсылка. В современной интерпретации данной доктрины механизм действия коллизионной нормы выглядит следующим образом: поскольку возможность *renvoi* предусмотрена самой коллизионной нормой, то совершенно естественно, что судья *ex officio* обращает внимание в первую очередь на коллизионные нормы того государства, куда его направила его национальная коллизионная норма. В случае, если результат выразится в обратной отсылке, то судья без раздумий примет эту отсылку, поскольку это будет выглядеть как согласованная позиция двух правопорядков по поводу решения данного дела. Основной принцип заключается в том, что коллизионная норма другого государства не применяется, судья лишь как бы принимает ее во внимание, выясняет мнение иностранного законодателя по данному вопросу, что, собственно говоря, предписано ему его же собственной коллизионной нормой²³.

Теории, изучающие объект отсылки

Что касается второй группы теорий, исследующих объект отсылки коллизионной нормы, то к ним можно отнести такие распространенные теории, как:

- английская доктрина «иностранного суда»;
- теория единства коллизионного и материального права.

Доктрина «иностранного суда»

Несмотря на безусловное наличие позитивных сторон у теории иностранного суда, основанной на желании применить иностранное право аналогично тому, как это сделал бы суд, для которого такое иностранное право является национальным, сама теория не свободна от существенных недостатков. Первым из таких недостатков являет-

вязки иностранной коллизионной нормы понятие «право государства» мыслится исключительно как материальное право, в противном случае прекратить постоянное перемещение между двумя правопорядками не представлялось бы возможным.

²³ Mayer P. Droit International Prive. Paris. 1998. P. 146.

ся возможность возникновения ситуаций, в которой английскому судье придется высказываться по вопросу, не урегулированному в том правовом порядке, к которому его отсылает английская коллизийная норма. Учитывая чрезвычайную сложность проблемы *renvoi*, все неясности иностранного законодательства, возникающие перед английским судьей, представляют для него трудноразрешимую задачу. Наиболее известным примером, когда английский судья оказался в столь затруднительном положении именно в связи с вопросом об обратной отсылке, является дело *Re Duke of Wellington*, когда английскому судье предстояло решить вопрос о праве, применимом к наследованию недвижимого имущества, и решить, признал бы испанский суд *renvoi*, при полном отсутствии каких-либо указаний испанского закона или судебной практики²⁴.

В аналогичной ситуации оказался английский суд и в 1985 г. в деле *In Re Estate of Christopher William Adams*, когда вновь встал вопрос о принятии испанским судом обратной отсылки, несмотря на то, что с тех пор данный вопрос был урегулирован в Испании законодательно²⁵: согласно ст. 12.2 Вводного закона к испанскому Гражданскому кодексу отсылка к иностранному закону понимается как отсылка к материальному праву, без принятия во внимание отсылки иностранного закона к законам иным, нежели испанский²⁶. Путем тщательного изучения мнений экспертов относительно испанского закона о наследовании и господствующей доктрины суд пришел к выводу, что в данном случае принятие обратной отсылки и применение испанского права к наследованию недвижимого имущества, принадлежащего англичанину, но расположенного в Испании (по английскому закону надлежало применить коллизийный принцип *lex rei sitae*), привело бы к расщеплению статута наследования (в Испании наследование движимостей и недвижимостей подчинено закону гражданства), что стало бы нарушением основополагающего

²⁴ *Dicey and Morris*. Op. cit. P. 82.

²⁵ Приводится по: <http://web.onyxnet.co.uk/antony.anderson-onyxnet.co.uk/adams.htm>.

²⁶ «The remission to foreign law will be understood to be made to its material law, without taking into account the remission which its rules applicable to the conflict might make to a law other than Spanish law». Обращает на себя внимание присутствующее данной норме внутреннее противоречие — с одной стороны, она высказывается в пользу обратной отсылки, исключая отсылку к закону третьего государства, с другой стороны, первая часть нормы фактически исключает постановку вопроса о *renvoi* в какой-либо форме, поскольку объектом отсылки объявляется иностранное материальное право.

принципа испанского наследственного права — принципа единства статута наследования. Следовательно, английский судья пришел к выводу, что испанский суд в таких условиях не смог бы применить обратную отсылку²⁷. Итогом стало применение английского права.

Другим аргументом против теории иностранного суда в качестве обоснования института обратной отсылки является то, что ее жизнеспособность обусловлена ее уникальностью, ибо если английская коллизионная норма будет отсылать к правопорядку, который пользуется аналогичной доктриной, то «карусель отсылок» завертнется с новой силой, поскольку каждый правопорядок будет ставить свое решение в зависимость от другого²⁸.

²⁷ Данное дело является прекрасной иллюстрацией того, что даже законодательное решение вопроса об обратной отсылке не способно устранить сложности и вопросов относительно применения данного института.

²⁸ Впрочем, такая ситуация не всеми коллизионистами рассматривается как пагубная для доктрины «иностранного суда»: например, некоторые немецкие юристы не трактуют доктрину «иностранного суда» как нежизнеспособную в условиях применения ее судами иных государств, помимо Соединенного Королевства. Так, Г. Кегель, моделируя ситуацию, с которой столкнулся бы немецкий суд, начавший применять доктрину «иностранного суда» при отсылке к праву Великобритании, приходит к выводу, что замкнутого круга удалось бы избежать. Приводится следующая логика: в силу того, что в Англии естественным образом отсутствуют прецеденты, учитывающие доктрину «иностранного суда» в праве Германии, английский судья применил бы немецкое право, поскольку именно так поступил бы немецкий суд в силу традиционных предписаний немецкого коллизионного права. Таким образом, у немецкого суда, принимающего обратную доктрину «иностранного суда» появляются все основания применить немецкое право. Если же в силу каких-то соображений английский суд станет применять в подобных ситуациях английское материальное право, то этому примеру тотчас же последует и немецкий суд, стоящий на позициях доктрины «иностранного суда». Следствием такого подхода стала бы столь желаемая гармония решений (*Kegel. G. Internationales Privatrecht. 7. Auflage. C.H. Beck. München 1995 S. 289*). Однако подобные софизмы являются скорее игрой жонглирующего парадоксами ума, нежели полноценной научной теорией, которая сама по себе, в отрыве от позиции английских судов, давала бы адекватное разрешение проблемы обратной отсылки. Кроме того, такие построения не учитывают чрезвычайно важного с точки зрения английского международного частного права обстоятельства: прецедент в Англии складывается из применения лишь английской коллизионной нормы, но не из применения иностранного права, поскольку, в силу особенностей права англо-американской правовой семьи, английский суд не может творить иностранное право (*O. Kahn-Freund. General Problems of Private International Law. Leyden. 1976. p. 117*). Таким образом, то обстоятельство, что английскому суду извест-

Теории, основанные на единстве коллизионного и материального права

Что касается сторонников теорий, основанных на единстве коллизионного и материального права, то, согласно их аргументации, объектом отсылки является все право в целом в силу того простого факта, что право страны представляет собой единую и организованную систему, в которой все без исключения правовые нормы создаются для достижения единой цели: достижения общего и наилучшего правового регулирования всех связанных с данной правовой системой отношений²⁹. Именно внутренняя согласованность и системная взаимосвязь делают обязательным обращение к коллизионным нормам иностранного государства с целью учесть действительную волю законодателя во всей ее полноте (нетрудно провести параллели с аргументацией, приводимой в поддержку проведения первичной квалификации по закону суда, согласно которой национальная коллизионная норма пронизана категориями национального права, которыми оперирует законодатель). И если в результате анализа коллизионной нормы иностранного государства будет установлено, что намерение иностранного законодателя состоит в фактическом самоустранении от регулирования данного правоотношения и признании за правопорядком страны суда надлежащей компетенции, то у суда появляются все основания рассмотреть спор в соответствии с нормами отечественного материального права.

Подобные рассуждения, основанные на порочном представлении о строгом единстве и внутренней взаимосвязи всех элементов правовой системы, которые могут быть достигнуты лишь в мире чистых моделей, но вовсе не являются частью окружающей действительности, носят, по сути, демагогичный характер, подчиненный единственному желанию обосновать обратную отсылку с целью максимально расширить сферу применения национального права.

ны лишь прецеденты, где посредством двойной отсылки было применено немецкое право, не освободит английский суд от обязанности вновь изучить коллизионное право Германии. Обнаружившему применение доктрины «иностранный суд» в германском праве английскому судье придется, по-видимому, изыскивать иные средства для разрешения коллизионного вопроса, нежели доктрина «иностранный суд».

²⁹ Эннексерус К. Курс Германского Гражданского права. — М.: Юридическая Литература, 1949. Т. 1, с. 217.

Идея же правовой системы как системы единой и гармоничной, в свою очередь, позволяет обнаружить определенное сходство с учением развившейся в Германии исторической школы права о так называемом «народном духе», определяющем развитие национального права. Однако идеи о едином «народном духе» как первопричине любого права опровергаются отсутствием субъекта, отсутствием носителя этого духа, поскольку весь ход исторического развития демонстрирует разобщенность общества и постоянную борьбу различных социальных групп, правосознание которых сплошь и рядом радикально расходится³⁰.

Кроме того, в качестве довода против теорий, построенных на единстве коллизионного и материального права, приводится определенная функциональная зависимость между коллизионной и материальной правовыми нормами. Так, отталкиваясь от односторонней коллизионной нормы, предписывающей применить материальную норму *legis fori*, Б.И. Кольцов приходит к выводу, что применение односторонней коллизионной нормы фактически равнозначно применению материальной нормы страны суда. Таким образом, пишет Б.И. Кольцов, в рассмотренном случае коллизионная норма не может существовать без материальной нормы. Что касается двусторонней коллизионной нормы, то она призвана разрешить коллизию двух конкурирующих законов, но если один из них, как следует из примера с коллизионной нормой, представляет собой закон материальный, то коллидирующий с ним закон не может быть ни чем иным, как материальным законом. Следовательно, нет оснований для принятия во внимание иностранных коллизионных норм³¹.

Отечественная доктрина международного частного права

Выделение позиции отечественной доктрины международного частного права по проблеме обратной отсылки в отдельный раздел обусловлено своеобразием ее подхода и определенными успехами в исследовании этого неоднозначного института.

В целом, отношение виднейших отечественных коллизионистов к институту *renvoi* можно охарактеризовать как положительное.

³⁰ Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. — М.: Статут, 1998, с.69.

³¹ Кольцов Б.И.. Цит. соч., с. 18.

Л. А. Лунц высказался в пользу применения *renvoi* следующим образом: при разрешении вопроса о допустимости обратной отсылки необходимо исходить из тех целей, которые ставит перед собой советское коллизионное право. Таковыми являются стремление способствовать укреплению мира, международного общения и развитию международных экономических связей. Этими целями продиктовано применение иностранного права, и ими же определяется, а следовательно, и ограничивается сфера признания органами Советского государства прав, возникших под действием иностранных законов. Поэтому при применении иностранного права органы Советского государства, во всяком случае, не имеют оснований идти дальше того, чем это делают органы соответствующих иностранных государств. Если советская коллизионная норма отсылает к иностранному праву, а это последнее содержит обратную отсылку к советскому праву, то подлежит применению советское право³².

Аналогичные соображения приводятся и другими отечественными теоретиками международного частного права. «Если советская коллизионная норма отсылает к праву буржуазному, то мы должны применить его точно и лояльно, — пишет С. Б. Крылов. — Но там, где само иностранное право отказывается от регулирования соответствующего вопроса, нет оснований расширять сферу его применения»³³. Из этого делается вывод, что применение иностранного права в данном случае не являлось бы необходимым для прогрессивного развития международных отношений, то есть не диктовалось целями, стоящими перед отечественным международным частным правом. Наша коллизионная норма отсылает к иностранному праву, считая его правом действующим, тогда как иностранный правопорядок объявляет свою собственную норму не подлежащей применению к данному конкретному правоотношению, то есть иностранное право фактически оказывается правом бездействующим. Вследствие этого обстоятельства лишается содержания и коллизионная норма, направившая суд к данному праву, и на этом основании советский суд применяет собственное материальное право³⁴. Последний тезис заслуживает особого внимания. Он основан на идее, согласно которой советская коллизионная норма имеет практический смысл лишь в единстве с материально-

³² Лунц Л.А. Цит. соч., с. 349.

³³ Перетерский И.С., Крылов С.Б. Международное частное право. — М.: Юридическая литература, 1959, с.50.

³⁴ Там же, с. 50.

правовой нормой, к которой она отсылает³⁵. Если иностранный правовой порядок не предоставляет такой нормы, коллизионная норма фактически не действует, что представляется достаточно разумным обоснованием того, почему при обратной отсылке суд применяет собственное материальное право, решив, таким образом, возникающую при *renvoi* проблему замкнутого круга.

В то же время в отечественной науке нередко были и негативные высказывания в адрес института обратной отсылки. При этом данный институт характеризовался не просто негативно, но как совершенно чуждый советскому коллизионному праву. Так, диссертационная работа Б.И. Кольцова, в которой достаточно подробно исследован феномен обратной отсылки, квалифицирует этот институт как порождение буржуазной теоретической мысли. Учитывая исторический контекст, в котором создавалась его диссертация, такой подход можно охарактеризовать как резко отрицательный³⁶.

Современное международное частное право и институт обратной отсылки

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что, во-первых, ни одна из приведенных теорий не способна дать исчерпывающее обоснование институту обратной отсылки, каждая доктрина дает лишь частично удовлетворительное объяснение, не оставаясь, впрочем, неуязвимой для критики. Аналогичный вывод можно сделать и в отношении аргументов, приводимых против института *renvoi*: будучи существенными для учения, против которого они направлены, они, однако, не способны продемонстрировать несостоятельность института обратной отсылки как такового. Представляется, что первопричиной такой незавершенности диспута об обратной отсылке является уровень обсуждения проблемы: вопрос о допустимости *renvoi* обсуждается исключительно в рамках данного института, без исследования его места в международном частном праве, без изучения вопроса о том, насколько институт обратной отсылки соответствует целям международного частного права, как соотносятся

³⁵ Луцк Л.А. Цит. соч., с. 188.

³⁶ Полагаем, столь полярная характеристика, существующая в рамках одной правовой традиции, наглядным образом демонстрирует всю неоднозначность статуса института обратной отсылки.

институт обратной отсылки и сама идея о допустимости применения иностранного права.

Представляется, что ключевым в решении вопроса о допустимости доктрины обратной отсылки является именно разрешение вопроса о тех целях, которые ставит перед собой коллизионное право, во имя которых оно и разрешает суду применить нормы иностранного закона, прислушаться к воле иного законодателя.

Отечественная доктрина международного частного права очень большое значение при решении проблемы обратной отсылки придавала именно целеполаганию, однако советская теория международного частного права не смогла подняться «над схваткой», выйти за пределы узконационального мышления, обосновывая применение обратной отсылки целями исключительно советского коллизионного права. Постановка обратной отсылки на службу государству стала наихудшей судьбой для этого учения, поскольку оно фактически стало орудием борьбы вместо того, чтобы служить действительному разрешению многих сложных проблем международного частного права³⁷.

Впрочем, нельзя забывать о постоянной эволюции взглядов на природу права в целом и природу международного частного права в частности. Так, та тесная связь применения иностранного права с вопросами суверенитета, рассматривавшегося на определенном историческом этапе в качестве основного принципа международных отношений, на сегодняшний день не может быть положена в основу современных доктрин международного частного права, поскольку суверенитет сегодня уступает место принципам соблюдения прав человека, происходит все большая гуманизация международного частного права.

Кроме того, на сегодняшний день можно считать устоявшимся взгляд на международное частное право как на отрасль частного права. Об этом не вспоминается, когда говорят об абстрактном «согласовании» интересов правопорядков или же о «капитуляции» национальных норм. Частноправовой характер международного частного права проявляется именно в том, что поведение субъектов, строго говоря, не регулируется властными предписаниями: государ-

³⁷ Отметим, что еще решение по делу Форго ставилось под сомнение с точки зрения его объективности, поскольку Кассационный Суд разрешил дело в угоду интересам казны. Именно финансовая заинтересованность государства могла стать решающим обстоятельством в пользу принятия *renvoi*.

ство лишь охраняет возникшие между ними отношения³⁸. Коллизионная норма, что принципиально важно, есть лишь *способ выбрать метод охраны таких отношений*. В этой связи интерес государства вторичен по отношению к интересу индивида, слепое следование коллизионной норме, которая зачастую может быть закоснелой формой старых традиций, может идти в ущерб его интересам.

Таким образом, поскольку международное частное право есть отрасль частного права, мы не можем определять его цели в отрыве от интересов отдельных лиц, чьи интересы оно охраняет. И в этом контексте представляется справедливым тезис о том, что коллизионное право как составная часть международного частного права призвано «предоставить в распоряжение участвующих в споре сторон такой правовой порядок, на который они ориентировались, определяя свои действия, и который соответствует (подходит) тому социальному окружению, в котором они находятся»³⁹.

Вторая цель международного частного права, неразрывно связанная с первой и с необходимостью вытекающая из нее, заключается в обеспечении максимально возможной гармонии судебных решений (идея гармонии судебных решений — *Entscheidungseinklang* — как приоритетной цели международного частного права особенно сильна в Германии, где коллизионное право складывалось под сильным влиянием идей Савиньи⁴⁰). Неразрывная связь между отысканием правового порядка, который должен регулировать отношения сторон, и гармонией судебных решений состоит в том, что искомый правовой порядок может быть только один, и при идеальном решении коллизионного вопроса решения всех судов должны быть единообразны независимо от места рассмотрения спора⁴¹. Однако в силу указанной

³⁸ О соотношении частного и публичного права см.: Покровский Н. А. Цит. соч., с. 40-41.

³⁹ Rauscher T. Internationales Privatrecht. Heidelberg. 1999. S. 12.

⁴⁰ Rauscher T. Op. Cit. S. 13.

⁴¹ Несколько иной подход характерен для американской доктрины международного частного права. Так, в Restatement Second Conflict of Laws говорится о возможности принятия обратной отсылки в том случае, когда это приводит к единообразному решению дела судами, если такое единообразие является целью конкретной коллизионной нормы (E. Scoles. Conflict of Laws. St. Paul. Minn. 1982. P. 70). Такая формулировка, очевидно, связана с концепцией «заинтересованного штата», основной для американской доктрины международного частного права, когда отклонение от достижения гармонии решений до-

зависимости гармония судебных решений есть лишь следствие отыскания такого единого для всех правоприменителей правопорядка, и поэтому мы не можем найти иных путей для достижения такой гармонии, кроме как установить методы, которыми должен определяться такой правопорядок.

В свете такого представления о международном частном праве мы не можем допускать механическое «прикрепление» правоотношений к различным правопорядкам, если такое прикрепление не учитывает действительных интересов сторон. Точно так же мы не можем принять любое правило, которое действует в сфере коллизионного права, если оно не учитывает обозначенных выше интересов сторон (естественно, необходимость учитывать интересы сторон следует понимать не как стремление угодить всем заинтересованным лицам, но как потребность разрешения спора в соответствии с теми правовыми нормами, которые в действительности составляют его правовое обрамление, чтобы решение суда соответствовало разумным ожиданиям сторон и учитывало все фактические обстоятельства).

Следовательно, необходимо установить тот метод, которым будет реализовываться цель международного частного права в свете его современной гуманизации и закрепления его частноправового характера. Данный метод и должен лежать в основе создания коллизионных норм и объяснять причину выбора законодателем того или иного решения. Он же и должен объяснить, почему в принципе признается применение иностранного права.

По нашему мнению, этим методом является применение принципа наиболее тесной связи в качестве основного коллизионного принципа. Представляется, что наиболее четко такой ответ был сформулирован именно в ходе полемики относительно института обратной отсылки. Так, например, А.Б. Левитин отрицал возможность принятия обратной отсылки, исходя из того, что она несовместима с принципом наиболее тесной связи, который и призван определить правопорядок, наиболее полно отвечающий продекларированным выше требованиям. С А.Б. Левитиным нельзя не согласиться по существу, однако тот механизм реализации принципа наиболее тесной связи, который им фактически защищается, нельзя назвать

пускается, если штат имеет особый интерес в применении своих коллизионных норм.

полноценным и отвечающим своему назначению⁴². Вернее будет сказать, что в системе существующих жестких привязок принцип наиболее тесной связи не может быть реализованным в полной мере.

Так, возьмем, например, коллизионную привязку к праву страны учреждения или места основной деятельности продавца применительно к обязательствам из договора купли-продажи, используемую в ст. 166 Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик⁴³. В свое время, комментируя принятые в 1958 г. Общие условия поставок СЭВ (ОУП СЭВ 1958), содержавшие аналогичную норму, М.М. Богуславский охарактеризовал такую отсылку как единственно верную и справедливую, поскольку «центр тяжести каждой внешнеторговой сделки лежит в исполнении обязательств продавца, состоящих, прежде всего, в своевременной поставке товаров надлежащего качества»⁴⁴. Таким образом, тесная связь правоотношения с выбранным с помощью коллизионной нормы правом очевидна. Однако она будет нарушена при наличии таких привходящих обстоятельств, как исполнение договора в третьей стране, или исполнение договора в пользу третьего лица, или иных обстоятельств, уводящих договор от страны местонахождения продавца. Современное российское коллизионное право, к примеру, не в состоянии в таком случае обеспечить выбор права, которое стороны «подразумевали», заключая договор.

В действительности лишь в новейших по времени законодательных актах, посвященных международному частному праву, принцип наиболее тесной связи реализуется во всей своей полноте. Для устранения изложенной проблемы при отыскании правопорядка, с которым правоотношение наиболее тесно связано, в современные законы включается общая норма, которая занимает своеобразное доминирующее

⁴² Утверждается, что, поскольку коллизионная норма призвана определить право, наиболее тесно связанное с правоотношением, то таким правом может быть только материальное право, а иностранный элемент, в связи с которым встал вопрос о применимом праве, может образовываться только в связи с материальным правом, но не коллизионным. (Левитин А.Б. Спорные вопросы международного частного права (отсылка). — Ученые записки ВИНЮН. Вып. 2 (6). М., 1957, с. 70).

⁴³ Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик. — Ведомости СНД и ВС СССР. 21.06.1991, № 26, ст. 733.

⁴⁴ Богуславский М.М. Правовое регулирование внешнеторговой купли-продажи в отношениях между социалистическими странами. — Проблемы международного частного права. М., 1960, с. 58.

положение над остальными коллизионными нормами, позволяя сохранять достаточную гибкость коллизионного регулирования практически для любых возникающих ситуаций. Так, ст. 15 швейцарского Закона о международном частном праве, принятого в 1987 г., устанавливает, что в исключительных случаях, когда из всех обстоятельств дела следует, что данное дело имеет лишь незначительную связь с правопорядком, на который указывает коллизионная норма данного Закона, то применяется право страны, имеющей наиболее тесную связь с данным правоотношением⁴⁵. Аналогичная норма содержится в Книге десятой Гражданского Кодекса Квебека, вступившего в силу в 1994 г.: ст. 3080 установлено, что в исключительных случаях право, указанное в настоящей книге, не подлежит применению, если, в свете всех сопутствующих обстоятельств, очевидно, что ситуация лишь отдаленно связана с этим правом и имеет значительно более тесную связь с правом другой страны⁴⁶.

Естественным следствием применения принципа наиболее тесной связи становится ограничение применения обратной отсылки, поскольку отпадают основания для продолжения поиска компетентного правопорядка после того, как была достигнута цель коллизионного регулирования, т.е. найдена правовая система, имеющая наиболее тесную связь с конкретным правоотношением. Так, обратная отсылка считается противоречащей смыслу немецкой коллизионной нормы, определяющей применимое право на основе принципа наиболее тесной связи⁴⁷, и поэтому применяться не должна. Вполне объясним в этой связи отказ от применения⁴⁸ или ограниченное применение обратной отсылки в коллизионном регулировании⁴⁹, закрепленный рассматриваемыми законодательными актами.

⁴⁵ The American Journal of Comparative Law (Volume 37), Number 2, Spring 1989.

⁴⁶ См. Гражданский Кодекс Квебека. — М.: Статут, 1999, с. 451.

⁴⁷ Palandt. Bürgerliches Gesetzbuch. München. 1999. SS. 2208-2209.

⁴⁸ Согласно ст. 3080 Гражданского Кодекса Квебека в случае, когда применению подлежит иностранное право, таким правом является право другой страны, за исключением его коллизионных норм. См.: Гражданский Кодекс Квебека. — М.: Статут, 1999, с. 451.

⁴⁹ Согласно ст. 13 Закона о международном частном праве Швейцарии, применению подлежат все положения иностранного права, которые должны быть применены с точки зрения такого права. Обратная отсылка допускается лишь тогда, когда она прямо предусмотрена швейцарским законом. В то же время согласно ст. 14 обратная отсылка допускается при решении вопросов личного

Часто говорится о заключении международных договоров в сфере коллизионного права, которые способны устранить негативные коллизии, приводящие к проблеме обратной отсылки⁵⁰. Также наличие единообразных привязок приводит к гармонизации судебных решений. Представляется, однако, что коллизионные привязки, которые устанавливаются международным договором, возникают в силу соображений, аналогичных тем, что определяют создание коллизионных привязок на национальном уровне. Следовательно, базовая концепция международного акта, посвященного коллизионным вопросам, должна быть идентичной тем идеям, что заложены в национальных законах, принимающих принцип наиболее тесной связи в качестве доминирующего коллизионного принципа. Если международный договор не способен привести к достижению цели, стоящей перед международным частным правом, то представляется, что суд должен будет прибегнуть к тем юридико-техническим приемам, которые позволят ему достичь справедливого результата.

Подтверждением этого является то обстоятельство, что международный договор отнюдь не означает устранения обратной отсылки в случаях, когда суд приходит к выводу, что применение коллизионных привязок, заложенных в договоре, может приводить к несправедливым результатам, т.е. результатам, по сути, не отвечающим указанной выше цели международного частного права. В таком случае суд может применить коллизионную норму государства, на право которого указывает международный договор, если такая коллизионная норма станет достаточным основанием для достижения более справедливого с точки зрения суда результата. Примером такого рассмотрения дела является американский прецедент *In Re Estate of Wright*. В деле, рассмотренном судом по делам о завещаниях, наследстве и опеке в 1994 г., встал вопрос о применимом к завещанию праве. Как было видно из обстоятельств дела, гражданин США, domiciliрованный в Швейцарии, распорядился своим недвижимым имуществом в пользу второй жены и детей, рожденных в браке с ней, подчинив при этом свое завещание праву штата Мэн. Обделенные таким образом дети от первого брака обратились в суд с требованием о признании завещания недействительным в части, касаю-

и семейного статута (см. The American Journal of Comparative Law (Volume 37), Number 2, Spring 1989. P. 199).

⁵⁰ Мандельштам А. Н. Гаагские конференции о кодификации международного частного права. — СПб., 1900. Т. 1, с. 238.

шейся причитающейся им по швейцарскому праву законной доли. Однако, в соответствии с принципом свободы завещаний, такое завещание было действительно с точки зрения американского закона. В то же время между Соединенными Штатами и Швейцарией существует договор 1850 г., регулирующий вопросы применимого права. Согласно положениям этого договора, все споры из наследования имущества должны разрешаться судом по праву той страны, где это имущество расположено, то есть, в данном случае, по праву Швейцарии. Возник вопрос о значении понятия «право страны». Суд, рассматривавший дело, пришел к выводу, что под этими словами надлежит понимать весь правопорядок в целом; в результате обращения к коллизионному праву Швейцарии было установлено, что ст. 90 Закона о международном частном праве позволяет иностранцу подчинить завещание своему национальному закону. Итогом стало признание завещания действительным. При этом суд предложил анализировать договор исходя из его целей. Таковыми, по мнению суда, являются предоставление гражданам каждой страны равного статуса по отношению к гражданам государства их пребывания. Решение дела, при котором гражданин США был бы умален в правах по сравнению с прочими иностранцами, domiciliрованными в Швейцарии, очевидно, противоречило бы целям договора⁵¹. Отвлекаясь от некоторых сомнений в компетентности суда решать данное дело, отметим, что суд не стал ограничиваться коллизионной привязкой договора, применив дополнительно коллизионную норму Швейцарии и приняв обратную отсылку, чтобы достичь наиболее справедливого, с его точки зрения, результата.

Итак, становится очевидно, что простая унификация коллизионных норм не способна окончательно разрешить стоящие перед международным частным правом проблемы и обеспечивать достижение целей, преследуемых этой сферой права. Единственным средством для достижения справедливых и единообразных решений, таким образом, остается лишь максимально широкое применение коллизионного принципа наиболее тесной связи. Однако не во всех правовых системах переход к принципу наиболее тесной связи осуществлен в полном объеме. В этой связи возникает вопрос, насколько возможно применение доктрины обратной отсылки для достижения стоящих перед современным международным частным правом це-

⁵¹ American Journal of Comparative Law, Volume 43, Number 1. Winter 1995. PP 85-87.

лей. При этом, поскольку мы отрицаем публично-правовой характер международного частного права, указание на который встречается в литературе⁵², мы считаем возможным применение судом в том числе и коллизионных норм иностранного государства. Тем более что, даже если бы мы признали за коллизионными нормами публично-правовую природу, то тенденция, проявляющаяся в наиболее современных законах о международном частном праве, позволяет не ограничивать применение иностранного права лишь сферой частного права⁵³.

Правила применения принципа *renvoi* с точки зрения современного международного частного права

Итак, определив цель международного частного права как отыскание статута, наиболее тесно связанного с правоотношением, мы должны проверить, насколько доктрина обратной отсылки способна служить такой цели.

Естественно, как было сказано выше, обратная отсылка не может быть применена в правовых системах, использующих принцип наиболее тесной связи в качестве основного коллизионного принципа. Что же касается правовых систем, которые не внедрили этот принцип в свое коллизионное право, то обратная отсылка, равно как и отсылка к третьему закону, вполне способны помочь судье, не находящему в национальном законодательстве коллизионных норм, которые позволили бы ему отыскать правопорядок, в действительности компетентный регулировать конкретное правоотношение, применить данный принцип (или жесткую привязку иного рода, которая, тем не менее, указывает на правопорядок, в действительности наиболее тесно связанный с конкретным правоотношением), чтобы разрешить дело надлежащим образом.

Таким образом, в рассмотренной выше ситуации с коллизионным регулированием договора купли-продажи в российском праве

⁵² Брун М. И. Введение в международное частное право — Петроград, 1915, с. 79.

⁵³ Согласно ст. 3 Швейцарского закона о международном частном праве применение нормы иностранного права не может быть исключено в силу одного лишь факта, что она имеет публично-правовую природу (American Journal of Comparative Law (Volume 37) Number 2. Spring 1989. P. 198).

для российского суда единственной возможностью в системе действующих коллизионных норм является применение обратной отсылки (отсылки к третьему правопорядку) в случае, если иностранные коллизионные нормы отсылают к правопорядку, наиболее тесно связанному с данным правоотношением.

Встает вопрос, какие могут возникать препятствия такому «заимствованию» чужого коллизионного принципа. Очевидно, таким препятствием может быть только прямой запрет принятия *renvoi* в какой-либо форме либо такие формулировки, которые содержатся во Вводном Законе к Германскому Гражданскому Уложению, согласно которым обратная отсылка принимается до тех пор, пока это не противоречит смыслу коллизионной нормы⁵⁴. Помимо указанного выше примера, когда обратная отсылка считается противоречащей смыслу коллизионной нормы, определяющей применимое право на основании принципа наиболее тесной связи, обратная отсылка может также признаваться несовместимой с коллизионной нормой в случаях, когда выбор права сделан сторонами договора, а также когда имеется альтернативная привязка (впрочем, если судья не находит права, компетентного решать конкретный спор, возможно прибегнуть к помощи *renvoi*)⁵⁵. Кроме того, ввиду известной гибкости и неопределенности формулировки «противоречие смыслу отсылки» возможны и дополнительные критерии для отказа от принятия обратной отсылки.

Кроме того, препятствия к применению принципа *renvoi* могут лежать в сфере соблюдения основных принципов национального права и необходимости учитывать оговорку о публичном порядке, что зачастую совпадает. Так, в 1987 г. Федеральный Суд Германии отказался принять обратную отсылку от итальянского права, сославшись на рассмотренное выше несоответствие *renvoi* смыслу отсылки, хотя в данном случае обратную отсылку следовало бы скорее отклонить по мотивам несоответствия содержащейся в итальянской коллизионной норме привязки к немецкому публичному порядку⁵⁶, поскольку итальянская коллизионная норма определяла применимое право по национальному закону мужа, что противоречит началам

⁵⁴ Вводный Закон к Германскому Гражданскому Уложению. — Германское Право. Часть I. М. 1998. С. 501

⁵⁵ Palandt. Op. cit., SS. 2208-2209.

⁵⁶ Heldrich A. Erfahrungen mit dem neuen deutschen Gesetz ueber das IPR. — Österreichs Stellung heute in Europarecht, IPR und Rechtsvergleichung. Wien 1989. S. 114.

равенства мужчины и женщины, закрепленным в немецких законах, в Основном Законе ФРГ, а также в многочисленных международных документах.

В мае 1999 г. обратная отсылка была отклонена Верховным Судом Испании по тем соображениям, что принятие обратной отсылки приведет к расщеплению статута наследования, что, в свою очередь, несовместимо с принципом единого статута наследования, являющегося основным в испанском наследственном праве. Такое решение было принято, несмотря на то что испанский закон прямо предусматривает принятие обратной отсылки⁵⁷.

Представляется, что иных препятствий к принятию обратной отсылки на сегодняшний день выдвинуть нельзя.

Кроме того, необходимо, по-видимому, согласиться с утверждением, что при принятии отсылки к праву третьей страны должен, очевидно, учитываться также и публичный порядок страны, к которой отсылает коллизийная норма страны суда⁵⁸. К такому выводу приводит необходимость максимально точно применить иностранное право. По вопросу, надлежит ли учитывать *ordre public* иностранного государства при обратной отсылке, могут быть выражены различные взгляды⁵⁹.

Применение обратной отсылки может быть заложено в международном договоре, а также непосредственно в законе, к которому отсылает коллизийная норма страны суда.

В первом случае применение доктрины обратной отсылки заложено в ряде международных договоров, причем не только в сфере, касающейся определения личного закона, где принятие *renvoi* является обычным коллизийным приемом. Так, Конвенция об урегулировании инвестиционных споров между государствами и гражданами других государств 1965 г. (Вашингтонская конвенция) в ст. 42 предусматривает в качестве применимого права право страны-участницы инвестиционного спора, включая его коллизийное право. Некоторые авторы оговаривают, что в случае, когда решение рассматривается международным судом или арбитражем, отсутствует сама возможность обратной отсылки, поскольку отсутствует *lex fori*

⁵⁷ см.: <http://web.onyxnet.co.uk/antony.anderson-onyxnet.co.uk/ts-e.htm>

⁵⁸ Niederer W. Einfuehrung in die allgemeinen Lehren des Internationales Privatrechts. Zuerich. 1950. S. 304).

⁵⁹ Так, В. Нидерер отрицал необходимость учитывать нормы иностранного публичного порядка при принятии обратной отсылки (Ibid. S. 304).

как таковой, но вполне может иметь место отсылка к правопорядку другой страны⁶⁰.

Во втором случае обязанность применять иностранные коллизионные нормы может быть заложена и непосредственно в иностранном законе. Так, Единообразный Торговый Кодекс США в девятом разделе, регулирующем обеспечение сделок (ст. 9-103), при определении права, которому подчиняется формализация обеспечительных интересов, содержит различные привязки, однако предписывает при этом руководствоваться и коллизионными нормами штата, к которому приводит применение предусмотренной в ЕТК привязки⁶¹. Кроме того, возможность обратной отсылки может содержаться также и при имплементации предписаний международного договора в национальное законодательство, что произошло после принятия национальных вексельных законов на основании Женевской конвенции, имеющей целью разрешение некоторых коллизий законов о переводных и простых векселях 1930 г., в соответствии с которой способность лица обязываться по векселю определяется его национальным законом, если только национальный закон не определяет его «векселеспособность» по иному закону, — в таком случае применению подлежит этот иной закон. Такие нормы содержатся, к примеру, в российском⁶² и немецком⁶³ законодательствах. Вряд ли у суда третьего государства будут разумные основания отказаться от принятия таких отсылок.

На основании приведенных соображений становится возможным сформулировать следующие правила применения обратной отсылки, а точнее говоря, обратная отсылка может быть применена при одновременном наличии следующих условий:

- коллизионное право страны суда не содержит принципа наиболее тесной связи в качестве руководящего коллизионного принципа;
- право, на которое указывает коллизионная норма страны суда, имеет незначительную связь с рассматриваемым правоотношением;

⁶⁰ Ibid. S. 276.

⁶¹ Единообразный Торговый Кодекс США. — М.: Статут, 1998, с. 345-348.

⁶² Положение о переводном и простом векселе. — Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР», 21.08.1937, № 52, ст. 221.

⁶³ Закон о векселях. // Германское право. ч. III. — М.: Статут, 1999, с. 125.

- коллизионные нормы иностранного правопорядка содержат коллизионный принцип наиболее тесной связи или иным образом указывают на компетентный правопорядок, или если международный договор или непосредственно иностранный правопорядок прямо указывает на необходимость применить его коллизионные нормы;
- в праве страны суда отсутствуют препятствия к принятию *renvoi* (прямой запрет, несоответствие ее принятия нормам публичного порядка страны суда).

На основании сформулированных правил можно выдвинуть идею о необходимости «учреждения» своеобразной «иерархии привязок», которая должна стать определяющей для суда при решении вопроса о том, должен ли он принимать во внимание предписания иностранной коллизионной нормы. Иерархичность заключается в том, что норма, обеспечивающая отыскание правопорядка, компетентного регулировать рассматриваемый судом спор (напомним, что «компетентность» правопорядка зависит от того, насколько поиск такого правопорядка был проведен в соответствии с целями международного частного права), должна иметь приоритет, независимо от того, какой правопорядок предлагает такую норму. И первое место в такой иерархии должно быть отдано гибкой коллизионной привязке, отсылающей к правопорядку, обладающему наиболее тесной связью со спорным правоотношением.

Такая иерархия может быть проиллюстрирована в действии на следующем примере: в 1995 г. Апелляционный суд штата Мэриленд пересмотрел традиционный подход к контрактным отношениям в деле *American Motorists Ins. Co. vs. ARTRA Group Inc.* Иск был предъявлен в штате Мэриленд, и суд, рассматривавший дело в первой инстанции, применил свое коллизионное право, которое содержало привязку к праву места заключения договора (*lex loci solutionis*), то есть к праву штата Иллинойс. Однако конфликтные нормы Иллинойса содержали гибкую привязку, основанную на принципе наиболее тесной связи (она была воспринята из *Restatement Second*), и суд штата Мэриленд пришел к выводу, что данные правоотношения обнаруживают наиболее тесную связь именно с Мэрилендом, тогда как правопорядок штата Иллинойс самоустраняется от разрешения данного спора. О неоднозначности такого решения свидетельствует непростая судьба дела, прошедшего через три инстанции, однако указанный вывод был поддержан Апелляционным судом штата, который сформулировал условия применения *renvoi* к спорам, вытекающим из контрактных отношений:

- данное отношение обнаруживает наиболее тесную связь именно с Мэрилендом;
- суд штата, к которому отсылает коллизионная норма Мэриленда, отказывается от применения собственного права и применяет право Мэриленда⁶⁴.

Из вышеизложенного можно сделать вывод, что суды Мэриленда признают лишь обратную отсылку, отказываясь распространять эти принципы на случаи отсылки к праву третьей страны. Такой подход вряд ли является оправданным, поскольку сама сущность принципа наиболее тесной связи демонстрирует его несвязанность какими-либо формальными условиями. Тем не менее, данное решение может служить примером того, как надлежит действовать суду, признающему принцип иерархичности коллизионных привязок. Полагаем, что такая иерархичность универсальна по своей природе, в связи с чем продемонстрированное действие института обратной отсылки, основанного на принципе иерархичности привязок, может быть применено ко всем специальным правоотношениям, возникающим в рамках международного частного права, будь то коллизионное регулирование деликтных правоотношений, поиск имущественного статута или определение личного закона, или же какой-либо иной институт.

Представляется, что закрепление принятия обратной отсылки на уровне закона может иметь место только до тех пор, пока у законодателя не хватит решимости внедрить гибкий коллизионный принцип наиболее тесной связи в качестве доминирующего коллизионного принципа.

Мы также полагаем, что правила об обратной отсылке могут быть сформулированы лишь в наиболее общем виде, в качестве своеобразной компенсации того эффекта, который может достигаться за счет принципа наиболее тесной связи. И здесь можно согласиться с утверждением, что принятие отсылки должно во многом зависеть от конкретных обстоятельств⁶⁵. Вопрос о необходимости законодательно решить вопрос о допустимости обратной отсылки был близок к своему разрешению в подготовленном в 1989-1990 г.г. проекте Закона о международном частном праве и международном гражданском процессе. В ст. 4 признавались обратная отсылка и отсылка к праву третьей страны,

⁶⁴ American Journal of Comparative Law, Volume 44, Number 2, Spring 1996. PP. 182-185.

⁶⁵ Федосеева Г. Международное частное право. — М.: Остожье, 1999, с. 101.

причем сфера их действия значительно расширялась по сравнению с прежними подходами: обратная отсылка допускалась практически во всех случаях, за исключением ситуации, если стороны непосредственно в договоре указали применимое к нему право или же соглашение сторон дает основание считать, что они имели намерение подчинить свои отношения тому иностранному праву, которое подлежит применению в соответствии с положениями настоящего закона⁶⁶. Представляется, что такая достаточно гибкая формулировка была способна обеспечить выполнение доктриной обратной отсылки функции определения права, подлежащего применению, поскольку применение принципа наиболее тесной связи по-прежнему носило субсидиарный характер, т.е. принцип наиболее тесной связи мог быть использован лишь после того, как применение основных привязок не приводило к определению компетентного правопорядка. Единственная корректировка, которая требовалась для ее адекватного применения, должна была предусматривать, что обратная отсылка допускается в случае, если коллизионные нормы иностранного правопорядка обеспечивают отыскание права, наиболее тесно связанного с правоотношением. Думается, что в отсутствие такой оговорки обратная отсылка может стать всего лишь удобным средством для отказа от применения иностранного права.

До тех пор, пока в законе отсутствуют какие-либо предписания относительно принципа *renvoi*, данная проблема должна составлять предмет судейского усмотрения, основанного на перечисленных выше правилах.

Кроме того, теперь мы должны признать, что никаких различий в существо таких явлений, как отсылка к третьему закону и обратная отсылка, не имеется, и они на сегодняшний день выполняют единую компенсирующую функцию, функцию восполнения недостаточно широкого применения принципа наиболее тесной связи. В этом смысле несостоятельно какое-либо различие этих двух явлений ни с точки зрения взаимоотношений суверенных государств, ни с точки зрения сторонников максимально широкого применения национального закона.

С учетом вышеизложенных позиций представляется порочным подход разработчиков проекта третьей части ГК РФ к достижению целей, стоящих перед международным частным правом. Опубликованный в 1996 г. проект ограничивает принятие обратной отсылки и

⁶⁶ Приводится по: Международное частное право: современные проблемы. --- М.: РАН, ИГиП, 1994, с. 462.

отсылки к праву третьей страны лишь тремя случаями: согласно ст. 1230 проекта, любая отсылка к иностранному праву, кроме случаев, предусмотренных данной статьей, должна рассматриваться как отсылка к материальному, а не к коллизионному праву соответствующей страны. Данная статья указывает следующие допускающие обратную отсылку нормы: ст. 1233, определяющая личный закон физического лица; ст. 1235, указывающая право, по которому определяется дееспособность иностранных граждан и лиц без гражданства, а также ст. 1239, определяющая право, регулирующее отношения по опеке и попечительству⁶⁷. В то же время принцип наиболее тесной связи по-прежнему находится в подчиненном по отношению к другим коллизионным привязкам положении, выполняя лишь вспомогательную функцию: к принципу наиболее тесной связи предполагается обращаться только в тех случаях, когда содержащиеся в законе коллизионные привязки не позволяют определить право, подлежащее применению.

Такой подход к проблеме *renvoi* в условиях ограниченного применения принципа наиболее тесной связи представляется неоправданным и малообоснованным, скорее в нем можно заметить лишь механистическое следование традиции: обратная отсылка закреплена в той сфере отношений, где она воспринималась наиболее широко, однако не было проведено критического анализа мирового опыта, не была сделана попытка переосмыслить доктрину *renvoi*, исходя из новых реалий, вследствие чего закрепленный в проекте подход не лишен недостатков, от которых можно было бы избавиться, используя наиболее современные наработки по этой проблеме⁶⁸.

⁶⁷ Иванов. Г.А., Романова С.М. Обсуждаем проект третьей части ГК: международное частное право. — Законодательство, 1997, № 4.

⁶⁸ Более новые проекты, датированные декабрем 1998 года, но, к сожалению, до сих пор неопубликованные, также не предусматривают широкого применения принципа наиболее тесной связи и ограничивают принятие обратной отсылки лишь вопросами определения гражданского состояния физического лица. По сути, подход первого проекта остался неизменным, лишь более рационально и экономно использован юридический материал.

МЕТОДЫ ЧАСТНОПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СТАТУСА КОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ, ДЕЙСТВУЮЩИХ НА ТЕРРИТОРИИ ИНОСТРАННЫХ ГОСУДАРСТВ

*А.В. Асосков**

Современное состояние экономики характеризуется необычайно бурным и стремительным развитием международных хозяйственных связей, интернационализацией мирового производства и потребления. Данный процесс приобрел всеобъемлющий характер: он уже не ограничивается исключительно торговыми отношениями, а вовлекает в себя промышленное производство, сферу услуг и использование результатов интеллектуальной деятельности. С неизбежностью усиливается взаимодействие между хозяйствующими субъектами, находящимися под юрисдикцией различных национальных правовых порядков, а деятельность таких субъектов все больше и интенсивнее перерастает государственные границы.

Вместе с тем состояние юридического оформления участия субъектов в хозяйственной жизни иностранных государств нельзя назвать особенно эффективным. Новые явления экономического порядка пытаются урегулировать с использованием старых, давно сложившихся правовых институтов, которые изначально были не приспособлены к решению такого рода вопросов. В результате привычные юридические понятия приобретают качественно иные характеристики, порождая многочисленные и трудноразрешимые теоретические и практические проблемы.

1. Коллизионный метод

При применении этого традиционного метода затруднения вызывает уже сама попытка определения понятий «личный статут» и «национальность» юридического лица, а также их соотношение между собой. Под личным статутом (личным законом), как правило, понимаются положения применимого права, на основе которых оп-

* Аспирант юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, магистр частного права.

ределяются следующие вопросы, имеющие основополагающее значение: является ли организация юридическим лицом, какова его организационно-правовая форма и объем правоспособности, вопросы создания, реорганизации и ликвидации, порядок приобретения юридическим лицом прав и обязанностей, вопросы внутреннего управления юридическим лицом. Именно такое легальное определение личного закона юридического лица закреплено в ст. 1327 проекта части третьей ГК России. Таким образом, личный статут отвечает на вопросы, имеющие непосредственное отношение к выступлению юридического лица в гражданском обороте, и не предопределяет применение тех или иных норм публичного права.

Понятие «национальности» юридического лица не имеет общепризнанного определения. Авторы, рассматривающие данную проблему, сходятся лишь в том, что этот термин имеет очень большую долю условности. Голландский ученый проф. Ван Хекке выделяет три отрасли права, в рамках которых трактуется проблема национальности юридического лица: во-первых, административное право, куда автор включает и так называемое «право иностранцев», устанавливающее, например, запрет или ограничение для любых иностранных лиц на занятие определенной деятельностью (банковской, строительной и т.д.); во-вторых, международное право, определяющее, на какие юридические лица распространяются условия соответствующего межгосударственного договора или право данного государства на оказание дипломатической защиты и т.д.; и, в-третьих, коллизионное право, нормы которого должны определять личный закон или статут юридического лица. Причем в зависимости от целей выявления государственной принадлежности юридического лица в рамках одной и той же правовой системы подчас используются различные критерии и признаки¹. К аналогичному выводу приходит и алжирский исследователь М. Иссад: «Возникает вопрос, не существует ли двух видов национальности: частноправовой, обозначающей юридическую связь, и публично-правовой, означающей связь политическую. Первая определяет закон, применимый к правовому статусу товарищества, вторая — появляется в области международного публичного права (международная ответственность, дипломатическая защита) и когда

¹ См. *Городисский А.М.* Определение национальности юридических лиц и их признание в других странах //Юридические аспекты осуществления внешне-экономических связей. М., 1979, с. 150.

ская защита) и когда возникают вопросы о положении товарищества в другой стране»².

Таким образом, понятие «национальность» юридического лица является гораздо более широким, нежели понятие «личный статут», и включает в себя не только частноправовой, но и публично-правовой элементы. Более того, современная правоприменительная практика характеризуется все более углубляющимся разрывом между этими понятиями применительно к одному юридическому лицу.

Авторы, анализирующие виды критериев определения личного статута юридического лица, не перестают спорить о том, какой из названных критериев является более предпочтительным. При этом каждая из спорящих сторон выдвигает достаточно веские аргументы³. «Никто не предлагает определять национальность юридических лиц по наличности всех указанных признаков. Хотят выбрать один — определяющий, и вот его-то выбрать никак не могут»⁴.

Следует ли отдать предпочтение какому-то одному из приведенных коллизионных критериев? По нашему мнению, это вряд ли возможно. При этом хотелось бы привести блестящее высказывание В.М. Корецкого: «Примирился ли мы с констатированием многоликости или, быть может, все же решимся оценить предложенные критерии и выбрать наиболее пригодный? Но они все равно хороши и равно недостаточны. Равно хороши, ибо каждый из них освещает одну сторону проблемы: критерий *Vareilles-Sommieres*'а (критерий контроля — *А.А.*) — связь юридического лица с физическими лицами, в нем непосредственно заинтересованными, критерий *Weiss*'а и *Neukamp*'а (критерий инкорпорации — *А.А.*) — связь с правопорядком, его порождающим, стремление ввести постоянство при изменчивом составе обществ и обеспечить государственный контроль над организацией обществ (путем концессий, регистраций и пр.), критерий домицилярный (критерий административного центра — *А.А.*) в его разновидностях — связь с имущественным комплексом, гарантия интересов кре-

² Иссад М. Международное частное право. М., 1989, с. 355.

³ Данный вопрос подробно исследован в литературе. См. Брун М.И. Юридические лица в международном частном праве. Кн. 1: О личном статусе юридического лица. Петроград, 1915, с. 18-43; Ладыженский А.М. Теории национальности юридических лиц в международном частном праве // Советский ежегодник международного права, 1964-1965. М., 1966, с. 260-272.

⁴ Корецкий В.М. Проблемы частного международного права в договорах, заключенных Советскими республиками с иностранными государствами / Избранные труды. Т. 1. Киев, 1989, с. 32.

диторов. Все они равно недостаточны, ибо тщатся охватить явление в целом под неперменным условием подведения всех случаев под одну категорию»⁵.

Таким образом, выбор законодателем одного из приведенных жестких критериев определения личного статуса юридического лица выглядит произвольным актом, не обеспечивающим адекватность правового регулирования потребностям коммерческого оборота. В связи с этим новейшие тенденции развития данного института заключаются в отходе от жестких коллизионных формул прикрепления либо в дифференцированном подходе к регулированию различных аспектов деятельности юридических лиц. Этот процесс получил в литературе следующую общую характеристику — «отделение личного статуса юридического лица от его государственной принадлежности»⁶.

По свидетельству Л.А. Лунца, «практика военных лет обнаружила, таким образом, что государственная принадлежность юридического лица требует детального исследования каждого случая и исключает возможность установления простых и четких критериев»⁷. Немецкий ученый Б. Гроссфельд отмечает, что «начиная с 1958 г. американские суды последовательно отказывались от традиционных методов международного частного права. Исходные позиции о предвидении и тем самым правовой определенности отступают. На передний план выходит стремление к справедливости в отдельном случае»⁸. Поэтому критерий учреждения, традиционно исповедуемый англо-американской правовой системой, является не более чем «коллизивно-правовым пунктом, от которого делается корректировка»⁹. И такой подход характерен не только для США.

Активно исследуется данная проблема германскими учеными. Так, Грасман выдвигает учение о дифференцированности, в котором проводит различие между внутренними и внешними отношениями юридического лица и устанавливает различные коллизионные при-

⁵ Там же, с. 34-35.

⁶ Лунц Л.А. Курс международного частного права. Особенная часть. М., 1975, с. 41-44; Богуславский М.М. Международное частное право. М., 1989, с. 127; Суворов Л.Л. Проблема отделения личного статуса юридического лица от его государственной принадлежности в современном международном частном праве // Журнал международного частного права, 1995, № 3, с. 6-7.

⁷ Лунц Л.А. Указ. соч., с. 43.

⁸ Цит. по: Суворов Л.Л. Указ. соч., с. 6.

⁹ Там же, с. 7.

вязки: для внутренних отношений действует право государства учреждения; для внешних отношений — закон государства, где осуществляется предпринимательская деятельность. Сандрок представил так называемую теорию наложения, в которой предлагается исходить из критерия учреждения с той особенностью, что над правом государства учреждения должны превалировать императивные нормы государства местонахождения центра управления юридического лица. Мюль считает, что приоритетное применение права государства местонахождения административного центра должно вместе с тем соответствовать выработанным практикой требованиям, как-то: поддержание местного и международного порядка, выполнение судебных задач, соблюдение государственных интересов, интересов общест-венности, применение так называемой лучшей нормы¹⁰.

Таким образом, на сегодня коллизивно-правовое регулирование вопросов частноправового статуса юридического лица переживает серьезный кризис. Связан он прежде всего с невозможностью найти такую единую коллизийную привязку, которая устраивала бы большинство государств и отвечала бы потребностям развивающихся интернациональных экономических связей. Выход из сложившейся ситуации возможен в двух направлениях.

Первое возможное решение связано с отказом от жестких коллизийных привязок в пользу гибких или кумулятивных коллизийных норм. При этом определенную аналогию можно провести с институтами договорных и внедоговорных обязательств, в которых данный процесс уже идет полным ходом и получил законодательное закрепление как в национальном праве, так и на уровне международно-правовых соглашений. Однако использование такого подхода неизбежно породит не менее многочисленные собственные проблемы. Неопределенность правового регулирования, которая свойственна гибким коллизийным нормам, будет играть существенную негативную и дестабилизирующую роль, пагубно влияющую на развитие межнационального коммерческого оборота. Невозможность использования принципа автономии воли также заставляет с большой осторожностью относиться к предлагаемым радикальным изменениям коллизийного регулирования статуса юридических лиц.

В связи с этим более предпочтительным представляется второй путь, который предполагает обращение к другим методам правового регулирования в международном частном праве: методу внутрина-

¹⁰ См. там же, с. 6-7.

ционального прямого регулирования, а также методу материально-правовой межгосударственной унификации, которые зачастую объединяются под единым названием — метод «прямого» регулирования.

2. Метод прямого регулирования нормами внутринационального права

Законодательство практически всех стран мира включает в себя нормы материально-правового характера, которые специально направлены на регулирование отношений с участием иностранного элемента (прежде всего тех отношений, в которых участвуют иностранные субъекты права). Такого рода нормы могут быть как включены в общий массив внутреннего законодательства (входить в текст гражданских и торговых кодексов, в состав общих административно-правовых норм), так и составлять обособленные нормативные акты. Значительное число такого рода внутринациональных материально-правовых норм — это нормы, устанавливающие национальный режим для иностранных физических и юридических лиц, регулирующие пределы правоспособности на территории данного государства, устанавливающие специальные правила для филиалов и представительств иностранных юридических лиц, а также национальных коммерческих организаций, созданных с участием иностранцев (так называемое законодательство об иностранных инвестициях). За рубежом этот массив правовых норм принято именовать «правом иностранцев».

Наиболее распространенной правовой формой ведения коммерческой деятельности на территории иностранного государства является создание в соответствии с национальными законами этого государства (которое именуется принимающим государством) нового юридического лица. При этом уставный капитал создаваемой организации формируется либо полностью за счет вклада иностранного юридического лица (что ведет к возникновению так называемой дочерней компании), либо при участии национального капитала (организации с иностранными инвестициями или совместные предприятия). Именно на регулирование такого рода юридических лиц, имеющих статус национальных субъектов права, направлено в первую очередь законодательство об иностранных инвестициях.

Цели, преследуемые национальным законодателем при издании нормативных актов, относящихся к области законодательства об

иностранных инвестициях, могут иметь различный характер. С одной стороны, это введение ограничений на участие иностранных лиц в коммерческой деятельности на территории того или иного государства, которые направлены на защиту отечественного производителя. С другой стороны, это специальные льготы, стимулирующие дополнительные иностранные инвестиции в экономику принимающего государства.

В числе наиболее распространенных ограничений, устанавливаемых законодательствами различных стран в отношении иностранных капиталовложений, можно назвать следующие: разрешительный порядок создания юридических лиц с участием иностранного капитала, установление максимально возможного размера участия иностранцев в уставном капитале национальных юридических лиц, запрет на занятие определенными видами деятельности (ведение коммерческой деятельности в определенных отраслях национального хозяйства), включение в состав органов управления юридических лиц определенной доли местных граждан, фиксирование максимально возможного совокупного процента иностранного капитала на определенном рынке товара (работ, услуг), запрет на перевод за границу прибыли от капиталовложений сверх определенного лимита, обязательное использование местной рабочей силы и закупку местного оборудования или сырья¹¹.

В современной политической жизни принятие национального законодательства, регулирующего статус иностранных юридических лиц и коммерческих организаций с участием иностранного капитала, обусловлено также экономической необходимостью привлечения иностранных инвесторов в отечественную экономику с целью получения доступа к новейшим технологиям, создания новых рабочих мест, развития промышленности и улучшения иных финансово-экономических показателей. Поэтому государства с помощью заключения международных соглашений, а также в одностороннем порядке путем принятия внутренних правовых норм закрепляют гарантии, предоставляемые иностранным инвесторам. К числу таких гарантий, как правило, относятся гарантии от национализации и реквизиции,

¹¹ Подробнее см.: Правовое регулирование иностранных инвестиций в России. Сб. статей. М., 1995; Совместные предприятия Восток-Запад. Экономические, коммерческие, финансовые и правовые перспективы / Издание Европейской Экономической комиссии. Нью-Йорк, 1988; Вознесенская Н.Н. Иностранные инвестиции и смешанные предприятия в странах Африки. М., 1975.

гарантии от изменения законодательства (так называемая стабилизационная, или «дедушкина» оговорка), гарантии перевода прибылей в иностранной валюте, гарантии при прекращении инвестиционной деятельности. На стыке двух указанных направлений и формируется законодательство об иностранных инвестициях¹².

Метод прямого внутреннего регулирования статуса иностранных юридических лиц, а также национальных юридических лиц, созданных с участием иностранцев, рассматривается исследователями в качестве доминирующего над коллизионным методом. Действительно, как мы выяснили ранее, прежде чем ставить коллизионную проблему и обращаться к личному статусу юридического лица, необходимо определить, допускает ли вообще данное государство иностранные лица в свою экономическую жизнь, и если допускает, то в какой степени и с какими ограничениями. Так, по замечанию А.Г. Богатырева, «такое национально-правовое регулирование иностранных инвестиций представляет собой прямой метод регулирования в международном частном инвестиционном праве, являющийся основным и главным. Наряду с ним, но уже в качестве субсидиарного или дополнительного, может быть и «коллизионный» метод регулирования»¹³.

Необходимо согласиться с мнением Л.А. Лунца, который считает, что «признание за иностранцем гражданской правоспособности является необходимой предпосылкой коллизионного вопроса: коллизионная проблема применительно к отношению с участием иностранца возникает потому, что данные отношения рассматриваются

¹² См. *Богатырев А.Г.* Инвестиционное право. М., 1992; *Богуславский М.М.* Иностранные инвестиции: правовое регулирование. М., 1996; *Правовое регулирование иностранных инвестиций в России / Сб. статей.* М., 1995; *Совместные предприятия Восток-Запад. Экономические, коммерческие, финансовые и правовые перспективы / Издание Европейской Экономической комиссии.* Нью-Йорк, 1988; *Иностранные инвестиции в России. Современное состояние и перспективы.* М., 1995; *Сергеев В.П., Степанов В.П., Халевинская Е.Д.* Современный взгляд на иностранные инвестиции в России. М., 1994; *Халевинская Е.Д.* Предприятия с иностранным капиталом в России. М., 1995; *Костин А.А.* Правовое регулирование создания смешанных обществ в странах Арабского Востока // *Юридические аспекты осуществления внешнеэкономических связей.* М., 1979; *Вознесенская Н.Н.* Иностранные инвестиции и смешанные предприятия в странах Африки. М., 1975; *Силкин В.* Комментарий к Федеральному закону «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» // *Хозяйство и право*, 2000, № 2.

¹³ *Богатырев А.Г.* Указ. соч., с. 263.

как правоотношения, а иностранец — как правоспособное лицо. В тех случаях, когда правоспособность его, в виде исключения, ограничена... нет коллизийной проблемы, не возникает и вопроса о выборе закона для определения прав иностранца»¹⁴.

Представляется, что роль «права иностранцев» особенно значима для тех стран, социальное или экономическое положение которых не позволяет применять единое правовое регулирование как для отношений, не выходящих за пределы юрисдикции этого государства, так и для отношений с участием иностранных лиц. Именно поэтому значение «права иностранцев» было так велико в бывших социалистических странах, а сегодня — в развивающихся странах и странах с так называемой «переходной экономикой». В то же время для развитых капиталистических стран не свойственно принятие специальных внутринациональных норм, направленных на регулирование отношений с участием иностранцев.

Однако настолько ли хорош и удобен метод прямого регулирования нормами внутринационального права, как это зачастую изображают авторы, пишущие на тему законодательства об иностранных инвестициях? Анализ показывает, что это не так. Причем опасности подстерегают законодателя в обоих из возможных направлений развития законодательства об иностранных инвестициях.

Закрепление в национальном праве многочисленных гарантий, льгот и привилегий для иностранных инвесторов с неизбежностью затрагивает интересы отечественных предпринимателей, разрушает единый режим ведения коммерческой деятельности, принцип равных условий и равных возможностей. Эта ситуация усугубляется тем, что экономически иностранные инвесторы, по общему правилу, намного сильнее местных производителей. Данная проблема сегодня актуальна и для Российской Федерации. Новый Федеральный закон «Об иностранных инвестициях» от 9 июля 1999 г. № 160-ФЗ¹⁵ пошел по пути расширения льгот и гарантий для иностранных инвесторов, которые в ряде случаев вызывают обоснованные вопросы.

В частности, речь идет о формулировании положений так называемой стабилизационной («дедушкиной») оговорки. Устанавливается, что иностранные инвесторы и коммерческие организации с иностранными инвестициями, реализующие приоритетные инвестиционные проекты, пользуются гарантией от неблагоприятного изменения

¹⁴ Лунц Л.А. Указ. соч., с. 23.

¹⁵ См.: Собрание законодательства РФ. 1999, № 28, ст. 3493.

национального законодательства в течение срока окупаемости инвестиционного проекта, но не более семи лет со дня начала финансирования указанного проекта за счет иностранных инвестиций. В исключительных случаях Правительство РФ может продлить этот срок. При этом одновременно круг лиц, попадающих под действие данной гарантии, расширяется за счет любых коммерческих организаций с иностранными инвестициями, если доля (вклад) иностранных инвесторов в уставном (складочном) капитале такой организации составляет свыше 25 процентов (абзац 2 п. 1 ст. 9 Федерального закона). Тем самым в круг потенциальных «пользователей» столь серьезной гарантией (которая в современных российских условиях крайне нестабильного налогового законодательства превращается в важную льготу) включаются любые коммерческие организации, более 25 процентов уставного (складочного) капитала которых принадлежит иностранным инвесторам, без всякой связи с их участием в осуществлении приоритетного инвестиционного проекта. Конечно, можно говорить о том, что в данном случае допущена лишь законодательная неточность, но она может очень дорого стоить российскому бюджету. Как справедливо отмечает В. Силкин, «распространение гарантии на любую коммерческую организацию с 25-процентными иностранными инвестициями в уставном (складочном) капитале вне зависимости от масштабов реализуемого ею инвестиционного проекта привело бы к многочисленным «обходам закона» со стороны российских организаций путем учреждения за рубежом оффшорных компаний и затем создания на территории РФ совместных предприятий с их участием»¹⁶. Это замечание тем более верно, что, как уже отмечалось, отечественное законодательство твердо стоит на принципе определения личного закона юридического лица по месту его учреждения (абзац 2 ст. 2 Федерального закона «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации», п. 1 ст. 161 Основ гражданского законодательства СССР 1991 г.). Это закрывает возможность борьбы с такого рода «фиктивными» иностранными инвесторами путем указания на то, что административный (управляющий) центр компании и место его основной деятельности находятся на территории Российской Федерации.

Более того, сегодня в мире отношение к стабилизационной оговорке все более меняется. Если проследить развитие национального

¹⁶ Силкин В. Комментарий к Федеральному закону «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» // Хозяйство и право. 2000. № 2. с. 10.

законодательства стран — получателей иностранных инвестиций, равно как и международно-договорную практику по данному вопросу, то можно отметить, что стабилизационная оговорка используется все реже и реже, а то и вообще исчезает из правового регулирования. Академик Б.Н. Топорнин полагает, что «отказ от этой льготы — составная часть общей тенденции, заключающейся в том, чтобы не выделять вообще или (если подобное принципиальное решение пока еще невозможно) как можно меньше выделять правовой режим иностранного инвестора из правового режима страны — получателя инвестиций. Как свидетельствует накопленный опыт, «двухрежимный» подход, в конечном счете, невыгоден иностранному инвестору, ибо падает интерес отечественного бизнеса к делам своей страны и начинается отток национального капитала»¹⁷.

Вызывает возражения также то обстоятельство, что российский закон предусматривает возможность введения изъятий ограничительного характера для иностранных инвесторов только в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (абзац 1 п. 2 ст. 4 Федерального закона «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации»). Нетрудно заметить, что данная формулировка заимствована из п. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации, которая закрепляет гарантии от произвольного ограничения прав и свобод человека и гражданина, установленные в гл. 2 Конституции. Неограниченное расширение применения данной гарантии применительно к изъятиям из национального режима для иностранных инвесторов ведет к весьма серьезному самоограничению национального суверенитета, неспособности государства оперативно реагировать на экономическую ситуацию в стране и принимать в случае необходимости меры по защите национальных интересов.

Не менее опасен и путь введения внутринациональными нормами различного рода ограничений правоспособности иностранных юридических лиц, а также установления других административных препон. Очевидно, что такой подход отрицательно сказывается на состоянии инвестиционного климата конкретного государства, влечет отток иностранных инвестиций. Наличие многочисленных адми-

¹⁷ Топорнин Б.Н. Российское право и иностранные инвестиции: актуальные проблемы // Правовое регулирование иностранных инвестиций в России. М., 1995. с. 17.

нистративных барьеров заставляет любого потенциального инвестора с большой осторожностью принимать решение о ведении коммерческой деятельности на территории иностранного государства. В более общем плане такое положение вещей вступает в явное противоречие с развивающимся процессом интернационализации хозяйственных связей, потребностями неограниченного перетока капиталов.

Основное противоречие в данном случае заключается в том, что состояние правового регулирования не соответствует экономическому содержанию возникающих отношений. Складывающиеся в ходе осуществления иностранных капиталовложений отношения носят явно выраженный интернациональный характер, затрагивают экономические процессы ряда государств. Несмотря на это для регулирования такого рода «мирохозяйственных» отношений к качеству доминирующего способа используется метод прямого регулирования нормами внутринационального права отдельно взятого государства. Иными словами, берется за основу такой метод, который сам базируется на принципе территориальности, принципе ограничительного действия правовых норм.

Такое положение вещей неизбежно порождает весьма сложные юридические проблемы. Нормы внутринационального права, силясь дать исчерпывающее и единообразное регулирование экономических отношений, связанных с участием иностранных лиц в хозяйственной жизни других государств, наталкиваются на заданные самой природой таких норм ограничения. Речь идет об ограниченной сфере действия подобного рода норм, классическом принципе неприменимости норм публично-правового характера на территории иностранных государств. «В то время как в частном праве речь идет о коллизиях законов, в публичном праве речь может идти только об установлении границ действия в пространстве национального закона. Подобное ограничение сферы действия является односторонним в том смысле, что оно игнорирует компетенцию или сферу действия иностранного закона».¹⁸ Однако наличие такого рода ограничений ведет к тому, что та или иная правовая норма, ограниченная границами территории государства, в ряде случаев не достигает необходимого эффекта. Эта парадоксальная ситуация заставила доктрину, правоприменительную практику, а затем и законодателей отказаться от постулатов классического международного частного права и встать на путь признания

¹⁸ Иссад М. Указ. соч., с. 21.

экстерриториального характера действия императивных публично-правовых норм.

В частности, следуя данной тенденции, часть третья Модельного Гражданского кодекса для стран СНГ устанавливает, что «применение нормы иностранного права не может быть ограничено лишь на том основании, что данная норма имеет публично-правовой характер» (п. 4 ст. 1194). Специальная норма, касающаяся применения императивных норм страны суда и страны, право которой имеет тесную связь с отношением, предусмотрена в проекте части 3 ГК России (ст. 1317).

Основным недостатком концепции сверхимперативных норм является невозможность установления определенных границ данной категории и ее четкой классификации. Как отмечает А.Н. Жильцов, «поскольку ни один из рассматриваемых источников не содержит исчерпывающего перечня критериев, на основании которых конкретная императивная норма может быть отнесена к категории сверхимперативных, автор делает вывод о том, что за исключением тех случаев, когда указание о сфере действия нормы права является прямым выражением, ответ на вопрос, является ли конкретная норма права нормой непосредственного применения, может быть дан лишь в процессе ее толкования судом с учетом всех обстоятельств дела. Хотя неопределенность границ рассматриваемой категории норм является главным основанием для критики концепции норм непосредственного применения, вполне очевидно, что возможность установления исчерпывающего перечня сверхимперативных норм лишала бы данный механизм необходимой гибкости и возможности оперативного реагирования на изменение общественных интересов во времени»¹⁹.

Таким образом, метод прямого применения норм внутринационального права, сталкиваясь с объективными границами своего использования, обусловленными классическим принципом территориальности, заставляет изобретать юридические механизмы, которые позволили бы приспособить имеющееся правовое регулирование к новым экономическим реалиям. Это было сделано с помощью признания возможности экстерриториального применения императивных национальных норм вне зависимости от направленности коллизионного регулирования. Однако такая постановка вопроса с неиз-

¹⁹ Жильцов А.Н. Применимое право в международном коммерческом арбитраже (императивные нормы) / Автореферат дисс. на соискание степени канд. юр. наук. М., 1998, с. 16-17

бежностью ведет к подрыву основополагающих принципов классического международного частного права, радикальному пересмотру его ключевых положений. Именно этот процесс мы и наблюдаем в современной доктрине международного частного права — прежде всего в изложении американских авторов. Теория местного права В. Кука, теория правительственного интереса Б. Карри, доктрина сравнительной оценки ущемления интересов И. Бакстера, теория *lex fori* А. Эрэнцвейга, метод функционального анализа А.Т. фон Мирэна, Д. Траутмана и Р. Вейнтрауба, теория специальной связи К. Цвайгерта и В. Венглера, доктрина норм непосредственного применения Ф. Францескакиса²⁰ — все это попытки доктринального объяснения и приспособления для целей практического применения новых правовых феноменов, о которых шла речь выше. Результатом такого направления развития правового регулирования является стирание грани между частным и публичным правом, отказ от правовой определенности в решении вопросов интернациональных коммерческих отношений и переход к решению *ad hoc* по каждому конкретному случаю, превращение международного частного права в «процесс выбора права» (*the choice of law process*).

Отвечает ли такое положение вещей интересам участников гражданского оборота, иностранным инвесторам, осуществляющим свою коммерческую деятельность на территории других государств? Думается, что нет. И причина здесь не в отдельных недостатках тех или иных правовых норм, которые можно было бы относительно легко устранить, а в принципиальной неприспособленности внутринациональных норм к регулированию интернациональных экономических отношений. И прежде всего это касается вопросов регулирования частноправового статуса коммерческих организаций, действующих за пределами национального государства, которые связаны с наиболее серьезным и глубоким внедрением иностранных субъектов в экономическую и правовую жизнь другого государства. Все проблемы правового регулирования деятельности таких субъектов пытаются решить путем признания за создаваемыми иностранными инвесторами на территории другого государства образованиями статуса национальных субъектов права (юридических лиц), на которых распространяется действие внутринационального законодательства с учетом специальных изъятий (так называемого законодательства об

²⁰ О данных теориях подробнее см.: Международное частное право: современные проблемы. М., 1994, с. 49-54; Жильцов А. Н. Указ. соч.

иностранных инвестициях). При этом единые с экономической точки зрения отношения получают раздробленное правовое регулирование. Проблемы и несостыковки, неизбежно возникающие при этом и не устранимые путем обращения к классическому коллизионному регулированию, пытаются «залатать» с помощью экстерриториального применения императивных норм внутринационального законодательства, а также последовательного отказа от применения *lex causae* в пользу императивных норм *lex fori*. При этом не выигрывают ни иностранные инвесторы (которые не имеют правовой определенности относительно решения возможных будущих споров и разногласий), ни принимающие государства (которые оказываются не в состоянии создать эффективный механизм привлечения дополнительных иностранных инвестиций при одновременной защите интересов отечественных предпринимателей).

3. Метод унифицированного материально-правового регулирования

По нашему мнению, выход из сложившейся ситуации необходимо искать не в приспособлении внутринациональных правовых норм к регулированию интернациональных экономических отношений путем произвольного разрушения классических постулатов международного частного права, а в более широком использовании метода унифицированного материально-правового регулирования для решения вопросов частноправового статуса коммерческих организаций, действующих на территории иностранных государств.

Наиболее успешно метод унифицированного материально-правового регулирования может быть использован для решения вопросов, по которым имеется схожее правовое регулирование на национальном уровне и которые не затрагивают острых социальных и политических проблем, требующих коренной ломки сложившейся системы законодательства. К числу вопросов, которые относительно легко подвергаются унификации, следует отнести, в частности, объем правоспособности юридических лиц, порядок приобретения юридическим лицом гражданских прав и принятия на себя гражданских обязанностей (выступление юридического лица в гражданском обороте), публичная отчетность коммерческих организаций, создание и поддержание на определенном уровне уставного капитала, выпуск акций и облигаций, реорганизация юридических лиц и порядок

ее осуществления. Наоборот, крайне сложно использовать метод унифицированного материально-правового регулирования применительно к вопросам создания и ликвидации (банкротства) юридических лиц, структуры внутреннего управления коммерческой организации и участия наемных работников в принятии управленческих решений.

Накопленный мировой опыт свидетельствует о том, что традиционные международно-правовые средства унификации (путем заключения международных договоров, подлежащих утверждению или ратификации национальными органами власти) не приносят значительных результатов в области унификации правил о коммерческих организациях, действующих на территории иностранных государств. Наиболее далеко на пути создания унифицированного правового регулирования в данной сфере продвинулись объединения государств (прежде всего страны Европейского Союза), использующие юридические механизмы сближения законодательств, которые имеют выраженный «наднациональный» элемент. Именно удачное сочетание традиционных международно-правовых средств унификации и специфических правовых инструментов, основанных на наднациональной природе объединения государств, а также избирательность в методологических подходах к решению каждого конкретного вопроса позволяют выработать развернутое унифицированное материально-правовое регулирование частноправового статуса коммерческих организаций, действующих на территории иностранных государств.

Таким образом, наибольшие перспективы метод материально-правового унифицированного регулирования статуса коммерческих организаций, действующих на территории иностранных государств, имеет в рамках региональных объединений государств, которые располагают в своем арсенале разнообразными средствами правовой унификации. В связи с этим данная проблема представляет актуальность для государств, входящих в Содружество Независимых Государств и другие интеграционные объединения на территории бывшего Советского Союза («объединение 4-х», Союз России и Беларуси и т.д.).

Вместе с тем использование метода унифицированного материально-правового регулирования частноправового статуса коммерческих организаций, действующих на территории иностранных государств, не означает полный отказ от субсидиарного применения норм национального права. Без привлечения внутринациональных норм отдельных государств обойтись на практике невозможно, поскольку коммерческие организации (в отличие от международных межправ-

тельствственных организаций) не могут опереться для восполнения пробелов унифицированного регулирования на нормы международного публичного права. В этом контексте важное значение имеют коллизионный метод и метод внутреннего материально-правового регулирования. Основная задача, которая стоит перед доктриной и практикой, — нахождение оптимального сочетания различных методов правового регулирования вопросов частноправового статуса коммерческих организаций.

Международная частноправовая практика юридической фирмы «Монастырский, Зюба, Семенов и Партнеры»*

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИНСТИТУТА ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫХ МЕР В МЕЖДУНАРОДНОМ КОММЕРЧЕСКОМ АРБИТРАЖЕ В ПРАВЕ РОССИИ. НЕЙТРАЛИЗАЦИЯ ДЕРОГАЦИОННОГО ЭФФЕКТА АРБИТРАЖНОЙ ОГОВОРКИ

*Д.Е. Ловырев**, А.И. Муранов****

Описываемое ниже многоаспектное судебное дело было охарактеризовано всеми, кто с ним столкнулся, — и практикующими юристами, и крупными специалистами в сфере права международной торговли и международного коммерческого арбитража, и судьями — как очень интересное и уникальное по его юридическому содержанию, а также по виртуозности и высокой степени мастерства, проявленной юристами, представлявшими каждую сторону. Дело, на наш взгляд, представляет собой яркую иллюстрацию еще и того, насколько эффективным может быть содействие стороннего юридического консультанта крупной производственной и сбытовой структуре, неожиданно столкнувшейся со сложными правовыми вопросами. Без преувеличения можно говорить и о том, что это дело заслуживает упоминания, в той или иной степени, в практических пособиях по вопросам судебного процесса и международного коммерческого арбитража.

* Международная юридическая фирма «ММЦП и К^о» уведомляет всех заинтересованных лиц о том, что ее официальное наименование было изменено, и на сегодняшний день она называется «Монастырский, Зюба, Семенов и Партнеры».

** Юрист фирмы, аспирант кафедры международного частного и гражданского права МГИМО (У) МИД России.

*** Партнер фирмы, к.ю.н., доцент кафедры международного частного и гражданского права МГИМО (У) МИД России.

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

В конце февраля 1999 г. между российской коммерческой организацией с иностранными инвестициями — дочерней структурой одного из крупнейших иностранных производителей табачной продукции (являющегося клиентом международной юридической фирмы «Монастырский, Зюба, Семенов и Партнеры») — и ее российским контрагентом был заключен договор поставки табачных изделий (далее именуемый «Договор»). По условиям Договора указанная коммерческая организация (далее именуемая «Клиент») обязалась поставить своему контрагенту — компании, принадлежащей одному из самых серьезных российских дилеров табачной продукции, — в течение февраля — апреля 1999 г. партию табачных изделий общей стоимостью более 8 миллионов долларов США на условиях предоплаты. Договор подчинялся российскому материальному праву.

Следует особо отметить, что заключением Договора Клиент преследовал совершенно конкретную цель — скорейшее утверждение на российском табачном рынке. Этим были обусловлены, в частности, цена на товар по Договору, отличавшаяся от обычных оптовых цен почти в два раза в сторону уменьшения, а также предусмотренный Договором относительно небольшой срок для исполнения российским контрагентом (далее именуемым «Дилер») обязательства вывезти товар с расположенного в России склада Клиента — 30 апреля 1999 г. (позднее этот срок был продлен сторонами до 25 мая 1999 г.).

Впоследствии стороны внесли в Договор ряд изменений, важнейшее из которых предусматривало предоставление российскому контрагенту права выборки товара на сумму в 2,5 миллиона долларов США в дополнительно согласуемом Сторонами ассортименте с отсрочкой платежа за выбранный товар до 30 сентября 1999 г. Товар сверх указанной суммы Дилер был вправе, как и раньше, получать только на основании предоплаты.

К середине мая 1999 г. Дилер вывез со склада Клиента табачные изделия стоимостью около 2,4 миллиона долларов США (при этом изделия стоимостью в 1 миллион долларов США — на условиях предоплаты, а остальные — на условиях отсрочки платежа), то есть Дилер исполнил свое обязательство вывезти товар со склада Клиента даже менее чем на одну треть от изначально предусмотренного объема. Неисполнение Дилером своего обязательства было вы-

звано его неграмотной маркетинговой и торговой политикой, демпингом и, как следствие, резким обвалом цен. В итоге дальнейшее исполнение Договора, грубо нарушенного Дилером, стало для Клиента, с учетом преследовавшихся им при заключении этого Договора целей, невыгодным и лишенным смысла.

Ввиду истечения 30 сентября 1999 г. установленных Договором сроков оплаты предоставленного на условиях отсрочки платежа товара Клиент на основании п. 3 ст. 488 Гражданского кодекса России¹ потребовал от Дилера либо возврата неоплаченного товара, либо уплаты его полной стоимости. Данное требование Дилером было проигнорировано.

В подобных обстоятельствах вследствие существенного нарушения Дилером своих обязательств по Договору: отказа вывезти большую часть товара в срок, а также неоплаты выбранного товара — Клиент 19 октября 1999 г. направил Дилеру на основании соответствующих норм Гражданского кодекса России и условий Договора уведомление о расторжении последнего. Тем самым было прекращено материальное право Дилера требовать от Клиента дальнейшей поставки товара.

Одновременно ввиду исчерпания разумных средств внесудебного урегулирования спора Клиент принял решение об обращении с иском к Дилеру в Международный коммерческий арбитражный суд при Торгово-промышленной палате России² (далее — МКАС) в соответствии с содержащейся в Договоре арбитражной оговоркой³.

¹ «В случае, когда покупатель, получивший товар, не исполняет обязанность по его оплате в установленный договором купли-продажи срок, продавец вправе потребовать оплаты переданного товара или возврата неоплаченных товаров».

² См. Закон России от 7 июля 1993 г. № 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже» и являющееся приложением к нему «Положение о Международном коммерческом арбитражном суде при Торгово-промышленной палате Российской Федерации» (Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации, 1993, № 32, ст. 1240).

³ «В случае возникновения споров в связи с настоящим Договором Стороны предпримут все меры, чтобы в течение 2 (двух) месяцев урегулировать возникшие разногласия путем переговоров.

При невозможности разрешения возникших разногласий путем двусторонних переговоров, их надлежит урегулировать посредством обращения в Международный коммерческий арбитражный суд при Торгово-Промышленной Палате РФ» (стиль и орфография оригинала сохранены. — Авторы).

Однако к этому моменту ситуация для Клиента уже была осложнена: в сентябре 1999 г. Дилер сам обратился в МКАС с просьбой обеспечить его требование к Клиенту о принуждении последнего к исполнению Договора в натуре. При этом Дилер ссылался на неисполнение Клиентом двух его предыдущих заявок на сумму около 1,3 миллиона долларов США, поданных в начале июля 1999 г., а также на отказы Клиента предоставлять товар и отсутствие у последнего намерения исполнять Договор в пользу Дилера.

По поводу таких ссылок следует отметить, что Клиент при отказе акцептовать упомянутые заявки Дилера исходил до момента расторжения Договора из следующих обстоятельств:

истечение 25 мая 1999 г. установленного Договором срока для получения Дилером товара; а также

превышение указанных в заявках Дилера сумм (с учетом стоимости ранее выбранного им на условиях отсрочки платежа товара) согласованного Сторонами лимита в 2,5 миллиона долларов США, поскольку только в его пределах товар мог быть предоставлен без предоплаты; а также

отсутствие дополнительного согласования Сторонами ассортимента табачных изделий, получаемых Дилером на условиях коммерческого кредита.

Между тем 4 октября 1999 г. Председатель МКАС, исходя из п. 6 «Положения о Международном коммерческом арбитражном суде при Торгово-промышленной палате Российской Федерации»⁴ и руководствуясь п. 6 § 1 Регламента МКАС⁵, удовлетворил указанное хода-

⁴ «По делам, подлежащим рассмотрению в Международном коммерческом арбитражном суде, председатель Суда может по просьбе стороны установить размер и форму обеспечения требования».

⁵ «Председатель МКАС может по просьбе стороны установить размер и форму обеспечения требования по делам, подлежащим рассмотрению в МКАС. Решение о принятии обеспечительных мер в отношении предмета спора, рассматриваемого в МКАС, может быть принято в соответствии с настоящим Регламентом (§ 30) составом арбитража, сформированным по данному делу.

В случае, когда сторона обратилась в компетентный суд с ходатайством о принятии мер по обеспечению подлежащего рассмотрению или уже поданного в МКАС иска, а также когда судом вынесено определение о принятии таких мер, сторона должна без промедления информировать об этом МКАС» (Регламент Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате Российской Федерации. — М.: Торгово-промышленная палата Российской Федерации, 1995, с. 8).

тайство Дилера и своим Постановлением обязал Клиента предоставить Дилеру *«в течение 5 рабочих дней гарантию первоклассного банка, предусматривающую выплату суммы, которая будет определена МКАС»* по иску Дилера, но не более суммы в 6200789-50 долларов США (она была рассчитана самим Дилером). В Постановлении также говорилось, что если Клиент не предоставит Дилеру указанную гарантию, то должен быть наложен арест на товар, находящийся на складе Клиента и подлежащий поставке Дилеру по Договору. Далее в Постановлении указывалось, что меры обеспечения Дилер *«может принудительно осуществить путем заявления в компетентный суд ходатайства об обеспечении исполнения»* этого Постановления. Кроме того, в Постановлении предусматривалось, что в случае, если Дилеру будет отказано в иске об исполнении Договора в натуре, Дилер должен будет возместить Клиенту убытки, причиненные последнему мерами по обеспечению, и что Дилер должен представить в МКАС банковскую гарантию в пользу Клиента, *«обеспечивающую возмещение убытков в указанном случае»*. Наконец, в Постановлении говорилось о том, что оно теряет силу, если Дилер в течение одного месяца со дня принятия Постановления *«не предъявит в МКАС иск, относящийся к требованию, на которое распространяются меры обеспечения»*, предусмотренные в Постановлении (далее также именуемом «Постановление об обеспечении иска»).

Применительно к указанному Постановлению следует отметить два важных момента. Во-первых, это Постановление было принято Председателем МКАС в отсутствие предъявления Дилером иска в МКАС. Однако оно было принято им исходя из норм действующего законодательства, которые могут толковаться как предоставляющие Председателю МКАС право принимать подобные постановления и в отсутствие предъявленного в МКАС иска. Так, в п. 6 «Положения о Международном коммерческом арбитражном суде при Торгово-промышленной палате Российской Федерации» (*«По делам, подлежащим рассмотрению в Международном коммерческом арбитражном суде, председатель Суда может по просьбе стороны установить размер и форму обеспечения требования»*) слова *«подлежащим рассмотрению в Международном коммерческом арбитражном суде»* могут быть истолкованы как указывающие на возможность подачи Председателю МКАС ходатайства об обеспечительных мерах и в отсутствие предъявления иска (или же после предъявления иска, но до момента формирования состава арбитража), хотя нельзя не признать, что указание на такую возможность могло быть выражено

законодателем более четко. Соответственно, в Регламенте МКАС, утвержденном Торгово-промышленной палатой России во исполнение Закона России от 7 июля 1993 г. № 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже», приведенный пункт был истолкован именно указанным образом: так, п. 1 § 18 этого Регламента предусматривает, что *«При подаче искового заявления или ходатайства об обеспечении требования истец обязан уплатить регистрационный сбор. До уплаты регистрационного сбора иск или ходатайство не считается поданным»* (выделение наше. — Авторы). В указанной особенности состоит одно из серьезных отличий разбирательства в международном коммерческом арбитраже от разбирательства в государственных судах (арбитражных и общей юрисдикции), в которых требование об обеспечении может быть заявлено только вместе с иском или после его предъявления. Анализ плюсов и минусов каждого из таких подходов выходит за рамки настоящей статьи.

Во-вторых, Постановление об обеспечении иска было принято только на основании информации, предоставленной Дилером, и без запрашивания позиции Клиента, который вообще не был извещен о рассмотрении ходатайства Дилера (хотя такая возможность существовала, тем более учитывая то, что Дилер не мог не исказить сведения о действительном положении вещей в свою пользу), и, что еще более существенно, — без необходимого анализа положений Договора, регламентирующего права и обязанности Клиента и Дилера.

Впоследствии Постановление об обеспечении иска использовалось Дилером как инструмент давления на Клиента с целью добиться списания задолженности Дилера и выплаты последнему значительной компенсации за якобы имевшее место нарушение Договора со стороны Клиента.

Поскольку Клиент банковскую гарантию Дилеру не представил, Дилер приступил к принудительному исполнению Постановления об обеспечении иска через суд общей юрисдикции, и Замоскворецкий межмуниципальный суд г. Москвы своим определением от 14 октября 1999 г. постановил выдать на это Постановление исполнительный лист. В таком исполнительном листе содержалась формулировка, допускающая обращение взыскания Дилером на *любой* товар, находящийся на *любом* складе Клиента, что могло весьма негативно сказаться на деятельности Клиента, вызвать затаривание его складов и сорвать выполнение его обязательств перед другими лицами.

18 ноября 1999 г. упомянутое определение Замоскворецкого суда было отменено по протесту постановлением Президиума Мос-

ковского городского суда ввиду того, что оно было вынесено в отсутствие Клиента, не извещенного надлежащим образом о судебном заседании, а также ввиду того, что оно, по мнению Президиума, было вынесено в нарушение правил подсудности, установленных Законом России от 7 июля 1993 г. № 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже». Президиум Московского городского суда указал: «...ст. 6 Закона РФ «О международном коммерческом арбитраже» предусматривает органы для выполнения определенных функций содействия и контроля в отношении арбитража. В частности, к таким органам относятся Верховный Суд республики в составе Российской Федерации, краевые, областные, городские суды, суды автономной области и суды автономного округа. Вместе с тем, межмуниципальные суды общей юрисдикции к таким органам не относятся, в связи с чем данное дело подсудно Московскому городскому суду».

Однако уже 22 ноября 1999 г. Дилеру удалось добиться через Судебную коллегия по гражданским делам Московского городского суда приведения Постановления об обеспечении иска в исполнение и выдачи нового исполнительного листа против Клиента, повторявшего формулировку Постановления об обеспечении иска. Последнее продолжало действовать, поскольку Дилер к этому моменту уже предъявил в МКАС иск к Клиенту. Судебная коллегия по гражданским делам Московского городского суда в своем определении исходила именно из того толкования п. 6 «Положения о Международном коммерческом арбитражном суде при Торгово-промышленной палате Российской Федерации», которое было приведено выше, решив, что Постановление об обеспечении иска принято Председателем МКАС в соответствии с его компетенцией и что он имел право распоряжаться о мерах по обеспечению в условиях, когда иск в МКАС со стороны Дилера еще не был предъявлен. Судебная коллегия также отвергла довод Клиента о том, что Постановление об обеспечении иска не подлежит принудительному исполнению, указав, что Закон России от 7 июля 1993 г. № 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже» не запрещает обращение в судебные органы по вопросу принудительного приведения в исполнение постановления об обеспечении иска, если должник добровольно его не исполняет и не представляет банковскую гарантию. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда России с данным определением согласилась и частную жалобу Клиента на него отклонила.

В итоге Клиент оказался в очень серьезной ситуации. Ее затруднительность, если не сказать больше, была обусловлена несколькими факторами.

1. Пробелы в российском законодательстве. Узкий круг оснований для противодействия приведению Постановления об обеспечении иска в исполнение или для его отмены через суд общей юрисдикции.

Российское законодательство никак нельзя считать уделяющим хотя бы минимальное внимание сложнейшим проблемам в отношении обеспечительных мер, принимаемых международным коммерческим арбитражем. Наличие в нем серьезных пробелов часто существенно затрудняет работу государственных судов, не имеющих солидной подготовки в этой сфере, и не позволяет им эффективно противостоять не всегда корректным действиям, аналогичным тем, к которым прибегал в рассматриваемом деле Дилер. Крайне слабо проблемы, связанные с обеспечительными мерами в международном коммерческом арбитраже, освещаются и в российской доктрине⁶.

Применительно к описанной выше процедуре приведения Постановления об обеспечении иска в исполнение следует также отметить следующий очень существенный момент: и Московский городской суд, и Верховный Суд России ограничились рассмотрением процессуальных аспектов вынесения и действия Постановления об обеспечении иска (компетенции и объеме полномочий Председателя МКАС, процедуры приведения в исполнение этого Постановления) и не стали хотя бы в какой-то степени рассматривать вопрос о том, имелись ли *prima facie* доказательства того, что Дилер действительно обладал такими правами требования к Клиенту, которые позволили бы ему добиться вынесения в МКАС решения в его пользу. Если бы суды рассмотрели этот аспект, обратившись к содержанию Договора и прислушавшись к доводам Клиента о том, что он не несет никаких обязательств перед Дилером, то вполне возможно, что Постановление об обеспечении иска не было бы приведено в исполнение.

Отказ судов от анализа обстоятельств дела и прав Дилера объясняется тем, что они пошли по пути фактического приравнивания

⁶ Одной из немногих новых серьезных работ является статья Лебедева С.Н. «Международный коммерческий арбитраж и обеспечительные меры» (Московский журнал международного права, 1999, № 1, с. 60-68).

Постановления об обеспечении иска к арбитражным решениям, выносимым арбитражем, сформированным по конкретному делу, и именно это значительно затруднило противодействие приведению этого Постановления в исполнение. Дело в том, что п. 1 ст. 36 Закона России от 7 июля 1993 г. № 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже»⁷ устанавливает исчерпывающий круг оснований для отказа в приведении в исполнение арбитражных решений, причем все они связаны либо с аспектами действия арбитражного соглашения, либо с процессуальными моментами, и лишь одно такое основание относится к вопросам существа, а именно указание на противоречие публичному порядку. Попутно отметим, что факт при-

⁷ «В признании или приведении в исполнение арбитражного решения, независимо от того, в какой стране оно было вынесено, может быть отказано лишь:

1) по просьбе стороны, против которой оно направлено, если эта сторона представит компетентному суду, в котором испрашивается признание или приведение в исполнение, доказательства того, что:

одна из сторон в арбитражном соглашении, указанном в статье 7, была в какой-либо мере недееспособна; или это соглашение недействительно по закону, которому стороны его подчинили, а при отсутствии такого указания -- по закону страны, где решение было вынесено; или

сторона, против которой вынесено решение, не была должным образом уведомлена о назначении арбитра или об арбитражном разбирательстве или по другим причинам не могла представить свои объяснения; или

решение вынесено по спору, не предусмотренному арбитражным соглашением или не подпадающему под его условия, или содержит постановления по вопросам, выходящим за пределы арбитражного соглашения, с тем, однако, что если постановления по вопросам, охватываемым арбитражным соглашением, могут быть отделены от тех, которые не охватываются таким соглашением, то та часть арбитражного решения, в которой содержатся постановления по вопросам, охватываемым арбитражным соглашением, может быть признана и приведена в исполнение; или

состав третейского суда или арбитражная процедура не соответствовали соглашению сторон или в отсутствие такового не соответствовали закону той страны, где имел место арбитраж; или решение еще не стало обязательным для сторон, или было отменено, или его исполнение было приостановлено судом страны, в которой или в соответствии с законом которой оно было вынесено; либо

2) если суд найдет, что:

объект спора не может быть предметом арбитражного разбирательства по закону Российской Федерации; или

признание и приведение в исполнение этого арбитражного решения противоречат публичному порядку Российской Федерации».

ведения Московским городским судом Постановления об обеспечении иска в исполнение еще раз доказывает то обстоятельство, что компетентным судом, только упомянутым в ст. 36 Закона России от 7 июля 1993 г. № 5338-І «О международном коммерческом арбитраже», для приведения в исполнение решения международного коммерческого арбитража является суд общей юрисдикции, а именно Верховный Суд республики в составе России, краевой, областной, городской суды, суд автономной области и суд автономного округа по месту такого арбитража, а вовсе не государственный арбитражный суд⁸.

Возвращаясь к анализируемому делу, укажем, что доказать действительность арбитражной оговорки в Договоре либо ввиду недееспособности стороны, либо же по иной причине было невозможно: стороны в нем являлись дееспособными, а арбитражная оговорка действительной. Аргумент о противоречии публичному порядку России приведения в исполнение Постановления об обеспечении иска также не выдерживал никакой критики. Наконец, процессуальные моменты вынесения Постановления были соблюдены, на что и указали Московский городской суд и Верховный Суд России.

Что же касается оснований требовать отмены Постановления об обеспечении иска, то они являлись идентичными основаниям для отказа в приведении Постановления в исполнение: п. 2 ст. 34 Закона России от 7 июля 1993 г. № 5338-І «О международном коммерческом арбитраже»⁹ по смыслу идентичен п. 1 ст. 36 этого же Закона

⁸ Муранов А. И. Проблема определения суда, компетентного рассматривать вопрос о приведении в исполнение в Российской Федерации иностранных решений по коммерческим спорам. //Московский журнал международного права//, 2000, № 1, с. 316-380.

⁹ «Арбитражное решение может быть отменено судом, указанным в пункте 2 статьи 6, лишь в случае, если:

1) сторона, заявляющая ходатайство об отмене, представит доказательства того, что:

одна из сторон в арбитражном соглашении, указанном в статье 7, была в какой-то мере недееспособна, или это соглашение недействительно по закону, которому стороны его подчинили, а при отсутствии такого указания — по закону Российской Федерации; или

она не была должным образом уведомлена о назначении арбитра или об арбитражном разбирательстве, или по другим причинам не могла представить свои объяснения; или

решение вынесено по спору, не предусмотренному арбитражным соглашением или не подпадающему под его условия, или содержит постановления по во-

(отметим только любопытное различие в указании на основание, связанное с противоречием публичному порядку).

Само собой разумеется, Клиент отдельно пытался добиться отмены Постановления об обеспечении иска, однако безуспешно. Московский городской суд сначала своим определением отказал в принятии ходатайства Клиента о такой отмене, сославшись на то, что согласно статьям 16 и 34 Закона России от 7 июля 1993 г. № 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже» оспариваться в суде могут лишь арбитражные решения и постановления арбитража о наличии у него компетенции. Однако Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда России такое определение отменила и передала дело на рассмотрение в Московский городской суд, указав, что последний не учел положения Конституции России о праве на судебную защиту и об охране всех форм собственности. Тем не менее, рассмотрев по существу ходатайство Клиента об отмене Постановления об обеспечении иска, Судебная коллегия по гражданским делам Московского городского суда определила в его удовлетворении отказать. Верховный Суд России с данным определением согласился.

Доводы, использованные Судебной коллегией по гражданским делам Московского городского суда, достаточно интересны, однако выходят за рамки настоящей статьи и должны составить предмет отдельного исследования, посвященного порядку приведения в исполнение принимаемых международным коммерческим арбитражем постановлений об обеспечительных мерах. Однако нельзя не привести следующее заявление суда: «Ссылки заявителя на то, что он не был

просам, выходящим за пределы арбитражного соглашения, с тем, однако, что если постановления по вопросам, охватываемым арбитражным соглашением, могут быть отделены от тех, которые не охватываются таким соглашением, то может быть отменена только та часть арбитражного решения, которая содержит постановления по вопросам, не охватываемым арбитражным соглашением; или

состав третейского суда или арбитражная процедура не соответствовали соглашению сторон, если только такое соглашение не противоречит любому положению настоящего Закона, от которого стороны не могут отступить, либо в отсутствие такого соглашения не соответствовали настоящему Закону, либо

2) суд определит, что:

объект спора не может быть предметом арбитражного разбирательства по закону Российской Федерации; или
арбитражное решение противоречит публичному порядку Российской Федерации».

извещен о рассмотрении ходатайства, не были запрошены его объяснения, не являются основанием к отмене постановления, поскольку ни закон, ни Регламент не предусматривают такой процедуры». Не входя в глубокое обсуждение данного тезиса, отметим лишь, что основанная на молчании закона аргументация далеко не бесспорна и лукава, тем более если вспомнить то, что та же самая Судебная коллегия по гражданским делам Московского городского суда ранее указала, что молчание Закона России от 7 июля 1993 г. № 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже» не влияет на право Дилера требовать приведения в исполнение Постановления об обеспечении иска: в каждом из этих двух случаев ссылка на молчание закона использовалась не единообразно, а так, как это считал нужным суд¹⁰. О приведенном аргументе суда нельзя не сказать и того, что в данном случае речь шла не о государственном, а о третейском суде, обладающем специфической природой и черпающем свои полномочия именно из соглашения сторон, что может рассматриваться как указание на необходимость учета позиции той стороны, против которой обеспечительные меры могут быть направлены. Добавим также, что Судебная коллегия по гражданским делам Московского городского суда при рассмотрении ходатайства Клиента об отмене Постановления об обеспечении иска также ограничилась проверкой соблюдения процессуальных моментов при вынесении этого Постановления, не рассматривая вопрос о наличии или отсутствии у Дилера прав требования к Клиенту. Это еще раз доказывает то, что российские государственные суды пошли по пути приравнивания по-

¹⁰ Вообще говоря, российские суды очень часто ссылаются на молчание закона как один из решающих аргументов. При этом в одной ситуации такое молчание расценивается ими как допущение возможности чего-либо, а в другом — как недопущение возможности чего-либо. Нельзя не признать, что предпочтением того или иного подхода часто зависит от конъюнктуры и заранее избранной судом позиции. Учитывая наличие в российском праве огромного количества пробелов, следует придти к выводу о том, что подобная достаточно беспринципная практика весьма вредна. Ссылки на молчание закона, безусловно, могут использоваться, однако с большой осторожностью, и при этом надлежит следовать определенным правилам толкования закона, а также учитывать природу соответствующих правоотношений. Кроме того, указание на молчание закона может быть решающим аргументом достаточно редко, причем, скорее, только в публично-правовых сферах, например, в уголовном или административном праве, но никак не в сфере частного права или связанных с ним областях: в них как раз и следует заполнять законодательные пробелы, отыскивая или формулируя надлежащее субстантивное регулирование.

становлений международного коммерческого арбитража об обеспечительных мерах к арбитражным решениям, оспорить которые достаточно трудно. Вряд ли такой однозначный подход можно признать удачным (однако, его критика уже выходит за пределы проблематики настоящей статьи). Тем не менее, в связи с этим использованным судами подходом нельзя не сказать о том, что в таких условиях все становится зависящим от того лица или лиц в сфере международного коммерческого арбитража, которые выносят постановления об обеспечительных мерах: они должны проявлять особую тщательность и осторожность, распоряжаясь о таких мерах. Безусловно, они не должны предрешать исход рассмотрения дела, однако, по меньшей мере, они должны действовать на основании таких доказательств о правах требования к должнику, которые хотя бы *prima facie* свидетельствуют об обоснованности реально существующих прав кредитора и необходимости их защиты обеспечительными мерами. Кроме того, им не следует во всех случаях считать, что затребование объяснений от должника, против которого подается ходатайство об обеспечительных мерах, не является необходимым. Если они не будут действовать таким обдуманым и тщательным образом, то дальнейшее обращение должника за защитой своих прав к российским государственным судам в пока существующих в России реалиях может оказаться во многом бесполезным: используя указанный выше подход, эти суды просто сознательно самоустранились от выполнения той работы, которая должна была быть сделана еще при вынесении постановлений об обеспечительных мерах, предпочитая переложить ответственность на тех лиц, которые их выносили.

2. Отказ Председателя МКАС отменить Постановление об обеспечении иска. Умышленное бездействие Дилера, препятствовавшее отмене этого Постановления составом арбитража по делу.

У Клиента имелось и другое средство добиться отмены Постановления об обеспечении иска: обращение с соответствующей просьбой к Председателю МКАС, вынесшему это Постановление. Клиент полагал, что в данном случае безусловно действует принцип, сформулированный еще в Древнем Риме: *Qui habet jurisdictionem ligandi, habet jurisdictionem absolvendi* — *Тот, кто имеет полномочие связать (обязательством), имеет полномочие и освободить (от обязательства)*. Клиент считал, что если он представит Председа-

лю МКАС соответствующие доказательства того, что Дилер сам нарушил свои обязательства по Договору, что у него отсутствует материальное право требования к Клиенту и что он сообщил МКАС неточную информацию, то Постановление об обеспечении иска будет отменено и, соответственно, утратит силу исполнительный лист, выданный Московским городским судом.

Однако Председатель МКАС аргументы Клиента не рассмотрел, а секретариат МКАС устно¹¹ сообщил Клиенту, что отмена Постановления об обеспечении иска самим Председателем МКАС невозможна, поскольку Регламент МКАС соответствующей процедуры не предусматривает. В то же время было указано, что это Постановление может быть отменено только составом арбитража, сформированным для рассмотрения иска Дилера к Клиенту.

Такую позицию вряд ли можно признать правильной. Во-первых, она противоречит тому приведенному выше принципу, о котором знали еще в Древнем Риме и который не может имплицитно не содержаться в п. 6 «Положения о Международном коммерческом арбитражном суде при Торгово-промышленной палате Российской Федерации». Во-вторых, ссылка на молчание закона, как уже говорилось выше, является достаточно спорным доводом и уж никак не должна использоваться в качестве решающего аргумента в сфере международного коммерческого арбитража. Более того, Регламент МКАС, хотя он и был утвержден Торгово-промышленной палатой России на основании указания Закона России от 7 июля 1993 г. № 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже», силой закона все же не обладает. В-третьих, из п. 6 «Положения о Международном коммерческом арбитражном суде при Торгово-промышленной палате Российской Федерации» и п. 6 § 1 Регламента МКАС вовсе не следовало то, что Постановление об обеспечении иска могло быть отменено исключительно составом арбитража, сформированным для рассмотрения иска Дилера к Клиенту¹². В п. 6

¹¹ В представлении письменного ответа было отказано.

¹² Приведем их еще раз: «По делам, подлежащим рассмотрению в Международном коммерческом арбитражном суде, председатель Суда может по просьбе стороны установить размер и форму обеспечения требования»; «Председатель МКАС может по просьбе стороны установить размер и форму обеспечения требования по делам, подлежащим рассмотрению в МКАС. Решение о принятии обеспечительных мер в отношении предмета спора, рассматриваемого в МКАС, может быть принято в соответствии с

§1 Регламента МКАС говорится только о том, что состав арбитража наряду с Председателем МКАС обладает полномочиями принять решение об обеспечительных мерах. Наличие исключительных полномочий отменять постановления об обеспечении иска только у состава арбитража не могло быть выведено и из § 30 Регламента МКАС¹³. Безусловно, состав арбитража может отменять постановления об обеспечении иска, принятые Председателем МКАС, но вопрос стоит иначе: принадлежит ли такая компетенция исключительно ему, или же отменять постановления может и сам Председатель МКАС? В-четвертых, нельзя не сослаться и на практику Морской арбитражной комиссии при Торгово-промышленной палате России, которая также является международным коммерческим арбитражем и которой равным образом посвящено отдельное Приложение к Закону России от 7 июля 1993 г. № 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже»: ее Председатель также обладает правом распоряжаться об обеспечительных мерах, однако он сам же их и отменяет. При этом прямого указания на то, что у него имеется такое полномочие, также нигде не содержится. Тем не менее, никто не сомневается в наличии у него такого полномочия и совершенно справедливо: оно логично и с необходимостью следует хотя бы из того, о чем уже сказано выше.

Будучи поставленным в такие неблагоприятные для него условия, Клиент был готов просить состав арбитража отменить Постановление об обеспечении иска, однако проблема состояла в том, что такой состав арбитража отсутствовал. Дело в том, что согласно п. 2 § 18 Регламента МКАС *«по каждому поданному иску истец обязан уплатить авансом арбитражный сбор... До уплаты аванса арбитражного сбора арбитражное разбирательство по поданному*

настоящим Регламентом (§ 30) составом арбитража, сформированным по данному делу.

В случае, когда сторона обратилась в компетентный суд с ходатайством о принятии мер по обеспечению подлежащего рассмотрению или уже поданного в МКАС иска, а также когда судом вынесено определение о принятии таких мер, сторона должна без промедления информировать об этом МКАС».

¹³ «1. По просьбе любой из сторон состав арбитража может распорядиться о принятии какой-либо стороной таких обеспечительных мер в отношении предмета спора, которые он сочтет необходимыми. Он может потребовать от любой стороны предоставить надлежащее обеспечение в связи с такими мерами.

2. Такого рода обеспечительные меры могут приниматься составом арбитража в форме промежуточного решения».

ражного сбора арбитражное разбирательство по поданному иску не ведется, и дело остается без движения». По сложившейся в МКАС практике до момента уплаты арбитражного сбора **состав арбитража не формируется**, хотя иск считается поданным уже в день вручения иска МКАС или в день проставления штампа почтового ведомства места отправления (п. 2 § 14 Регламента МКАС), правда, при условии уплаты регистрационного сбора за рассмотрение дела в МКАС.

Указанный нюанс в процедуре разбирательства в МКАС был весьма умело использован Дилером: он просто-напросто уплатил регистрационный сбор в размере 500 долларов США и направил в МКАС исковое заявление, не намереваясь уплачивать арбитражный сбор (который составлял сумму, превышающую 30 000 долларов США) и не имея в действительности никакого стремления доводить дело до реального арбитражного разбирательства. В такой ситуации возможность формирования состава арбитража и отмены им Постановления об обеспечении иска зависела исключительно от Дилера, а не Клиента, который в результате действий Дилера оказался в принципе отстраненным от возможности как-то влиять на ситуацию с арбитрами. Дальнейшее развитие событий только доказало отсутствие у Дилера стремления провести реальное арбитражное разбирательство: в течение 6 месяцев он так и не оплатил авансом арбитражный сбор, и только после этого Председатель МКАС 7 июня 2000 г. вынес постановление о прекращении производства по делу и об отмене Постановления об обеспечении иска. Однако к этому моменту такая отмена Постановления уже не была для Клиента актуальной: при помощи своего представителя — международной юридической фирмы «Монастырский, Зюба, Семенов и Партнеры» (далее также именуемой «Юридический консультант») он нашел эффективный выход из сложнейшей для него юридической ситуации.

Учитывая все описанные выше обстоятельства, нельзя не признать, что МКАС в данном конкретном случае был сознательно использован Дилером как не более чем инструмент оказания давления на Клиента и источник получения документа, на основании которого было возбуждено исполнительное производство против Клиента. При этом МКАС оказался связанным своим Регламентом: в принципе вытекающее из последнего достаточно безобидное условие об уплате истцом арбитражного сбора в течение 6 месяцев в условиях наличия Постановления об обеспечении иска превратилось в руках Дилера в весьма мощное средство шантажа Клиента. Таким образом,

во избежание повторения подобных ситуаций впредь следовало бы внести в Регламент МКАС соответствующие изменения.

Нельзя не упомянуть и еще об одном недобросовестном действии Дилера. Выше уже упоминалось, что Постановление об обеспечении иска предусматривало, что в случае, если Дилеру будет отказано в иске об исполнении Договора в натуре, Дилер должен будет возместить Клиенту убытки, причиненные последнему мерами по обеспечению, и что Дилер для этого должен представить в МКАС банковскую гарантию в пользу Клиента, *«обеспечивающую возмещение убытков в указанном случае»*. Дилер такую гарантию, якобы обеспечивающую возмещение убытков Клиента, в МКАС представил. Однако она была сформулирована таким образом, что ее условия в принципе не позволили бы Клиенту получить по ней платеж. К сожалению, Постановление об обеспечении иска не устанавливало для Дилера четкие требования в отношении формулировок гарантии и ее действительности и не связывало действие Постановления с представлением Дилером такой гарантии, которая могла бы реально защищать права Клиента, хотя наличие подобных условий в Постановлении могло бы воспрепятствовать недобросовестным действиям Дилера. В итоге Дилер формально выполнил условие Постановления об обеспечении иска применительно к предоставлению гарантии, и Постановление продолжало обладать силой.

3. Затянутость арбитражного разбирательства в МКАС, вызванная сознательными действиями Дилера.

Тем не менее, у Клиента оставалась еще одна возможность убедить Председателя МКАС или государственные судебные органы отменить Постановление об обеспечении иска: добиться вынесения решения, которым было бы подтверждено нарушение Дилером Договора и отсутствие у него прав требования к Клиенту. Компетентным вынести такое решение являлся только МКАС согласно содержащейся в Договоре арбитражной оговорке. Для этого в октябре 1999 г. Клиент обратился в МКАС с иском к Дилеру, выдвинув соответствующие требования.

В ходе начатого арбитражного разбирательства Клиент столкнулся, однако, со следующими реальными сложностями:

1) невозможность быстрого уведомления МКАС Дилера по единственному последнему известному Клиенту адресу Дилера, ука-

занному в учредительных документах последнего: посылаемые по нему письма возвращались почтой с указанием на то, что адресат отсутствует. Соответственно, МКАС требовал от Клиента уточнения адреса Дилера, а сделать это Клиент не мог. Правда, Клиенту был известен адрес юридической фирмы — представителя Дилера, однако направление ей со стороны МКАС уведомлений (о предъявлении к Дилеру иска, о формировании состава арбитража и о проведении арбитражного разбирательства) было сопряжено с риском того, что на стадии исполнения арбитражного решения в пользу Клиента государственный суд мог решить, что именно сам Дилер должным образом не был уведомлен, а это привело бы к отказу в приведении арбитражного решения в исполнение. Имело значение и то соображение, что Дилер мог заявить государственному суду на стадии исполнения о том, что он к моменту разбирательства дела в МКАС уже отозвал от своего представителя поручение представлять его интересы: ранее предпринимавшиеся Дилером действия с большой долей вероятности позволяли такого от него ожидать. И хотя, согласно ст. 3 Закона России от 7 июля 1993 г. № 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже»¹⁴, Клиент мог в конечном итоге требовать того, чтобы МКАС счел достаточным факт направления уведомлений по единственному последнему известному Клиенту адресу Дилера, и МКАС мог с этим согласиться, это все-таки не устраняло отмеченный выше риск, могущий возникнуть на стадии исполнения арбитражного решения;

2) длительность процедуры назначения арбитров при бездействии Дилера. П. 3 §19 Регламента МКАС предоставлял Дилеру для выбора арбитра 30 дней со дня получения копии искового заявления (а доставить ему такую копию оказалось проблематичным). В свою

¹⁴ «1. Если стороны не договорились об ином:

любое письменное сообщение считается полученным, если оно доставлено адресату лично или на его коммерческое предприятие, по его постоянному местожительству или почтовому адресу; когда таковые не могут быть установлены путем разумного наведения справок, письменное сообщение считается полученным, если оно направлено по последнему известному местонахождению коммерческого предприятия, постоянному местожительству или почтовому адресу адресата заказным письмом или любым иным образом, предусматривающим регистрацию попытки доставки этого сообщения; сообщение считается полученным в день такой доставки.

2. Положения настоящей статьи не применяются к сообщениям в ходе производства в судах».

очередь, п. 2 §20 Регламента МКАС, предусматривая обязанность Председателя МКАС назначить арбитра за ответчика, не устанавливает срока назначения. Также имелся и ряд других причин, которые затягивали формирование состава арбитража и назначение даты арбитражного разбирательства.

В результате всего этого первое заседание МКАС по иску Клиента к Дилеру состоялось лишь в конце июня 2000 г., хотя исковое заявление и приложения к нему были, благодаря усилиям Клиента, переданы представителю Дилера на руки еще в феврале 2000 г.

3) длительность подготовки мотивированного арбитражного решения: иногда подготовка такого решения занимает более месяца;

4) необходимость последующего приведения решения в исполнение через государственный суд, равно как и некоторые связанные с этим проблемы, которыми опять-таки мог воспользоваться Дилер.

Соответственно, тезис об относительно быстром рассмотрении споров при помощи международного коммерческого арбитража¹⁵ является в большой степени мифом, особенно в российских условиях, в котором уже давно разуверились многие из тех, кто столкнулся с международным коммерческим арбитражем. Правда, это беда не самого международного коммерческого арбитража как института чрезвычайно полезного и обладающего к тому же массой других плюсов, а следствие недобросовестности одной из сторон разбирательства, а также результат нередко имеющей место слабой заинтересованности организаторов арбитражного разбирательства в скорейшем его завершении.

В иных обстоятельствах все указанные трудности, возможно, не смущали бы Клиента, однако сложность ситуации, тем более сопровождаемая действием обеспечительных мер в пользу Дилера, заставляла искать также и иные пути предъявления Клиентом требований к Дилеру. Максимально эффективной представлялась следующая последовательность действий:

1) обращение с иском к Дилеру в государственный арбитражный суд, что предоставляло возможность быстрее добиться нужного результата ввиду того, что требования Клиента к Дилеру не могли быть оспорены Дилером по существу: стоимость товара, выбранного по Договору в кредит, он так и не оплатил, равно как и допустил другие существенные нарушения Договора;

¹⁵ Международное частное право. Учебник (Под ред. Г.К. Дмитриевой). М.: Проспект, 2000, с. 593.

2) последующее инициирование на основе вынесенного государственным арбитражным судом решения процедуры банкротства Дилера — юридического лица, в действительности не располагавшего реальными активами и использовавшегося его «родительской» структурой для вымогательства денег у Клиента.

Разбирательство дела в государственном арбитражном суде предоставляло Клиенту следующие преимущества:

1) признание надлежащим уведомлением Дилера о судебном разбирательстве направления извещения по последнему известному Клиенту адресу Дилера, указанному в его учредительных документах¹⁶;

2) более быстрое вступление в силу решения государственного арбитражного суда и автоматическую выдачу исполнительного листа на основании такого решения.

Однако при обращении в государственный арбитражный суд Клиент должен был столкнуться с практически непреодолимым препятствием — дерогационным эффектом оговорки о передаче споров из Договора на рассмотрение третейского суда, ведущим, по общему правилу, к признанию государственным арбитражным судом себя некомпетентным рассматривать спор. Так, в силу п. 2 ст. 87 Арбитражного процессуального кодекса России *«Арбитражный суд оставляет иск без рассмотрения: ... 2) если имеется соглашение лиц, участвующих в деле, о передаче данного спора на разрешение третейского суда и возможность обращения к тре-*

¹⁶ Дело в том, что Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 31 октября 1996 г. № 13 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции» в п. 11 предусматривает: *«В соответствии со статьей 113 АПК лица, участвующие в деле, извещаются о месте и времени судебного разбирательства определением, которое направляется им заказным письмом с уведомлением о вручении».*

Лица, участвующие в деле, считаются извещенными, если определение направлено по почтовому адресу, указанному в исковом заявлении в соответствии с местонахождением, предусмотренным в учредительных документах. Если определение не вручено вследствие выбытия адресата, то в соответствии со статьей 111 АПК оно считается доставленным. Если же определение не вручено ответчику и возвращено с отметкой органа связи на уведомлении о вручении об отсутствии ответчика по указанному адресу, а из материалов дела не усматривается местонахождение адресата, судья предлагает истцу представить документально подтвержденные данные о месте нахождения ответчика» (Библиотечка «Российской газеты», вып. № 9, 2000).

тейскому суду не утрачена и если ответчик, возражающий против рассмотрения дела в арбитражном суде, не позднее своего первого заявления по существу спора заявит ходатайство о передаче спора на разрешение третейского суда». У Клиента не было сомнений в том, что в государственном арбитражном суде Дилер заявил бы ходатайство о передаче спора на разрешение третейского суда, каковым является МКАС.

Таким образом, исход спора и устранение причинявших значительные убытки помех в деятельности Клиента, созданных Дилером, зависели от успешного решения проблемы нейтрализации дерогационного эффекта содержащейся в Договоре арбитражной оговорки о компетенции МКАС.

Анализ вариантов нейтрализации дерогационного эффекта арбитражной оговорки

Прежде всего, следовало выяснить вопрос об установленных гражданским законодательством и Договором способах правовой защиты интересов Клиента как продавца, передавшего товар на условиях отсрочки платежа, помимо истребования убытков.

Изучение ГК России показало, что интересы Клиента в соответствии с его ст. 488¹⁷ могут быть защищены тремя способами:

¹⁷ «1. В случае, когда договором купли-продажи предусмотрена оплата товара через определенное время после его передачи покупателю (продажа товара в кредит), покупатель должен произвести оплату в срок, предусмотренный договором, а если такой срок договором не предусмотрен, в срок, определенный в соответствии со статьей 314 настоящего Кодекса.

2. В случае неисполнения продавцом обязанности по передаче товара применяются правила, предусмотренные статьей 328 настоящего Кодекса.

3. В случае, когда покупатель, получивший товар, не исполняет обязанность по его оплате в установленный договором купли-продажи срок, продавец вправе потребовать оплаты переданного товара или возврата неоплаченных товаров.

4. В случае, когда покупатель не исполняет обязанность по оплате переданного товара в установленный договором срок и иное не предусмотрено настоящим Кодексом или договором купли-продажи, на просроченную сумму подлежат уплате проценты в соответствии со статьей 395 настоящего Кодекса со дня, когда по договору товар должен был быть оплачен, до дня оплаты товара покупателем.

1) заявлением требования о возврате Дилером проданного Клиентом товара на основании п. 3 ст. 488 ГК России. Речь в данном случае шла бы о реституции и возврате Клиента и Дилера в исходное положение, в котором они находились до начала исполнения Договора;

2) заявлением требования об оплате товара, проданного Дилеру на условиях отсрочки платежа;

3) заявлением в силу пункта 5 статьи 488 Гражданского кодекса России требования об обращении взыскания на предмет залога — товар, переданный Дилеру на условиях отсрочки платежа, — вследствие неисполнения Дилером обязанности по оплате товара. В данном случае речь шла бы о залоге, возникающем не из договора, а из закона при наступлении указанных в нем обстоятельств, о чем прямо упоминается в п. 3 ст. 334 ГК России¹⁸. Следует отметить, что Договор не предусматривал того, что переданный Дилеру товар не признается находящимся в залоге.

На первый взгляд, споры между Клиентом и Дилером, связанные с использованием любого из приведенных способов правовой защиты, подпадали под действие арбитражной оговорки Договора. Однако проведенный Юридическим консультантом анализ показал, что необходимость обязательного обращения в МКАС все-таки должна отпадать в случае заявления Клиентом требования об обращении взыскания на предмет залога — товар, выбранный Дилером в кредит. Данный вывод основывался на следующих соображениях:

1) арбитражная оговорка, содержащаяся в Договоре, предусматривала рассмотрение в МКАС лишь споров, возникающих в связи с самим Договором, то есть лишь тех разногласий между Клиентом и Дилером, которые возникли между ними при выступлении в

Договором может быть предусмотрена обязанность покупателя уплачивать проценты на сумму, соответствующую цене товара, начиная со дня передачи товара продавцом.

5. Если иное не предусмотрено договором купли-продажи, с момента передачи товара покупателю и до его оплаты товар, проданный в кредит, признается находящимся в залоге у продавца для обеспечения исполнения покупателем его обязанности по оплате товара».

¹⁸ «Залог возникает в силу договора. Залог возникает также на основании закона при наступлении указанных в нем обстоятельств, если в законе предусмотрено, какое имущество и для обеспечения исполнения какого обязательства признается находящимся в залоге».

качестве, соответственно, продавца и покупателя на основании соглашения, возникшего в силу их волеизъявления;

2) между Клиентом и Дилером вследствие неоплаты последним товара, полученного в кредит, сложилось два принципиально различающихся, хотя и связанных между собой вида правоотношений, являющихся основанием для возникновения принципиально различных коммерческих споров, а именно:

(а) правоотношение по поставке, возникшее в рамках Договора и в связи с ним, а именно по поводу исполнения и реализации сторонами взаимных обязательств и прав, соответственно, как продавца и покупателя; а также

(б) залоговое правоотношение, возникшее уже в рамках закона, по поводу оснований возникновения залога на товар, взаимных полномочий и обязанностей Клиента и Дилера как, соответственно, залогодателя и залогодержателя.

3) хотя возникшее между сторонами залоговое обязательство и обеспечивало исполнение основного обязательства Дилера по оплате выбранного в кредит товара, оно являлось, тем не менее, совершенно **самостоятельным** как по (а) содержанию корреспондирующих прав и обязанностей сторон, так и по (б) основанию их возникновения:

(а) в рамках Договора и в связи с ним Клиент и Дилер выступали лишь в качестве, соответственно, продавца и покупателя — лиц, обладавших совершенно определенными правами и обязанностями, закрепленными Договором и гл. 30 «Купля-продажа» ГК России.

Одновременно Клиент и Дилер выступали в качестве субъектов залогового правоотношения. Однако связанные с залогом особые права сторон (в частности, на получение удовлетворения в случае неисполнения должником обеспеченного залогом обязательства из стоимости заложенного имущества преимущественно перед другими кредиторами (п. 1 ст. 334 ГК России); на использование заложенного имущества) принадлежали Клиенту и Дилеру уже не как продавцу и покупателю, а как залогодателю и залогодержателю — лицам с особым правовым статусом.

В Договоре залоговые права и обязанности сторон не были зафиксированы, а о залоге вообще не упоминалось, и это давало возможность утверждать, что действие арбитражной оговорки на них не распространялось и что в данном конкретном случае эти залоговые права и обязанности полностью регламентировались только нормами закона, а именно §3 «Залог» гл. 23 «Обеспечение исполнения обязательств» ГК России и некоторыми другими положениями. Вы-

вод о применимости упомянутых норм как составной части российского материального права вытекал, само собой разумеется, не из содержащегося в Договоре соглашения сторон о применении права России, а из других оснований: хотя бы из того, что Клиент и Дилер являлись субъектами российского права, а Договор был заключен и исполнялся на территории России. Впрочем, даже если следовало считать данное залоговое правоотношение сторон имеющим в себе иностранный элемент, то вывод о необходимости применения российского материального права все равно вытекал из содержания российских коллизионных норм¹⁹;

(б) не менее важным представлялся довод о принципиальном различии в основаниях возникновения прав и обязанностей Клиента и Дилера соответственно как продавца и покупателя, с одной стороны, и как залогодержателя и залогодателя, с другой.

Права и обязанности Клиента и Дилера по передаче и принятию товара и его оплате возникли на основании Договора. В силу закона отношения сторон по купле-продаже в данном случае не возникали. Совершенно иная ситуация складывалась с залогом. П. 3 ст. 334 ГК России предусматривает: *«Залог возникает также на основании закона при наступлении указанных в нем обстоятельств, если в законе предусмотрено, какое имущество и для обеспечения исполнения какого обязательства признается находящимся в залоге»* (выделение наше. — Авторы). Именно такой залог, возникший на основании закона, а не на основании ничего не говорящего о залоге Договора, действовал в отношениях между сторонами.

Отметим также, что, хотя залоговое обязательство обладает акцессорной природой, оно в то же время является институтом *sui generis*: ему присущи элементы не только обязательственного, но и вещно-правового характера. *«Причем действие этих элементов на-*

¹⁹ Статья 166 Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик в п. 1 предусматривает: *«При отсутствии соглашения сторон о подлежащем применению праве применяется право страны, где учреждена, имеет место жительства или основное место деятельности сторона, являющаяся:...*

13) залогодателем — в договоре залога». П. 6 ст. 10 Закона России «О залоге» также предусматривает: *«Права и обязанности сторон договора о залоге определяются по законодательству страны, где учреждена, имеет место жительства или основное место деятельности сторона, являющаяся залогодателем, если иное не установлено соглашением сторон»* (Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации, 1992, № 23, ст. 1239).

столько сильно, что в некоторых правовых системах (например, в Германии) залог рассматривается в качестве одного из вещных прав. Кодекс [Гражданский кодекс России. — Авторы], сохраняя традицию российского права, относит залог к институтам обязательственного права, но не может не учитывать двойственную природу залога. Этим, в частности, объясняется предоставление залогодержателю в определенных случаях вещно-правовой защиты»²⁰. Нельзя не указать и еще на один момент, свидетельствующий о самостоятельности залогового обязательства в действующем российском законодательстве (равно как и в проекте третьей части Гражданского кодекса России): такая самостоятельность выражается хотя бы в том, что применительно к этому обязательству предусматривается отдельное коллизийное регулирование и статут такого обязательства не совпадает со статутом договора купли-продажи.

Соответственно, споры Клиента и Дилера, возникавшие из залогового правоотношения, нельзя было считать подпадающими под действие арбитражной оговорки в Договоре. На этом основании Юридический консультант от имени Клиента в ноябре 1999 г. обратился в Арбитражный суд г. Москвы с иском к Дилеру об обращении взыскания на предмет залога — товар, выбранный в кредит и Дилером не оплаченный.

Рассмотрение дела в государственном арбитражном суде первой инстанции

Особо отметим, что в государственный арбитражный суд для участия в рассмотрении иска Клиента Дилер явился, хотя до этого момента на обращения Клиента и МКАС не реагировал. Перед рассмотрением дела по существу Дилер заявил ходатайство **о прекращении производства по делу на основании именно ст. 85 Арбитражного процессуального кодекса России**, сославшись на арбитражную оговорку в Договоре. Клиент, возражая против удовлетворения ходатайства, сослался на неподчинение рассматриваемого судом спора действию этой арбитражной оговорки.

Суд отказал в удовлетворении ходатайства Дилера, указав: *«Рассмотрев ходатайство, против удовлетворения которого истец*

²⁰ Комментарий к части первой Гражданского кодекса Российской Федерации для предпринимателей. М., Фонд «Правовая культура», 1995, с. 299.

возражает, суд, считая, что наличие такой оговорки не препятствует обращению с иском в арбитражный суд по установленной подсудности, ходатайство отклоняет».

К сожалению, суд прямо не указал на то, что требование Клиента, вытекающее из залогового правоотношения, арбитражной оговорке в Договоре не подчиняется. Кроме того, нельзя исключать, что суд учел содержание ст. 85 Арбитражного процессуального кодекса России, которая содержит **закрытый** перечень оснований для прекращения производства по делу и в их число такое основание, как наличие арбитражной оговорки, не входит²¹. Таким образом, Дилер допустил ошибку: ему следовало ссылаться на п. 2 ст. 87 Арбитражного процессуального кодекса России²² и требовать оставления иска без рассмотрения. Соответственно, заявление Дилером ходатайства, в котором он указал на арбитражную оговорку в Договоре, суд в силу принципа состязательности сторон на основании ст. 7 Арбитражного процессуального кодекса России²³

²¹ «Арбитражный суд прекращает производство по делу:

- 1) если спор не подлежит рассмотрению в арбитражном суде;
- 2) если имеется вступившее в законную силу принятое по спору между теми же лицами, о том же предмете и по тем же основаниям решение суда общей юрисдикции, арбитражного суда;
- 3) если имеется вступившее в законную силу принятое по спору между теми же лицами, о том же предмете и по тем же основаниям решение третейского суда, за исключением случаев, когда арбитражный суд отказал в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда, возвратил дело на новое рассмотрение в третейский суд, принявший решение, но рассмотрение дела в том же третейском суде оказалось невозможным;
- 4) если организация — лицо, участвующее в деле, ликвидирована;
- 5) если после смерти гражданина — лица, участвовавшего в деле, спорное правоотношение не допускает преемства;
- 6) если истец отказался от иска и отказ принят арбитражным судом;
- 7) если заключено мировое соглашение и оно утверждено арбитражным судом».

²² «Арбитражный суд оставляет иск без рассмотрения:...

- 2) если имеется соглашение лиц, участвующих в деле, о передаче данного спора на разрешение третейского суда и возможность обращения к третейскому суду не утрачена и если ответчик, возражающий против рассмотрения дела в арбитражном суде, не позднее своего первого заявления по существу спора заявит ходатайство о передаче спора на разрешение третейского суда;...» (выделение наше. — Авторы).

²³ «В силу принципа состязательности стороны, другие участвующие в деле лица, если они желают добиться для себя... наиболее благоприятного решения, обязаны... совершать... предусмотренные законом процессуальные дей-

мог счесть как обычное информирование суда о наличии такой оговорки, не являющееся основанием для оставления иска без рассмотрения. Впрочем, последнее маловероятно: Дилер все-таки заявил ходатайство о передаче спора на разрешение МКАС, а квалификация процессуального действия стороны спора должна производиться именно судом. Так, было бы абсурдным предположить, что отказ истца от исковых требований не был бы принят государственным арбитражным судом только потому, что истец сослался бы в обоснование своего отказа не на ту статью Арбитражного процессуального кодекса России или потому, что истец заявил бы об отказе, используя формулировки, которые не фигурируют в таком кодексе. Поэтому следует исходить из того, что государственный арбитражный суд решил, что требование Клиента, вытекающее из залогового правоотношения, арбитражной оговорке в Договоре не подчиняется.

В результате судебного разбирательства иск Клиента об обращении взыскания на предмет залога был полностью удовлетворен. На вынесенное решение Дилером была подана апелляционная жалоба.

Рассмотрение дела в суде апелляционной инстанции

При рассмотрении дела в апелляционной инстанции Дилер указал на нарушение судом первой инстанции норм процессуального законодательства, выразившееся в принятии судом решения по делу без оставления иска без рассмотрения. Суд с этим доводом истца согласился и постановил, что суд первой инстанции нарушил императивную норму п. 2 ст. 87 Арбитражного процессуального кодекса России, указав, что *«Суд должен был оставить иск без рассмотрения»*. Тем не менее, апелляционная инстанция в удовлетворении жалобы Дилера отказала.

ствия [в том числе заявлять ходатайство об оставлении иска без рассмотрения и о передаче спора на рассмотрение третейского суда. — Авторы], направленные на то, чтобы убедить суд в своей правоте». — Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу РФ. Вступительная статья Председателя Высшего Арбитражного Суда РФ профессора В.Ф. Яковлева и Первого заместителя Председателя Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации проф. М.К. Юкова). М.: Юридическая фирма «Контракт», 1995, с. 15-16.

При этом в качестве основания для отказа ею был использован п. 2 ст. 158 Арбитражного процессуального кодекса России (*«Нарушение или неправильное применение норм процессуального права является основанием к изменению или отмене решения, если это нарушение привело или могло привести к принятию неправильного решения»*). Апелляционная инстанция указала: *«Однако заявитель жалобы не привел доводов и доказательств, которые позволили бы суду апелляционной инстанции сделать вывод о том, что вышеуказанное процессуальное нарушение привело или могло привести к принятию неправильного решения. Доводов по существу спора заявитель не представил.*

Рассмотрев материалы дела, суд апелляционной инстанции... проверил законность и обоснованность решения и также не нашел других оснований для отмены решения». В итоге апелляционная инстанция подтвердила наличие задолженности Дилера по Договору.

Как видно, апелляционная инстанция истолковала слова *«привело или могло привести к принятию неправильного решения»* буквально и проверила правильность решения по существу, хотя в действительности неправильность решения, если принять тезис о том, что суд первой инстанции должен был оставить иск без рассмотрения, состояла не в том, правильно или неправильно были рассмотрены обстоятельства дела и правильно или неправильно были применены соответствующие нормы, а в том, что решение в принципе было принято. В этом плане апелляционная инстанция допустила ошибку. Однако еще большую ошибку она допустила, заявив, что суд должен был оставить иск без рассмотрения: арбитражная оговорка в Договоре и особенности залогового правоотношения между сторонами не давали оснований считать, что на исковое требование Клиента, предъявленное в государственный арбитражный суд, эта арбитражная оговорка распространялась.

Не согласившись с постановлением апелляционной инстанции, Дилер подал кассационную жалобу в Федеральный арбитражный суд Московского округа.

Рассмотрение дела в суде кассационной инстанции и его исход

Суд кассационной инстанции отменил ранее принятые по делу судебные акты и оставил иск Клиента без рассмотрения.

В мотивировочной части постановления кассационная инстанция указала на неправильное применение нижестоящими судами норм материального права, выразившееся в констатации задолженности Дилера в долларах США, а не в российских рублях.

Далее кассационная инстанция постановила, что при наличии ходатайства Дилера о передаче дела на рассмотрение в МКАС суд первой инстанции должен был оставить иск без рассмотрения и что апелляционная инстанция должна была такое допущенное нарушение устранить. При этом кассационная инстанция также использовала то обстоятельство, что Клиентом уже был заявлен иск в МКАС. Правда, при этом было проигнорировано то, что иск в МКАС имел своим предметом иное требование. Кроме того, кассационная инстанция неправомерно не дала никакой правовой оценки аргументу Клиента об отсутствии у МКАС компетенции рассматривать спор об обращении взыскания на предмет залога, хотя именно на это ей многократно указывалось. Таким образом, кассационная инстанция исправила одну неточность, но допустила более серьезную ошибку.

Банкротство дилера

Тем не менее, в период с момента вынесения постановления суда апелляционной инстанции и вплоть до его отмены Клиент располагал вступившим в законную силу решением, позволявшим ему взыскать с Дилера сумму задолженности путем обращения взыскания на предмет залога. Поскольку удовлетворить требования Клиента Дилер был не в состоянии, то наличие вступившего в силу судебного решения давало Клиенту возможность возбудить против Дилера дело о банкротстве.

При этом стремление Дилера придерживаться тактики избежания ответов на сообщения для затягивания разбирательства в МКАС давало возможность настаивать на применении ускоренной процедуры банкротства отсутствующего должника. Возбужденное на основании выданного Клиенту исполнительного листа исполнительное производство было умело и эффективно использовано Юридическим консультантом для сбора необходимых для применения такой процедуры информации и документов.

В частности, полученная по требованию Клиента судебным приставом-исполнителем информация из налоговых органов свиде-

тельствовала об отсутствии официального ведения Дилером предпринимательской деятельности и о том, что в течение последних 12 месяцев операции по своим счетам им не проводились²⁴.

Было также документально зафиксировано, что единственный последний известный Клиенту адрес Дилера, указанный в учредительных документах последнего, совпадает с почтовым адресом Дилера. Иные места нахождения органов управления Дилера или его имущества в ходе исполнительного производства установлены не были, в связи с чем был составлен акт о невозможности взыскания.

Собранные в ходе исполнительного производства документы, а также полученные из МКАС доказательства невозможности уведомления Дилера по адресу, указанному в его учредительных документах, позволили Клиенту инициировать процедуру ускоренного банкротства Дилера через государственный арбитражный суд. Тем самым, учитывая то, что дела о банкротстве рассматриваются только государственными арбитражными судами, а также принимая во внимание норму п. 1 ст. 57 Федерального закона от 8 января 1998 г. № 6-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (*«С момента вынесения арбитражным судом определения о принятии заявления о признании должника банкротом:*

имущественные требования к должнику могут быть предъявлены только с соблюдением порядка предъявления требований к должнику, установленного настоящим Федеральным законом;

по ходатайству кредитора приостанавливается производство по делам, связанным со взысканием с должника денежных средств и иного имущества должника. Кредитор вправе в этом случае предъявить свои требования к должнику в порядке, установленном настоящим Федеральным законом;...») Юридический консультант добился от имени Клиента того, что требования последнего к Дилеру не должны были рассматриваться в МКАС, то есть фактически обес-

²⁴ Что в силу статьи 180 § 2 «Банкротство отсутствующего должника» Федерального закона от 8 января 1998 г. № 6-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (*«Положения, предусмотренные настоящим параграфом, применяются также в случаях, когда имущество должника — юридического лица заведомо не позволяет покрыть судебные расходы по делу о банкротстве или когда в течение последних 12 месяцев не проводились операции по счетам должника, а также при наличии иных признаков, свидетельствующих об отсутствии предпринимательской или иной деятельности должника»*) само по себе уже являлось основанием для применения процедуры банкротства отсутствующего должника.

печил лишение арбитражной оговорки в Договоре дерогационного эффекта. При этом по ходатайству Клиента МКАС приостановил производство по иску Клиента к Дилеру, как это предписывается Федеральным законом от 8 января 1998 г. № 6-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

В результате все такие предпринятые Клиентом действия позволили, несмотря на последующую отмену Федеральным арбитражным судом Московского округа решения Арбитражного суда г. Москвы, вынесенного в пользу Клиента, подтвердить в рамках процедуры банкротства денежные требования Клиента к Дилеру и на этом основании признать Дилера банкротом. Указанная отмена не повлияла на процесс рассмотрения дела о банкротстве (хотя Дилер требовал его прекращения) ввиду двух моментов: 1) Федеральный арбитражный суд отменил решение по процессуальному основанию, не поставив под сомнение правильность выводов в решении по существу, а Дилер оспорить требования Клиента просто не мог; 2) ст. 48 Федерального закона от 8 января 1998 г. № 6-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» предусматривает: *«По результатам рассмотрения дела о банкротстве арбитражный суд принимает один из следующих актов:*

решение о признании должника банкротом и об открытии конкурсного производства;

решение об отказе в признании должника банкротом;

определение о введении внешнего управления;

определение о прекращении производства по делу о банкротстве». Далее Закон устанавливает конкретные основания для принятия решения об отказе в признании должника банкротом и для принятия определения о прекращении производства по делу о банкротстве, и среди них отсутствуют те, на которые Дилер мог бы сослаться.

В итоге Дилер был лишен возможности оказывать на Клиента недолжное давление при помощи Постановления об обеспечении иска.

Выводы

Описанное выше дело представляет собой яркий пример умелого использования различных правовых институтов и процедуры банкротства, причем в их взаимоотношении с международным коммерческим арбитражем, в целях защиты лица, права которого неправомерно ущемлялись недобросовестным должником. Учитывая слож-

ность и специфичность ситуации, Клиент был вынужден, к сожалению, искать неординарные средства для нейтрализации дерогационного эффекта арбитражной оговорки, позволявшей Дилеру недобросовестно препятствовать удовлетворению требований Клиента, правомерность которых не вызывала сомнений. Само собой разумеется, что если бы не недобросовестные действия Дилера и не определенные оказавшиеся малоэффективными стороны функционирования международного коммерческого арбитража в рассмотренном деле, Клиент не имел бы ничего против использования такого арбитража.

Кроме того, описанное выше дело демонстрирует, каким мощным юридическим средством могут быть постановления международного коммерческого арбитража об обеспечительных мерах, что ныне существующее в России регулирование в отношении таких постановлений далеко не удовлетворительно и должно быть более подробным и точным, что при вынесении подобных постановлений необходима осторожность, тщательность и допущение обращения за объяснениями к противоположной стороне, что в актах, регламентирующих деятельность международного коммерческого арбитража, необходимо предусматривать средства противодействия недобросовестным действиям лиц, требующих вынесения в их пользу таких постановлений (в частности, применительно к срокам уплаты арбитражного сбора, возможности отмены постановлений теми лицами, которые их вынесли, а также истребования от лиц, требующих вынесения в их пользу таких постановлений, реально исполнимых банковских гарантий). Оно также помогает понять, каким путем идут сегодня российские суды общей юрисдикции при решении вопросов о надлежащей инстанции для приведения таких постановлений в исполнение, о возможности их обжалования и основаниях их отмены или отказа в приведении в исполнение, и что некоторые используемые при этом подходы назвать безукоризненными нельзя. Оно иллюстрирует и то, что и в федеральных арбитражных судах не всегда уделяется должное внимание нелегким проблемам действия арбитражных оговорок и прочим вопросам в сфере международного коммерческого арбитража и что в связи с этим в указанной сфере всегда следует ожидать каких-либо юридических сложностей. Безусловно, когда-нибудь ситуация начнет исправляться, но пока единственной реальной возможностью избежать таких сложностей или добиться их эффективного устранения является обращение к юридическим консультантам, обладающим соответствующими знаниями и опытом.

Трибуна преподавателя и студента

ГААГСКАЯ МОДЕЛЬ МЕЖДУНАРОДНОГО СУДА, ИЛИ ИГРА С ОГНЕМ

*М.Р. Давлетбаев**

С 29 июня по 5 июля 2000 г. в Гааге прошла 13-я по счету модель Международного Суда ООН. Суть модели заключается в том, что студенты-юристы из разных стран мира выступают в роли судей по вымышленному делу. В этом году это был запрос Генеральной Ассамблеи дать консультативное заключение по вопросу о законности мероприятий военного характера в районе острова Тайвань.

Была смоделирована следующая ситуация:

«10 июля 2000 г. на Тайване происходит мощное землетрясение. Власти Тайваня оказываются не способны справиться с его разрушительными последствиями, вследствие чего тысячи демонстрантов в Тайбэе выходят на улицы с требованием отставки действующего президента Ли Тэнхуэя. Через два дня, в 5 часов утра 12 июля Китай начинает широкомасштабную кампанию по вводу войск на Тайвань, в ходе которой уничтожается военная база и войска оккупируют всю территорию острова. Китайские власти закрывают центральные СМИ, занимают здания парламента и правительства, арестовывают членов правительства и президента, а также некоторых антипекинских политических деятелей, после чего часть из них публично казнят. Международные правозащитные организации заявляют о фактах убийств, изнасилований, грабежей и пыток мирного населения, совершенных военнослужащими китайской армии. Председатель КНР Цзян Цзэминь заявляет в Пекине о том, что «китайская провинция Тайвань вернулась в яно матери-Китая на путь коммунизма» и что «пересечение границы с Китаем, включая остров Тайвань, может производиться не иначе как с разрешения китайских властей». Ки-

* Студент IV курса международно-правового факультета МГИМО (У) МИД России, куратор Студенческой научной секции международного права.

тайский истребитель «Миг» не допускает пролета на территорию Тайваня американского самолета с гуманитарной помощью, после чего поступление международной гуманитарной помощи прекращается. Очередное землетрясение приносит новые многочисленные жертвы. Президент Ли Тэнхуэй из тюремной камеры по спутниковой связи возвещает миру о том, что Тайвань подвергся агрессии и что он «как представитель народа Тайваня» обращается к международному сообществу за военной помощью. 21 июля на заседании Совета Безопасности представитель США обвиняет Китай в незаконном применении силы против Тайваня и в грубых нарушениях прав человека и призывает ООН вмешаться в конфликт, однако Китай накладывает вето на все резолюции СБ, предполагающие международную интервенцию. Ровно через неделю Президент США требует немедленного вывода войск из Тайваня, при этом заявляя, что «США используют всю свою мощь для того, чтобы восстановить демократию на Тайване». Американский авианосец «Нимитц» отплывает по направлению к острову Тайвань. 9 августа 2000 г. на специальной сессии в целях предотвращения эскалации конфликта Генеральная Ассамблея принимает решение обратиться к Международному Суду с просьбой дать консультативное заключение по двум вопросам:

1. о законности действий Китая в данном конфликте;
2. о законности будущей возможной военной интервенции США на стороне Тайваня.

Китай просит Суд постановить, что остров Тайвань является неотъемлемой частью Китая и не является суверенным государством по международному праву. Соответственно, американская интервенция нарушила бы политическую независимость и территориальную целостность Китая, а также нарушила бы запрет на незаконное применение силы. США, со своей стороны, просят Суд постановить, что Тайвань является суверенным государством по международному праву, — следовательно, Китай должен немедленно вывести свои войска с островов и возместить Тайваню нанесенный ущерб. Кроме того, США просят Суд постановить, что американская военная помощь Тайваню будет представлять собой законный акт коллективной обороны и/или гуманитарной интервенции».

В этом году состав Суда был следующий: по три студента из Израиля, Египта и России, по двое из Турции и Мексики, одна студентка из Сингапура — всего было представлено 14 судей из 15. Таким образом, удалось добиться относительно сбалансированного представительства научных школ международного права, вследствие

чего все нижеприведенные решения Суда принимались, как правило, с минимальным перевесом голосов. Делегация из России состояла из трех студентов IV курса международно-правового факультета МГИМО (У) МИД России, которые прежде в апреле текущего года организовали в стенах Университета первую модель Международного Суда в России.

Гагская модель началась с выборов Председателя Суда, и так вышло, что благодаря удачному голосованию автор статьи получил необходимое большинство. Заместителем стал студент юридического факультета Стамбульского университета (Турция).

При проведении Модели ее участники обязаны строго придерживаться Статута Международного Суда и его Регламента, поэтому несмотря на вымышленность вышеизложенной ситуации анализ применимого права в подобных ситуациях представляет не только учебный, но и некоторый научный интерес.

Прежде всего Суду предстояло установить, является ли Тайвань суверенным государством по международному праву. Для решения этого вопроса Суд обратился к Конвенции о правах и обязанностях государств, Монтевидео, 1933, в которой содержатся четыре критерия для признания государства, а именно: определенная территория, население, эффективное правительство и международные отношения. После некоторых прений по поводу того, следует ли толковать слово «определенная» в обычном значении этого слова либо в смысле «юридической определенности». Суд сконцентрировал свое внимание на третьем критерии Конвенции, а именно на вопросе о существовании «эффективного правительства» Тайваня на момент китайской интервенции. Суд рассмотрел критерий эффективности правительства в двух различных ее проявлениях: внутри и вовне данной территории. Причем под «внутренней» эффективностью подразумевался эффективный контроль над подвластной территорией, в то время как под «внешней» — способность правительства к проведению самостоятельной государственной политики, не подчиненной воле какого-либо иного государства. Суд пришел к выводу о том, что после известных разрушительных землетрясений правительство Тайваня утратило способность к эффективному контролю над подвластной территорией. Что касается «внешнего» аспекта, то Суд усомнился в независимости тайваньского правительства от политической воли правительства США. Суд счел, что критерии Конвенции 1933 г. являются *Sine Qua Non* для существования государства. Таким образом, установив несоответствие третьему критерию указанной

Конвенции, Суд не стал оценивать другие возможные критерии государственности. Итак, первым решением Суда было то, что Тайвань не может быть признан суверенным государством по международному праву. Данное решение значительно облегчило дальнейшую работу Суда, поскольку оно сразу же исключило обвинения в агрессии в адрес Китая, а также притязания США на право коллективной самообороны.

Следующим был вопрос о праве народа Тайваня на самоопределение. Прежде всего Суд постановил, что право народов на самоопределение существует в международном праве не только в колониальном контексте, но может применяться и к народам, не находящимся в колониальной зависимости. Далее Суду предстояло решить, представляет ли собой население Тайваня *народ*, отличный от народа континентального Китая. В конце концов, со ссылкой на Пакт о гражданских и политических правах 1966 г. и на Декларацию о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами, в соответствии с Уставом ООН 1970 г. Суд с минимальным перевесом голосов решил признать население Тайваня в качестве отдельного народа в смысле вышеуказанных документов.

Суть следующих двух решений, принятых Судом, заключается в следующем. Прежде всего Суд разделил право на самоопределение на «внутреннее» и «внешнее», то есть на право на участие в государственных делах и самоуправление и, во-вторых, право на одностороннее отделение от государства. В первом случае Суд пришел к выводу, что народ Тайваня не осуществляет своего права на «внутреннее самоопределение», поскольку не принимает участия в общегосударственных делах. По поводу же «внешнего» самоопределения Суд постановил, что в свете норм *jus cogens*, касающихся территориальной целостности государств, отсутствие «внутреннего» самоопределения не означает возникновение права на одностороннее отделение от государства. Таким образом, попытка Тайваня отделиться от КНР должна быть признана противоправным нарушением суверенных прав КНР.

Итак, Суд отклонил как обвинение Китая в агрессии, так и претензии Тайваня на самоопределение в форме отделения от КНР. Последней возможностью для США уличить Китай в незаконности своих действий на острове Тайвань было рассмотрение Судом вопроса о соблюдении международно-правовых норм, касающихся прав человека, при проведении соответствующих мероприятий на

указанной территории. Важно отметить, что Суд признал свою юрисдикцию в отношении фактов нарушения прав человека на территории суверенного государства. После ожесточенных дискуссий большинство судей пришло к выводу о том, что «казнь членов правительства (видимо, без должной юридической процедуры), закрытие центральных СМИ и антигуманное обращение военнослужащих китайской армии с мирными жителями представляют собой грубое нарушение международно-правовых норм, касающихся прав человека». Суд *inter alia* «отверг заявление Китая о том, что военнослужащие, совершившие преступления, не действовали от имени правительства КНР». Тем не менее, по настоянию ряда судей (в т.ч. членов российской делегации) Суд отметил, что располагаемая им информация о точных деталях и масштабе мероприятий Китая может быть неполной.

Наконец, на своем последнем заседании Суд приступил к рассмотрению вопроса о законности будущей возможной интервенции США на остров Тайвань. Как уже было сказано. Суд отверг право США на коллективную самооборону ввиду отказа признать Тайвань в качестве суверенного государства. Поэтому судьи сразу перешли к рассмотрению вопроса о законности т.н. «гуманитарной интервенции». Прежде всего Суд решил установить, находит ли доктрина «гуманитарной интервенции» свое отражение в современном международном праве, и уже после этого, в случае положительного ответа на первый вопрос, оценить, соответствует ли сложившаяся ситуация условиям, при которых возможна такая интервенция. Это был, пожалуй, кульминационный момент всего обсуждения. Как и прежде, вопрос решился голосованием с перевесом в один голос в пользу решения о том, что доктрина «гуманитарной интервенции» не находит своего отражения ни в конвенционном, ни в обычном международном праве. При этом Суд отметил, что в отношении указанной доктрины не сложилось необходимого *opinio juris* для возникновения обычной нормы. Таким образом, Суд постановил, что обоснование США своих действий доктриной «гуманитарной интервенции» на данный момент должно быть отвергнуто.

Итак, в своем заключении Суд следующим образом ответил на два поставленных вопроса:

1. Действия КНР на острове Тайвань в указанный период находятся в противоречии с международно-правовыми нормами, касающимися прав человека. Тем не менее,

2. Одностороннее вмешательство США на стороне Тайваня также противоречило бы международно-правовым нормам *jus cogens*.

В заключение Суд, руководствуясь дискреционными полномочиями, предоставленными ему ст. 68 Статута Международного Суда при вынесении консультативных заключений, вынес следующие рекомендации в целях скорейшего мирного разрешения конфликта:

1. Конфликт должен быть урегулирован в соответствии с положениями главы VI и/или VII Устава ООН.

2. В случае невозможности разрешить данный конфликт Советом Безопасности Суд рекомендует Генеральной Ассамблее созвать специальную сессию в целях обсуждения возможности мирного урегулирования конфликта, в соответствии с Резолюцией 1950 Генеральной Ассамблеи «Объединение во имя мира».

При всех достоинствах вышеизложенного заключения представляется, что оно содержит в себе несколько внутренних неразрешенных противоречий. Позволю привести здесь некоторые собственные соображения, изложенные в особом мнении, которое было приложено к итоговому документу.

Во-первых, как уже было сказано выше, «Суд пришел к выводу, что народ Тайваня не осуществляет своего права на «внутреннее самоопределение»», после чего перешел к изучению вопроса о том, означает ли отсутствие «внутреннего» самоопределения возникновение права на одностороннее отделение от государства. В результате Суд принял решение, что «попытка Тайваня отделиться от КНР должна быть признана противоправным нарушением суверенных прав КНР».

Представляется, что решение Судом вышеприведенных вопросов очевидно выходит за рамки первоначального запроса Генеральной Ассамблеи, а также, на мой взгляд, не приближает Суд к искомому решению поставленного перед ним вопроса о законности мероприятий КНР на острове Тайвань.

Кроме того, думается. Суду не следовало приступать к решению вопроса о том, реализовывает ли Тайвань свое право на самоопределение, предварительно не установив:

1. отвечает ли народ Тайваня соответствующим требованиям для того, чтобы обладать правом на самоопределение, а именно:

а) существование отдельного *народа* (рассмотрено и признано);

- б) явно выраженная воля народа к самоопределению (не рассматривалось);
 - с) эффективное правительство (рассмотрено и не признано),
- и, в гипотетическом случае признания такого права,
2. нарушает ли Китай это право.

Из изложенного выше совершенно ясно, что право Тайваня на одностороннее отделение могло бы быть признано только в том случае, если бы Суд ответил утвердительно на оба этих вопроса. Тем не менее, еще раз необходимо подчеркнуть, что в данном случае в задачи Суда не входило установление наличия или отсутствия права Тайваня на отделение от КНР.

Другим, на мой взгляд, поспешным, стало решение о том, что некоторые действия со стороны Китая «представляют собой грубое нарушение международно-правовых норм, касающихся прав человека», а также решение Суда «отвергнуть заявление Китая о том, что военнослужащие, совершившие преступления, не действовали от имени правительства КНР». Принимая эти решения. Суд, как это уже упоминалось, делает оговорку принципиальнейшего значения: «располагаемая [Судом] информация о точных деталях и масштабе мероприятий Китая может быть *неполной*». Кроме того, обосновывая вышеприведенное решение, Суд в своем заключении использует следующее выражение: «*видимо*, без должной юридической процедуры». Эти два положения с необходимостью приводят к выводу о том, что Суд констатирует своё *сомнение*, или, по крайней мере, *недостаток информации*.

И в самом деле, Суд не располагал какой-либо достоверной информацией ни касательно подробностей процесса над государственными чиновниками и Президентом, ни (что более важно) какой-либо достоверной информацией о том, понесли ли лица, виновные в совершенных преступлениях, соответствующее наказание или преследуются ли они по закону.

Принимая это во внимание. Суду следовало учесть следующие два принципа, применимые в данном случае:

1. Признание суверенитета государства с необходимостью подразумевает признание законными *prima facie* всех действий, совершенных от имени правительства этого государства на всей его территории.
2. Ст. 38 (1) Статута Международного Суда предусматривает, что Суд применяет «общие принципы права, признанные цивилизованными нациями», одним из которых является *презумпция*

невиновности, которая может быть применена в данном случае по аналогии права. Этот принцип гласит о том, что лицо считается невиновным, пока обратное не будет доказано в установленном законом порядке. Кроме того, он предусматривает, что любое сомнение в отношении виновности обвиняемого толкуется в его пользу.

В свете вышеприведенных соображений Суд, очевидно, не мог и не должен был презюмировать незаконность действий Китая на острове Тайвань, основываясь лишь на «видимой» и «неполной» информации.

Надо сказать, что по случайному совпадению при подготовке модели Международного Суда в Москве первоначально планировалось вынести на его рассмотрение примерно аналогичную ситуацию. Однако впоследствии от данной идеи пришлось отказаться в силу следующих соображений.

Действительно, как это записано в Уставе ООН, Международный Суд — исключительно юридический орган, а его судьи не могут быть связаны никакими политическими мотивами каких-либо государств. Однако в настоящее время международное право, видимо, еще не достигло такого уровня своего развития, при котором его нормы охватывали бы все возможные нюансы международно-правовых отношений, и на данный момент оставляет еще достаточно широкий простор для их толкования. Именно здесь возникают проблемы. Как это видно из практики настоящего Международного Суда, позиции ряда судей при толковании тех или иных положений зачастую прямо кореллируют с официальной позицией государств их гражданства. Особенно ярко это проявляется, когда в споре затрагиваются интересы наиболее влиятельных государств. Именно по этой причине в целях московской модели был разработан спор между двумя относительно небольшими государствами африканского континента. И надо сказать, что это было разумное решение. Несмотря на репрезентативный характер состава модели в Гааге, в ходе прений помимо «географического» нередко чувствовалось и некоторое «геополитическое» представительство участников Суда. Вместе с тем это, быть может, правдиво отражало как современный этап развития международного права в целом, так и реальный потенциал механизма мирного разрешения споров в частности.

МОЯ УЧЕБА В ГАРВАРДЕ

Дмитрий Мельник*

Выбор

«Митч был их человеком...» — примерно так начиналась книга. Первые две-три страницы кто-то просматривал чьи-то файлы, биографические данные, описывалась учеба в юридической школе. Было довольно скучно. Впереди же была длинная ночь второкурсника. Предстояло еще выучить кучу новых иероглифов, законспектировать пару конституций зарубежных стран и вы зубрить текст из «*Headway*». Короче, книга Джона Гришэма «Фирма» имела все шансы остаться непрочитанной, если бы не была задана в качестве домашнего чтения. Странице на третьей-четвертой началось обсуждение зарплаты выпускников Гарвардской школы права, поступающих на работу в юридические фирмы. Я начал вчитываться внимательно. К утру оставалось не больше двух-трех десятков страниц — книгу я просто проглотил. А на ближайшем уроке английского спросил преподавательницу, как поступить в Гарвард.

После третьего курса факультета международных отношений я перешел на пятый курс факультета международного права, и вопрос о том, что делать дальше, встал во весь рост. К этому времени я уже прошел летнюю практику в правовом департаменте МИДа и на третьем курсе даже поработал там на полставки. Мне очень повезло. Я попал в правовой департамент — через него проходит почти вся документарная работа министерства. Яков Аркадьевич Островский, тогда первый заместитель директора департамента и преподаватель кафедры международного права, помогал мне во всем и рекомендовал продолжить учебу. Работая с ним и другими руководителями и специалистами, я понял значение уровня юридической квалификации и знания зарубежных правовых систем. Желание стать профессионалом международного класса стало первой причиной обращения в зарубежную юридическую школу. Желание укрепилось, когда, после МИДа, в ходе частной практики, я столкнулся с множеством новых юридических вопросов.

* Выпускник факультета международного права 1997 г. МГИМО МИД России. Выпускник Гарвардской школы права (Магистр права) 1999 г.

Я работал в небольшой юридической фирме «Джон Тайнер и Партнеры». Там приходилось общаться со множеством выпускников Йельской, Гарвардской и Кембриджской школ права. Появился второй стимул к продолжению учебы — престижность. Безусловно, знания — на первом месте, однако наличие в резюме первоклассного и всемирно признанного имени нельзя недооценивать. Таким образом, желание узнать что-то новое, особенно в налогообложении, которое было моей основной сферой в юридической фирме, и стремление «приобщиться» к элитарному зарубежному университету заставили меня повторно пройти нелегкий путь абитуриента.

Поступление

Процесс поступления состоит из нескольких этапов: сдача экзаменов, сбор необходимых документов (характеристики и копии дипломов) и работа над эссе. Параллельно можно начинать поиск финансирования. Буклеты школ и специальные пособия описывают весь процесс в деталях, поэтому я ограничусь несколькими замечаниями на основе собственного опыта.

Сдача экзаменов вряд ли будет проблемой для студента МГИМО: уровень знаний английского языка даже среднего студента нашего вуза позволяет успешно сдать языковый тест TOEFL (*Test of English as Foreign Language*). Сложностью оказалась оплата экзамена: было практически невозможно перевести за границу 53 доллара, стоимость экзамена в 1996 году. Сейчас этой проблемы не существует — вопрос легко решить в любом банке. Важно только не оставлять это на последний момент; зарегистрироваться и получить всю необходимую информацию об экзамене можно на специальной интернет-странице www.toefl.org. Учебные пособия можно приобрести в специализированных книжных магазинах или заказать на сайте www.amazon.com. Американский культурный центр в Библиотеке иностранной литературы представляет возможность попробовать свои силы в сдаче теста.

Второй экзамен — *Law School Admission Test* (LSAT) — необязателен для поступления на магистерскую программу. Его сдают только кандидаты на трехлетнюю программу *Juris Doctor* (JD). Тем не менее, я решил его сдать и не пожалел: тому, кто всерьез намерен продолжить юридическое образование в США, хорошие результаты теста помогут в процессе поступления. Механизм регистрации на

сдачу теста практически такой же, как у TOEFL. Подробную информацию можно получить на Интернет-странице www.lsatsat.org.

Характеристики (рекомендации) являются важным элементом информации о кандидате. Как правило, они гораздо важнее анкет. Я обратился за рекомендациями к преподавателям и коллегам по работе в Правовом департаменте. В сумме, университеты получили рекомендации от именитых профессоров права, занимающих различные должности в международных юридических организациях. Например, Анатолий Лазаревич Колодкин, рекомендовавший меня для поступления в Гарвард и Кембридж, был председателем Ассоциации международного права и членом Международного Трибунала ООН по морскому праву.

Поскольку выдают рекомендации, как правило, крайне занятые люди, имеет смысл обсудить с ними основные требования университетов к характеристикам. Во-первых, в документе необходимо указание на длительность отношений кандидата на учебу и профессора или руководителя, выдающего характеристику. Это позволяет сотрудникам приемной комиссии (*admissions officers*) оценить то, насколько полновесно и обоснованно мнение о кандидате. Самому же кандидату это требование должно помочь выбрать для получения характеристики того, кто лучше всего может судить о способностях и потенциале кандидата на юридический диплом из престижного университета. Во-вторых, характеристика должна содержать обобщение и оценку различных способностей кандидата, а не только перечисление конкретных действий или событий. К примеру, если он успешно завершил курсовую работу досрочно, привлек различные и труднодоступные источники и проанализировал те или иные нормы права применительно к различным примерам, то наиболее ценным для члена приемной комиссии будет указание на уровень организационных способностей кандидата, ответственность в работе с источниками и степень способности к практическому применению юридических знаний. В-третьих, поскольку характеристика вряд ли может быть обширным по объему документом, не нужно стремиться перечислить в ней все возможные достижения, а лучше подробно отразить несколько ключевых черт кандидата и привести убедительные примеры развития у него соответствующих способностей. В-четвертых, необходимо учесть, что при поступлении на объединенные программы (*joint programs/degrees*) может потребоваться представление отдельных характеристик на обе программы. В этом случае имеет смысл «запасться» рекомендациями для обеих программ.

Я поступал на объединенную программу, ведущую к получению степени магистра права Гарвардской школы права (*Harvard Law School*) и сертификата по международному налогообложению школы права и Школы государственного управления им. Джона Кеннеди (*John F. Kennedy School of Government*). Все документы я подал в двух экземплярах, в том числе, и эссе, а характеристику от Якова Аркадьевича Островского представил только одну. В этот момент он уже уехал на свое новое место работы — в Международный Трибунал ООН по Руанде, и мне пришлось списываться с ним для того, чтобы получить еще одну характеристику. Лучше продумать всю «логику» своих поступлений для избежания подобных ситуаций, поскольку они способны существенно удлинить срок представления документов.

Эссе также являются важным источником информации для сотрудников приемной комиссии о различных аспектах готовности абитуриента к дальнейшей учебе.

Во-первых, они дают представление о жизненной зрелости кандидата и его готовности к юридической и любой другой карьере, поскольку раскрывают последующие цели, устремления и приоритеты. Так, для Гарварда, который гордится тем, что его выпускники являются лидерами и руководителями во многих сферах, эссе поможет оценить лидерский потенциал будущего студента.

Во-вторых, эссе помогают сотрудникам приемной комиссии понять, каким будет вклад конкретного кандидата в жизнь университета — *«community contribution»*. Так, Гарвард известен высокой конкуренцией среди студентов, поскольку оценки выставляются не по абсолютной шкале, когда теоретически все могут получить самую высокую оценку, а относительно других студентов (т.н. *«bell curve»*). Некоторых студентов, особенно иностранных, это может заставить замкнуться в себе, заниматься обособленно от других и в целом быть достаточно одинокими. Для того, чтобы предотвратить это, сотрудники департамента, ответственного за LLM студентов, предпринимают различные усилия — от проведения «обязательных» вечеринок до включения иностранных студентов в обязательные классы, вводящие в право США. Однако еще легче предотвратить попадание в состав тщательно отбираемой студенческой семьи «глубоких интровертов» еще на этапе поступления. Именно поэтому имеет смысл уделить значительное внимание соответствующей части эссе.

В-третьих, эссе демонстрируют возможности абитуриента излагать свои мысли в письменной форме. Это крайне важно для мно-

гих зарубежных университетов, поскольку значительный акцент делается в них на умение владеть пером, и многие экзамены проводятся в письменной форме.

Наконец, эссе представляют кандидату исключительную возможность выделить себя из состава других кандидатов и продемонстрировать свою уникальность. Этот аспект вряд ли стоит недооценивать, поскольку сотрудникам приемной комиссии приходится прочитывать колоссальное количество заявлений и эссе. Любое необычное эссе или нестандартное описание опыта абитуриента выделяют его, повышая шансы на положительное решение приемной комиссии.

Итак, вооруженный всем вышеперечисленным (и многим другим), я отправил документы как раз к финальной дате приема документов. В марте, как раз в разгаре преддипломной «лихорадки», пришло письмо с поздравлениями от руководителя приемной комиссии. Однако учиться я поехал через год — необходимо было решить некоторые вопросы, к тому же недоставало средств на учебу. За год я подал заявление на совместную программу — по международному налогообложению — и нашел средства для оплаты учебы (*tuition*) и на другие расходы. Эту статью расходов (учебники, проживание и питание) нельзя недооценивать. По поводу финансирования я пришел к выводу о том, что нельзя упускать ни одной возможности, и каждое дополнительное письмо в траст, спонсорскую организацию, банк повышают шансы получить стипендию или кредит. Интернет и Библиотека иностранной литературы — источники, которыми пользовался я — содержат колоссальное количество информации о конкретных организациях, куда можно обращаться за финансовой помощью.

Учеба

Начало учебы было ошеломляющим. Меня больше всего поразило несколько вещей. Во-первых, отсутствует время «на раскачку»: уже в конце августа профессор составляет задание студентам, записавшимся на его курс, и первое занятие в начале осеннего семестра проходит в полную силу. Мой учебный год начался 29-го июня, и весь летний семестр был посвящен основам американского права и бухгалтерского учета, базовому налоговому анализу и экономике налогообложения. Я прибыл в Кембридж 24-го июня, вселился в об-

щежитие, познакомился с другими студентами и сразу же получил свои учебники и задание на первое занятие. Естественно, Бостон, где я был впервые, притягивал меня гораздо сильнее, чем введение в американское право; все время до начала занятий я провел с новыми друзьями, обозревая город и делая покупки. Впоследствии мне пришлось пожалеть о трате времени на выбор велосипеда, а не штудирование американской конституции: на занятии я краснел, пытаясь вспомнить, о чем же говорит *Commerce Clause* Конституции США (Ст. I, п. 8.3). Было особенно обидно из-за того, что (как я узнал на занятии) эта статья, ограничивающая права штатов регулировать экономические отношения между штатами и возлагающая эти права на Конгресс США, практически в том же виде существовала в российском законодательстве¹ и, по сути, была моим помощником в то время, когда в юридической фирме я помогал клиентам планировать свою деятельность в нескольких регионах России.

Во-вторых, лекций как таковых нет: каждое занятие проходит как семинар. Опрос студентов по кейсам сменяется объяснением каких-либо юридических тонкостей законодательства и практики его применения и переходит в обсуждение новой темы. Но всегда главный акцент делается на анализе конкретной ситуации с позиций разных сторон, — к примеру, с точки зрения налогоплательщика, против которого предъявлен иск, и Службы внутренних доходов США (*Internal Revenue Service*). Один и тот же студент, как правило, должен представить как аргумент, так и контраргумент сторон, как если бы семинар был бы подготовкой к реальному судебному процессу. Проиллюстрирую это на конкретном примере.

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 марта 1997 г. N 5-П «По делу о проверке конституционности положений абзаца второго п. 2 ст. 18 и ст. 20 Закона Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. «Об основах налоговой системы в Российской Федерации»: «...не допускается установление налогов, нарушающее единство экономического пространства Российской Федерации... недопустимо как введение региональных налогов, которое может прямо или косвенно ограничивать свободное перемещение товаров, услуг, финансовых средств в пределах единого экономического пространства, так и введение региональных налогов, которое позволяет формировать бюджеты одних территорий за счет налоговых доходов других территорий либо переносить уплату налогов на налогоплательщиков других регионов...»

Предмет «Международное налогообложение» вел профессор Давид Розенблюм (David Rosenbloom), партнер вашингтонской налоговой юридической фирмы *Caplin & Drysdale*, в свое время закончивший Гарвардскую школу права первым на курсе. На одном из занятий он поручил нам проанализировать кейс, в котором выдающийся ученый отстаивал свою позицию в споре с IRS.

Лауреат Нобелевской премии в области синтетической структуры витаминов (1937 г.), профессор Пол Каррер (Paul Karrer) возглавлял Цюрихский Институт химии. Его исследования синтеза витамина В-2 обещали принести значительные успехи (впоследствии они действительно принесли ему признание и сделали Нобелевским лауреатом), поэтому базельская компания F. Hoffmann-LaRoche & Co., Ltd. предложила ученому финансирование исследований в обмен на право использования его разработок, ноу-хау, формул, патентов на изобретение. Заключенный в 1934 г. договор также предусматривал право ученого на 12-летнее получение процентов от продаж продукта. Вскоре ученый открыл структуру витамина В-2 и приступил к изучению витамина Е, что было предусмотрено другим схожим договором. Все его контакты с другими учеными были компанией запрещены, а публикации подлежали обязательному предварительному одобрению компанией. В соответствии со швейцарским законодательством, все договоры между ученым и компанией являлись специальной формой трудовых контрактов, на основании которых профессор на платной основе оказывал компании услуги и предоставлял право пользования его открытиями и ноу-хау.

В 1941 г. швейцарская компания заключила договор с Hoffmann-LaRoche, Inc. (США), в соответствии с которым американская фирма получила право на использование зарегистрированного в США на имя г-на Каррера патента и обязалась уплачивать ученому предусмотренные первоначальным договором проценты от продаж витаминов. Выплаты ученому были отражены компанией в качестве роялтей. Кодекс внутренних доходов США 1939 г. предусматривал, что фиксированные и регулярные платежи (проценты, дивиденды, арендные платежи, вознаграждения), совершаемые американскими резидентами в пользу нерезидентов, не осуществляющих деятельность на территории США, должны облагаться налогом у источника платежа, т.е. удерживаться плательщиком — налоговым агентом².

² Ст. 211(a)(1)(A).

Компания удержала определенные суммы налога, после чего ученый предъявил иск (*Karrer v. United States*)³. Общая сумма уплаченных налогов составила существенную по тем временам (1941-1946 г.г.) сумму — \$ 201 504,88. Его позиция заключалась в том, что, во-первых, несмотря на отражение американской фирмой платежей как роялти, эти платежи фактически представляли собой вознаграждение за услуги, во-вторых, эти услуги были оказаны ученым швейцарской корпорации за пределами США, и поэтому американскими налогами облагаться не должны. Состоял ли ученый в договорных отношениях с американской фирмой? Нет, но платежи из США были обоснованными: фирма приобрела права на использование открытий ученого, поэтому должна была платить за это. Вопрос заключается в том, каков был истинный характер этих платежей и где находился источник дохода ученого. Кодекс разделил два вида платежей — роялти и плату за оказание услуг — по источникам доходов:

(1) роялти за использование прав и патентов были охарактеризованы как имеющие источник в США (ст.119(а)(4));

(2) платежи американскими резидентами за оказание услуг за пределами США были охарактеризованы как не имеющие источников в США (ст.119(с)).

Соответственно, позиция Службы внутренних доходов США заключалась в том, что указанные платежи носили характер роялти, т.е. платы за пользование правами, зарегистрированными в США (патент), поэтому должны были облагаться налогом. После обширного анализа фактов и законодательных положений суд установил, что, поскольку профессор не имел с американской фирмой никаких договорных отношений, а оказал услуги по разработке процесса синтеза витаминов швейцарской компании за пределами США, полученные им из США платежи не подлежали обложению налогами США. Правительство США вернуло ученому уплаченные им налоги вместе с процентами (по 1957 г.).

Верное ли решение принял суд в этом процессе? Позиция и основные аргументы ученого понятны. Каким же мог быть «убийственный» аргумент налоговых органов? Указание на установление «вознаграждения» на основе прибылей американской фирмы: это более типично для роялти, нежели вознаграждения за услуги. Тем более, что никакого подрядного контракта между ученым и американской фирмой не существовало.

³ *Karrer v. United States*, 152 F.Supp. 66 (Ct.Cl.1957).

Таким образом, преподаватель готовит студентов к работе «по разным сторонам линии фронта», а также к формулированию позиций оппонента — для более сильного обоснования собственной. Далее анализ этого судебного разбирательства переходит в обзор тенденций развития законодательной и судебной практики — в обсуждение последующих решений по схожим вопросам. Так, в более «свежем» прецеденте со схожими обстоятельствами платежи немецкому музыканту, названные в контракте платежами роялти, были признаны судом вознаграждением за оказанные услуги, которое не подлежало, в отличие от роялти, освобождению от американского подоходного налога в соответствии с договором об избежании двойного налогообложения⁴. Естественно, за оглашением решения следует анализ всеми студентами этого нового кейса: в чем отличие условий контрактов немецкого музыканта от договоров швейцарского ученого? Как изменились международные договоры между государствами проживания и деятельности этих людей? Каковы различия в фактическом осуществлении деятельности двух участников знаменитых судебных разбирательств?

К концу семинара становится совершенно ясно, что один и тот же платеж, один и тот же источник дохода может быть охарактеризован с совершенно разных сторон, что приводит к диаметрально противоположным налоговым последствиям. Отсюда каждый участник семинара способен сделать выводы на будущее, в частности, связать логику защиты прав налогоплательщика в рассмотренных кейсах с построением адвокатом аргументации в современных условиях. Например, проблемы электронной коммерции напрямую связаны с классификацией тех или иных категорий — платежа, имущества, места нахождения и т.д. и т.п. Может ли, к примеру, на основе логики решения *Karrer* цифровая информация (*digitized information*) быть признанной имущественными правами, плата за пользование которыми является платежами роялти? Скорее всего. Может ли предоставление той же информации быть рассмотрено как оказание услуг по фактической «загрузке» битов в компьютер потребителя? Вполне. Один и тот же продукт цивилизации может быть представлен по-разному; отличаться будут и налоговые последствия. Это очень важный для налогового юриста вывод.

Наконец, совершенным сюрпризом было многообразие предметов, предлагаемых юридической и другими школами университета.

⁴ *Pierre Boulez v. Commissioner*, 83 T.C. 584 (1984).

Помимо обязательных курсов студенты (как кандидаты на степень JD, так и студенты на магистерскую степень LL.M.) могут выбирать из значительного количества предметов, в том числе, вправе регистрироваться на определенное количество курсов в других школах, например в Гарвардской школе бизнеса. Начиная с осеннего семестра (всего их у меня было четыре — летний, осенний, зимний и весенний), обязательными предметами для меня были курсы «Налоговая администрация», «Налог на добавленную стоимость» и письменная работа по налоговым аспектам различных финансовых инструментов. В отношении письменной работы мне пришлось пережить весьма комичную ситуацию. Мы обсудили с профессором — научным руководителем общую тематику работы и решили провести сравнительный налоговый анализ разнообразных финансовых инструментов. В ходе разговора были упомянуты такие инструменты как «зебры» (ZEBRAS); я записал название, но забыл сразу же уточнить, что оно означало. Каких только документов не выдавали информационные системы *Lexis-Nexus* и *Bloomberg* в ответ на мои запросы этого слова: я лучше узнал «одноименных» африканских животных, получил представление о проблемах некоторых американских зоопарков, но даже более того — узнал о вирусе с этим названием, который был каким-то образом занесен в Великие озера. Зато теперь я знаю, что оно означает разновидность гибридных финансовых инструментов «*zero-coupon based rate adjusted securities*» (бескупонные ценные бумаги [облигации] с переменной ставкой дохода), основной целью которых является выплата инвесторам «замаскированных» под проценты (вычитаемы для целей корпоративного налога на прибыль) дивидендов (невыводимы). Одной из первых компаний, которая объявила о размещении таких «зебр», была корпорация Уолта Диснея, а схема была высоко оценена инвесторами и специалистами рынка⁵.

В отношении предметов, не являющихся обязательными, студенты имеют широкий выбор. Со списком обязательных и селективных курсов для каждой категории студентов можно ознакомиться на интернет-странице школы (www.harvard.law.edu); кроме того, на странице самого университета (www.harvard.edu) есть гиперссылки на каждую школу и, соответственно, можно выбрать интересующий курс в другой школе. Для примера приведу свои курсы в юридиче-

⁵ См. подробнее Tom Pratt, *Disney Plans Hybrid Zeros with Play on TV Business*. The Investment Dealers' Digest: IDD, New York, October 21, 1991.

ской школе и школе государственного управления: «Федеральное налогообложение доходов» (базовый курс по налогообложению), «Корпоративное налогообложение» (продвинутый курс, в основном посвященный налоговым аспектам корпоративных реорганизаций), «Международное налогообложение» (курс по налоговым аспектам отношений между лицами из различных налоговых юрисдикций), «Корпоративные финансы» (юридические аспекты взаимоотношений между акционерами, кредиторами, менеджментом и директорами корпораций) и «Международные финансы» (основы функционирования мировых рынков капитала).

Конечно, об учебе за рубежом в целом и об учебе в Гарвардском университете можно рассказать гораздо больше. Тем, кто захочет узнать конкретные детали или задать вопросы, связанные с учебой в Гарвардской школе права, я буду готов ответить; мой адрес электронной почты: dmitri_melnik_99@post.harvard.edu. Важно отметить, что мой путь в Гарвард начался в МГИМО, и я признателен каждому преподавателю и руководителю нашего института, который оказал и продолжает оказывать мне помощь и поддержку. Какими бы сложными ни казались вопросы поступления и оплаты, все достижимо, тем более, для тех, кто «прошел закалку» МГИМО. Мой друг, выпускник нашего института, посоветовавший мне поступать в МГИМО (это казалось почти нереальным...), сказал мне важные слова напутствия. Поделюсь этой мудростью с каждым, кто подумывает продолжить свое образование в зарубежной юридической школе: «Дорогу осилит идущий».

Рецензии

ЦЕННОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ НОРМ

Проф. М.Х. Фарукишин

**Мингазов Л. Х. Эффективность норм международного права.
Теоретические проблемы. — Казань:
Изд-во Казанского университета, 1999, 376 с.**

Рецензируемая монография является продолжением творческих усилий Л. Х. Мингазова по разработке проблем эффективности международного права. чему посвящен целый ряд его предыдущих работ. Новая книга имеет обобщающий характер по отношению к тому, что сделано в этой области не только самим автором, но и отечественной наукой международного права в целом, о чем свидетельствует, кстати, богатый научный аппарат.

В монографии проводится довольно четкое различие между двумя близкими, но отнюдь не тождественными проблемами: эффективностью отдельных норм международного права и международного права как определенной системы. Внимание автора сосредоточено на первой из них. И это понятно: эффективность международного права складывается, хотя и не исключительно, но в первую очередь из эффективности его норм. При этом, как справедливо считает автор, «эффективность нормы должна определяться прежде всего по уровню достижения ее непосредственных целей» (с. 40).

Предпосылкой эффективности норм международного права автор считает, прежде всего, совершенство самих норм. К признакам, характеризующим качество международно-правовых норм, он относит их юридическую обязательность; правильное отражение в норме объективных закономерностей развития международных отношений; соответствие указанных норм требованиям международной жизни, состоянию международных отношений; социальная ценность; целесообразность; оптимальность правового предписания с точки зрения содержательных и технико-юридических свойств нормы (с. 75 и сл.).

В книге подробно излагаются условия эффективности норм международного права и дается их классификация в зависимости от того, каково воздействие этих условий на формирование норм и их реализацию (положительное или отрицательное), каково содержание указанных условий (социально-экономическое, политическое, научно-техническое, естественно-географическое, социально-психологическое, идеологическое), относятся рассматриваемые условия к системе права в целом или к отдельным отраслям, имеют ли они правовую или не правовую природу, являются ли по своему характеру международными или внутригосударственными (глава 4).

В целях всестороннего исследования многочисленных условий эффективности нормы международного права в монографии проводится их группировка в соответствии со стадиями воздействия права на общественные отношения. Исходя из этого, все условия, влияющие на эффективность международно-правовых норм, подразделяются на две группы; в первую включены условия, относящиеся к международному нормотворчеству, во вторую — условия, относящиеся к действию и реализации норм международного права. Такой подход, несомненно, позволяет детальнее и глубже исследовать факторы, определяющие эффективность правовых норм.

В части II монографического исследования, которая посвящена изложению проблем международного правотворчества и эффективности норм международного права, обращает на себя внимание разработка юридических условий принятия оптимальной нормы международного права. В этом плане особого внимания, на взгляд автора, заслуживают такие факторы, как правильный выбор круга общественных отношений, подлежащих правовому регулированию; соблюдение принципа универсальности при определении субъектов международного правотворчества; своевременность разработки международно-правовых норм; учет принципов системного подхода; выбор адекватной формы нормативного акта (например, двусторонний или многосторонний договор); обеспечение должной координации прав и обязанностей сторон в договоре, выбор оптимального метода международно-правового регулирования и, в частности, соблюдение правил законодательной техники; мера стабильности международно-правовой нормы; международное правосознание.

Ценным является и то, что автор уделяет значительное внимание самой методике исследования эффективности международно-правовых норм, посвятив этой малоизученной проблеме заключительную часть своей работы.

Бесспорно, положительной стороной рецензируемого труда является широкий охват вопросов, относящихся как к общей теории права, так и к теории международного права. Назову лишь некоторые из них: правотворчество и реализация правовых норм, соотношение внутригосударственного и международного права, правонарушения и ответственность в международном праве, толкование норм права и законодательная техника и др.

Хотя работа имеет подзаголовок «Теоретические проблемы», она имеет в то же время научно-прикладной характер. Автор широко оперирует нормативным материалом из области международного права и высказывает по ходу изложения целый ряд интересных предложений, нацеленных на более эффективное использование потенциала данной отрасли права.

Оценивая монографию Л.Х. Мингазова безусловно положительно, хотелось бы сделать и некоторые критические замечания. Одно из них касается структуры работы: было бы логичнее и потому целесообразнее поменять местами главы 1 и 2 в первой части работы и раскрыть сначала вопрос о постановке проблемы эффективности в доктрине международного права, а затем перейти к изложению собственных представлений о данной проблеме.

При всем уважении к праву, в том числе к международному, вряд ли можно согласиться с переоценкой его роли. Представляется, что одним из примеров такой переоценки является утверждение автора, будто «на современном этапе наиболее эффективным средством борьбы с этим деянием (терроризмом — *М.Ф.*), как с опасным преступлением объективно должны использоваться прежде всего правовые меры, направленные на его пресечение и наказание» (с.6). Думается все-таки, что истоки терроризма лежат в политических и социально-экономических условиях, а также в общей и политической культуре отдельных обществ и борьба с ним требует прежде всего устранения его корней.

В качестве одной из предпосылок эффективности нормы международного права в монографии неоднократно называется соответствие ее закономерностям общественного развития. Но этот тезис нигде в работе не раскрывается. В связи с этим, естественно, возникает вопрос: какие конкретно закономерности имеет в виду автор и на каких примерах можно продемонстрировать указанное соответствие или несоответствие? Такие самые общие, абстрактные критерии вряд ли несут сколько-нибудь значимую смысловую нагрузку.

Очевидно, монография значительно выиграла бы, если бы автор широко использовал судебную и арбитражную практику, как международную, так и внутригосударственную. Пока эта практика представлена в исследовании очень слабо.

Разумеется, сказанное никак не умаляет достоинств монографии Л.Х. Мингазова. Это новаторская работа по одной из сложных и, пожалуй, самых актуальных проблем современного международного права. Автор вносит в ее научную разработку ощутимый вклад, который и позволяет охарактеризовать его работу как полезное исследование эффективности международно-правовых норм.

ЦЕННОЕ ПОСОБИЕ ДЛЯ ВСЕХ, ИМЕЮЩИХ ОТНОШЕНИЕ К ПРАВУ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВЛИ

*А.И. Муранов**

(Twenty Years of International Sales Law Under the CISG (The UN Convention on Contracts for the International Sale of Goods). International Bibliography and Case Law Digest (1980-2000). Edited by Michael R. Will. — Kluwer Law International, 2000, 754 с.).

Любому исследователю, связанному с изучением права международной торговли, очень хорошо известно, какими темпами увеличивается объем публикуемой научной и прикладной информации в данной сфере. В итоге ориентироваться в этом море информации, причем на различных языках, достаточно сложно. Еще большие трудности испытывают исследователи и практики в России, где доступ не только к иностранным книжным новинкам, но даже и к журналам весьма затруднен по всем известным объективным причинам. В такой ситуации помогающим решить многие проблемы является обращение к специальным изданиям библиографического и справочного характера, являющимся итогом долгой и кропотливой рабо-

* К. ю. н., ст. преподаватель кафедры международного частного и гражданского права МГИМО (У) МИД России.

ты. Значимость таких трудов трудно переоценить: библиография и систематизация данных являются теми столпами, без которых развитие науки невозможно.

В свете сказанного опубликование указанной выше книги является весьма примечательным событием. Конечно же, данный труд посвящен не всему праву международной торговли, а только его части, но части основной и очень важной — Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров, разработанной Комиссией ООН по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ) и принятой на конференции ООН в Вене в 1980 г. Следует отметить, что выход рассматриваемой книги в свет был приурочен к 20-летию существования Конвенции и явился одним из событий, посвященных данному юбилею. Юбилей действительно знаменательный: Конвенция выступает в роли уникального правового акта, до сих пор не имевшего аналогов в мировой истории правотворчества. Она вводит единообразное материально-правовое регулирование международных сделок купли-продажи товаров и является основанной на компромиссе подходов романо-германской и англо-американской правовых систем. Конвенция пользуется поистине всемирным признанием: на 1 октября 1999 г. она действует для 56 государств (всего же к ней присоединилось 57 государств), общая доля которых в мировой торговле составляет более двух третей, и их число продолжает увеличиваться. Принятие Конвенции и ее всемирный успех стали теми событиями, которые позволяют говорить о том, что хотя широкомасштабная унификация регулирования международного торгового оборота и является задачей далекого будущего, однако оказывается делом вполне реальным, положительные последствия которого действительно стоят того, чтобы им заниматься.

Рассматриваемый труд, изданный под редакцией профессора Университета Женевы М. Уилла, известного специалиста в сфере частного права и права международной торговли, — очень серьезный шаг на таком пути. В данной книге поставлены и успешно решены две задачи.

Во-первых, на 438 страницах приводится очень полная библиография работ, посвященных Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров. При этом учтены работы, выпущенные в нескольких десятках государств на различных языках, в том числе и на русском. Библиографический указатель снабжен именным и географическим указателями, наличие которых делает поиск нужной информации весьма легким.

Во второй части в систематизированном виде содержится информация за 1981-1999 гг. о примерно 600 решениях национальных судов и международных коммерческих арбитражей, при вынесении которых применялась или упоминалась Конвенция. Приводятся следующие данные: орган, вынесший решение; дата и номер решения; государство, из которого поставлялся товар, и государство, в которое он поступил; вид товара; цена и валюта сделки; статьи Конвенции, которые были применены или на которые была сделана ссылка; данные о публикации решения, публикации его переводов, его изложений и комментариев к нему (однако некоторые такие данные иногда отсутствуют по объективным причинам). Данный указатель снабжен таблицей, в которой показано количество решений, вынесенных государственными судами различных стран в различные годы, и количество решений, вынесенных в различные годы третейскими судами. Приводятся также данные о судебных решениях, сгруппированные по странам, и об арбитражных решениях, сгруппированные по конкретным третейским судам (любопытно отметить, что количество указаний на решения Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате РФ занимает более половины от общего числа таких указаний). В итоге поиск нужной информации занимает буквально минуты.

Необходимо отметить, что профессор М. Уилл уже в течение многих лет собирает информацию о судебных и арбитражных решениях по Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров и является в данной сфере признанным экспертом. Еще в 1994 г. в Женеве им была опубликована книга «CISG — The First Hundred Decisions», и вслед за этим им было выпущено еще 7 переработанных ее изданий, так что в последнем из них, появившемся в 1999 г., фигурирует уже около 555 ссылок на решения. Таким образом, рассматриваемая книга является уже девятым по счету изданием указаний на судебные и арбитражные решения по Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров.

Следует упомянуть и о том, что в книгу вошла информация из баз данных по этой Конвенции, ведущихся ЮНСИТРАЛ («Прецедентное право по текстам ЮНСИТРАЛ» — «ППТЮ» или «CLOUT» в английской транскрипции), Школой права Университета Пейс (Нью-Йорк, США), правовым факультетом Университета Фрайбурга (Германия), ЮНИДРУА (система UNILEX).

Держа в руках работу профессора М. Уилла и листая ее, понимаешь, какой колоссальный труд был им проделан для того, чтобы

составить этот удобный в обращении указатель библиографии и судебных решений по Конвенции. Конечно же, в этом труде также принимали участие, собирали и предоставляли информацию многие другие лица — библиотекари, ученые и судьи из разных стран, ассистенты и прочие.

В данную книгу вошли не все указания на русскоязычные работы или решения российских государственных и третейских судов, связанные с Конвенцией ООН о договорах международной купли-продажи товаров. Однако это замечание должно быть направлено не редактору, а представителям российского права, которые делают пока еще не все, что в их силах, для того, чтобы остальной мир имел более ясное представление о месте и роли Конвенции в России. А то, что такой интерес присутствует и, более того, то, что он очень велик, — сомнению не подлежит. Однако есть надежда, что вскоре после того момента, когда данная рецензия будет опубликована, в Интернете уже будет функционировать русскоязычная база данных по Конвенции (наряду с базами данных из США, Германии, Франции, Италии, Японии, Испании, Бразилии, Израиля, Финляндии), обнаружить которую можно будет при помощи сайта <http://www.cisg.law.pace.edu>. Там же могут быть найдены и все вышеупомянутые базы, равно как и множество другой информации о Конвенции. Для всех заинтересованных лиц нельзя не упомянуть отдельно и о сайте ЮНСИТРАЛ — <http://www.un.or.at/uncitral>.

Книга профессора М. Уилла может служить не только образцом для подобного вида трудов, но также и напоминанием представителям российского права о том, что в России дела с юридической библиографией и систематизацией информации о судебных решениях по тем или иным темам обстоят далеко не лучшим образом. И речь идет не только о таких еще во многом «экзотических» в России сферах регулирования, как международное частное право и право международной торговли, — даже в сфере конституционного и уголовного права, не говоря уже о частноправовой области, дела обстоят не так, как хотелось бы. И данное обстоятельство можно без преувеличения назвать весьма значительным препятствием, стоящим на пути серьезного развития российского правоведения.

Документы

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНВЕНЦИЯ О БОРЬБЕ С ФИНАНСИРОВАНИЕМ ТЕРРОРИЗМА

Генеральная Ассамблея,

ссылаясь на все свои соответствующие резолюции, включая резолюцию 46/51 от 9 декабря 1991 года, резолюцию 49/60 от 9 декабря 1994 года, в которой она приняла Декларацию о мерах по ликвидации международного терроризма, и резолюции 51/210 от 17 декабря 1996 года и 53/108 от 8 декабря 1998 года,

рассмотрев текст проекта международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма, подготовленный Специальным комитетом, учрежденным резолюцией 51/210 Генеральной Ассамблеи от 17 декабря 1996 года, и Рабочей группой Шестого комитета¹,

1. принимает Международную конвенцию о борьбе с финансированием терроризма, прилагаемую к настоящей резолюции, и просит Генерального секретаря открыть ее для подписания в Центральных учреждениях Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке с 10 января 2000 года по 31 декабря 2001 года;

2. настоятельно призывает все государства подписать Конвенцию и ратифицировать, принять, одобрить ее или присоединиться к ней.

*76-е пленарное заседание,
9 декабря 1999 года*

¹ A/C.6/54/L.2, приложение I.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма

Пreamбула

Государства — участники настоящей Конвенции,

принимая во внимание цели и принципы Устава Организации Объединенных Наций, касающиеся поддержания международного мира и безопасности и поощрения добрососедских и дружественных отношений и сотрудничества между государствами,

будучи глубоко обеспокоены эскалацией актов терроризма во всех его формах и проявлениях по всему миру,

ссылаясь на Декларацию по случаю пятидесятой годовщины Организации Объединенных Наций, содержащуюся в резолюции 50/6 Генеральной Ассамблеи от 24 октября 1995 года,

ссылаясь также на все соответствующие резолюции Генеральной Ассамблеи по данному вопросу, включая резолюцию 49/60 от 9 декабря 1994 года и приложение к ней, содержащее Декларацию о мерах по ликвидации международного терроризма, в которой государства — члены Организации Объединенных Наций торжественно подтвердили, что они безоговорочно осуждают как преступные и не имеющие оправдания все акты, методы и практику терроризма, где бы и кем бы они ни осуществлялись, в том числе те, которые ставят под угрозу дружественные отношения между государствами и народами и угрожают территориальной целостности и безопасности государств,

отмечая, что в Декларации о мерах по ликвидации международного терроризма государствам предлагается также в срочном порядке провести обзор сферы применения существующих международно-правовых положений о предупреждении, пресечении и ликвидации терроризма во всех его формах и проявлениях с целью обеспечить наличие всеобъемлющих правовых рамок, включающих все аспекты этого вопроса,

ссылаясь на подпункт пункта 3 резолюции 51/210 Генеральной Ассамблеи от 17 декабря 1996 года, в котором Ассамблея призвала все государства предпринять шаги, с тем чтобы воспрепятствовать и противодействовать посредством соответствующих внутренних мер финансированию террористов и террористических организаций, независимо от того, осуществляется такое финансирование прямо или косвенно через организации, которые также преследуют или утверждают, что преследуют, благотворительные, общественные или культурные цели, или также вовлечены в запрещенные виды деятельности, такие, как незаконные поставки оружия, незаконный оборот наркотиков и вымогательство, включая использование лиц в целях финансирования террористической деятельности, и, в частности, где это уместно, рассмотреть вопрос о принятии мер регулирования, для того чтобы воспрепятствовать и противодействовать движению средств, в отношении которых есть подозрения, что они предназначаются для террористических целей, ни в коей мере не ущемляя при этом свободу движения законного капитала, и активизировать обмен информацией о международном движении таких средств,

ссылаясь также на резолюцию 52/165 Генеральной Ассамблеи от 15 декабря 1997 года, в которой Ассамблея призвала государства рассмотреть, в частности, вопрос об осуществлении мер, изложенных в подпунктах *a-f* пункта 3 ее резолюции 51/210,

ссылаясь далее на резолюцию 53/108 Генеральной Ассамблеи от 8 декабря 1998 года, в которой Ассамблея постановила, что Специальному комитету, учрежденному резолюцией 51/210 Генеральной Ассамблеи от 17 декабря 1996 года, следует разработать проект международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма, которая дополнит соответствующие существующие международные документы,

учитывая, что финансирование терроризма является предметом серьезной озабоченности международного сообщества в целом,

отмечая, что количество и тяжесть актов международного терроризма зависят от финансирования, к которому террористы могут получить доступ,

отмечая также, что в существующих многосторонних правовых документах такое финансирование конкретно не рассматривается,

будучи убеждены в настоятельной необходимости крепить международное сотрудничество между государствами в деле разработки и принятия эффективных мер по недопущению финансирования терроризма, а также борьбе с ним путем преследования и наказания совершающих его лиц,

договорились о нижеследующем:

Статья 1

Для целей настоящей Конвенции:

1. «Средства» означают активы любого рода, осязаемые или неосязаемые, движимые или недвижимые, независимо от способа их приобретения, а также юридические документы или акты в любой форме, в том числе в электронной или цифровой, удостоверяющие право на такие активы или участие в них, включая банковские кредиты, дорожные чеки, банковские чеки, почтовые переводы, акции, ценные бумаги, облигации, векселя и аккредитивы, но не ограничиваясь ими.

2. «Государственный или правительственный объект» означает любой постоянный или временный объект или транспортное средство, используемые или занимаемые представителями государства, членами правительства, представителями законодательного или судебного органа либо должностными лицами или служащими государства или любого другого государственного органа или учреждения, либо служащими или должностными лицами межправительственной организации в связи с выполнением ими своих служебных обязанностей.

3. «Поступления» означают любые средства, полученные или приобретенные прямо или косвенно, посредством совершения преступления, указанного в статье 2.

Статья 2

1. Любое лицо совершает преступление по смыслу настоящей Конвенции, если оно любыми методами, прямо или косвенно, незаконно и умышленно предоставляет средства или осуществляет их сбор с намерением, чтобы они использовались, или при осознании того, что они будут использованы, полностью или частично, для совершения:

a) какого-либо деяния, представляющего собой преступление согласно сфере применения одного из договоров, перечисленных в приложении, и содержащемуся в нем определению;

b) любого другого деяния, направленного на то, чтобы вызвать смерть какого-либо гражданского лица или любого другого лица, не принимающего активного участия в военных действиях в ситуации вооруженного конфликта, или причинить ему тяжкое телесное повреждение, когда цель такого деяния в силу его характера или контекста заключается в том, чтобы запугать население или заставить правительство или международную организацию совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения.

2. *a)* После сдачи на хранение своих ратификационных грамот или документов о принятии, утверждении или присоединении государство-участник, которое не является стороной, участвующей в одном из договоров, перечисленных в приложении, может заявить, что при применении настоящей Конвенции к данному государству-участнику считается, что этот договор не включен в приложение, упомянутое в подпункте *a* пункта 1. Такое заявление перестает действовать, как только этот договор вступает в силу для данного государства-участника, которое уведомляет об этом факте депозитария.

b) Когда государство-участник перестает быть стороной одного из договоров, перечисленных в приложении, оно может сделать, как это предусматривается в настоящей статье, заявление в отношении этого договора.

3. Для того чтобы какое-либо деяние составило преступление, указанное в пункте 1. необязательно, чтобы средства фактически ис-

пользовались для совершения преступления, упомянутого в подпунктах *a* или *b* пункта 1.

4. Любое лицо также совершает преступление, если оно пытается совершить какое-либо из преступлений, указанных в пункте 1 настоящей статьи.

5. Любое лицо также совершает преступление, если оно:

a) участвует в качестве соучастника в совершении какого-либо из преступлений, указанных в пунктах 1 или 4 настоящей статьи;

b) организует других лиц или руководит ими с целью совершения какого-либо из преступлений, указанных в пунктах 1 или 4 настоящей статьи;

c) способствует совершению одного или нескольких преступлений, указанных в пунктах 1 или 4 настоящей статьи, группой лиц, действующих с общей целью. Такое содействие должно носить умышленный характер и должно оказываться:

i) либо в целях поддержки преступной деятельности или преступных целей группы, когда такая деятельность или цель предполагают совершение одного из преступлений, указанных в пункте 1 настоящей статьи;

ii) либо при осознании умысла группы совершить одно из преступлений, указанных в пункте 1 настоящей статьи.

Статья 3

Настоящая Конвенция не применяется в случаях, когда преступление совершено в одном государстве, предполагаемый преступник является гражданином этого государства и находится на территории этого государства и никакое другое государство не имеет оснований для осуществления своей юрисдикции в соответствии с пунктом 1 или 2 статьи 7, что не исключает применения к этим случаям при соответствующих обстоятельствах положений статей 12-18.

Статья 4

Каждое государство-участник принимает такие меры, которые могут оказаться необходимыми:

а) для признания уголовными преступлениями согласно его внутреннему праву преступлений, указанных в статье 2;

б) для установления за эти преступления соразмерных наказаний с учетом тяжести этих преступлений.

Статья 5

1. Каждое государство-участник в соответствии с принципами своего внутреннего права принимает необходимые меры для того, чтобы можно было привлечь юридическое лицо, находящееся на его территории или учрежденное по его законам, к ответственности в случае совершения физическим лицом, ответственным за управление этим юридическим лицом, или контроль за ним, которое выступает в своем официальном качестве, преступления, указанного в статье 2. Такая ответственность может носить уголовный, гражданский или административный характер.

2. Такая ответственность наступает без ущерба для уголовной ответственности физических лиц, совершивших эти преступления.

3. Каждое государство-участник обеспечивает, в частности, чтобы к юридическим лицам, несущим ответственность согласно пункту 1, выше, применялись эффективные, соразмерные и действенные уголовные, гражданско-правовые или административные санкции. Такие санкции могут включать финансовые санкции.

Статья 6

Каждое государство-участник принимает такие меры, какие могут оказаться необходимыми, в том числе в соответствующих случаях в области внутреннего законодательства, для обеспечения того, чтобы преступные деяния, подпадающие под действие настоящей Конвенции, ни при каких обстоятельствах не подлежали оправданию по каким бы то ни было соображениям политического, философско-

го, идеологического, расового, этнического, религиозного или иного аналогичного характера.

Статья 7

1. Каждое государство-участник принимает такие меры, которые могут оказаться необходимыми для установления его юрисдикции в отношении преступлений, указанных в статье 2, когда:

a) преступление совершено на территории этого государства;

b) преступление совершено на борту судна, плавающего под флагом этого государства, или летательного аппарата, имеющего регистрацию в соответствии с законами этого государства во время совершения преступления;

c) преступление совершено гражданином этого государства.

2. Государство-участник может также установить свою юрисдикцию в отношении любого такого преступления, когда:

a) преступление было направлено на совершение преступления, указанного в подпункте *a* или *b* пункта 1 статьи 2, на территории или в отношении одного из граждан этого государства либо такое преступление было его результатом;

b) преступление было направлено на совершение преступления, указанного в подпункте *a* или *b* пункта 1 статьи 2, против государственного или правительственного объекта указанного государства за границей, включая помещения дипломатического или консульского представительства этого государства, либо такое преступление было его результатом;

c) преступление было направлено на совершение преступления, указанного в подпунктах *a* или *b* пункта 1 статьи 2, в попытке принудить это государство совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения или такое преступление привело к его совершению;

d) преступление совершено лицом без гражданства, которое обычно проживает на территории этого государства;

e) преступление совершено на борту воздушного судна, эксплуатируемого правительством этого государства.

3. При ратификации, принятии, одобрении настоящей Конвенции или присоединении к ней каждое государство-участник уведомляет Генерального секретаря Организации Объединенных Наций об установлении им юрисдикции в соответствии с пунктом 2. В случае каких-либо изменений соответствующее государство-участник немедленно уведомляет об этом Генерального секретаря.

4. Каждое государство-участник принимает также такие меры, которые могут оказаться необходимыми для установления его юрисдикции в отношении преступлений, указанных в статье 2, в случаях, когда лицо, предположительно совершившее преступление, находится на его территории и оно не выдает его ни одному из государств-участников, которые установили свою юрисдикцию в соответствии с пунктами 1 или 2.

5. Когда более чем одно государство-участник претендует на юрисдикцию в отношении одного из преступлений, указанных в статье 2, соответствующие государства-участники стремятся надлежащим образом координировать свои действия, в частности в отношении порядка уголовного преследования и способов осуществления взаимной правовой помощи.

6. Без ущерба для норм общего международного права настоящая Конвенция не исключает возможности осуществления любой уголовной юрисдикции, установленной государством-участником в соответствии с его внутренним правом.

Статья 8

1. Каждое государство-участник принимает в соответствии с принципами своего внутреннего права необходимые меры для того, чтобы определить, обнаружить, заблокировать или арестовать любые средства, используемые или выделенные в целях совершения преступлений, указанных в статье 2, а также поступления, получен-

ные в результате таких преступлений, для целей возможной конфискации.

2. Каждое государство-участник принимает в соответствии с принципами своего внутреннего права надлежащие меры для конфискации средств, которые использовались или были выделены для целей совершения преступлений, указанных в статье 2, и поступлений, полученных в результате таких преступлений.

3. Каждое соответствующее государство-участник может рассмотреть вопрос о заключении соглашений о разделе с другими государствами на регулярной основе или в каждом конкретном случае средств, полученных в результате конфискации, предусмотренной в этой статье.

4. Каждое государство-участник рассматривает возможность создания механизмов, с помощью которых средства, полученные в результате конфискации, предусмотренной в настоящей статье, использовались бы для выплаты компенсации жертвам преступлений, указанных в подпунктах *a* или *b* пункта 1 статьи 2, или членам их семей.

5. Применение положений настоящей статьи осуществляется при условии соблюдения прав добросовестных третьих лиц.

Статья 9

1. Получив информацию о том, что лицо, которое совершило или предположительно совершило преступление, указанное в статье 2, может находиться на его территории, соответствующее государство-участник принимает такие меры, которые могут потребоваться в соответствии с его внутренним законодательством для расследования фактов, указанных в этой информации.

2. Убедившись, что обстоятельства дают основания для этого, государство-участник, на территории которого находится лицо, совершившее или предположительно совершившее преступление, принимает в соответствии с его внутренним законодательством надлежащие меры по обеспечению присутствия этого лица для целей уголовного преследования или выдачи.

3. Любое лицо, в отношении которого принимаются меры, указанные в пункте 2 настоящей статьи, имеет право:

a) безотлагательно связаться с ближайшим соответствующим представителем государства, гражданином которого оно является или которое иным образом правомочно защищать права этого лица, или, если оно является лицом без гражданства, — с представителем государства, на территории которого это лицо обычно проживает;

b) на посещение его представителем этого государства;

c) быть информированным о своих правах согласно подпунктам a и b.

4. Права, указанные в пункте 3, осуществляются в соответствии с законами и постановлениями государства, на территории которого находится лицо, совершившее или предположительно совершившее преступление, с учетом положения о том, что упомянутые законы и постановления должны обеспечивать возможность полного достижения целей, для которых предоставляются права согласно пункту 3.

5. Положения пунктов 3 и 4 не наносят ущерба праву любого государства-участника, претендующего на юрисдикцию согласно подпункту b пункта 1 или подпункту b пункта 2 статьи 7, просить Международный комитет Красного Креста связаться с лицом, предположительно совершившим преступление, и посетить его.

6. После того как государство-участник в соответствии с настоящей статьей заключило лицо под стражу, оно напрямую или через Генерального секретаря Организации Объединенных Наций безотлагательно уведомляет государства-участники, которые установили юрисдикцию согласно пунктам 1 или 2 статьи 7, и, если оно считает целесообразным, любые другие заинтересованные государства-участники о факте нахождения такого лица под стражей и об обстоятельствах, служащих основанием для задержания этого лица. Государство, которое проводит расследование согласно пункту 1, оперативно сообщает о его результатах упомянутым государствам-участникам и указывает, намерено ли оно осуществить свою юрисдикцию.

Статья 10

1. Государство-участник, на территории которого находится лицо, совершившее или предположительно совершившее преступление, в случаях, к которым применима статья 7, если оно не выдает это лицо, обязано без каких бы то ни было исключений и независимо от того, совершено ли преступление на его территории, без излишних задержек передать дело своим компетентным органам для целей судебного преследования путем проведения разбирательства в соответствии с законодательством этого государства. Эти органы принимают решение таким же образом, как и в случае любого другого преступления тяжкого характера, согласно законам этого государства.

2. Во всех случаях, когда внутреннее законодательство государства-участника позволяет ему выдать или иным образом передать одного из своих граждан только при том условии, что это лицо будет возвращено в это государство для отбытия наказания по приговору, вынесенному в результате судебного разбирательства или рассмотрения дела в суде, для которого испрашивалась выдача или передача этого лица, и данное государство и государство, ходатайствующее о выдаче этого лица, согласны с этим вариантом и другими условиями, которые они могут признать уместными, такой обусловленной выдачи или передачи будет достаточно для выполнения обязанностей, о которых говорится в пункте 1.

Статья 11

1. Преступления, указанные в статье 2, считаются подлежащими включению в качестве преступлений, влекущих выдачу, в любой договор о выдаче, заключенный между какими-либо государствами-участниками до вступления настоящей Конвенции в силу. Государства-участники обязуются включать такие преступления в качестве преступлений, влекущих выдачу, во все договоры о выдаче, которые будут впоследствии заключаться между ними.

2. Когда государство-участник, которое обуславливает выдачу наличием договора, получает просьбу о выдаче от другого государства-участника, с которым оно не имеет договора о выдаче, запрашиваемое государство-участник может по своему усмотрению рас-

смагивать настоящую Конвенцию в качестве правового основания для выдачи в связи с преступлениями, указанными в статье 2. Выдача осуществляется с соблюдением других условий, предусмотренных законодательством запрашиваемого государства.

3. Государства-участники, не обуславливающие выдачу наличием договора, рассматривают в отношениях между собой преступления, указанные в статье 2, в качестве преступлений, влекущих выдачу, с соблюдением условий, предусмотренных законодательством запрашиваемого государства.

4. В случае необходимости преступления, указанные в статье 2, рассматриваются государствами-участниками для целей выдачи, как если бы они были совершены не только в месте их совершения, но и на территории государств, которые установили свою юрисдикцию в соответствии с пунктами 1 и 2 статьи 7.

5. Положения всех договоров и договоренностей о выдаче между государствами-участниками в связи с преступлениями, указанными в статье 2, считаются измененными в отношениях между государствами-участниками в той мере, в какой они несовместимы с настоящей Конвенцией.

Статья 12

1. Государства-участники оказывают друг другу максимальную помощь в связи с уголовными расследованиями, уголовным преследованием или процедурами выдачи в связи с преступлениями, указанными в статье 2, включая содействие в получении имеющихся у них доказательств, которые необходимы для разбирательства.

2. Государства-участники не могут отклонять просьбы о взаимной правовой помощи, ссылаясь на банковскую тайну.

3. Запрашивающая сторона не передает и не использует информацию или доказательства, представленные запрашиваемой стороной, для проведения расследований, уголовного преследования или судебного разбирательства, иных, чем те, которые указаны в просьбе, без предварительного согласия на это запрашиваемой стороны.

4. Каждое государство-участник может рассмотреть вопрос о создании механизмов для того, чтобы делиться с другими государствами-участниками информацией или доказательствами, необходимыми для установления уголовной, гражданской или административной ответственности согласно статье 5.

5. Государства-участники выполняют свои обязательства по пунктам 1 и 2 в соответствии с любыми договорами или другими договоренностями о взаимной правовой помощи или обмене информацией, которые могут существовать между ними. В отсутствие таких договоров или договоренностей государства-участники оказывают друг другу помощь согласно их внутреннему законодательству.

Статья 13

Ни одно из преступлений, указанных в статье 2, не рассматривается для целей выдачи или взаимной правовой помощи как преступление, связанное с налогами. Государства-участники не могут отклонять просьбу о выдаче или взаимной правовой помощи только на основании того, что она касается преступления, связанного с налогами.

Статья 14

Ни одно из преступлений, указанных в статье 2, не рассматривается для целей выдачи или взаимной правовой помощи между государствами-участниками как политическое преступление или преступление, связанное с политическим преступлением, или преступление, совершенное по политическим мотивам. Вследствие этого связанная с таким преступлением просьба о выдаче или взаимной правовой помощи не может быть отклонена лишь на том основании, что она касается политического преступления или преступления, связанного с политическим преступлением, или преступления, совершенного по политическим мотивам.

Статья 15

Ничто в настоящей Конвенции не должно толковаться как налагающее обязательство выдавать какое-либо лицо или оказывать взаимную помощь, если запрашиваемое государство-участник имеет веские основания полагать, что просьба о выдаче в связи с преступ-

лениями, упомянутыми в статье 2, или о взаимной правовой помощи в отношении таких преступлений имеет целью судебное преследование или наказание этого лица по причине его расы, вероисповедания, гражданства, этнического происхождения или политических убеждений или что удовлетворение этой просьбы нанесло бы ущерб положению этого лица по любой из этих причин.

Статья 16

1. Лицо, которое находится под стражей или отбывает срок тюремного заключения в одном государстве-участнике и присутствие которого в другом государстве-участнике требуется для целей установления личности, дачи показаний или оказания иной помощи в получении доказательств для расследования или уголовного преследования в связи с преступлениями, указанными в статье 2. может быть передано с соблюдением следующих условий:

a) это лицо свободно дает на то свое согласие на основе полной информации,

b) компетентные власти обоих государств достигли согласия на таких условиях, которые эти государства могут счесть приемлемыми.

2. Для целей настоящей статьи

a) государство, которому передается лицо, правомочно и обязано содержать переданное лицо под стражей, если только государство, которое передало это лицо, не просило об ином или не санкционировало иное;

b) государство, которому передано лицо, без задержек выполняет свое обязательство по возвращению этого лица в распоряжение государства, которое ранее передало это лицо, как это было согласовано заранее или как это было иным образом согласовано компетентными властями обоих государств;

c) государство, которому передано лицо, не должно требовать от государства, которое передало это лицо, возбуждения процедуры выдачи для его возвращения;

д) переданному лицу в срок наказания, отбываемого в государстве, из которого оно передано, зачитывается срок содержания под стражей в государстве, которому оно передано.

3. Без согласия государства-участника, из которого в соответствии с настоящей статьей должно быть передано то или иное лицо, это лицо, независимо от его гражданства, не подлежит преследованию или содержанию под стражей и не может подвергаться какому-либо иному ограничению в отношении его личной свободы на территории государства, которому передано это лицо, в связи с действиями или вынесенными в отношении него приговорами до его отбытия с территории государства, из которого оно передано.

Статья 17

Любому лицу, которое взято под стражу или в отношении которого приняты любые другие меры или осуществляется разбирательство в соответствии с настоящей Конвенцией, гарантируется справедливое обращение, в том числе пользование всеми правами и гарантиями в соответствии с законодательством государства, на территории которого это лицо находится, и применимыми положениями международного права, включая международные стандарты в области прав человека.

Статья 18

1. Государства-участники сотрудничают в предупреждении преступлений, указанных в статье 2. путем принятия всех практически осуществимых мер, в частности путем изменения, при необходимости, их внутреннего законодательства для воспрепятствования или противодействия подготовке в пределах их соответствующих территорий к совершению этих преступлений на их территории или за ее пределами, в том числе:

а) мер, запрещающих на их территориях незаконную деятельность лиц или организаций, которые умышленно поощряют, подстрекают, организуют или совершают преступления, указанные в статье 2;

б) мер, обязывающих финансовые учреждения и другие организации, участвующие в совершении финансовых операций, принимать самые эффективные из имеющихся в их распоряжении мер для идентификации их постоянных или случайных клиентов, а также клиентов, в пользу которых открыты счета, и обращать особое внимание на необычные или подозрительные операции и сообщать об операциях, предположительно связанных с преступной деятельностью. С этой целью государства-участники изучают возможность:

i) принятия правил, запрещающих открытие счетов, владельцы или бенефициары которых не идентифицированы или не могут быть идентифицированы, и мер для обеспечения проверки такими учреждениями личности настоящих участников таких операций;

ii) в отношении идентификации юридических лиц — предъявления к финансовым учреждениям требования, когда это необходимо, принимать меры по проверке юридического статуса и структуры клиента посредством получения — от государственного регистрационного органа, клиента или от обоих — доказательства оформления клиента как юридического лица, включая данные о наименовании клиента, его юридической форме, адресе, руководителях и положениях, регулирующих полномочия по принятию обязательств от имени этого юридического лица;

iii) принятия правил, налагающих на финансовые учреждения обязательство оперативно сообщать компетентным властям обо всех сложных, необычайно крупных операциях и о необычной динамике операций, не имеющих явной экономической или очевидно законной причины, не опасаясь при этом уголовной или гражданской ответственности за нарушение любых ограничений на разглашение информации, если они добросовестно сообщают о своих подозрениях;

iv) предъявления к финансовым учреждениям требования хранить в течение как минимум пяти лет все необходимые документы по операциям, как внутренним, так и международным.

2. Государства-участники сотрудничают далее в предупреждении преступлений, указанных в статье 2, изучая возможность:

а) принятия мер по наблюдению за работой всех агентств, осуществляющих денежные переводы, включая, например, их лицензирование;

б) принятия реально осуществимых мер по выявлению или отслеживанию физического перемещения наличных средств и оборотных документов на предъявителя через границу при строгом соблюдении гарантий надлежащего использования информации и без ограничения в какой бы то ни было форме свободы движения капитала.

3. Государства-участники сотрудничают далее в предупреждении преступлений, указанных в статье 2, путем обмена точными и проверенными данными в соответствии с их внутренним законодательством и координации административных и других мер, принимаемых, когда это необходимо, в целях предупреждения совершения преступлений, указанных в статье 2, в частности путем:

а) создания и обеспечения функционирования каналов связи между их компетентными учреждениями и службами с целью содействовать защищенному и оперативному обмену информацией обо всех аспектах преступлений, указанных в статье 2;

б) сотрудничества друг с другом в проведении расследований в связи с преступлениями, указанными в статье 2, касающихся:

i) личности, местонахождения и рода занятий лиц, в отношении которых существуют обоснованные подозрения в том, что они причастны к таким преступлениям;

ii) перемещения финансовых средств, имеющих отношение к совершению таких преступлений.

4. Государства-участники могут обмениваться информацией через Международную организацию уголовной полиции (Интерпол).

Статья 19

Государство-участник, в котором предполагаемый преступник подвергается уголовному преследованию, сообщает в соответствии со своим внутренним законодательством или применимыми процедурами об окончательных результатах разбирательства Генеральному секретарю Организации Объединенных Наций, который направляет эту информацию другим государствам-участникам.

Статья 20

Государства-участники выполняют свои обязательства по настоящей Конвенции таким образом, чтобы это отвечало принципам суверенного равенства и территориальной целостности государств и принципу невмешательства во внутренние дела других государств.

Статья 21

Ничто в настоящей Конвенции не затрагивает других прав, обязательств и обязанностей государств и отдельных лиц согласно международному праву, в частности целям Устава Организации Объединенных Наций, международному гуманитарному праву и другим соответствующим конвенциям.

Статья 22

Ничто в настоящей Конвенции не наделяет государство-участника правом осуществлять на территории другого государства-участника юрисдикцию и функции, которые входят исключительно в компетенцию властей этого другого государства-участника в соответствии с его внутренним законодательством.

Статья 23

1. В приложение к настоящей Конвенции можно вносить поправки посредством добавления договоров, которые:

- a)* открыты для участия всех государств;
- b)* вступили в силу;

с) ратифицировали, приняли, одобрили или к которым присоединились по крайней мере 22 государства-участника настоящей Конвенции.

2. После вступления в силу настоящей Конвенции любое государство-участник может предложить такую поправку. Любое предложение о внесении поправки препровождается депозитарию в письменном виде. Депозитарий уведомляет обо всех предложениях, отвечающих требованиям пункта 1, все государства-участники и запрашивает их мнение в отношении того, следует ли принимать предлагаемую поправку.

3. Предлагаемая поправка считается принятой, за исключением случаев, когда одна треть государств-участников возражает против нее, письменно уведомив об этом не позднее чем через 180 дней после ее распространения.

4. Принятая поправка к приложению вступает в силу через 30 дней после сдачи на хранение двадцать второй ратификационной грамоты или документа о принятии, или одобрении такой поправки для всех государств-участников, сдавших на хранение такой документ. Для каждого государства-участника, ратифицирующего, принимающего или одобряющего поправку после сдачи на хранение двадцать второй ратификационной грамоты, поправка вступает в силу на тридцатый день после сдачи на хранение таким государством-участником его ратификационной грамоты или документа о принятии или одобрении.

Статья 24

1. Любой спор между двумя или более государствами-участниками относительно толкования или применения настоящей Конвенции, который не может быть урегулирован путем переговоров в течение разумного периода времени, передается по просьбе одного из них на арбитраж. Если в течение шести месяцев со дня обращения с просьбой об арбитраже стороны не смогут договориться о его организации, любая из этих сторон может передать спор в Международный Суд, обратившись с заявлением в соответствии со Статутом Суда.

2. Каждое государство может при подписании, ратификации, принятии, одобрении настоящей Конвенции или присоединении к ней заявить о том, что оно не считает себя связанным положениями пункта 1. Другие государства-участники не будут связаны положениями пункта 1 в отношении любого государства-участника, сделавшего такую оговорку.

3. Любое государство, сделавшее оговорку в соответствии с пунктом 2, может в любое время снять эту оговорку путем уведомления Генерального секретаря Организации Объединенных Наций.

Статья 25

1. Настоящая Конвенция открыта для подписания всеми государствами с 10 января 2000 года по 31 декабря 2001 года в Центральных учреждениях Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке.

2. Настоящая Конвенция подлежит ратификации, принятию или одобрению. Ратификационные грамоты или документы о принятии или одобрении сдаются на хранение Генеральному секретарю Организации Объединенных Наций.

3. Настоящая Конвенция открыта для присоединения любого государства. Документы о присоединении сдаются на хранение Генеральному секретарю Организации Объединенных Наций.

Статья 26

1. Настоящая Конвенция вступает в силу на тридцатый день после сдачи на хранение Генеральному секретарю Организации Объединенных Наций 22 ратификационных грамот или документов о принятии, одобрении или присоединении.

2. Для каждого государства, которое ратифицирует, принимает, одобряет настоящую Конвенцию или присоединяется к ней после сдачи на хранение 22 ратификационных грамот или документов о принятии, одобрении или присоединении, Конвенция вступает в силу на тридцатый день после сдачи на хранение этим государством его ратификационной грамоты или документа о принятии, одобрении или присоединении.

Статья 27

1. Любое государство-участник может денонсировать настоящую Конвенцию путем письменного уведомления Генерального секретаря Организации Объединенных Наций.
2. Денонсация вступает в силу по истечении одного года с даты получения уведомления Генеральным секретарем Организации Объединенных Наций.

Статья 28

Подлинник настоящей Конвенции, тексты которой на английском, арабском, испанском, китайском, русском и французском языках являются равно аутентичными, сдается на хранение Генеральному секретарю Организации Объединенных Наций, который рассылает заверенные копии настоящей Конвенции всем государствам.

В УДОСТОВЕРЕНИЕ ЧЕГО нижеподписавшиеся, должным образом на то уполномоченные своими соответствующими правительствами, подписали настоящую Конвенцию, открытую для подписания в Центральных учреждениях Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке 10 января 2000 года.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1. Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов, совершенная в Гааге 16 декабря 1970 года
2. Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации, совершенная в Монреале 23 сентября 1971 года.
3. Конвенция о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе ди-

пломатических агентов, принятая Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций 14 декабря 1973 года.

4. Международная конвенция о борьбе с захватом заложников, принятая Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций 17 декабря 1979 года.

5. Конвенция о физической защите ядерного материала, принятая в Вене 3 марта 1980 года.

6. Протокол о борьбе с незаконными актами насилия в аэропортах, обслуживающих международную гражданскую авиацию, дополняющий Конвенцию о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации, совершенный в Монреале 24 февраля 1988 года.

7. Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства, совершенная в Риме 10 марта 1988 года.

8. Протокол о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе, совершенный в Риме 10 марта 1988 года.

9. Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом, принятая Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций 15 декабря 1997 года.

ЗАЯВЛЕНИЕ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОВЕТА БЕЗОПАСНОСТИ

На 4073-м заседании Совета Безопасности, состоявшемся 30 ноября 1999 года в связи с рассмотрением Советом пункта, озаглавленного «Роль Совета Безопасности в предотвращении вооруженных конфликтов», Председатель Совета Безопасности сделал от имени Совета следующее заявление:

РОЛЬ СОВЕТА БЕЗОПАСНОСТИ В ПРЕДОТВРАЩЕНИИ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

Совет Безопасности рассмотрел в контексте своей главной ответственности за поддержание международного мира и безопасности вопрос о своей роли в предотвращении вооруженных конфликтов. Совет подчеркивает необходимость полного соблюдения и осуществления принципов и положений Устава Организации Объединенных Наций и норм международного права, в частности в данном контексте тех, которые касаются предотвращения вооруженных конфликтов и разрешения споров мирными средствами. Он подтверждает свою приверженность принципам политической независимости, суверенного равенства и территориальной целостности всех государств. Совет также подтверждает необходимость уважения прав человека и принципа господства права. Он уделит особое внимание гуманитарным последствиям вооруженных конфликтов. Совет признает важное значение формирования культуры предотвращения вооруженных конфликтов и необходимость того, чтобы все главные органы Организации Объединенных Наций вносили в этой связи свой вклад.

Совет Безопасности подчеркивает важное значение скоординированного международного ответа на экономические, социальные, культурные или гуманитарные проблемы, которые зачастую являются коренными причинами вооруженных конфликтов. Признавая необходимость выработки эффективных долгосрочных стратегий, он подчеркивает необходимость осуществления всеми органами и учреждениями Организации Объединенных Наций превентивных стратегий и принятия мер в своих соответствующих сферах ведения, направленных на оказание содействия государствам-членам в деле ис-

коренения нищеты, укрепления сотрудничества и помощи в целях развития и поощрения уважения прав человека и основных свобод.

Совет Безопасности признает, что раннее предупреждение, превентивная дипломатия, превентивное развертывание, превентивное разоружение и постконфликтное миростроительство являются взаимозависимыми и взаимодополняющими компонентами всеобъемлющей стратегии предотвращения конфликтов. Совет подчеркивает свою неизменную готовность заниматься вопросом предотвращения вооруженных конфликтов во всех районах мира.

Совет Безопасности сознает важность своевременного рассмотрения им ситуаций, которые могут привести к вооруженным конфликтам. В этой связи он подчеркивает важное значение разрешения споров мирными средствами в соответствии с главой VI Устава Организации Объединенных Наций. Совет напоминает о том, что стороны, участвующие в любом споре, продолжение которого могло бы угрожать поддержанию международного мира и безопасности, должны добиваться разрешения спора мирными средствами.

Совет Безопасности подтверждает свою обязанность в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций принимать меры по своей собственной инициативе для поддержания международного мира и безопасности. Результаты миссии Совета в Джакарту Дили в период с 6 по 12 сентября 1999 года свидетельствуют о том, что такие миссии, осуществляемые с согласия принимающих стран и с четкими целями, могут быть весьма полезны, если они направляются своевременно и надлежащим образом. Совет заявляет о своем намерении оказывать наряду с принятием надлежащих последующих мер поддержку Генеральному секретарю в его усилиях по предотвращению конфликтов путем осуществления таких видов деятельности, как направление миссий по установлению фактов, оказание добрых услуг и осуществление других видов деятельности, требующих действий его посланников и специальных представителей.

Совет Безопасности подчеркивает важную роль Генерального секретаря в предотвращении вооруженных конфликтов. Совет выражает готовность рассмотреть соответствующие превентивные меры в отношении ситуаций, которые доводятся до его сведения государствами или Генеральным секретарем и которые, по его мнению, могут угрожать международному миру и безопасности. Он предлагает Генеральному секретарю представлять членам Совета периодические доклады о таких спорах, включая, там, где это уместно, ранние предупреждения и предложения относительно принятия превен-

тивных мер. В этой связи Совет рекомендует Генеральному секретарю дополнительно укрепить его возможности по выявлению потенциальных угроз международному миру и безопасности и предлагает ему сообщить о любых потребностях, связанных с выполнением таких функций, в том числе о накоплении в Секретариате соответствующего опыта и знаний и укреплении базы ресурсов.

Совет Безопасности напоминает о том, что Силы превентивного развертывания Организации Объединенных Наций как первая миссия превентивного развертывания Организации Объединенных Наций предотвратили распространение конфликта и напряженности из региона в принимающую страну. Совет будет и впредь рассматривать вопрос об учреждении таких Превентивных миссий при соответствующих обстоятельствах.

Совет Безопасности будет рассматривать и такие другие превентивные меры, как создание демилитаризованных зон и превентивное разоружение. В полной мере сознавая обязанности других органов Организации Объединенных Наций, он подчеркивает огромное значение разоружения и нераспространения оружия массового уничтожения и средств его доставки для поддержания международного мира и безопасности. В частности, для предотвращения вооруженных конфликтов жизненно важен прогресс в деле препятствования и противодействия чрезмерному и дестабилизирующему накоплению стрелкового оружия и легких вооружений и их незаконному обороту. В ситуациях, когда речь идет о постконфликтном миростроительстве, Совет будет также принимать надлежащие меры к недопущению рецидива вооруженных конфликтов, в том числе с помощью соответствующих программ разоружения, демобилизации и реинтеграции бывших комбатантов. Совет признает все более важную роль, которую играют гражданские компоненты многофункциональных операций по поддержанию мира, и рассчитывает на повышение их роли в более широких превентивных усилиях.

Совет Безопасности напоминает о положениях статьи 39 Устава Организации Объединенных Наций, касающихся мер по предотвращению вооруженных конфликтов. Такие меры могут включать целевые санкции, в частности эмбарго на поставки оружия и другие принудительные меры. При введении таких мер Совет будет уделять особое внимание их потенциальной эффективности в достижении четко поставленных целей, стараясь при этом максимально избегать отрицательных побочных последствий гуманитарного характера.

Совет Безопасности признает связь предотвращения вооруженных конфликтов с содействием мирному урегулированию споров и обеспечением безопасности гражданского населения, в частности защитой жизни человека. Кроме того, Совет подчеркивает, что существующие международные уголовные трибуналы представляют собой полезные инструменты борьбы с безнаказанностью и, помогая сдерживать преступления против человечности, способны вносить вклад в предотвращение вооруженных конфликтов. В этой связи Совет признает историческую важность принятия Римского статута Международного уголовного суда.

Совет Безопасности признает важную роль, которую играют региональные организации и соглашения в предотвращении вооруженных конфликтов, в том числе путем выработки мер по укреплению доверия и безопасности. Совет также подчеркивает важное значение поддержки и совершенствования регионального потенциала раннего предупреждения. Он подчеркивает важное значение сотрудничества между Организацией Объединенных Наций и региональными организациями в осуществлении превентивной деятельности в соответствии с главой VIII Устава Организации Объединенных Наций. Совет приветствует совещания между Организацией Объединенных Наций, включая Совет Безопасности, и региональными организациями и рекомендует участникам по-прежнему уделять на этих совещаниях основное внимание вопросам, касающимся предотвращения вооруженных конфликтов.

Совет Безопасности будет и впредь проводить обзоры своей деятельности и стратегий в области предотвращения вооруженных конфликтов. Он рассмотрит возможность проведения дальнейших установочных обсуждений и укрепления своего сотрудничества с Экономическим и Социальным Советом. Совет рассмотрит также возможность проведения во время Ассамблеи тысячелетия заседания на уровне министров иностранных дел, посвященного вопросу о предотвращении вооруженных конфликтов.

Совет Безопасности продолжит заниматься этим вопросом».

Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций

*Утверждена резолюцией 55/2 Генеральной Ассамблеи
от 8 сентября 2000 года.*

Генеральная Ассамблея принимает нижеследующую Декларацию:

Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций

I. Ценности и принципы

1. Мы, главы государств и правительств, собрались в Центральных учреждениях Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке с 6 по 8 сентября 2000 года, на заре нового тысячелетия, чтобы вновь подтвердить нашу веру в Организацию и ее Устав как нерушимые основы более мирного, процветающего и справедливого мира.

2. Мы признаем, что помимо индивидуальной ответственности перед нашими собственными обществами мы несем также коллективную ответственность за утверждение принципов человеческого достоинства, справедливости и равенства на глобальном уровне. Поэтому мы как руководители ответственны перед всеми жителями Земли, особенно перед наиболее уязвимыми из них, и в частности перед детьми мира, которым принадлежит будущее.

3. Мы вновь заявляем о нашей приверженности целям и принципам Устава Организации Объединенных Наций, которые доказали свою неподвластность времени и универсальный характер. Их актуальность и способность служить источником вдохновения возрастают по мере того, как страны и народы становятся все более взаимосвязанными и взаимозависимыми.

4. Мы преисполнены решимости установить справедливый и прочный мир во всем мире в соответствии с целями и принципами Устава. Мы подтверждаем свое обязательство поддерживать все усилия, направленные на обеспечение суверенного равенства всех государств; уважения их территориальной целостности и политической независимости; урегулирования споров мирными средствами и в со-

ответствии с принципами справедливости и международного права; права на самоопределение народов, все еще находящихся под колониальным господством и иностранной оккупацией; невмешательства во внутренние дела государств; уважения прав человека и основных свобод; соблюдения равных прав для всех без различия расы, пола, языка и религии; и международного сотрудничества в решении международных проблем экономического, социального, культурного или гуманитарного характера.

5. Мы считаем, что главной задачей, стоящей перед нами сегодня, является обеспечение того, чтобы глобализация стала позитивным фактором для всех народов мира. Это связано с тем, что, хотя глобализация открывает широкие возможности, ее благами сейчас пользуются весьма неравномерно и неравномерно распределяются ее издержки. Мы осознаем, что развивающиеся страны и страны с переходной экономикой сталкиваются с особыми трудностями в плане принятия мер в связи с решением этой главной задачи. Именно поэтому глобализация может обрести полностью всеохватывающий и справедливый характер лишь через посредство широкомасштабных и настойчивых усилий по формированию общего будущего, основанного на нашей общей принадлежности к роду человеческому во всем его многообразии. Эти усилия должны включать политику и меры на глобальном уровне, которые отвечали бы потребностям развивающихся стран и стран с переходной экономикой и которые разрабатывались бы и осуществлялись при их эффективном участии.

6. Мы считаем, что существенно важное значение для международных отношений в XXI веке будет иметь ряд фундаментальных ценностей. К ним относятся:

- **Свобода.** Мужчины и женщины имеют право жить и растить своих детей в достойных человека условиях, свободных от голода и страха насилия, угнетения и несправедливости. Лучшей гарантией этих прав является демократическая форма правления, основанная на широком участии и воле народа.
- **Равенство.** Ни один человек и ни одна страна не должны лишаться возможности пользоваться благами развития. Должно быть гарантировано равенство прав и возможностей мужчин и женщин.
- **Солидарность.** Глобальные проблемы должны решаться при справедливом распределении издержек и бремени в соответствии с фундаментальными принципами равенства и социальной

справедливости. Те, кто страдает или находится в наименее благоприятном положении, заслуживают помощи со стороны тех, кто находится в наиболее благоприятном положении.

- **Терпимость.** При всем многообразии вероисповеданий, культур и языков люди должны уважать друг друга. Различия в рамках обществ и между обществами не должны ни пугать, ни служить поводом для преследований, а должны пестоваться в качестве ценнейшего достояния человечества. Следует активно поощрять культуру мира и диалог между всеми цивилизациями.
- **Уважение к природе.** В основу охраны и рационального использования всех живых организмов и природных ресурсов должна быть положена осмотрительность в соответствии с постулатами устойчивого развития. Только таким образом можно сохранить для наших потомков те огромные богатства, которые дарованы нам природой. Нынешние неустойчивые модели производства и потребления должны быть изменены в интересах нашего будущего благосостояния и благополучия наших потомков.
- **Общая обязанность.** Обязанность по управлению глобальным экономическим и социальным развитием, а также устранению угроз международному миру и безопасности должна разделяться между народами мира и осуществляться на многосторонней основе. Центральную роль в этом должна играть Организация Объединенных Наций как наиболее универсальная и самая представительная организация в мире.

7. С тем чтобы претворить эти общие ценности в конкретные действия, мы определили те ключевые цели, которым мы придаем особо важное значение.

II. Мир, безопасность и разоружение

8. Мы приложим все усилия к тому, чтобы освободить наши народы от бедствий войн, будь то внутри государств или между государствами, войн, которые за последнее десятилетие унесли более 5 миллионов жизней. Мы будем также добиваться устранения угроз, создаваемых оружием массового уничтожения.

9. Поэтому мы преисполнены решимости:

- укреплять уважение к принципу верховенства права, причем как в международных, так и во внутренних делах, и в частности обеспечивать выполнение государствами-членами решений Международного Суда, во исполнение Устава Организации Объединенных Наций, по любым делам, сторонами которых они являются;
- повышать эффективность Организации Объединенных Наций в деле поддержания мира и безопасности путем предоставления в ее распоряжение ресурсов и инструментов, необходимых ей для предотвращения конфликтов, мирного разрешения споров, проведения операций по поддержанию мира, постконфликтного миростроительства и реконструкции. В этой связи мы принимаем к сведению доклад Группы по операциям Организации Объединенных Наций в пользу мира и просим Генеральную Ассамблею оперативно рассмотреть ее рекомендации;
- укреплять сотрудничество между Организацией Объединенных Наций и региональными организациями в соответствии с положениями главы VII Устава;
- обеспечить соблюдение государствами-участниками договоров в таких областях, как контроль над вооружениями и разоружение, и норм международного гуманитарного права и права в области прав человека и призвать все государства рассмотреть возможность подписания и ратификации Римского статута Международного уголовного суда;
- предпринять согласованные действия по борьбе против международного терроризма и присоединиться как можно скорее ко всем соответствующим международным конвенциям;
- удвоить наши усилия по осуществлению принятого нами обязательства поставить заслон всемирной проблеме наркотиков;
- активизировать наши усилия по борьбе с транснациональной преступностью во всех ее аспектах, включая торговлю людьми и их контрабандный провоз и «отмывание» денег;
- свести к минимуму неблагоприятные последствия вводимых Организацией Объединенных Наций экономических санкций для ни в чем не повинных групп населения; обеспечить регулярный пересмотр режимов таких санкций; и исключить неблагоприятные последствия санкций для третьих сторон;
- добиваться ликвидации оружия массового уничтожения, особенно ядерного оружия, и сохранять открытыми все имею-

щиеся возможности для достижения этой цели, включая возможность созыва международной конференции для определения путей и способов устранения ядерной угрозы;

- предпринять согласованные действия для прекращения незаконного оборота стрелкового оружия и легких вооружений, особенно посредством обеспечения большей транспарентности в области передачи оружия и поддержки региональных мер по разоружению, принимая во внимание все рекомендации предстоящей конференции Организации Объединенных Наций по проблеме незаконной торговли стрелковым оружием и легкими вооружениями;
- обратиться ко всем государствам с призывом рассмотреть возможность присоединения к Конвенции о запрещении применения, накопления запасов, производства и передачи противопехотных мин и об их уничтожении, а также измененному Протоколу о минах к Конвенции о конкретных видах обычного оружия.

10. Мы настоятельно призываем государства-члены соблюдать «олимпийское перемирие», индивидуально и коллективно, в настоящее время и в будущем, и поддерживать Международный олимпийский комитет в его усилиях по поощрению мира и взаимопонимания между людьми посредством спорта и воплощения олимпийских идеалов.

III. Развитие и искоренение нищеты

11. Мы приложим все усилия к тому, чтобы избавить наших соплеменников, мужчин, женщин и детей, от унижающей человеческое достоинство крайней нищеты, в условиях которой в настоящее время вынуждены жить более миллиарда из них. Мы привержены тому, чтобы превратить право на развитие в реальность для всех и избавить весь род человеческий от нужды.

12. В этой связи мы твердо намерены создать, как на национальном, так и на глобальном уровне, условия, благоприятствующие развитию и ликвидации нищеты.

13. Успех в достижении этих целей зависит, в частности, от обеспечения благого управления в каждой стране. Он также зависит от обеспечения благого управления на международном уровне и транспарентности в финансовой, кредитно-денежной и торговой системах. Мы привержены формированию открытой, справедливой, регулируемой, предсказуемой и недискриминационной многосторонней торговой и финансовой системы.

14. Мы обеспокоены теми препятствиями, с которыми сталкиваются развивающиеся страны в деле мобилизации ресурсов, необходимых для финансирования их устойчивого развития. Поэтому мы будем прилагать все усилия к обеспечению успеха Международного и межправительственного мероприятия высокого уровня по финансированию развития, которое состоится в 2001 году.

15. Мы также обязуемся содействовать удовлетворению особых потребностей наименее развитых стран. В этой связи мы приветствуем созыв в мае 2001 года третьей Конференции Организации Объединенных Наций по наименее развитым странам и будем стремиться обеспечить ее успешное проведение. Мы призываем промышленно развитые страны:

- принять, предпочтительно до начала работы этой Конференции, комплекс мер по обеспечению беспопышного и неукротимого доступа практически всех экспортных товаров наименее развитых стран на свои рынки;
- без дальнейших промедлений приступить к осуществлению расширенной программы по облегчению долгового бремени бедных стран с высоким уровнем задолженности и согласиться на списание всей официальной двусторонней задолженности этих стран в обмен на принятие ими твердых обязательств в области борьбы с нищетой;
- и оказывать более щедрую помощь в целях развития, особенно тем странам, которые действительно пытаются использовать имеющиеся у них ресурсы для сокращения масштабов нищеты.

16. Мы также преисполнены решимости всеобъемлющим образом и эффективно урегулировать проблемы задолженности развивающихся стран с низким и средним уровнем дохода на основе принятия различных национальных и международных мер, направленных на

то, чтобы вывести их задолженность на приемлемый уровень в долгосрочной перспективе.

17. Мы также твердо намерены решать проблему особых потребностей малых островных развивающихся государств путем осуществления Барбадосской программы действий и решений двадцать второй специальной сессии Генеральной Ассамблеи оперативно и в полном объеме. Мы настоятельно призываем международное сообщество обеспечить, чтобы при разработке показателя уязвимости учитывались особые потребности малых островных развивающихся государств.

18. Мы признаем особые потребности и проблемы развивающихся стран, не имеющих выхода к морю, и настоятельно призываем как двусторонних, так и многосторонних доноров увеличить объем финансовой и технической помощи этой группе стран в целях удовлетворения их особых потребностей в области развития и содействовать им в преодолении обусловленных их географическим положением трудностей путем совершенствования их транзитных транспортных систем.

19. Мы также преисполнены решимости:

- сократить вдвое к 2015 году долю населения земного шара, имеющего доход менее одного доллара в день, и долю населения, страдающего от голода, а также сократить вдвое к тому же сроку долю населения Земного шара, не имеющего доступа к безопасной питьевой воде, в том числе из-за нехватки средств;
- обеспечить, чтобы к тому же сроку у детей во всем мире, как у мальчиков, так и у девочек, была возможность получать в полном объеме начальное школьное образование и чтобы девочки и мальчики имели равный доступ ко всем уровням образования;
- к тому же сроку добиться снижения материнской смертности на три четверти и смертности среди детей в возрасте до 5 лет на две трети по сравнению с их нынешними уровнями;
- к указанному сроку остановить распространение ВИЧ/СПИДа, малярии и других основных болезней, от которых страдает человечество, и положить начало тенденции к сокращению их масштабов;

- предоставлять особую помощь детям, лишившимся родителей из-за ВИЧ/СПИДа;
- к 2020 году обеспечить существенное улучшение жизни как минимум 100 миллионов обитателей трущоб, как это предусмотрено инициативой «Города без трущоб».

20. Мы также преисполнены решимости:

- способствовать равенству мужчин и женщин и расширению прав и возможностей женщин как эффективным средствам борьбы с нищетой, голодом и болезнями и стимулирования развития, носящего подлинно устойчивый характер;
- разработать и осуществить стратегии, дающие молодым людям во всем мире реальный шанс находить достойную и продуктивную работу;
- поощрять фармацевтическую промышленность к обеспечению более широкого распространения основных лекарств и их большей доступности для всех, кто в них нуждается в развивающихся странах;
- наладить прочные партнерские отношения с частным сектором и организациями гражданского общества во имя развития и искоренения нищеты;
- принять меры к тому, чтобы все могли пользоваться благами новых технологий, особенно информационных и коммуникационных технологий, в соответствии с рекомендациями, содержащимися в Декларации министров на сессии ЭКОСОС 2000 года.

IV. Охрана нашей общей окружающей среды

21. Мы должны не жалеть усилий в деле избавления всего человечества, и прежде всего наших детей и внуков, от угрозы проживания на планете, которая будет безнадежно испорчена деятельностью человека и ресурсов которой более не будет, хватать для удовлетворения их потребностей.

22. Мы вновь заявляем о своей поддержке принципов устойчивого развития, в том числе тех, которые изложены в Повестке дня на XXI век, согласованной на Конференции Организации Объединенных Наций по окружающей среде и развитию.

23. В этой связи мы твердо намерены придерживаться во всей нашей экологической деятельности новой этики бережного и ответственного отношения к природе и для начала заявляем о своей решимости:

- приложить все усилия к тому, чтобы обеспечить вступление в силу Киотского протокола, предпочтительно к десятой годовщине Конференции Организации Объединенных Наций по окружающей среде и развитию в 2002 году, и приступить к предусмотренному им сокращению выбросов парниковых газов;
- активизировать наши коллективные усилия по лесоустройству, сохранению всех типов лесов и устойчивому развитию лесного хозяйства;
- добиваться полного осуществления Конвенции о биологическом разнообразии и Конвенции по борьбе с опустыниванием в тех странах, которые испытывают серьезную засуху и/или опустынивание, особенно в Африке;
- остановить нерациональную эксплуатацию водных ресурсов, разрабатывая стратегии водохозяйственной деятельности на региональном, национальном и местном уровнях, способствующие справедливому доступу к воде и ее достаточному предложению;
- активизировать сотрудничество в целях сокращения числа и последствий стихийных бедствий и антропогенных катастроф;
- обеспечить свободный доступ к информации о геноме человека.

V. Права человека, демократия и благое управление

24. Мы не пожалеем усилий для поощрения демократии и укрепления правопорядка, а также для обеспечения уважения всех международно признанных прав человека и основных свобод, включая право на развитие.

25. Поэтому мы преисполнены решимости:

- полностью уважать и поддерживать Всеобщую декларацию прав человека;
- добиваться полной защиты и поощрения во всех наших странах гражданских, политических, экономических, социальных и культурных прав для всех;
- укреплять потенциал всех наших стран для претворения в жизнь принципов и практики демократии и уважения прав человека, включая права меньшинств;

- вести борьбу со всеми формами насилия в отношении женщин и осуществлять Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин;
- принять меры по обеспечению уважения и защиты прав человека мигрантов, трудящихся-мигрантов и членов их семей, прекращению учащающихся во многих обществах проявлений расизма и ксенофобии и поощрению большего согласия и терпимости во всех обществах;
- коллективно добиваться большей открытости политических процессов, создавая условия для подлинного участия в них всех граждан во всех наших странах;
- обеспечить средствам массовой информации свободу выполнять присущую им важную функцию, а также право общественности на доступ к информации.

VI. Защита уязвимых

26. Мы приложим все усилия к тому, чтобы детям, а также всему гражданскому населению, которое испытывает наибольшие страдания в результате стихийных бедствий, геноцида, вооруженных конфликтов и других чрезвычайных гуманитарных ситуаций, предоставлялась всяческая помощь и защита с целью их скорейшего возвращения к нормальной жизни.

Поэтому мы преисполнены решимости:

- расширять и укреплять деятельность по защите гражданского населения в сложных чрезвычайных ситуациях в соответствии с международным гуманитарным правом;
- укреплять международное сотрудничество, включая совместное несение бремени гуманитарной помощи странам, принимающим беженцев, и ее координацию; и помогать всем беженцам и перемещенным лицам на добровольной основе возвращаться в свои дома в условиях безопасности и достоинства и беспрепятственно реинтегрироваться в свои общества;
- поощрять ратификацию и полное осуществление Конвенции о правах ребенка и факультативных протоколов к ней, касающихся участия детей в вооруженных конфликтах и торговли детьми, детской проституции и детской порнографии.

VII. Удовлетворение особых потребностей Африки

27. Мы будем поддерживать укрепление демократии в Африке и помогать африканцам в их борьбе за прочный мир, искоренение нищеты и устойчивое развитие, тем самым вовлекая Африку в основное русло развития мировой экономики.

28. Поэтому мы преисполнены решимости:

- в полной мере поддерживать политические и институциональные структуры зарождающихся демократий в Африке;
- стимулировать и поддерживать региональные и субрегиональные механизмы предупреждения конфликтов и поощрения политической стабильности и обеспечивать надежный приток ресурсов для миротворческих операций на континенте;
- принять особые меры для решения проблем искоренения нищеты и устойчивого развития в Африке, включая списание задолженности, улучшение доступа к рынкам, расширение официальной помощи в целях развития (ОПР) и увеличение потоков прямых иностранных инвестиций (ПИИ), а также передачу технологии;
- помочь Африке создать свой потенциал для обуздания пандемии ВИЧ/СПИДа и других инфекционных заболеваний.

VIII Укрепление Организации Объединенных Наций

29. Мы приложим все усилия к тому, чтобы превратить Организацию Объединенных Наций в более эффективный инструмент для решения всех этих первоочередных задач: борьбы за развитие для всех народов мира, борьбы с нищетой, невежеством и болезнями; борьбы с несправедливостью; борьбы с насилием, террором и преступностью; и борьбы с деградацией и разрушением нашего общего дома.

30. Поэтому мы преисполнены решимости:

- подтвердить центральное место Генеральной Ассамблеи как главного совещательного, директивного и представительного органа Организации Объединенных Наций и дать ей возможность эффективно играть эту роль;

- активизировать наши усилия по проведению всеобъемлющей реформы Совета Безопасности во всех ее аспектах;
- продолжать укреплять Экономический и Социальный Совет, опираясь на его последние достижения, с тем чтобы помочь ему выполнять роль, предписанную ему в Уставе;
- укреплять Международный Суд, с тем чтобы обеспечить правосудие и верховенство права в международных делах;
- поощрять регулярные консультации и координацию между главными органами Организации Объединенных Наций в выполнении ими своих функций;
- обеспечить наделение Организации на своевременной и предсказуемой основе ресурсами, необходимыми ей для выполнения ее мандатов;
- настоятельно призвать Секретариат наилучшим образом использовать эти ресурсы в соответствии с четкими правилами и процедурами, согласованными Генеральной Ассамблеей, в интересах всех государств-членов, посредством задействования наиболее эффективных методов управления и передовых технологий и путем сосредоточения усилий на выполнении тех задач, которые соответствуют согласованным приоритетам государств-членов;
- поощрять соблюдение Конвенции о безопасности персонала Организации Объединенных Наций и связанного с ней персонала;
- обеспечить большую согласованность политики и дальнейшее улучшение взаимодействия между Организацией Объединенных Наций, ее учреждениями, бреттон-вудскими учреждениями и Всемирной Торговой Организацией, а также другими многосторонними органами в целях обеспечения полностью скоординированного подхода к проблемам мира и развития;
- продолжать укреплять сотрудничество между Организацией Объединенных Наций и национальными парламентами через их всемирную организацию — Межпарламентский союз — в различных областях, включая мир и безопасность, экономическое и социальное развитие, международное право и права человека, демократию и гендерные вопросы;
- предоставить частному сектору, неправительственным организациям и гражданскому обществу в целом более широкие возможности для содействия достижению целей и осуществлению программ Организации.

31. Мы просим Генеральную Ассамблею регулярно рассматривать ход осуществления положений настоящей Декларации и просим Генерального секретаря публиковать периодические доклады для рассмотрения Генеральной Ассамблеей и в качестве основы для принятия дальнейших мер.

32. Пользуясь этой исторической возможностью, мы вновь торжественно заявляем о том, что Организация Объединенных Наций является незаменимым общим домом для всего человечества и что через нее мы будем стремиться воплотить в жизнь свое общее стремление к миру, сотрудничеству и развитию. Поэтому мы торжественно обещаем всемерно поддерживать эти общие цели и заявляем о нашей решимости обеспечить их достижение.

ВАРШАВСКАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ

К сообществу демократий

Мы, участники из

Республики Албания, Алжирской Народной Демократической Республики, Аргентинской Республики, Республики Армения, Австралии, Республики Австрия, Азербайджанской Республики, Народной Республики Бангладеш, Королевства Бельгия, Белиза, Республики Бенин, Республики Боливия, Боснии и Герцеговины, Республики Ботсвана, Федеративной Республики Бразилия, Республики Болгария, Буркина-Фасо, Канады, Республики Кабо-Верде, Республики Чили, Республики Колумбия, Республики Коста-Рика, Республики Хорватия, Республики Кипр, Чешской Республики, Королевства Дания, Содружества Доминики, Доминиканской Республики, Республики Эквадор, Арабской Республики Египет, Республики Сальвадор, Республики Эстония, Республики Финляндия, Грузии, Федеративной Республики Германия, Республики Гватемала, Республики Гаити, Греческой Республики, Республики Венгрия, Республики Исландия, Республики Индия, Республики Индонезия, Ирландии, Государства Израиль, Итальянской Республики, Японии, Иорданского Хашемитского Королевства, Республики Кения, Республики Корея, Государства Кувейт, Республики Латвия, Королевства Лесото, Княжества Лихтенштейн, Республики Литва, Великого Герцогства Люксембург, бывшей Югославской Республики Македония, Республики Мадагаскар, Республики Малави, Республики Мали, Республики Мальта, Республики Мавритания, Мексики, Республики Молдова, Княжества Монако, Монголии, Королевства Марокко, Республики Мозамбик, Республики Намибия, Королевства Непал, Королевства Нидерландов, Новой Зеландии, Республики Никарагуа, Республики Нигер, Федеративной Республики Нигерия, Королевства Норвегия, Республики Панама, Папуа-Новой Гвинеи, Республики Парагвай, Республики Перу, Республики Филиппины, Республики Польша, Португальской Республики, Государства Катар, Румынии, Российской Федерации, Сент-Люсии, Демократической Республики Сан-Томе и Принсипи, Республики Сенегал, Республики Сейшелы, Словацкой Республики, Республики Словения, Южно-Африканской Республики, Королевства Испания, Демократической Социалистической Республики Шри-Ланка, Королевства Швеция, Швейцарской Конфедерации,

рации, Объединенной Республики Танзания, Королевства Таиланд, Республики Тунис, Республики Турция, Украины, Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, Соединенных Штатов Америки, Восточной Республики Уругвай, Боливарской Республики Венесуэла, Республики Йемен,

на совещании министров сообщества демократий, созванном в Варшаве 26-27 июня 2000 г.,

Выражая нашу общую приверженность целям и принципам, закрепленным в Уставе ООН и Всеобщей декларации прав человека,

Вновь подтверждая наше обязательство уважать соответствующие документы международного права,

Подчеркивая взаимозависимость между миром, развитием, правами человека и демократией,

Признавая универсальность демократических ценностей,

Настоящим соглашаемся уважать и отстаивать следующие основные демократические принципы и практику:

- Основой власти правительства будет воля людей, выражаемая посредством осуществления гражданами права и гражданских обязанностей выбирать своих представителей с помощью периодических, свободных и справедливых выборов с всеобщим и равным избирательным правом, открытых для разнообразных партий и проводимых тайным голосованием под контролем независимых избирательных властей, свободных от мошенничества и запугивания.
- Право каждой личности на равный доступ к общественной службе и участию в ведении общественных дел непосредственно или через свободно избранных представителей.
- Право каждой личности на равную защиту перед законом без какой-либо дискриминации по признакам расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, националь-

ного или социального происхождения, имущественного положения, рождения или иного обстоятельства.

- Право каждой личности на свободу мнения и выражения, включая обмен и получение идей и информации с помощью средств массовой информации, независимо от государственных границ.
- Право каждой личности на свободу мысли, совести и религии.
- Право каждой личности на равный доступ к получению образования.
- Право прессы на сбор, сообщение и распространение информации, новостей и мнений, которое может подвергаться только таким ограничениям, которые необходимы в демократическом обществе и в соответствии с законом, принимая при этом во внимание складывающуюся международную практику в этой области.
- Право каждой личности на уважение частной семейной жизни, жилища, корреспонденции, включая электронные средства коммуникации, свободные от произвольного или незаконного вмешательства.
- Право каждой личности на свободу мирных собраний и ассоциаций, включая создание и вступление в свои собственные политические партии, гражданские группы, профсоюзы или иные организации с необходимыми правовыми гарантиями, позволяющими им действовать свободно на основе равного положения перед законом.
- Право лиц, принадлежащих к меньшинствам или уязвимым группам, на равную защиту законом и свободу пользоваться своей собственной культурой, исповедовать свою религию и пользоваться своим родным языком.
- Право каждой личности быть свободной от произвольного ареста или задержания, пыток и другого жестокого, негуманного или унижающего достоинство обращения, а также на соответствующее судебное разбирательство, включая презумпцию невиновности до доказани

- Вышеупомянутые права, которые являются существенными для полного и эффективного участия в демократическом обществе, будут подкреплены компетентной, независимой и беспристрастной судебной властью, открытой для общественности, установленной и охраняемой законом.
- Избранные лидеры будут придерживаться закона и действовать строго в соответствии с конституцией своей страны и процедурами, установленными законом.
- Право должным образом избранных лиц формировать правительство, занимать должности и исполнять служебные обязанности в соответствии с законом.
- Обязательство избранного правительства воздерживаться от неконституционных действий, разрешать проведение периодических выборов и уважать их результаты, а также оставлять власть по истечении срока действия мандата.
- Правительственные учреждения должны быть прозрачными, представительными и полностью подотчетными гражданам страны и должны предпринимать шаги для борьбы с коррупцией, которая разлагает демократию.
- Законодательная власть будет должным образом избираться и должна быть прозрачной и подотчетной народу.
- Должен быть установлен и сохраняться впредь гражданский демократический контроль над военными.
- Все права человека — гражданские, культурные, экономические, политические и социальные — будут развиваться и защищаться в соответствии с Всеобщей декларацией прав человека и другими соответствующими инструментами в области прав человека.

Сообщество демократий подтверждает свою решимость работать вместе для развития и упрочения демократии, признавая, что мы находимся на различных ступенях нашего демократического развития. Мы будем сотрудничать с целью консолидации и укрепления демократических институтов с должным уважением к суверенитету и

принципу невмешательства во внутренние дела. Нашей целью является поддержка приверженности общим демократическим ценностям и стандартам, как они изложены выше.

С этой целью правительства наших стран настоящим соглашаются придерживаться этих принципов на практике и поддерживать друг друга в достижении тех целей, которые мы для себя сегодня определяем.

Мы будем стремиться укреплять демократические институты и процессы. Мы признаем ценность обмена опытом во имя укрепления демократии и выявления лучших методов. Мы будем поддерживать проведение дискуссий и, когда это будет необходимо, созывать форумы по предметам, имеющим отношение к демократическому правлению, с целью продолжения и углубления диалога по вопросам демократизации. Мы сконцентрируем наши усилия на наших общих принципах и ценностях, а не на отдельных двусторонних проблемах между членами. Мы полны решимости совместно противостоять угрозе демократии, возникающей в результате свержения конституционно избранных правительств. Мы полны решимости усилить сотрудничество, чтобы противостоять транснациональным вызовам демократии, таким как поддерживаемый государствами, трансграничный или иной терроризм, организованная преступность, коррупция, контрабанда наркотиков, незаконная торговля оружием, торговля людьми и отмывание денег, действуя в соответствии с уважением прав человека каждого индивида и норм международного права.

Мы будем поощрять политических лидеров придерживаться таких ценностей, как терпимость и компромисс, которые скрепляют эффективную демократическую систему, и развивать уважение к плюрализму, так чтобы дать обществам возможность сохранить свой поликультурный характер и в то же самое время поддержать стабильность и социальное единство. Мы отвергаем этническую и религиозную ненависть, насилие и другие формы экстремизма. Мы будем также укреплять гражданское общество, включая женские организации, неправительственные организации, трудовые и коммерческие ассоциации и независимые средства массовой информации в осуществлении их демократических прав. Информированное участие всех элементов общества, мужчин и женщин, в экономической и политической жизни страны, включая лиц, принадлежащих к меньшинст-

вам, является основополагающим для динамично развивающейся и устойчивой демократии.

Мы будем помогать укреплять межправительственные связи и связи между народами, а также развивать гражданское образование и грамотность, включая обучение демократии. На этой основе мы будем укреплять демократические институты и практику и поддерживать распространение демократических норм и ценностей.

Мы будем сотрудничать с соответствующими учреждениями и международными организациями, гражданским обществом и правительствами с целью координации поддержки новых и возникающих демократических обществ.

Мы признаем важность роли граждан в улучшении условий жизни. Мы также признаем взаимноусиливающиеся выгоды, которые предоставляет демократический процесс для достижения устойчивого экономического роста. С этой целью мы будем стремиться помогать друг другу в экономическом и социальном развитии, включая искоренение бедности в качестве главного способствующего фактора укрепления и сохранения экономического развития.

Мы будем сотрудничать по вопросам, связанным с демократией, в существующих международных и региональных учреждениях, формируя коалиции и рабочие группы для поддержки резолюций, и в другой международной деятельности, направленной на укрепление демократического правления. Это окажет помощь в создании внешней среды, способствующей демократическому развитию.

27 июня 2000 г.

ЕВРОПЕЙСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ О ВАЖНЕЙШИХ ВНУТРЕННИХ ВОДНЫХ ПУТЯХ МЕЖДУНАРОДНОГО ЗНАЧЕНИЯ (СМВП)

*Соглашение подписано Россией 26 сентября 1997 г.
(Постановление Правительства от 24.09.1997 г. № 1211)
и утверждено Постановлением Правительства от 21.07.2000 г.
№ 547 5 ноября 2000 г. вступило в силу для России*

ЕВРОПЕЙСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ О ВАЖНЕЙШИХ ВНУТРЕННИХ ВОДНЫХ ПУТЯХ МЕЖДУНАРОДНОГО ЗНАЧЕНИЯ (СМВП)

ДОГОВАРИВАЮЩИЕСЯ СТОРОНЫ,

СОЗНАВАЯ необходимость облегчения и развития в Европе международных перевозок внутренним водным транспортом,

УЧИТЫВАЯ ожидаемое увеличение грузовых международных перевозок в результате расширения международной торговли,

ПОДЧЕРКИВАЯ важную роль внутреннего водного транспорта, который по сравнению с другими видами внутреннего транспорта располагает экономическими и экологическими преимуществами и характеризуется наличием избыточной инфраструктуры и грузоподъемности судов и поэтому может обусловить снижение социальных издержек и негативного воздействия на окружающую среду со стороны внутреннего транспорта в целом,

БУДУЧИ УБЕЖДЕННЫМИ, что для повышения эффективности международных перевозок во внутреннем водном сообщении в Европе и их привлекательности для потребителей необходимо создать правовую базу, определяющую согласованный план развития и строительства сети внутренних водных путей международного значения на основе согласованных параметров инфраструктуры и эксплуатационных параметров,

ДОГОВОРИЛИСЬ о нижеследующем:

Статья 1 ОПРЕДЕЛЕНИЕ СЕТИ

Договаривающиеся стороны принимают положения настоящего Соглашения в качестве согласованного плана развития и строительства сети внутренних водных путей, именуемой далее «сетью внутренних водных путей международного значения» или «сетью водных путей категории Е», который они намерены осуществить в рамках своих соответствующих программ. Сеть водных путей категории Е включает внутренние водные пути и порты международного значения, которые указаны в приложениях I и II к настоящему Соглашению.

Статья 2 ТЕХНИЧЕСКИЕ И ЭКСПЛУАТАЦИОННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СЕТИ

Сеть внутренних водных путей международного значения, о которой говорится в статье 1, должна соответствовать характеристикам, указанным в приложении III к настоящему Соглашению, либо будет приведена в соответствие с положениями этого приложения в ходе работ по дальнейшей модернизации.

Статья 3 ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложения к настоящему Соглашению являются составной частью Соглашения.

Статья 4 ОПРЕДЕЛЕНИЕ ДЕПОЗИТАРИЯ

Депозитарием настоящего Соглашения является Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций.

Статья 5 ПОДПИСАНИЕ

1. Настоящее Соглашение открыто для подписания в Отделении Организации Объединенных Наций в Женеве государствами, которые являются членами Европейской экономической комиссии Организации Объединенных Наций либо допущены к участию в работе Комиссии с консультативным статусом в соответствии с пунктами 8 и 11 Положения о круге ведения Комиссии, с 1 октября 1996 года до 30 сентября 1997 года.
2. Такое подписание подлежит ратификации, принятию или утверждению.

Статья 6 РАТИФИКАЦИЯ, ПРИНЯТИЕ ИЛИ УТВЕРЖДЕНИЕ

1. Настоящее Соглашение подлежит ратификации, принятию или утверждению в соответствии с пунктом 2 статьи 5.
2. Ратификация, принятие или утверждение осуществляются путем сдачи на хранение Генеральному секретарю Организации Объединенных Наций соответствующего документа.

Статья 7 ПРИСОЕДИНЕНИЕ

1. К настоящему Соглашению может присоединиться любое государство, указанное в пункте 1 статьи 5, с 1 октября 1996 года.
2. Присоединение осуществляется путем сдачи на хранение Генеральному секретарю Организации Объединенных Наций соответствующего документа.

Статья 8 ВСТУПЛЕНИЕ В СИЛУ

1. Настоящее Соглашение вступает в силу по истечении 90 дней с того дня, в который правительства пяти государств сдадут на хранение документ о ратификации, принятии, утверждении или присоединении при условии, что один или несколько внутренних водных путей сети внутренних водных путей международного значения непре-

рывно соединяют территории по крайней мере трех государств, сдавших на хранение такой документ.

2. В случае невыполнения этого условия Соглашение вступает в силу по истечении 90 дней со дня сдачи на хранение документа о ратификации, принятии, утверждении или присоединении, при наличии которого это условие будет выполнено.

3. В отношении каждого государства, которое сдаст на хранение документ о ратификации, принятии, утверждении или присоединении после даты, начиная с которой исчисляется срок 90 дней, указанный в пунктах 1 и 2 настоящей статьи. Соглашение вступает в силу по истечении 90 дней со дня сдачи на хранение этого документа.

Статья 9

ОГРАНИЧЕНИЯ В ПРИМЕНЕНИИ НАСТОЯЩЕГО СОГЛАШЕНИЯ

1. Никакое положение настоящего Соглашения не должно толковаться как препятствующее какой-либо из Договаривающихся сторон принимать совместимые с Уставом Организации Объединенных Наций и ограниченные сложившейся ситуацией меры, которые она считает необходимыми для обеспечения своей внешней или внутренней безопасности.

2. Эти меры, которые должны носить временный характер, немедленно доводятся до сведения депозитария с указанием их характера.

Статья 10

УРЕГУЛИРОВАНИЕ СПОРОВ

1. Любой спор между двумя или более Договаривающимися сторонами относительно толкования или применения настоящего Соглашения, который Стороны в споре не могут разрешить путем переговоров или другими средствами урегулирования, передается в арбитраж по заявлению одной из Договаривающихся сторон, между которыми возник спор, и представляется на рассмотрение соответственно одному или нескольким арбитрам, избираемым по общему согласию Сторон в споре. Если в течение трех месяцев со дня представления просьбы о рассмотрении дела в арбитраже Стороны в споре не придут к согласию относительно выбора арбитра или арбитров, любая из этих Сторон может обратиться к Генеральному секретарю Орга-

низации Объединенных Наций с просьбой о назначении единого арбитра, которому спор передается на разрешение.

2. Решение арбитра или арбитров, назначенных в соответствии с положениями пункта 1 настоящей статьи, имеет обязательную силу для Договаривающихся сторон в споре.

Статья 11 ОГОВОРКИ

Любое государство может при подписании настоящего Соглашения или при сдаче на хранение документа о ратификации, принятии, утверждении или присоединении сделать заявление о том, что оно не считает себя связанным статьей 10 настоящего Соглашения.

Статья 12 ВНЕСЕНИЕ ПОПРАВОК В СОГЛАШЕНИЕ

1. В настоящее Соглашение могут вноситься поправки в соответствии с процедурой, предусмотренной в настоящей статье, за исключением случаев, предусмотренных в статьях 13 и 14.

2. По просьбе любой Договаривающейся стороны любая предложенная ею поправка к настоящему Соглашению рассматривается Основной рабочей группой по внутреннему водному транспорту Европейской экономической комиссии Организации Объединенных Наций.

3. В случае одобрения предложенной поправки большинством в две трети присутствующих и участвующих в голосовании Договаривающихся сторон Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций препровождает ее всем Договаривающимся сторонам для ее принятия.

4. Любая предложенная поправка, препровождаемая в соответствии с пунктом 3 настоящей статьи, вступает в силу в отношении всех Договаривающихся сторон через три месяца с момента истечения периода продолжительностью двенадцать месяцев, который исчисляется с даты ее препровождения, если в течение этого двенадцатимесячного периода Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций не будет уведомлен о возражении против предлагаемой поправки каким-либо государством, являющимся Договаривающейся стороной.

5. Если против предлагаемой поправки было направлено уведомление о возражении в соответствии с пунктом 4 настоящей статьи, поправка считается непринятой и не имеет силы.

Статья 13

ВНЕСЕНИЕ ПОПРАВОК В ПРИЛОЖЕНИЯ I И II

1. В приложения I и II к настоящему Соглашению могут вноситься поправки в соответствии с процедурой, изложенной в настоящей статье.

2. По просьбе любой Договаривающейся стороны любая предложенная ею поправка к приложениям I и II к настоящему Соглашению рассматривается Основной рабочей группой по внутреннему водному транспорту Европейской экономической комиссии Организации Объединенных Наций.

3. В случае одобрения предложенной поправки большинством присутствующих и участвующих в голосовании Договаривающихся сторон Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций препровождает ее непосредственно заинтересованным Договаривающимся сторонам для ее принятия. Для целей настоящей статьи Договаривающаяся сторона считается непосредственно заинтересованной, если в случае включения нового внутреннего водного пути или порта международного значения или в случае их соответствующего изменения ее территория пересекается этим внутренним водным путем или если рассматриваемый порт расположен на указанной территории.

4. Любая предложенная поправка, препровождаемая в соответствии с пунктами 2 и 3 настоящей статьи, считается принятой, если в течение шести месяцев с даты ее препровождения депозитарием ни одна из непосредственно заинтересованных Договаривающихся сторон не уведомит Генерального секретаря Организации Объединенных Наций о том, что она возражает против предложенной поправки.

5. Любая принятая таким образом поправка препровождается Генеральным секретарем Организации Объединенных Наций всем Договаривающимся сторонам и вступает в силу через три месяца со дня препровождения ее депозитарием.

6. Если против предлагаемой поправки было направлено уведомление о возражении в соответствии с пунктом 4 настоящей статьи, поправка считается не принятой и не имеет силы.

7. Секретариат Европейской экономической комиссии безотлагательно информирует депозитария о Договаривающихся сторонах, которые непосредственно заинтересованы в предложенной поправке.

Статья 14

ВНЕСЕНИЕ ПОПРАВОК В ПРИЛОЖЕНИЕ III

1. В приложение III к настоящему Соглашению могут вноситься поправки в соответствии с процедурой, предусмотренной в настоящей статье.

2. По просьбе любой Договаривающейся стороны любая предложенная ею поправка к приложению III к настоящему Соглашению рассматривается Основной рабочей группой по внутреннему водному транспорту Европейской экономической комиссии Организации Объединенных Наций.

3. В случае одобрения предложенной поправки большинством присутствующих и участвующих в голосовании Договаривающихся сторон Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций препровождает ее всем Договаривающимся сторонам для ее принятия.

4. Любая предложенная поправка, препровождаемая в соответствии с пунктом 3 настоящей статьи, считается принятой, если в течение шести месяцев с даты ее препровождения одна пятая или более Договаривающихся сторон не уведомит Генерального секретаря Организации Объединенных Наций о том, что они возражают против предложенной поправки.

5. Любая поправка, принятая в соответствии с пунктом 4 настоящей статьи, препровождается Генеральным секретарем Организации Объединенных Наций всем Договаривающимся сторонам и вступает в силу через три месяца со дня ее препровождения в отношении всех Договаривающихся сторон, за исключением тех, которые уже уведомили Генерального секретаря Организации Объединенных Наций о своем возращении против предлагаемой поправки в течение шести месяцев со дня ее препровождения в соответствии с пунктом 4 настоящей статьи.

6. Если одна пятая или более Договаривающихся сторон уведомит о возращении против предложенной поправки в соответствии с пунктом 4 настоящей статьи, поправка считается не принятой и не имеет силы.

Статья 15 ДЕНОНСАЦИЯ

1. Любая Договаривающаяся сторона может денонсировать настоящее Соглашение путем письменного уведомления, адресованного Генеральному секретарю Организации Объединенных Наций.
2. Денонсация вступает в силу по истечении одного года со дня получения Генеральным секретарем указанного уведомления.

Статья 16 ПРЕКРАЩЕНИЕ ДЕЙСТВИЯ

Если после вступления в силу настоящего Соглашения число Договаривающихся сторон составит менее пяти в течение какого-либо периода последовательных двенадцати месяцев. Соглашение теряет силу по истечении двенадцати месяцев после даты, начиная с которой пятое государство перестало быть Договаривающейся стороной.

Статья 17 УВЕДОМЛЕНИЯ И СООБЩЕНИЯ ДЕПОЗИТАРИЯ

Помимо таких уведомлений и сообщений, которые могут определяться в настоящем Соглашении, функции Генерального секретаря Организации Объединенных Наций как депозитария определяются в Части VII Венской конвенции о праве международных договоров, совершена 23 мая 1969 года.

Статья 18 АУТЕНТИЧНЫЕ ТЕКСТЫ

Подлинник настоящего Соглашения, тексты которого на английском, русском и французском языках являются равно аутентичными, сдается на хранение Генеральному секретарю Организации Объединенных Наций.

В УДОСТОВЕРЕНИЕ ЧЕГО нижеподписавшиеся, должным образом на то уполномоченные, подписали настоящее Соглашение. Совершено в Женеве девятнадцатого января 1996 года.

ВНУТРЕННИЕ ВОДНЫЕ ПУТИ МЕЖДУНАРОДНОГО ЗНАЧЕНИЯ

Нумерация внутренних водных путей международного значения

1. Все внутренние водные пути международного значения (водные пути категории Е) имеют двух-, четырех- или шестизначные номера, которым предшествует буква «Е».
2. Основные элементы сети водных путей категории Е имеют двузначные номера, а их ответвления и второстепенные ответвления («ответвления ответвлений») — четырех- и шестизначные номера соответственно.
3. Магистральные внутренние водные пути, главным образом северо-южного направления, обеспечивающие доступ к морским портам и соединяющие один морской бассейн с другим, имеют номера 10, 20, 30, 40 и 50, возрастающие с запада на восток.
4. Магистральные внутренние водные пути, главным образом западно-восточного направления, пересекающие три или более внутренних водных путей, указанных в пункте 3 выше, имеют номера 60, 70, 80 и 90, возрастающие с севера на юг.
5. Другие основные внутренние водные пути имеют двузначные номера, заключенные между номерами двух магистральных внутренних водных путей, которые указаны в пунктах 3 и 4 выше и между которыми они расположены.
6. В случае ответвлений (или ответвлений) первые две (или четыре) цифры указывают на соответствующий более важный элемент сети водных путей, а две другие представляют собой порядковые номера конкретных ответвлений, присваиваемые в направлении от начала до конца более высокого элемента сети, как он описан в таблице ниже. Четные номера используются для обозначения правосторонних ответвлений, а нечетные — левосторонних.

Перечень внутренних водных путей международного значения

НОМЕР ВОДНОГО ПУТИ КАТЕГОРИИ E			ОПИСАНИЕ МАРШРУТА *
Магистральные водные пути	Другие основные водные пути	Ответвления	
1	2	3	4
	E01		Дюнкерк-Дуэ-Валансьенн-Конде-Помрель-Монс-Шарлеруа-Намюр-Льеж-Маастрихт, Мурдейк-Роттердам/Европорт по рекам Маас, Киль, Норд и Ньиве Маас
		E 01-02	Мёз от Намюра до Живе
		E 01-04	Канал Льеж-Визе
		E 01-04-01	Канал Монсан
		E 01-01	Квадмехелен-Дессель-Бохолт-Недерверт-Вессем-Канал Мёз
		E 01-06	Канал ван Сен-Адрис
		E 01-03	Зюйд-Виллемсварт от Мааса до Хертогенбоша
	E02		Зебрюгге-Брюгге-Дейнзе-Кортрейк-Лилль-Бовен
		E 02-02	Канал Брюгге-Остенде
		E 02-02-01	Канал Глассендаль-Ньюпорт
		E 02-04	Канал Лейе-Руселаре
	E03		Горингем-Мурдейк-Тернезен-Гент через Ньиве Мерведе, соединение Шельда-Рейн, канал Тернезен-Гент и обводной канал Гент
	E04		Флиссинген-Антверпен-Рупельмонд-Брюссель-Сенеф через Вестершельде, Бовен-Зеешельде, Рюпель, каналы Брюссель-Рюпель и Шарлеруа-Брюссель

НОМЕР ВОДНОГО ПУТИ КАТЕГОРИИ Е			ОПИСАНИЕ МАРШРУТА *
Магистральные водные пути	Другие основные водные пути	Ответвления	
1	2	3	4
	E05		[Компъень-Шельда]-Валансьенн-Конде-Турне-Гент-Дендермонде-Антверпен-Хасселт-Генк-Льеж через Уазу, соединение Сена-Север, Верхнюю Шельду, Бовеншельде, обводной канал Гент, Бовен-Зеешельде и Альберт-канал
		E 05-02	Перонн-Помрёль через канал Ними-Блатон-Перонн
		E 05-01	Канал Боссвит-Кортрейк
		E 05-04	Блатон-Ат-Альст-Дендермонде через канал Блатон-Ат и Дендер
		E 05-06	Вирсель-Дюффель-устье реки Рюпель через Нетеканал, Бенеден-Нете и Рюпель
	E06		Антверпен-соединение Шельда-Рейн
	E07		Обводной канал Гент-Мерендре-Екло, через канал Гент-Остенде-[Мальдегем-Зебрюгге]
E10			Роттердам/Европорт-Лобит через Ауде-Маас, Мерведе и Ваал, Рейн [Ниффер-Мюлуз-Безансон-Сен Симфорьен]-Лион-Марсель-Фос
		E 10-01	Канал Везель-Даттельн, канал Даттельн-Хамм
		E 10-03	Канал Рейн-Херне
		E 10-05	Рур
		E 10-07	Река Неккар вниз по течению от Плохингена
		E 10-09	Река Рейи от Ниффера до Райнфельдена
		E 10-02	[Сона-Мозель]
		E 10-04	Соединение Рона-Сет
		E 10-06	Рона и Канал Сен Луи: Баркарен-Фос

НОМЕР ВОДНОГО ПУТИ КАТЕГОРИИ Е			ОПИСАНИЕ МАРШРУТА *
Магистральные водные пути	Другие основные водные пути	Ответвления	
1	2	3	4
	E11		Эймёйден-Тил по Нордзееканалу и каналу Амстердам-Рейн
		E 11-01	Заан
	E12		Хемен-Неймеген-Арнем-Зволле-Ваддензе через канал Маас-Ваал, Ваал, Недеррейн, Эйссель и Эйсселмер
		E 12-02	Зволле-Меппель через Зварте Ватер и Меппельдип
		E 12-04	Кетелмер-шлюз Зварт через Рамсдип
	E13		Северное море-Эмден-Дортмунд через Эмс и канал Дортмунд-Эмс
	E14		Река Везер от Северного моря через Бремерхафен и Бремен до Миндена
	E15		Амстердам-Леммер-Гронинген-Делфзейл-Эмден-Дёрпен-Олденбург-Эльсфлет через Эйсселмер, канал Принсес Маргарит, канал Ван Старкенбург, Эмс-канал, Эмс, канал Дортмунд-Эмс, Кюстен-канал и Хунте
		E 15-01	Канал Ван Харинксма от Фонеяхта до Харлингена
E20			Река Эльба от Северного моря через Гамбург, Магдебург, Усти-над-Лабем, Мельник и Пардубице-[соединение Эльба-Дунай]
		E 20-02	Эльба-Обводной канал
		E 20-04	Река Заале до Лейпцига
		E 20-06	Река Влтава: Мельник-Прага-Слапи
	E21		Река Траве от Балтийского моря по каналу Эльба-Любек до Эльбы.

НОМЕР ВОДНОГО ПУТИ КАТЕГОРИИ Е			ОПИСАНИЕ МАРШРУТА *
Магист- ральные водные пути	Другие основные водные пути	Ответвления	
1	2	3	4
Е30			Свиноуйсьце-Щецин-река Одер от Щеци- на через Вроцлав до Козле, [соединение Одер-Дунай]
		Е 30-01	Гливицкий канал
	Е31		Щецин-Вестодер-Хохенсаатен-водный путь Фридрихсталер
Е40			[Река Висла от Гданьска до Варшавы- Брест]-Пинск-река Днепр через Киев до Херсона
		Е 40-02	Река Южный Буг до Николаева
	Е41		Клайпеда-Куршский залив-река Неман- Каунас
Е50			Санкт-Петербург, по Волго-Балтийскому водному пути до Вытегры-Рыбинск-река Волга от Рыбинска через Нижний Новго- род, Казань и Волгоград до Астрахани
		Е 50-02	Рыбинск-Москва
		Е 50-02-02	Река Волга от Дубны до Твери
		Е 50-01	Река Кама от её устья до Соликамска
Е60			Прибрежный маршрут от Гибралтара к се- веру вдоль побережья Португалии, Испа- нии, Франции, Бельгии, Нидерландов и Германии по Кильскому каналу, вдоль по- бережья Германии, Польши, Литвы, Эсто- нии и России до Санкт-Петербурга-Волго- Балтийский водный путь, Беломорско- Балтийский канал, вдоль побережья Бело- го моря до Архангельска, а также внут- ренние водные пути, которые доступны только с этого маршрута
		Е 60-02	Река Гвадалкивир до Севильи

НОМЕР ВОДНОГО ПУТИ КАТЕГОРИИ Е			ОПИСАНИЕ МАРШРУТА *
Магистральные водные пути	Другие основные водные пути	Ответвления	
1	2	3	4
		Е 60-04	Река Дору до португальско-испанской государственной границы
		Е 60-06	Жиронда и Гаронна до Касте-ан-Дорт
		Е 60-08	Река Луара до Нанта
		Е 60-01	Прибрежный маршрут вдоль западного побережья Соединенного Королевства до Ливерпуля, включая канал Манчестер-Ливерпуль
		Е 60-03	Прибрежный маршрут вдоль восточного побережья Соединенного Королевства, включая реку Хамбер
		Е 60-10	От прибрежного маршрута до Харлингена на Ваддензе
		Е 60-12	От прибрежного маршрута до Эмс-Доллард
		Е 60-05	Прибрежный маршрут вдоль западного побережья Дании и Норвегии
		Е 60-07	Прибрежный маршрут вдоль западного побережья Швеции, включая реку Гёта
		Е 60-09	Прибрежный маршрут вдоль восточного побережья Швеции, включая озеро Меларен
		Е 60-14	Штральзунд-Пенемюнде-Вольгаст-Щецин
		Е 60-11	Прибрежный маршрут до Финляндии, затем по Сайменскому каналу до Савонлинна-Инсалми
		Е 60-11-02	От Е 60-11 до Йонсу-Нурмес
	Е61		Река Пене вниз по течению от Анклама

НОМЕР ВОДНОГО ПУТИ КАТЕГОРИИ Е			ОПИСАНИЕ МАРШРУТА *
Магистральные водные пути	Другие основные водные пути	Ответвления	
1	2	3	4
Е70			От Европорта/Роттердама до Арнема через Лек и Бенеден-Рейн-Зютфен-Энскеде-[Твенте-Среднегерманский канал]-Бергесхеведе-Минден-Магдебург-Берлин-Хохенсаатен-Костшин-Быдгощ-Эльблонг-Вислинский залив-Калининград-реки Преголя, Дейма-Куршский залив-Клайпеда
		Е 70-01	Холландс-Эйссел от Кримплена до Гауды
		Е 70-03	Зей-канал до Алмело
		Е 70-02	Ответвление Среднегерманского канала до г. Оснабрюк
		Е 70-04	Ответвление Среднегерманского канала до Ганновера-Линдена
		Е 70-06	Ответвление Среднегерманского канала до Хилдсхайма
		Е 70-08	Ответвление Среднегерманского канала до Зальцгиттера
		Е 70-05	Канал Хафель
		Е 70-10	Шпрее
		Е 70-12	Судоходный канал Берлин-Шпандау
	Е71		Тельтовканал, соединительный канал Бритцер и водный путь Одер-Шпрее
		Е 71-02	Потсдамер Хафель
		Е 71-04	Тельтовканал-Восточный участок
		Е 71-06	Водный путь Даме, вниз по течению от Кёнигс Вустерхаузена

НОМЕР ВОДНОГО ПУТИ КАТЕГОРИИ Е			ОПИСАНИЕ МАРШРУТА *
Магистральные водные пути	Другие основные водные пути	Ответвления	
1	2	3	4
Е80			Гавр-Конфлан по каналу Гавр-Танкарвиль, Сене и Уазе-[Компьень-Туль], по реке Мозель до Кобленца, река Рейн до Майнца, река Майн до Бамберга, канал Майн-Дунай, река Дунай от Кельхейма до Сулины
		Е 80-02	Река Сена от Танкарвиля до устья
		Е 80-04	Река Сена от Конфлана до Ножана
		Е 80-06	Река Саар до Саарбрюкена
		Е 80-08	Река Драва до Оснека
		Е 80-10	[Канал Дунай-Сава от Вуковара до Шамаца]
		Е 80-01	Река Тиса до Сегеда
		Е 80-01-02	Река Бега до Тимишоары
		Е 80-12	Река Сава до Сисака
		Е 80-03	Река Олт до Слатины
		Е 80-05	Канал Дунай-Бухарест
		Е 80-14	Канал Дунай-Черное море
		Е 80-14-01	Канал Поарта Албэ-Наводари
		Е 80-07	Река Прут до Унген
		Е 80-09	Дунай-Килийское гирло
		Е 80-16	Дунай-Георгиевское гирло
	Е81		Река Вах от ее устья до Жилины и [соединение Вах-Одер]

НОМЕР ВОДНОГО ПУТИ КАТЕГОРИИ Е			ОПИСАНИЕ МАРШРУТА *
Магистральные водные пути	Другие основные водные пути	Ответвления	
1	2	3	4
E90			Прибрежный маршрут от Гибралтара к югу вдоль побережья Испании, Франции, Италии, Греции, Турции, Болгарии, Румынии и Украины вдоль южного побережья Крыма до Азова, по реке Дон до Ростова-Калач-Волгоград-Астрахань, а также внутренние водные пути, которые доступны только с этого маршрута
		Е 90-01	Прибрежный маршрут в Адриатическом море до Триеста
		Е 90-02	Прибрежный маршрут в Черном море
		Е 90-03	Река Днестр от г. Белгород-Днестровский до Бендер
		Е 90-05	Прибрежный маршрут в Каспийском море
	E91		[Канал Милан-По], река По от Кремоны до Вольта-Гриманы, канал По-Брондоло и обводной канал Вены до Монбальконе-Триест
		Е 91-02	По от Конка-ди-Кремоны до Касале Монферрато
		Е 91-04	Водный путь Феррара от Феррары до Порто-Гарибальди
		Е 91-06	По-Гранде от Вольта-Гриманы до ее устья
		Е 91-01	Мантуя-Вольта-Гримана по водному пути Фиссеро-Тартаро-Канал-Бьянко
		Е 91-08	По-ди-Леванте от канала По-Брондоло до Адриатического моря
		Е 91-03	[Канал Падуа-Венеция]

* Участки водных путей категории Е, которые в настоящее время не существуют, но которые включены в соответствующие программы развития инфраструктуры, приводятся в квадратных скобках [...].

Приложение II

ПОРТЫ ВНУТРЕННЕГО ПЛАВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ЗНАЧЕНИЯ

Нумерация портов внутреннего плавания международного значения

Номера всех портов внутреннего плавания международного значения (порты категории Е), возрастающие с запада на восток и с севера на юг, состоят из номера водного пути, к которому они относятся, за которым следует дефис и две цифры, соответствующие порядковому номеру порта конкретного водного пути, которому предшествует буква «Р». Частные порты, принадлежащие конкретным предприятиям, обозначены звездочкой (*).

Перечень портов внутреннего плавания международного значения

Р 01-01	Дюнкерк (канал Дюнкерк-Валансьенн, 20,5 км)
Р 01-02	Шарлеруа (Самбра, 38,8 км)
Р 01-03	Намюр (Мёз, 46,3 км)
Р 01-04	Льеж (Мёз, 113,7 км)
Р 01-05	Маастрихт (Маас, 4,5 км)
Р 01-06	Штейн (Маас, 21,9 км)
Р 01-07	Борн (Маас, 29,7 км)
Р 01-08	Маасбрахт (Маас, 41,8 км)
Р 01-09	Рурмонд (Маас, 74,3 км)
Р 01-10	Осе (Маас, 159,1 км)
Р 01-11	Дордрехт (Мерведе, 974,4 км)
Р 01-12	Звейндрахт (Ауде-Маас, 980,6 км)
Р 01-13	Влаардинген (Ньиве Ватервег, 1 010,5 км)
Р 01-14	Маасшлюз (Ньиве Ватервег, 1 018,7 км)
Р 01-01-01	Оверпельт (канал Бохолт-Херенталс, 14,8 км)
Р 01-03-01	Хертогенбош (Зюйд-Виллемсварт, 4,0 км)
Р 02-01	Зебрюгге (Северное море)
Р 02-02	Аальтер (канал Остенде-Брюгге-Гент, 22,5 км)
Р 02-03	Лиль (Дёль, 42,0 км)
Р 02-02-01	Остенде (Северное море)
Р 02-04-01	Руселаре (канал Лейе-Руселаре, 0,5 км)
Р 02-04-02	Изегем (канал Лейе-Руселаре, 6,4 км)
Р 03-01	Мурдейк (Холландс-Дип)

Р 03-02	Тернезен (канал Тернезен-Гент, 32,5 км)
Р 03-03	Зелзат (канал Тернезен-Гент, 19,6 км)
Р 03-04	Гент (канал Тернезен-Гент, 4,6 км)
Р 04-01	Флиссинген (Вестершельде)
Р 04-02	Беверен (Бенеден Зеешельде, 22,9 км)
Р 04-03	Рёисбрук (канал Шарлеруа-Брюссель, 58,8 км)
Р 04-04	Гримберген (канал Брюссель-Рюпель, 12,2 км)
Р 04-05	Брюссель (канал Брюссель-Рюпель, 62,0 км)
Р 05-01	Авельгем (Бовеншельде, 35,7 км)
Р 05-02	Мелле (Бовен-Зеешельде, 9,9 км)
Р 05-03	Мерхаут (Альберт-канал, 80,7 км)
Р 05-04	Хам (Альберт-канал, 73,7 км)
Р 05-05	Хассельт (Альберт-канал, 51,5 км)
Р 05-06	Генк (Альберт-канал, 42,9 км)
Р 05-04-01	Альст (Дендер, 53,7 км)
Р 06-01	Антверпен (Шельда, 102,9 км)
Р 06-02	Берген-оп-Зум (Соединение Шельда-Рейн, 1 031,8 км)
Р 10-01	Роттердам (Ниве Маас, 1 002,5 км)
Р 10-02	Альбассердам (Норд, 981,1 км)
Р 10-03	Тил (Ваал, 914,6 км)
Р 10-04	Эммерих (Рейн, 852,0 км)
Р 10-05	Везель (Рейн, 814,0 км)
Р 10-06	Рейнберг-Оссенберг* (Рейн, 806,0 км)
Р 10-07	Орсой (Рейн, 794,0 км)
Р 10-08	Вальсум-Нордхафен* (Рейн, 793,0 км)
Р 10-09	Вальсум-Зюд* (Рейн, 791,0 км)
Р 10-10	Швелгерн* (Рейн, 790,0 км)
Р 10-11	Хомберг, Захтлебен* (Рейн, 774,0 км)
Р 10-12	Дуйсбург-Рурорт Хафен (Рейн, 774,0 км)
Р 10-13	Крефельд (Рейн, 762,0 км)
Р 10-14	Дюссельдорф (Рейн, 743,0 км)
Р 10-15	Нойс (Рейн, 740,0 км)
Р 10-16	Штюрцельберг* (Рейн, 726,0 км)
Р 10-17	Леверкузен* (Рейн, 699,0 км)
Р 10-18	Кёльн (Рейн, 688,0 км)
Р 10-19	Весселинг - Годорф* (Рейн, 672,0 км)
Р 10-20	Бонн (Рейн, 658,0 км)
Р 10-21	Андернах (Рейн, 612,0 км)
Р 10-22	Нойвид (Рейн, 606,0 км)
Р 10-23	Бендорф (Рейн, 599,0 км)

P 10-24	Кобленц (Рейн, 596,0 км)
P 10-25	Бинген (Рейн, 527,0 км)
P 10-26	Висбаден (Рейн, 500,0 км)
P 10-27	Гернсгейм (Рейн, 462,0 км)
P 10-28	Вормс (Рейн, 444,0 км)
P 10-29	Мангейм (Рейн, 424,0 км)
P 10-30	Людвигсхафен (Рейн, 420,0 км)
P 10-31	Шпейер (Рейн, 400,0 км)
P 10-32	Гермерсгейм (Рейн, 385,0 км)
P 10-33	Вёрт (Рейн, 366,0 км)
P 10-34	Карлсруэ (Рейн, 360,0 км)
P 10-35	Кель (Рейн, 297,0 км)
P 10-36	Страсбург (Рейн, 296,0 км)
P 10-37	Брейзах (Рейн, 226,0 км)
P 10-38	Кольмар-Нёф Бризах (Рейн, 225,8 км)
P 10-39	Мюлуз-Оттмарсгейм (Большой эльзасский канал, 21,0 км)
P 10-40	Форт Луи Штатматтен (Большой эльзасский канал, 322,0 км)
P10-41	Иль Наполеон (канал Рона-Рейн, 37,6 км) Мюлуз (канал Рона-Рейн, 31,0 км)
P10-42	Апропорт (Шалон, Макон, Вильфранш-сюр-Сон)
P10-43	(Сона, 230,0 км, 296,0 км и 335,0 км, соответственно)
P10-44	Лион (Сона, 375,0 км)
P10-45	Марсель-Фос (канал Марсель-Рона, 0,0 км)
P10-01-01	Рейн-Липп-Хафен* (канал Везль-Даттельн, 1,0 км)
P 10-01-02	Марль Хюльс-АГ* (канал Везель-Даттельн, 38,0 км)
P 10-01-03	Август Виктория* (канал Везель-Даттельн, 39,0 км)
P 10-01-04	Люнен (канал Даттельн-Хамм, 11,0 км)
P 10-01-05	Беркамен* (канал Даттельн-Хамм, 22,0 км)
P 10-01-06	Хамм (канал Даттельн-Хамм, 34,0 км)
P 10-01-07	Шмехаузен* (канал Даттельн-Хамм, 47,0 км)
P 10-03-01	Эссен (канал Рейн-Херне, 16,0 км)
P 10-03-02	Козлн-Нойссен* (канал Рейн-Херне, 17,0)
P 10-03-03	Рур-Оел* (канал Рейн-Херне, 22,0)
P 10-03-04	Гелсенкирхен (канал Рейн-Херне, 24,0)
P 10-03-05	Ванн-Эйкель (канал Рейн-Херне, 32,0)
P 10-05-01	Мюльхейм (Рур, 8,0 км)
P 10-07-01	Хайлброн (Неккар, 110,0 км)
P 10-07-02	Штутгарт (Неккар, 186,0 км)

P 10-07-03	Плохинген (Неккар, 200,0 км)
P 10-09-01	Хунинг (Рейн, 168,4 км)
P 10-09-02	Райнхёфен-байдар-Базель (Рейн, 159,38-169,95 км)
P 10-04-01	Сет (канал Рона-Сет, 96,0 км)
P 10-06-01	Фос (залив Фос, морской участок)
P 11-01	Эймонд (Нордзее канал, 4,7 км)
P 11-02	Заанштад (Заан, 1,4 км)
P 11-03	Амстердам (Нордзее канал, 20,6 км)
P 11-04	Утрехт (Амстердам-Рейн канал, 35,0 км)
P 11-01-01	Заандам (Заам, 2,0 км)
P 12-01	Неймеген (Ваал, 884,6 км)
P 12-02	Арнем (Недеррейн, 885,8 км)
P 12-03	Зволле (Эйссел, 980,7 км)
P 12-02-01	Меппель (Меппелердип, 10,5 км)
P 13-01	Эмсланд* (канал Дортмунд-Эмс, 151,0 км)
P 13-02	Мюнстер (канал Дортмунд-Эмс, 68,0 км)
P 13-03	Дортмунд (канал Дортмунд-Эмс, 1,0 км)
P 14-01	Бремерхафен (Везер, 66,0-68,0 км)
P 14-02	Норденхам (Везер, 54,0-64,0 км)
P 14-03	Брак (Везер, 41,0 км)
P 14-04	Бремен (Везер, 4,0-8,0 км)
P 15-01	Лелиштад (Эйсселмер)
P 15-02	Леммер (Принсес Маргарит канал, 90,5 км)
P 15-03	Гронинген (Старкенборг канал, 7,0 км)
P 15-04	Эмден (Эмс, 41,0 км)
P 15-05	Леер (Эмс, 14,0 км)
P 15-06	Олденбург* (Хунте, 0,0-5,0 км)
P 15-01-01	Лейварден (Харинксма-канал, 23,7 км)
P 20-01	Куксхавен (Эльба, 724,0 км) 1/
P 20-02	Брюнсбюттель (Эльбегафен, 693,0) 1
P 20-03	Бютцфлет* (Эльба, 668,0 км) 1
P 20-04	Гамбург (Эльба, 618,0-639,0 км) 1
P 20-05	Лауэнбург (Эльба, 568,0 км) 1
P 20-06	Тангермюнде (Эльба, 388,0 км) 1
P 20-07	Кисверк Рогэтц* (Эльба, 354,0 км) 1
P 20-08	Магдебюргер Хёфен (Эльба, 330,0 и 333,0 км) 1
P 20-09	Шёнебек (Эльба, 315,0 км) 1
P 20-10	Акен (Эльба, 277,0 км) 1
P 20-11	Торгау (Эльба, 154,0 км) 1
P 20-12	Кисверк Мюльберг* (Эльба, 125,0 км) 1

Р 20-13	Риза (Эльба, 109,0 км) ¹
Р 20-14	Дрезден (Эльба, 57 и 61 км) ¹
Р 20-15	Дечин (Эльба, 98,2 и 94,2 км) ¹
Р 20-16	Усти-над-Лабем (Эльба, 75,3 и 72,5 км) ¹
Р 20-17	Мельник (Эльба, 3,0 км) ¹
Р 20-04-01	Халле-Трота (Заале, 86,0 км) ¹
Р 20-06-01	Прага (Влтава, 46,5 и 55,5 км) ¹
Р 21-01	Любек (Траве, 2,0-8,0 км)
Р 30-01	Свиноуйсьце (Балтийское море-устье реки Одер)
Р 30-02	Щецин (Одер, 741,0 км)
Р 30-03	Костшин (Одер, 617,0 км)
Р 30-04	Вроцлав (Одер, 255,0 км)
Р 30-05	Козле (Одер, 96,0 км)
Р 30-01-01	Гливице (Гливицкий канал, 41,0 км)
Р 40-01	Гданьск (Балтийское море-устье реки Висла)
Р 40-02	Быдгощ (Висла, 772,3 км, река Брда, 2,0 км)
Р 40-03	Варшава (Висла, 520,0 и канал Зеран, 2,0 км)
Р 40-04	Чернигов (Днепр, 1 070,0 км)
Р 40-05	Киев (Днепр, 856,0 км)
Р 40-06	Черкассы (Днепр, 653,0 км)
Р 40-07	Кременчуг (Днепр, 541,0 км)
Р 40-08	Днепродзержинск (Днепр, 429,0 км)
Р 40-09	Днепропетровск (Днепр, 393,0 км)
Р 40-10	Запорожье (Днепр, 308,0 км)
Р 40-11	Новая Каховка (Днепр, 96,0 км)
Р 40-12	Херсон (Днепр, 28,0 км)
Р 40-02-01	Николаев (Южный Буг, 95,0 км)
Р 41-01	Клайпеда, речной порт (Куршский залив)
Р 41-02	Неринга (Куршский залив)
Р 41-03	Юрбаркас (Неман, 126,0 км)
Р 41-04	Каунас (Неман, 219,0 км)
Р 50-01	Санкт-Петербург, морской порт (река Нева, 1397,0 км)
Р 50-02	Санкт-Петербург, речной порт (река Нева, 1 385,0 км)
Р 50-03	Подпорожье (Волго-Балтийский водный путь, 1045,0 км)
Р 50-04	Череповец (Волго-Балтийский водный путь, 540,0 км)
Р 50-05	Ярославль (Волга, 520,0 км) ²
Р50-06	Нижний Новгород (Волга, 907,0 км) ²
Р50-07	Казань (Волга, 1 313 км) ²
Р50-08	Ульяновск (Волга, 1 541,0 км) ²

P 50-09	Самара (Волга, 1 746,0 км) ²
P 50-10	Саратов (Волга, 2 175,0 км) ²
P 50-11	Волгоград (Волга, 2 560,0 км) ²
P 50-12	Астрахань (Волга, 3 051,0 км) ²
P 50-02-01	Москва, Северный порт (канал им. Москвы, 42,0 км)
P 50-02-02	Москва, Западный порт (канал им. Москвы, 32,0 км)
P 50-02-03	Москва, Южный порт (канал им. Москвы, 0,0 км) ²
P 50-02-02-01	Тверь (Волга, 279,0 км) ²
P 50-01-01	Пермь (Кама, 2 269,0 км) ²
P 60-01	Шевенинген (Северное море)
P 60-02	Ден Хельдер (Северное море)
P 60-03	Брюнсбюттель (Кильский канал, 2,0-5,0 км)
P 60-04	Рендсбург (Кильский канал, 62,0 км)
P 60-05	Киль (Кильский канал, 96,0 км)
P 60-06	Фленсбург
P 60-07	Висмар
P 60-08	Росток
P 60-09	Штральзунд
P 60-10	Грифсвальд
P 60-11	Швентойи (Балтийское море)
P 60-12	Выборг (Выборгский залив)
P 60-13	Петрозаводск (Онежское озеро, 1 009,0 км) ²
P 60-14	Архангельский морской порт (Устье Северной Двины)
P 60-15	Архангельский речной порт (Устье Северной Двины)
P 60-02-01	Севилья (Гвадалквивир, 80,0 км)
P 60-04-01	Дору (Дору, 5,0 км)
P 60-04-02	Сардору (Дору, 49,0 км)
P 60-04-03	Регуа-Ламего (Дору, 101,0 км)
P 60-06-01	Бордо (Жиронда и Гаронна, 359,0 км)
P 60-08-01	Нант (Луара, 645,0 км)
P 60-10-01	Харлингген (Ваддензе)
P 60-12-01	Делфзейл (Ваддензе)
P 60-11-01	Мустола (39,0 км от устья Сайменского канала)
P 60-11-02	Каукас* (52,0 км от устья Сайменского канала)
P 60-11-03	Рапасаари* (52,0 км от устья Сайменского канала)
P 60-11-04	Ютсено* (67,0 км от устья Сайменского канала)
P 60-11-05	Вуокси* (85,0 км от устья Сайменского канала)
P 60-11-06	Варкау (порт Тайпале, 270,0 км от устья Сайменского канала)
P 60-11-07	Варкау (порт Коссуланниеми*, 270,0 км от устья

	Сайменского канала)
P 60-11-08	Варкаус (порт Аконниемеи, 270,0 км от устья Сайменского канала)
P 60-11-09	Куопио (352,0 км от устья Сайменского канала)
P60-11-02-01	Пухос* (311,0 км от устья Сайменского канала)
P 60-11-02-02	Йонсу (346,0 км от устья Сайменского канала)
P 61-01	Анклам (Пене, 95,0 км)
P 70-01	Вагенинген (Недеррейн, 903,2 км)
P 70-02	Энхеде (Твентеканал, 49,8 км)
P 70-03	Иббенбюрен (Среднегерманский канал, 5,0 км)
P 70-04	Минден (Среднегерманский канал, 100,0-104,0 км)
P 70-05	Ганновер (Среднегерманский канал, 155,0-159,0 км)
P 70-06	Мерум* (Среднегерманский канал, 194,0 км)
P 70-07	Брауншвейг (Среднегерманский канал, 220,0 км)
P 70-08	Брауншвейг/Тун* (Среднегерманский канал, 223,0 км)
P 70-09	Халденслебен (Среднегерманский канал, 301,0 км)
P 70-10	Нигрипл* (Канал Эльба - Хафель, 330,0 км)
P 70-11	Бранденбург* (водный путь Унтер Хафель, 60,0 км)
P 70-12	Бранденбург (водный Унтер Хафель, 57,0 км)
P 70-13	Депони Дитц* (водный путь Унтер Хафель, 40,0 км)
P 70-14	Шпандау, Южная гавань (водный путь Унтер Хафель, 2,0 км)
P70-15	Эльблаг (Вислинский залив)
P70-16	Калининградский морской порт (Прегола, 8,0 км)
P70-17	Калининградский речной порт (Прегола, 9,0 км)
P 70-01-01	Гауда (Холландс Эйссел, 1,4 км)
P 70-03-01	Хенгело (Твентеканал, 45,1 км)
P 70-03-02	Алмело (Зейканал, 17,6 км)
P 70-02-01	Оснабрюкк (Штихканал, 13,0)
P 70-04-01	Ганновер-Линден (Штихканал, 11,0 км)
P 70-06-01	Хильдесгейм (Штихканал, 15,0 км)
P 70-08-01	Зальцгиттер (Штихканал, 15,0 км)
P 70-10-01	Комплекс для обработки грузов* (рукав Шпрее, 0,0 км)
P 70-10-02	Ноннендам (Шпрее, 2,0 км)
P 70-10-03	Электростанция Ройтер* (Шпрее, 3,0 км)
P 70-10-04	Электростанция Шарлоттенбург* (Шпрее, 8,0 км)
P 70-10-05	Вестхафен Берлин (Вестхафенканал, 3,0 км)
P 70-10-06	Остхафен Берлин (Шпрее, 21,0 км)
P 70-10-07	Теплоэлектростанция Клингенберг (Шпрее, 25,0 км)
P 70-12-01	Электростанция Моабит* (Берлин-Шпандау-

	Шиффартсканал, 9,0 км)
P 71-01	Погрузо-разгрузочный пункт на Тельтовканале* (Тельтовканал, 31,0-34,0 км)
P 71-02	Погрузо-разгрузочный пункт Обершёневейде (водный путь Одер-Шпрее, 28,0-29,0 км)
P 71-03	Эйзенхюттенштадт Эко* (водный путь Одер-Шпрее, 122,0 км)
P71-04	Эйзенхюттенштадт (водный путь Одер-Шпрее, 124,0 км)
P 71-02-01	Потсдам (Потсдаме Хафель, 3,0 км)
P 71-06-01	Нидерлем* (водный путь Даме, 8,0 км)
P 71-06-02	Кёнигс Вустерхаузен (водный путь Даме, 8,0 км)
P 80-01	Гавр (канал Гавр-Танкарвиль, 20,0 км)
P 80-02	Руан (Сена, 242,0 км)
P 80-03	Конфлаи (Сена, 239,0 км)
P 80-04	Фруар (Мозель, 346,5 км)
P 80-05	Мец (Мозель, 297,0-294,0 км)
P 80-06	Мондланж-Ришмон (Мозель, 279,5-277,9 км)
P 80-07	Тионвиль-Илланж (Мозель, 271,9-270,1 км)
P 80-08	Мертерт (Мозель, 208,0 км)
P 80-09	Трир (Мозель, 184,0 км)
P 80-10	Бинген (Рейн, 527,0 км)
P 80-11	Висбаден (Рейн, 500,0 км)
P 80-12	Майнц (Рейн, 500,0 км)
P 80-13	Флёрсхейм* (Майн, 9,0 км)
P 80-14	Раунхейм* (Майн, 14,0 км)
P 80-15	Хаттерсхейм* (Майн, 17,0 км)
P 80-16	Келстербах* (Майн, 19,0 км)
P 80-17	Франкфурт* (Майн, 22,0-29,0 км)
P 80-18	Франкфурт (Майн, 31,0-37,0 км)
P 80-19	Оффенбах (Майн, 40,0 км)
P 80-20	Ханау (Майн, 56,0-60,0 км)
P 80-21	Гроскротценбург* (Майн, 62,0 км)
P 80-22	Штокштадт (Майн, 82,0 км)
P 80-23	Ашаффенбург (Майн, 83,0 км)
P 80-24	Трифенштейн* (Майн, 173,0 км)
P 80-25	Карлштадт* (Майн, 227,0 км)
P 80-26	Вюрцбург (Майн, 246,0-251,0 км)
P 80-27	Швайнфурт (Майн, 330,0 км)
P 80-28	Бамберг (канал Майн-Дунай, 3,0 км)

Р 80-29	Эрланген (канал Майн-Дунай, 46,0 км)
Р 80-30	Нюрнберг (канал Майн-Дунай, 72,0 км)
Р 80-31	Регенсбург (Дунай, 2 370,0-2 378,0 км)
Р 80-32	Деггендорф* (Дунай, 2 281,0-2 284,0 км)
Р 80-33	Линц (Дунай, 2 128,2-2 130,6 км)
Р 80-34	Линц-Фёст* (Дунай, 2 127,2 км)
Р 80-35	Энс-Энсдорф (Дунай, 2 111,8 км)
Р 80-36	Кремс (Дунай, 2 001,5 км)
Р 80-37	Вена (Дунай, 1 916,8-1 920,2 км)
Р 80-38	Братислава (Дунай, 1 867,0 км)
Р 80-39	Дьёр-Гёню (Дунай, 1 807,0 км)
Р 80-40	Комарно (Дунай, 1 767,1 км)
Р 80-41	Штурово (Дунай, 1 722,0 км)
Р 80-42	Будапешт (Дунай, 1 640,0 км)
Р 80-43	Сазалонбата (Дунай, 1 618,7 км)
Р 80-44	Дунайварош (Дунай, 1 579,0 км)
Р 80-45	Дунафёльдвар (Дунай, 1 563,0 км)
Р 80-46	Байя (Дунай, 1 480,0 км)
Р 80-47	Вуковар (Дунай, 1 333,1 км)
Р 80-48	Белград (Дунай, 1 170,0 км)
Р 80-49	Смедерево (Дунай, 1 116,3 км)
Р 80-50	Оршова (Дунай, 954,0 км)
Р 80-51	Турну-Северин (Дунай, 931,0 км)
Р 80-52	Прахово (Дунай, 861,0 км)
Р 80-53	Лом (Дунай, 743,0 км)
Р 80-54	Турну-Магуреле (Дунай, 597,0 км)
Р 80-55	Свиштов (Дунай, 554,0 км)
Р 80-56	Русе (Дунай, 495,0 км)
Р 80-57	Джурджу (Дунай, 493,0 км)
Р 80-58	Олтеница (Дунай, 430,0 км)
Р 80-59	Кэлэраши (Дунай, 370,5 км)
Р 80-60	Брэила (Дунай, 172,0-168,5 км)
Р 80-61	Галац (Дунай, 157,0-145,4 км)
Р 80-62	Джурджулешть (Дунай, 133,0 км) ³
Р 80-63	Рени (Дунай, 128,0 км)
Р 80-64	Тулча (Дунай, 73,5-70,0 км)
Р 80-04-01	Париж, автономный порт: Женвилье (Сена, 194,7 км) Боней-Винё (Сена, 169,7 км) Эври (Сена, 137,8 км)

	Мелэн (Сена, 110,0 км)
	Лиме-Поршвиль (Сена, 109,0 км)
	Монтро (Сена, 67,4 км)
	Нантер (Сена, 39,4 км)
	Брюйер-сюр-Уаз (Уаза, 96,9 км)
	Сент-Уан-л'Омон (Уаза, 119,2 км)
	Лани (Марна, 149,8 км)
P 80-06-01	Дилинген (Саар, 59,0 км)
P 80-08-01	Осиек (Права, 14,0 км)
P 80-01-01	Сегед (Тиса, 170,0 км)
P 80-14-01	Чернавода (канал Дунай-Черное море, 00,0 км)
P 80-14-02	Медгидия (канал Дунай-Черное море, 27,5 км)
P 80-14-03	Констанца (канал Дунай-Черное море, 64,0 км)
P 80-09-01	Измаил (Дунай-Килийское гирло, 93,0 км)
P 80-09-02	Килия (Дунай-Килийское гирло, 47,0 км)
P 80-09-03	Усть-Дунайск (Дунай-Килийское гирло, 1,0 км)
P 90-01	Таганрог (Таганрогский залив)
P 90-02	Ейск (Таганрогский залив)
P 90-03	Азов (Дон, 3 168,0 км) ²
P 90-04	Ростов (Дон, 3 134,0 км) ²
P 90-05	Усть-Донецк (Дон, 2 997,0 км) ²
P 90-03-01	Белгород-Днестровский (устье реки Днестр)
P 90-03-02	Бендеры (Днестр, 228,0 км)
P 91-01	Милано-Терминале (канал Милан-По, 0,0 км) ⁴
P 91-02	Лоди (канал Милан - По, 20,0 км от Милано-Терминале) ⁴
P 91-03	Пиццигетоне (канал Милан-По, 40,0 км от Милано-Терминале)
P 91-04	Кремона (По, 55,0 км от Милано-Терминале)
P 91-05	Эмилия-Чентрале (По, 145,0 км от Милано-Терминале) ⁴
P 91-06	Феррара (По, 200,0 км от Милано-Терминале)
P 91-07	Адриа (обводной канал Венета, 265,0 км от Милано-Терминале)
P 91-08	Кьоджа (обводной канал Венета, 285,0 км от Милано-Терминале)
P 91-09	Маргера (обводной канал Венета, 300,0 км от Милано-Терминале)
P 91-10	Ногаро (обводной канал Венета, 355,0 км от Милано-Терминале)

Р 91-11	Монфальконе (обводной канал Венета, 410,0 км от Милано-Терминале)
Р 91-12	Триест (Адриатическое море)
Р 91-02-01	Пьяченца (По, 35,0 км от Конка-ди-Кремоны)
Р 91-02-02	Павия (Тичино, 98,0 км от Конка-ди-Кремоны)
Р 91-02-03	Касале Монферрато (По, 183,0 км от Конка-ди-Кремоны)
Р 91-04-01	Гарибальди (водный путь Феррара, 80,0 км от Феррары)
Р 91-06-01	Порто-Толле (По-Гранде, 260,0 км от Милано-Терминале)
Р 91-01-01	Мантуя (водный путь Фиссеро-Тартаро-Канал-Бьянко, 0,0 км)
Р 91-01-02	Остилья (водный путь Фиссеро-Тартаро-Канал-Бьянко, 30,0 км) ⁴
Р 91-01-03	Леньяго (водный путь Фиссеро-Тартаро-Канал-Бьянко, 65,0 км) ⁴
Р 91-01-04	Ровиго (водный путь Фиссеро-Тартаро-Канал-Бьянко, 140,0 км) ⁴
Р 91-01-05	Конка-ди-Вольта-Гримана (водный путь Фиссеро-Тартаро-Канал-Бьянко, 170,0 км)

¹ Расстояния до портов на Эльбе измеряются: в Германии – от чешско-немецкой государственной границы; в Чешской Республике – от слияния рек Эльбы и Влтавы в Мельнике.

² Расстояние от Московского южного порта.

³ Планируется сооружение.

⁴ В стадии строительства или планирования.

**ТЕХНИЧЕСКИЕ И ЭКСПЛУАТАЦИОННЫЕ
ХАРАКТЕРИСТИКИ ВНУТРЕННИХ ВОДНЫХ ПУТЕЙ
МЕЖДУНАРОДНОГО ЗНАЧЕНИЯ**

а) Технические характеристики водных путей категории Е

Основные технические характеристики водных путей категории Е в основном соответствуют классификации европейских водных путей, приведенной в таблице 1.

Для оценки различных водных путей категории Е используются параметры классов IV-VII с учетом следующих принципов:

- i) класс водного пути определяется горизонтальными габаритами самоходных судов, барж и толкаемых составов и в первую очередь основным стандартным габаритом, каковым является их ширина или поперечный габарит;
- ii) только водные пути, соответствующие, по крайней мере, основным параметрам класса IV (минимальные габариты судов 85 м х 9,5 м), могут рассматриваться в качестве водных путей категории Е. Ограничения осадки (менее 2,50 м) и минимальной высоты прохода под мостами (менее 5,25 м) допускаются в порядке исключения только в отношении существующих водных путей;
- iii) при модернизации водных путей класса IV (а также малых региональных водных путей) рекомендуется соблюдать параметры по крайней мере класса Va;
- iv) однако новые водные пути категории Е должны соответствовать параметрам как минимум класса Vb. В этой связи следует обеспечивать прохождение судов с осадкой не менее 2,80 м;
- v) при модернизации существующих и/или создании новых водных путей следует всегда руководствоваться более высокими значениями габаритов судов или составов;

- vi) для повышения эффективности контейнерных перевозок следует обеспечивать максимально возможную высоту прохода под мостами в соответствии со сноской 4 к таблице 1¹.
- vii) внутренние водные пути, на которых, как ожидается, будут осуществляться интенсивные контейнерные и ролкерные перевозки, должны соответствовать как минимум параметрам класса Vb. В целях удовлетворения потребностей, обусловленных будущим изменением габаритов контейнеров и необходимостью беспрепятственной перевозки прицепов, может быть предусмотрено также увеличение на 7-10% ширины соответствующих судов, составляющей 11,4 м, осуществляющих плавание по внутренним водным путям класса Va и более высоких классов;
- viii) на водных путях с изменяющимся уровнем воды значение рекомендуемой осадки должно соответствовать осадке, которая достигается или превышает в течение в среднем 240 дней в году (или 60% периода навигации). Там, где это возможно и экономически оправданно, следует обеспечить значение рекомендуемой высоты прохода под мостами (5,25, 7,00 или 9,10 м) при наивысшем судоходном уровне;
- ix) единые параметры класса, осадки и высоты прохода под мостами следует обеспечить либо на всем водном пути, либо как минимум на значительных по протяженности участках этого пути;
- x) по возможности следует обеспечить, чтобы параметры прилегающих внутренних водных путей были идентичными или аналогичными;
- xi) наибольшие величины осадки (4,50 м) и минимальной высоты прохода под мостами (9,10 м) следует обеспечить на всех участках сети, непосредственно связанных с прибрежными маршрутами;
- xii) минимальная высота прохода под мостами 7,00 м должна быть обеспечена на водных путях, которые соединяют важные морские порты с районами, находящимися в глубине страны, и которые могут быть успешно использованы для контейнерных перевозок и перевозок «река-море»;

¹ Однако если доля порожних контейнеров превышает 50%, следует рассмотреть вопрос об обеспечении величины минимальной высоты прохода под мостами, превышающей величину, указанную в сноске 4.

xiii) прибрежные маршруты, упомянутые в приложении I выше, призваны обеспечить целостность сети европейских внутренних водных путей категории E и предназначены, по смыслу настоящего Соглашения, для плавания судов типа «река-море», размеры которых должны, когда это возможно и экономически целесообразно, отвечать требованиям к самоходным судам, пригодным для плавания по внутренним водным путям классов Va и VIb.

Считается, что для обеспечения пригодности водного пути для контейнерных перевозок должны соблюдаться следующие минимальные условия: суда внутреннего плавания шириной 11,4 м и длиной примерно 110 м должны иметь возможность осуществлять перевозку контейнеров в три или более ярусов; в противном случае допустимая длина толкаемых составов должна составлять 185 м, в связи с чем они могут осуществлять 1 перевозку контейнеров в два яруса.

Таблица 1

КЛАССИФИКАЦИЯ ЕВРОПЕЙСКИХ ВНУТРЕННИХ ВОДНЫХ ПУТЕЙ МЕЖДУНАРОДНОГО ЗНАЧЕНИЯ

Тип водных путей	Класс водных путей	Самостоятельные суда и баржи						Толкаемые составы						Минимальная высота под мостами	Географическое обозначение на картах
		Тип судна: общие характеристики						Тип состава: общие характеристики							
		Наименование	Максимальная длина	Максимальная ширина	Осадка	Тоннаж		Длина	Ширина	Осадка	Тоннаж				
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14		
МЕЖДУНАРОДНОГО ЗНАЧЕНИЯ	IV	Судно типа «Иоганн Велкер»	80-85	9,5	2,50	1000-1500		85	9,5 5/	2,50-2,80	1250-1450	5,25 или 7,00			
	Va	Большие рекейские суда	95-110	11,4	2,50-2,80	1500-3000		95-110 1	11,4	2,50-4,50	1600-3000	5,25 или 7,00 или 9,10 ‡			
	Vb							172-185 1	11,4	2,50-4,50	3200-6000	7,00 или 9,10 ‡			
	Vla							95-110 1	22,8	2,50-4,50	3200-6000	7,00 или 9,10 ‡			
	Vlb	1	140	15,0	3,90				185-195 1	22,8	2,50-4,50	6400-12000	7,00 или 9,10 ‡		
Vlc								270-280 195-200 1	22,8 33,0-34,2 1	2,50-4,50	9600-18000 9600-18000	9,10 ‡			
VII								275-285 1	33,0-34,2 1	2,50-4,50	14500-27000	9,10 ‡			

* / Классы I-III не приводятся в настоящей таблице, поскольку они имеют лишь региональное значение.

Сноски к таблице 1

¹ Первое значение приводится с учетом нынешней ситуации, а второе — с учетом будущих изменений и, в некоторых случаях, нынешней ситуации.

² С учетом безопасного расстояния, составляющего примерно 0,30 м, между верхней точкой конструкции судна или его груза и мостом.

³ С учетом предполагаемого будущего развития ролкерных перевозок, контейнерных перевозок и перевозок «река-море».

⁴ Для перевозки контейнеров приняты следующие значения:

5,25 м — для судов с загрузкой контейнеров в 2 яруса;

7,00 м — для судов с загрузкой контейнеров в 3 яруса;

9,10 м — для судов с загрузкой контейнеров в 4 яруса;

50% контейнеров могут быть порожними, в противном случае следует применять балластировку.

5/ Некоторые из существующих водных путей могут рассматриваться как относящиеся к классу IV по максимально допустимой длине судов и составов, даже если их максимальная ширина составляет 11,4 м, а максимальная осадка — 4,00 м.

6/ Значение осадки для конкретного водного пути должно определяться с учетом местных условий.

7/ На некоторых участках водных путей класса VII могут также использоваться составы с большим числом барж. В этом случае горизонтальные габариты могут превышать значения, указанные в таблице.

б) Эксплуатационные характеристики водных путей категории Е

Для надежного обеспечения международных перевозок на водных путях категории Е эти пути должны соответствовать следующим основным эксплуатационным критериям:

- i) судоходство должно обеспечиваться в течение всего периода навигации, за исключением перерывов, упоминаемых ниже;
- ii) продолжительность навигации может составлять менее 365 дней только в районах с суровыми климатическими условиями, где в зимнее время невозможно держать фарватер свободным ото льда и где, следовательно, необходим зимний перерыв. В этих случаях следует устанавливать даты начала и окончания навигации. Продолжительность перерывов навигации, обусловленных естественными явлениями, такими, как ледостав, паводки и т.д., должна сводиться к минимуму с помощью соответствующих технических и организационных мер;
- iii) продолжительность перерывов в период навигации, необходимых для регулярного технического обслуживания шлюзов и другого гидротехнического оборудования, должна сводиться к минимуму. Пользователи водных путей, на которых планируется проведение работ по техническому обслуживанию, должны информироваться о сроках и продолжительности предполагаемого перерыва в навигации. В случае непредвиденного выхода из строя шлюзов или других гидротехнических объектов или в случае других форс-мажорных обстоятельств продолжительность перерывов должна быть в максимальной степени ограничена за счет принятия всех необходимых мер по исправлению ситуации;
- iv) никаких перерывов в период низкой воды не допускается. Однако разрешается разумное ограничение допустимых значений осадки на водных путях с изменяющимся уровнем воды. Тем не менее в течение всего времени следует обеспечить минимальную осадку в 1,20 м, а рекомендуемая или обычная осадка должна обеспечиваться или превышать в течение 240 дней в году. В районах, упомянутых выше в подпункте ii), минимальная осадка в 1,20 м должна обеспечиваться в течение в среднем 60% периода навигации;
- v) продолжительность работы шлюзов, разводных мостов и других объектов инфраструктуры должна быть такой, чтобы она обеспечивала в случае экономической целесообразности круг-

лосуточное (24 часа) судоходство по рабочим дням. В отдельных случаях могут допускаться исключения по организационным и/или техническим причинам. Следует также обеспечить разумное судоходное время в праздничные и выходные дни.

с) Технические и эксплуатационные характеристики ПОРТОВ категории Е

Сеть водных путей категории Е включает систему портов внутреннего плавания международного значения. Каждый порт категории Е должен соответствовать следующим техническим и эксплуатационным критериям:

- i) он должен находиться на водном пути категории Е;
- ii) он должен располагать возможностями для обработки судов или толкаемых составов, используемых на конкретном водном пути категории Е в соответствии с его классом;
- iii) он должен быть связан с основными автомобильными дорогами и железнодорожными линиями (желательно, чтобы они принадлежали к сети международных автомобильных дорог и железнодорожных линий, указанных в Европейском соглашении о международных автомагистралях (СМА), в Европейском соглашении о международных магистральных железнодорожных линиях (СМЖЛ) и в Европейском соглашении о важнейших линиях международных комбинированных перевозок и соответствующих объектах (СЛКП));
- iv) его общий грузооборот должен достигать, по крайней мере, 0,5 млн. т в год;
- v) он должен располагать подходящими возможностями для развития портовой промышленной зоны;
- vi) он должен обеспечивать обработку стандартных контейнеров (за исключением портов, специализирующихся на обработке массовых грузов);
- vii) он должен располагать всем оборудованием, необходимым для осуществления обычных операций в рамках международных перевозок;
- viii) в целях обеспечения охраны окружающей среды в портах международного значения должны быть предусмотрены приемные емкости для удаления отходов, образующихся на борту судов.

КОНВЕНЦИЯ ДЛЯ УНИФИКАЦИИ НЕКОТОРЫХ ПРАВИЛ МЕЖДУНАРОДНЫХ ВОЗДУШНЫХ ПЕРЕВОЗОК

В международном воздушном праве в течение последних примерно тридцати лет поднимался вопрос о консолидации документов так называемой «Варшавской системы» (см. далее) в единый документ. Соответствующая работа в этом направлении проводилась в рамках Юридического комитета Международной организации гражданской авиации (ИКАО), который на своей 25-й сессии в 1997 г. представил проект такого документа. После одобрения Советом ИКАО данный документ был вынесен на Дипломатическую конференцию по воздушному праву в 1999 г. Принятый этой Конференцией текст Монреальской конвенции 1999 г. представлен ниже.

Сложность и даже громоздкость «Варшавской системы» признается всеми. Но и расценивать принятие Монреальской конвенции 1999 г. как панацею в этом отношении преждевременно. Более того, ситуация может еще более (и значительно) усложниться по той причине, что определенному числу государств придется участвовать как в новой конвенции, так и в документах «старой Варшавской системы». Иными словами, государства-участники Монреальской конвенции 1999 г. будут применять в отношении между собой только её единообразный режим, а со всеми остальными государствами будут строить отношения на основе «старой Варшавы». Естественно, государства, не ставшие участниками Монреальской конвенции 1999 г., в отношениях между собой будут связаны положениями всех тех документов «Варшавской системы», к которым они присоединились.

Сколь долго будет продолжаться это «двоевластие» в данной сфере, — трудно сказать. Пока что Монреальская конвенция 1999 г. не вступила в силу (для этого требуется 30 ратификаций, а по состоянию на 1 января 2000 г. только одно государство сделало это — Белиз).

Что же представляет собой «Варшавская система»?

Основу её составляет Конвенция для унификации некоторых правил, касающихся международных воздушных перевозок, которая подписана в Варшаве 12 октября 1929 г. и вступила в силу 13 февраля 1933 г. (количество участников около 130).

Согласно Варшавской конвенции 1929 г., перевозчик несет ответственность за вред, выразившийся в смерти и любом телесном повреждении пассажира, в уничтожении, утере или повреждении багажа и груза, а также в опоздании при перевозке.

В Варшавской конвенции установлен режим конкурирующей юрисдикции, в соответствии с которым соответствующий иск может быть вчинен по выбору самого истца: в суде места жительства перевозчика, по месту нахождения его главного управления, по месту заключения договора перевозки, в месте назначения. Унифицированы требования к перевозочной документации и установлен единый срок исковой давности: два года.

Конвенция применяется к перевозке, выполняемой между территориями государств-участников, а также к перевозке, когда место отправления и место назначения находятся на территории одного и того же государства-участника, а остановка предусмотрена на территории другого государства, хотя бы и не участвующего в Конвенции.

Определены права отправителя на распоряжение грузом в пути следования, порядок выдачи груза в пункте назначения, ответственность перевозчика перед пассажирами и грузовладельцем.

Варшавская конвенция устанавливает принцип виновной ответственности перевозчика: он должен доказать, что им и поставленными им лицами были приняты все меры к тому, чтобы избежать вреда, или что их невозможно было принять. При этом предел ответственности перевозчика в отношении смерти или телесного повреждения пассажира составляет 125 тыс. французских золотых франков Пуанкаре (содержит 65,5 мг золота пробы девятьсот тысячных), или около 10 000 долларов, за каждый килограмм багажа и груза — 250 франков, в отношении ручной клади — 5 тыс. франков.

Указанные пределы были повышены вдвое в Гаагском протоколе 1955 г., в котором, кроме того, упрощены требования к перевозочной документации, изменены сроки предъявления претензий.

В 1961 г. была принята Гвадалахарская конвенция, дополнительная к Варшавской, относительно унификации некоторых правил, касающихся международной воздушной перевозки, выполняемой лицом иным, чем договорный перевозчик. Она распространила основные принципы Варшавской конвенции на перевозки на арендованных воздушных судах.

В 1961 г. (используя предоставляемую Варшавской конвенцией возможность повышения перевозчиком, по соглашению с пассажиром, пределов своей ответственности — п. 1 ст. 22 Конвенции) мно-

гие ведущие воздушные перевозчики заключили между собой соглашение (Монреальское соглашение 1966 г.) о повышении пределов своей ответственности при перевозках в США, из США или через территорию США.

Предел ответственности перевозчика по данному Соглашению составляет 58 тыс. американских долларов без судебных издержек и 75 тыс. долларов с судебными издержками.

С 1978 г. ряд европейских авиакомпаний также пошли по пути увеличения пределов своей ответственности. Данные шаги продиктованы конкурентными интересами.

Следующий документ данной «системы» — Гватемальский протокол 1971 г., который увеличил предел ответственности до 100 тыс. долларов за пассажира и ввел систему объективной ответственности перевозчика (независимо от его вины).

В 1975 г. в Монреале были приняты четыре протокола к документам данной «системы». Ими изменяется, в основном, расчетная единица: франк Пуанкаре заменяется на условную единицу СПЗ — Специальные права заимствования. Кроме того, Монреальский протокол № 4 1975 г. исходит из принципа объективной ответственности перевозчика.

Значительные нововведения произошли в этом плане и в законодательстве многих государств, в особенности — европейских. Поэтому принятие Монреальской конвенции 1999 г. — не просто «технический» вопрос унификации документов усложнившейся «системы», которая уже стала утрачивать признаки системности. Это отвечает и новым реалиям в сфере международных воздушных перевозок.

Хотя трудно с оптимизмом смотреть на будущее этой «унификации».

Доктор юридических наук

Малеев Ю.Н.

КОНВЕНЦИЯ

ДЛЯ УНИФИКАЦИИ НЕКОТОРЫХ ПРАВИЛ МЕЖДУНАРОДНЫХ ВОЗДУШНЫХ ПЕРЕВОЗОК

ГОСУДАРСТВА — УЧАСТНИКИ НАСТОЯЩЕЙ КОНВЕНЦИИ,

ПРИЗНАВАЯ значительный вклад Конвенции для унификации некоторых правил, касающихся международных воздушных перевозок, подписанной в Варшаве 12 октября 1929 года, в дальнейшем именуемой «Варшавской конвенцией», и других связанных с ней документов в дело упорядочения международного частного воздушного права,

ПРИЗНАВАЯ необходимость модернизации и консолидации Варшавской конвенции и связанных с ней документов,

ПРИЗНАВАЯ важность обеспечения защиты интересов потребителей при международных воздушных перевозках и необходимость справедливой компенсации на основе принципа наиболее полного возмещения,

ВНОВЬ ПОДТВЕРЖДАЯ желательность упорядоченного развития перевозок международным воздушным транспортом и беспрепятственного передвижения пассажиров, багажа и грузов в соответствии с принципами и целями Конвенции о международной гражданской авиации, совершенной в Чикаго 7 декабря 1944 года,

БУДУЧИ УБЕЖДЕННЫМИ в том, что коллективные действия государств по дальнейшей гармонизации и кодификации некоторых правил, регулирующих международные воздушные перевозки, в форме новой конвенции являются наиболее адекватным способом достижения справедливого баланса интересов,

ДОГОВОРИЛИСЬ О НИЖЕСЛЕДУЮЩЕМ:

Глава I

Общие положения

Статья 1. Сфера применения

1. Настоящая Конвенция применяется при всякой международной перевозке людей, багажа или груза, осуществляемой за вознаграждение посредством воздушного судна. Она применяется также к бесплатным перевозкам, осуществляемым посредством воздушного судна авиатранспортным предприятием.

2. *Международной перевозкой* в смысле настоящей Конвенции называется всякая перевозка, при которой, согласно определению сторон, место отправления и место назначения вне зависимости от того, имеются или нет перерыв в перевозке или перегрузка, расположены либо на территории двух государств-участников, либо на территории одного и того же государства-участника, если согласованная остановка предусмотрена на территории другого государства, даже если это государство не является государством-участником. Перевозка без подобной остановки между двумя пунктами, находящимися на территории одного и того же государства-участника, не рассматривается в смысле настоящей Конвенции как международная.

3. Перевозка, подлежащая осуществлению посредством нескольких последовательных перевозчиков, почитается образующей, с точки зрения применения настоящей Конвенции, единую перевозку, если она рассматривалась сторонами как одна операция, вне зависимости от того, была ли она заключена в виде одного договора или ряда договоров, и она не теряет своего международного характера исключительно в силу того, что один или несколько договоров должны быть выполнены полностью на территории одного и того же государства.

4. Настоящая Конвенция применяется также к перевозке, описанной в главе V, с учетом изложенных в ней условий.

Статья 2. Перевозки, совершаемые государством, и перевозки почтовых отправлений

1. Настоящая Конвенция применяется к перевозкам, совершенным государством или другими юридическими лицами публичного права, отвечающим условиям, предусмотренным в статье 1.

2. При перевозке почтовых отправлений перевозчик несет ответственность только перед соответствующей почтовой администрацией в

соответствии с правилами, применяемыми к отношениям между перевозчиками и почтовыми администрациями.

3. За исключением указанного в пункте 2 настоящей статьи, положения настоящей Конвенции не применяются к перевозке почтовых отправлений,

Глава II

Документация и обязанности сторон, касающиеся перевозки пассажиров, багажа и груза

Статья 3. Пассажиры и багаж

1. При перевозке пассажиров выдается индивидуальный или групповой перевозочный документ, содержащий:

- а) указание пунктов отправления и назначения;
- б) если пункты отправления и назначения находятся на территории одного и того же государства-участника, а одна или несколько предусмотренных остановок находятся на территории другого государства, указание по крайней мере одной такой остановки.

2. Вместо документа, упомянутого в пункте 1, могут использоваться любые другие средства, сохраняющие запись информации, указанной в этом пункте. Если используются такие другие средства, перевозчик предлагает предоставить пассажиру письменное изложение информации, сохраненной таким образом.

3. Перевозчик предоставляет пассажиру багажную идентификационную бирку на каждое место зарегистрированного багажа.

4. Пассажиру вручается письменное уведомление о том, что в случае применения настоящей Конвенции она регламентирует и может ограничивать ответственность перевозчиков в случае смерти или телесного повреждения лица и при уничтожении, утере или повреждении багажа и при задержке.

5. Несоблюдение положений предыдущих пунктов не затрагивает существования или действительности договора перевозки, который тем не менее подпадает под действие правил настоящей Конвенции, включая правила, касающиеся ограничения ответственности.

Статья 4. Груз

1. При перевозке груза выдается авиагрузовая накладная.
2. Вместо авиагрузовой накладной могут использоваться любые другие средства, сохраняющие запись о предстоящей перевозке. Если используются такие другие средства, перевозчик, по просьбе отправителя, выдает ему квитанцию на груз, позволяющую опознать груз и получить доступ к информации, содержащейся в записи, сохраняемой такими другими средствами.

Статья 5. Содержание авиагрузовой накладной или квитанции на груз

Авиагрузовая накладная или квитанция на груз содержит:

- а) указание пунктов отправления и назначения;
- б) если пункты отправления и назначения находятся на территории одного и того же государства-участника, а одна или несколько предусмотренных остановок находятся на территории другого государства, указание по крайней мере одной такой остановки; и
- с) указание веса отправки.

Статья 6. Документ, касающийся характера груза

В случае необходимости соблюдения процедур, установленных таможенными, полицейскими и аналогичными государственными органами, от отправителя может потребоваться представление документа с указанием характера груза. Настоящее положение не создает для перевозчика вытекающих из него обязанностей, обязательств или ответственности.

Статья 7. Описание авиагрузовой накладной

1. Авиагрузовая накладная составляется отправителем в трех подлинных экземплярах.
2. Первый экземпляр имеет пометку «для перевозчика» и подписывается отправителем. Второй экземпляр имеет пометку «для получателя» и подписывается отправителем и перевозчиком. Третий экземпляр подписывается перевозчиком, который передает его отправителю по принятии груза.
3. Подписи перевозчика и отправителя могут быть напечатаны или проставлены штемпелем.

4. Если, по просьбе отправителя, авиагрузовую накладную составляет перевозчик, то перевозчик рассматривается, до доказательства противного, как действующий от имени отправителя.

Статья 8. Документация при перевозке нескольких мест

Если имеется более одного места:

- а) перевозчик груза имеет право требовать от отправителя составления отдельных авиагрузовых накладных;
- б) отправитель имеет право требовать от перевозчика выдачи отдельных квитанций на груз, если используются другие средства, указанные в пункте 2 статьи 4.

Статья 9. Несоблюдение требований к документации

Несоблюдение положений статей 4-8 не затрагивает существования или действительности договора перевозки, который, тем не менее, подпадает под действие правил настоящей Конвенции, включая права, касающиеся ограничения ответственности.

Статья 10. Ответственность за правильность сведений в документации

1. Отправитель отвечает за правильность сведений и заявлений, касающихся груза, внесенных им или от его имени в авиагрузовую накладную или представленных им или от его имени перевозчику для внесения в квитанцию на груз или для включения в запись, сохраняемую другими средствами, указанными в пункте 2 статьи 4. Предшествующее положение применяется также в случае, когда лицо, действующее от имени отправителя, является также агентом перевозчика.

2. Отправитель несет ответственность перед перевозчиком за любой вред, понесенный им или любым другим лицом, перед которым перевозчик несет ответственность, вследствие неправильности, неточности или неполноты сведений и заявлений, представленных отправителем или от его имени.

3. За исключением положений пунктов 1 и 2 настоящей статьи, перевозчик несет ответственность перед отправителем за любой вред, понесенный им или любым другим лицом, перед которым отправитель несет ответственность, вследствие неправильности, неточности или неполноты сведений и заявлений, внесенных перевозчиком или от его имени в квитанцию на груз или в запись, сохраняемую другими средствами, указанными в пункте 2 статьи 4.

Статья 11. Доказательная сила документации

1. Авиагрузовая накладная или квитанция на груз, до доказательства противного, являются свидетельством заключения договора, принятия груза и условий перевозки, указанных в них.
2. Любые сведения в авиагрузовой накладной или в квитанции на груз о весе, размерах и упаковке груза, а также о числе мест, до доказательства противного, являются свидетельством сообщенных данных; данные о количестве, объеме и состоянии груза не служат доказательством против перевозчика, за исключением тех случаев, когда им произведена их проверка в присутствии отправителя с указанием об этом в авиагрузовой накладной или квитанции на груз или когда они касаются очевидного состояния груза.

Статья 12. Право распоряжаться грузом

1. Отправитель имеет право, при условии выполнения всех обязательств, вытекающих из договора перевозки, распоряжаться грузом, забирая его в аэропорту отправления или назначения, задерживая его в ходе перевозки в любом пункте посадки, давая указания о выдаче его в пункте назначения или в ходе перевозки иному лицу, чем первоначально указанному получателю, или требуя возвращения груза в аэропорт отправления. Отправитель не должен использовать право распоряжения грузом в ущерб перевозчику или другим отправителям и обязан возместить все расходы, вытекающие из применения этого права.
2. Если выполнить распоряжения отправителя невозможно, перевозчик обязан немедленно уведомить отправителя об этом.
3. Если перевозчик выполняет указания отправителя в отношении распоряжения грузом, не требуя представления выданного последнему экземпляра авиагрузовой накладной или квитанции на груз, то тем самым перевозчик принимает на себя, сохраняя право регресса к отправителю, ответственность за любой вред, который может быть в связи с этим причинен законному владельцу этого экземпляра авиагрузовой накладной или квитанции на груз.
4. Право отправителя прекращается в тот момент, когда, согласно статье 13, возникает право получателя. Однако, если получатель отказывается принять груз или с ним невозможно связаться, отправитель снова приобретает свое право распоряжения.

Статья 13. Выдача груза

1. За исключением случаев, когда отправитель осуществил свои права согласно статье 12, получатель имеет право требовать от перевозчика, с момента прибытия груза в пункт назначения, выдачи ему груза после уплаты причитающихся платежей и выполнения условий перевозки.
2. Если не оговорено иное, перевозчик обязан известить получателя немедленно по прибытии груза.
3. Если перевозчиком признана утрата груза или если груз не прибыл по истечении семидневного срока со дня, когда он должен был прибыть, получатель вправе осуществить по отношению к перевозчику права, вытекающие из договора перевозки.

Статья 14. Осуществление прав отправителя и получателя

Отправитель и получатель могут соответственно осуществлять все права, предоставленные им статьями 12 и 13, каждый от своего имени, независимо от того, действует ли он в своих собственных интересах или в интересах другого, но при условии выполнения обязательств, налагаемых договором перевозки.

Статья 15. Отношения между отправителем и получателем или взаимные отношения третьих лиц

1. Статьи 12, 13 и 14 не затрагивают отношений ни между отправителем и получателем, ни между третьими лицами, права которых производны либо от отправителя, либо от получателя.
2. Любая оговорка, отступающая от положений статей 12, 13 и 14, должна быть занесена в авиагрузовую накладную или квитанцию на груз.

Статья 16. Формальности таможенных, полицейских или других государственных органов

1. Отправитель обязан представить такие сведения и документы, которые необходимы для выполнения формальностей таможенных, полицейских или других государственных органов, до передачи груза получателю. Отправитель отвечает перед перевозчиком за любой вред, который причинен в результате отсутствия, недостаточности или неправильности любых таких сведений или документов, за исключением тех случаев, когда вред был причинен по вине перевозчика, его служащих или агентов.

2. Перевозчик не обязан проверять такие сведения или документы в отношении их точности или достаточности.

Глава III

Ответственность перевозчика и степень компенсации за вред

Статья 17. Смерть и телесное повреждение пассажиров.

Повреждение багажа

1. Перевозчик отвечает за вред, происшедший в случае смерти или телесного повреждения пассажира, только при условии, что происшествие, которое явилось причиной смерти или повреждения, произошло на борту воздушного судна или во время любых операций по посадке или высадке.

2. Перевозчик отвечает за вред, происшедший в случае уничтожения, утери или повреждения зарегистрированного багажа, только при условии, что случай, который явился причиной уничтожения, утери или повреждения, произошел на борту воздушного судна или во время любого периода, в течение которого зарегистрированный багаж находился под охраной перевозчика. Однако перевозчик не несет ответственности, если и в той мере, в какой вред явился результатом присущего багажу дефекта, качества или порока. В отношении незарегистрированного багажа, включая личные вещи, перевозчик несет ответственность, если вред причинен по его вине или по вине его служащих или агентов.

3. Если перевозчик признает утерю зарегистрированного багажа или если зарегистрированный багаж не поступил по истечении двадцати одного дня с даты, когда он должен был прибыть, пассажиру разрешается осуществлять по отношению к перевозчику права, вытекающие из договора перевозки.

4. В настоящей Конвенции термин «багаж», поскольку не предусмотрено иное, означает как зарегистрированный багаж, так и незарегистрированный багаж.

Статья 18. Повреждение груза

1. Перевозчик отвечает за вред, происшедший в случае уничтожения, утери или повреждения груза, только при условии, что событие, ставшее причиной такого вреда, произошло во время воздушной перевозки.

2. Однако перевозчик не несет ответственности, если и в той мере, в какой он докажет, что уничтожение, утеря или повреждение груза произошли в результате одного или нескольких перечисленных ниже обстоятельств:

- а) присущего грузу дефекта, качества или порока;
- б) неправильной упаковки груза лицом, кроме перевозчика, его служащих или агентов;
- с) акта войны или вооруженного конфликта;
- д) акта органа государственной власти, связанного с ввозом, вывозом или транзитом груза.

3. Воздушная перевозка по смыслу пункта 1 настоящей статьи охватывает период времени, в течение которого груз находится под охраной перевозчика.

4. Период времени воздушной перевозки не включает в себя никакой наземной перевозки, морской перевозки или перевозки внутренним водным путем, осуществленной вне аэропорта. Однако если подобная перевозка осуществляется во исполнение договора воздушной перевозки в целях погрузки, выдачи или перегрузки, любой вред, до доказательства противного, считается следствием события, имевшего место во время воздушной перевозки. Если перевозчик без согласия отправителя заменяет перевозку, которую по соглашению между сторонами предполагалось осуществить по воздуху, полностью или частично перевозкой каким-либо другим видом транспорта, такая перевозка другим видом транспорта считается перевозкой, осуществляемой в период времени воздушной перевозки.

Статья 19. Задержка

Перевозчик несет ответственность за вред, происшедший вследствие задержки при воздушной перевозке пассажиров, багажа или груза. Однако перевозчик не несет ответственности за вред, причиненный вследствие задержки, если он докажет, что им и его служащими и агентами приняты все возможные, разумно необходимые меры к тому, чтобы избежать вреда, или что ему или им было невозможно принять такие меры.

Статья 20. Освобождение от ответственности

Если перевозчик докажет, что вред был причинен или его причинению способствовали небрежность, неправильное действие или бездействие лица, требующего возмещения, или лица, от которого происходят его права, перевозчик полностью или частично освобождается от ответственности перед требующим возмещения лицом в той мере, в какой такие небрежность, неправильное действие или бездействие причинили вред или способствовали его причинению. Когда требование о возмещении заявлено иным лицом, чем пассажир, в связи со смертью или телесным повреждением, понесенным этим последним, перевозчик равным образом полностью или частично освобождается от ответственности в той мере, в какой он докажет, что небрежность, другое неправильное действие или бездействие этого пассажира причинили вред или способствовали его причинению. Настоящая статья применяется ко всем положениям об ответственности в настоящей Конвенции, включая пункт 1 статьи 21.

Статья 21. Компенсация в случае смерти или телесного повреждения пассажиров

1. В отношении вреда, причиненного согласно пункту 1 статьи 17 и не превышающего 100000 специальных прав заимствования на каждого пассажира, перевозчик не может исключать или ограничивать свою ответственность.

2. Перевозчик не несет ответственности за вред, причиненный согласно пункту 1 статьи 17, в той мере, в какой вред превышает на каждого пассажира 100 000 специальных прав заимствования, если перевозчик докажет, что:

- а) такой вред не был причинен из-за небрежности, или другого неправильного действия, или бездействия перевозчика, или его служащих, или агентов; или
- б) такой вред причинен исключительно из-за небрежности, или другого неправильного действия, или бездействия третьей стороны.

Статья 22. Пределы ответственности в отношении задержки, багажа и груза

1. В случае вреда, причиненного при перевозке лиц в результате задержки, о которой говорится в статье 19, ответственность перевозчика в отношении каждого пассажира ограничивается суммой 4150 специальных прав заимствования.

2. При перевозке багажа ответственность перевозчика в случае уничтожения, утери, повреждения или задержки ограничивается суммой 1000 специальных прав заимствования в отношении каждого пассажира, за исключением случаев, когда пассажир сделал в момент передачи зарегистрированного багажа перевозчику особое заявление о заинтересованности в доставке и уплатил дополнительный сбор, если это необходимо. В этом случае перевозчик обязан уплатить сумму, не превышающую объявленную сумму, если только он не докажет, что эта сумма превышает действительную заинтересованность пассажира в доставке.

3. При перевозке груза ответственность перевозчика в случае уничтожения, утери, повреждения или задержки ограничивается суммой 17 специальных прав заимствования за килограмм, за исключением случаев, когда отправитель сделал в момент передачи места перевозчику особое заявление о заинтересованности в доставке и уплатил дополнительный сбор, если это необходимо. В этом случае перевозчик обязан уплатить сумму, не превышающую объявленную сумму, если только он не докажет, что эта сумма превышает действительную заинтересованность отправителя в доставке.

4. В случае уничтожения, утери, повреждения или задержки части груза или любого предмета, содержащегося в нем, при определении предела ответственности перевозчика во внимание принимается только общий вес соответствующего места или мест. Однако когда уничтожение, утеря, повреждение или задержка части груза или любого содержащегося в нем предмета влияет на стоимость других мест, включенных в одну и ту же авиагрузовую накладную, или в ту же квитанцию, или, если они не выданы, в ту же запись, сохраняемую другими средствами, указанными в пункте 2 статьи 4, при определении предела ответственности должен также приниматься во внимание общий вес такого места или мест.

5. Вышеуказанные положения пунктов 1 и 2 настоящей статьи не применяются, если будет доказано, что вред произошел в результате действия или бездействия перевозчика, его служащих или агентов, совершенного с намерением причинить вред или безрассудно и с сознанием того, что в результате этого, возможно, произойдет вред, при условии, что в случае такого действия или бездействия служащего или агента будет также доказано, что этот служащий или агент действовал в рамках своих обязанностей.

6. Пределы, установленные статьей 21 и настоящей статьей, не препятствуют суду присудить в соответствии со своим законом допол-

нительно все или часть судебных издержек и других расходов по судебному разбирательству, понесенных истцом, включая проценты. Вышеуказанное положение не применяется, если сумма, присужденная в порядке возмещения вреда, исключая судебные издержки и другие расходы, связанные с судебным разбирательством, не превышает сумму, которую перевозчик в письменном виде предложил истцу в течение шести месяцев со дня причинения вреда или до начала судебного дела, если эта дата является более поздней.

Статья 23. Перевод валютных единиц

1. Суммы, указанные в специальных правах заимствования в настоящей Конвенции, рассматриваются как относящиеся к специальным правам заимствования, как они определены Международным валютным фондом. Перевод этих сумм в национальные валюты в случае судебных разбирательств производится в соответствии со стоимостью таких валют в специальных правах заимствования на дату судебного решения. Стоимость в специальных правах заимствования национальной валюты государства-участника, которое является членом Международного валютного фонда, исчисляется в соответствии с методом определения стоимости, применяемым Международным валютным фондом для его собственных операций и расчетов на дату судебного решения. Стоимость в специальных правах заимствования национальной валюты государства-участника, которое не является членом Международного валютного фонда, исчисляется по методу, установленному этим государством-участником.

2. Тем не менее государства, которые не являются членами Международного валютного фонда и законодательство которых не позволяет применять положения пункта 1 настоящей статьи, могут при ратификации или присоединении или в любое время после этого заявить, что предел ответственности перевозчика, предписываемый в статье 21, устанавливается в сумме 1 500 000 валютных единиц на пассажира при судебном разбирательстве на их территории; 62 500 валютных единиц на пассажира в отношении пункта 1 статьи 22; 15 000 валютных единиц на пассажира в отношении пункта 2 статьи 22; и 250 валютных единиц за килограмм в отношении пункта 3 статьи 22. Такая валютная единица состоит из шестидесяти пяти с половиной миллиграммов золота пробы девятьсот тысячных. Указанные суммы могут быть переведены в соответствующую национальную валюту в округленных цифрах. Перевод таких сумм в на-

циональную валюту осуществляется согласно законодательству соответствующего государства.

3. Расчеты, упомянутые в последнем предложении пункта 1 настоящей статьи, и перевод, упомянутый в пункте 2 настоящей статьи, выполняются таким образом, чтобы выразить в национальной валюте государства-участника, насколько это возможно, такую же реальную стоимость количественных показателей, указанных в статьях 21 и 22, какая будет получена в результате применения первых трех предложений пункта 1 настоящей статьи. Государства-участники информируют депозитария о методе исчисления согласно пункту 1 настоящей статьи или о результатах перевода согласно пункту 2 настоящей статьи соответственно при сдаче на хранение документа о ратификации, принятии, утверждении или присоединении к настоящей Конвенции, а также после каждого их изменения.

Статья 24. Пересмотр пределов

1. Без ущерба для положений статьи 25 настоящей Конвенции и с учетом приводимых ниже положений пункта 2 пределы ответственности, установленные в статьях 21, 22 и 23, пересматриваются депозитарием каждые пять лет, причем первый такой пересмотр проводится в конце пятого года после даты вступления в силу настоящей Конвенции или, если Конвенция не вступит в силу в течение пяти лет с даты, когда она была впервые открыта для подписания, в течение первого года после ее вступления в силу, с использованием коэффициента инфляции, соответствующего совокупным темпам инфляции за период со времени предыдущего пересмотра, или при первом пересмотре — с даты вступления в силу Конвенции. Размер темпов инфляции, используемый при определении коэффициента инфляции, исчисляется на основе средневзвешенных годовых ставок увеличения или понижения индексов потребительских цен в государствах, валюты которых образуют специальные права заимствования, упомянутые в пункте 1 статьи 23.

2. Если в результате пересмотра, упомянутого в предыдущем пункте, делается вывод о том, что коэффициент инфляции превысил 10 процентов, то депозитарий уведомляет государства-участники об изменении пределов ответственности. Любое такое изменение вступает в силу через шесть месяцев после уведомления о нем государств-участников. Если в течение трех месяцев после уведомления о нем государств-участников большинство государств-участников заявят о своем несогласии, изменение не вступает в силу и депозита-

рий передает данный вопрос на рассмотрение совещания государств-участников. Депозитарий незамедлительно уведомляет все государства-участники о вступлении в силу любого изменения.

3. Независимо от положений пункта 1 настоящей статьи, процедура, упомянутая в пункте 2 настоящей статьи, применяется в любое время при условии, что просьба об этом высказана одной третью государств-участников и что коэффициент инфляции, упомянутый в пункте 1, превысил 30 процентов за период с даты предыдущего пересмотра или с даты вступления в силу настоящей Конвенции, если пересмотр еще не проводился. Последующие пересмотры с использованием процедуры, описанной в пункте 1 настоящей статьи, будут проводиться каждые пять лет, начиная с конца пятого года после даты пересмотра в соответствии с настоящим пунктом.

Статья 25. Оговорка в отношении пределов

Перевозчик может оговорить, что в отношении договора перевозки применяются более высокие пределы ответственности, чем предусмотренные в настоящей Конвенции, либо никакие пределы ответственности не применяются.

Статья 26. Недействительность договорных положений

Всякая оговорка, клонящаяся к освобождению перевозчика от ответственности или же установлению предела ответственности, меньшего, чем тот, который установлен в настоящей Конвенции, является недействительной и не порождает никаких последствий, но недействительность этой оговорки не влечет за собой недействительности договора, который продолжает подпадать под действие положений настоящей Конвенции.

Статья 27. Свобода заключения договора

Ничто в настоящей Конвенции не препятствует перевозчику отказаться от заключения договора перевозки, отказаться от каких-либо средств защиты, предусматриваемых Конвенцией, или установить условия, не противоречащие положениям настоящей Конвенции.

Статья 28. Предварительные выплаты

В случае авиационного происшествия, вызвавшего смерть или повреждение пассажиров, перевозчик, если это предусматривается его национальным законодательством, незамедлительно производит предварительные выплаты физическому лицу или лицам, которые имеют право

требовать компенсацию, для удовлетворения безотлагательных экономических потребностей таких лиц. Такие предварительные выплаты не означают признание ответственности и могут идти в зачет последующих выплат перевозчика в плане возмещения вреда.

Статья 29. Основания для иска

При перевозке пассажиров, багажа и груза любой иск об ответственности, независимо от его основания, будь то на основании настоящей Конвенции, договора, правонарушения или на любом другом основании, может быть предъявлен лишь в соответствии с условиями и такими пределами ответственности, которые предусмотрены настоящей Конвенцией, без ущерба для определения круга лиц, которые имеют право на иск, и их соответствующих прав. При любом таком иске штрафы, штрафные санкции или любые другие выплаты, не относящиеся к компенсации фактического вреда, не подлежат взысканию.

Статья 30. Служащие, агенты. Общая сумма исков

1. Если иск предъявлен к служащему или агенту перевозчика в связи с вредом, о котором говорится в настоящей Конвенции, такой служащий или агент, если он докажет, что он действовал в рамках своих служебных обязанностей, имеет право ссылаться на условия и пределы ответственности, на которые имеет право ссылаться сам перевозчик на основании настоящей Конвенции.
2. Общая сумма, которая может быть взыскана с перевозчика, его служащих и агентов, не должна в этом случае превышать указанных пределов.
3. За исключением случаев перевозки груза, положения пунктов 1 и 2 настоящей статьи не применяются, если будет доказано, что вред явился результатом действия или бездействия служащего или агента, совершенного с намерением причинить вред или безрассудно и с сознанием того, что в результате этого может быть причинен вред.

Статья 31. Своевременное внесение возражений

1. Получение зарегистрированного багажа или груза получателем без возражений составляет предположение, впредь до доказательства противного, что багаж или груз были доставлены в надлежащем состоянии и согласно перевозочному документу или записи, сохраняемой другими средствами, упоминаемыми в пункте 2 статьи 3 и в пункте 2 статьи 4.

2. В случае причинения вреда лицо, имеющее право на получение груза, должно направить перевозчику возражение немедленно по обнаружении вреда и не позднее семи дней со дня получения зарегистрированного багажа и четырнадцати дней со дня получения груза. В случае задержки протест должен быть произведен не позднее двадцати одного дня, считая со дня, когда багаж или груз были переданы в его распоряжение.
3. Всякое возражение должно быть осуществлено письменно и вручено или отправлено в вышеупомянутые сроки.
4. При отсутствии возражения в вышеупомянутые сроки никакие иски против перевозчика не принимаются, кроме случая обмана со стороны последнего.

Статья 32. Смерть лица, несущего ответственность

В случае смерти лица, несущего ответственность, иск о возмещении вреда предъявляется в соответствии с условиями настоящей Конвенции к лицам, на законном основании представляющим его имущество.

Статья 33. Юрисдикция

1. Иск об ответственности должен быть предъявлен по выбору истца в пределах территории одного из государств-участников либо в суде по месту жительства перевозчика, по месту его основного коммерческого предприятия или по месту, где он имеет коммерческое предприятие, посредством которого был заключен договор, либо в суде места назначения перевозки.
2. В отношении вреда, происшедшего в результате смерти или телесного повреждения пассажира, иск об ответственности может быть возбужден в одном из судов, упомянутых в пункте 1 настоящей статьи, или на территории государства-участника, в котором пассажир на момент происшествия имеет основное и постоянное место жительства и в которое или из которого перевозчик предоставляет услуги, связанные с воздушной перевозкой пассажиров либо на собственных воздушных судах, либо на воздушных судах другого перевозчика на основании коммерческого соглашения и в котором этот перевозчик осуществляет деятельность, связанную с воздушной перевозкой пассажиров, используя помещения, арендуемые самим перевозчиком или другим перевозчиком, с которым он имеет коммерческое соглашение, или принадлежащие ему или такому другому перевозчику.
3. Для целей пункта 2:

- а) «коммерческое соглашение» означает соглашение между перевозчиками, кроме агентского соглашения, касающееся предоставления их совместных услуг, связанных с воздушными перевозками пассажиров;
- б) «основное и постоянное место жительства» означает одно зафиксированное и постоянное место проживания пассажира на момент происшествия. Гражданство пассажира не является определяющим фактором в этом отношении.

4. Процедура определяется законом суда, в котором предъявлен иск.

Статья 34. Арбитраж

1. С учетом положений настоящей статьи стороны в договоре перевозки груза могут установить, что любой спор, касающийся ответственности перевозчика по настоящей Конвенции, подлежит разрешению в арбитраже. Такая договоренность оформляется в письменной форме.

2. Арбитражное разбирательство по выбору истца проводится в одном из мест в соответствии с компетенцией судов, предусмотренной в статье 33.

3. Арбитр или арбитражный трибунал применяют положения настоящей Конвенции.

4. Положения пунктов 2 и 3 настоящей статьи считаются составной частью любой арбитражной оговорки или договоренности, и любое условие такой оговорки или договоренности, несовместимое с ними, является ничтожным и недействительным.

Статья 35. Исковая давность

1. Иск об ответственности должен быть возбужден, под страхом утраты права на иск, в течение двух лет с момента прибытия по назначению, или со дня, когда воздушное судно должно было бы прибыть, или с момента остановки перевозки.

2. Порядок исчисления этого срока определяется законом суда, в котором вчинен иск.

Статья 36. Последовательные перевозчики

1. В случаях перевозок, регулируемых определением пункта 3 статьи 1, производимых несколькими последовательными перевозчиками, каждый перевозчик, принимающий пассажиров, багаж или груз, подпадает под действие правил, установленных настоящей Конвенцией, и рассматривается в качестве одной из сторон в договоре пере-

возки, поскольку этот договор имеет отношение к части перевозки, совершаемой под его контролем.

2. В случае такой перевозки пассажир или любое лицо, имеющее право претендовать на компенсацию от его имени, может возбудить дело лишь против перевозчика, производившего ту перевозку, в течение которой произошли происшествие или задержка, за исключением случая, когда по специальному условию первый перевозчик принял ответственность за весь путь.

3. В отношении багажа или груза пассажир или отправитель может возбудить дело против первого перевозчика, и пассажир или получатель, имеющий право на получение, — против последнего; и тот и другой могут, кроме того, взыскать с перевозчика, совершавшего перевозку, в течение которой произошли уничтожение, утеря, повреждение или задержка. Эти перевозчики будут нести солидарную ответственность перед отправителем и получателем.

Статья 37. Право регресса против третьих лиц

Настоящая Конвенция ни в коей мере не предпрещает вопроса о том, имеет ли лицо, ответственное за вред в соответствии с ее положениями, право регресса против любого другого лица.

Глава IV

Смешанные перевозки

Статья 38. Смешанные перевозки

1. В случае смешанных перевозок, осуществляемых частично воздушным и частично каким-либо иным способом перевозки, положения настоящей Конвенции применяются с учетом пункта 4 статьи 18 лишь к воздушной перевозке, если притом последняя отвечает условиям статьи 1.

2. Ничто в настоящей Конвенции не мешает сторонам в случае смешанной перевозки включать в воздушно-перевозочный документ условия, относящиеся к перевозкам иными способами перевозки, при условии, что положения настоящей Конвенции будут применимы в отношении перевозки по воздуху.

Глава V

Воздушные перевозки, осуществляемые лицами, не являющимися перевозчиками по договору

Статья 39. Перевозчик по договору. Фактический перевозчик

Положения настоящей главы применяются в тех случаях, когда лицо (в дальнейшем именуемое «перевозчиком по договору») в качестве основной стороны заключает договор перевозки, регулируемой настоящей Конвенцией, с пассажиром, или отправителем, или с лицом, действующим от имени пассажира или отправителя, а другое лицо (в дальнейшем именуемое «фактическим перевозчиком»), будучи уполномоченным перевозчиком по договору, осуществляет всю перевозку или часть ее, но не является в отношении такой части последовательным перевозчиком в смысле настоящей Конвенции. Наличие упомянутого полномочия предполагается до доказательства противного.

Статья 40. Ответственность перевозчика по договору и фактического перевозчика

Если иное не оговорено в настоящей главе, в тех случаях, когда фактический перевозчик осуществляет полностью или частично перевозку, которая в соответствии с договором, предусмотренным в статье 39, регулируется настоящей Конвенцией, как перевозчик по договору, так и фактический перевозчик подпадают под действие правил настоящей Конвенции, причем первый из них — в отношении всей перевозки, предусмотренной в договоре, второй же — лишь в отношении той перевозки, которую он осуществляет.

Статья 41. Взаимное отнесение ответственности

1. Действия или бездействие фактического перевозчика и его служащих и агентов, действовавших в рамках своих обязанностей, в отношении перевозки, осуществляемой фактическим перевозчиком, считаются действиями или бездействием и перевозчика по договору.

2. Действия или бездействие перевозчика по договору и его служащих и агентов, действовавших в рамках своих обязанностей, в отношении перевозки, осуществляемой фактическим перевозчиком, считаются действиями или бездействием и фактического перевозчика. Однако эти действия или бездействие ни в коем случае не возлагают на фактического перевозчика ответственность, которая превышала

бы пределы, предусмотренные в статьях 21, 22, 23 и 24. Никакое особое соглашение, в соответствии с которым перевозчик по договору принимает на себя обязательства, не возлагаемые настоящей Конвенцией, никакой отказ от прав или средств защиты, оговоренных настоящей Конвенцией, или какие бы то ни было специальные заявления о заинтересованности в доставке, предусмотренные в статье 22, не распространяются на фактического перевозчика без его на то согласия.

Статья 42. Обращение распоряжений и возражений

Любые распоряжения и возражения, предъявляемые перевозчику на основании настоящей Конвенции, имеют одинаковую силу вне зависимости от того, обращены ли они к перевозчику по договору или к фактическому перевозчику. Однако распоряжения, предусмотренные в статье 12, имеют силу, лишь если они обращены к перевозчику по договору.

Статья 43. Служащие и агенты

В отношении перевозки, осуществляемой фактическим перевозчиком, любой служащий или агент этого перевозчика или перевозчика по договору, если он докажет, что он действовал в рамках своих обязанностей, имеет право ссылаться на условия и пределы ответственности, относящиеся по настоящей Конвенции к перевозчику, служащим или агентом которого он является, если, однако, не будет доказано, что он действовал таким образом, что в соответствии с настоящей Конвенцией ссылка на пределы ответственности не может иметь место.

Статья 44. Общая сумма возмещения

В отношении перевозки, осуществляемой фактическим перевозчиком, общая сумма возмещения, которая может быть получена с этого перевозчика, с перевозчика по договору и с его служащих и агентов, действовавших в рамках своих обязанностей, не может превышать максимального возмещения, которое, на основании настоящей Конвенции, может быть взыскано либо с перевозчика по договору, либо с фактического перевозчика, причем ни одно из упомянутых лиц не несет ответственности сверх применимого к этому лицу предела.

Статья 45. Обращение исков

Всякий иск об ответственности, относящийся к перевозке, осуществляемой фактическим перевозчиком, может по выбору истца быть возбужден либо против этого перевозчика, либо против перевозчика по договору, либо против обоих, совместно или в отдельности. Если иск возбужден лишь против одного из этих перевозчиков, он имеет право привлечь и другого перевозчика к делу перед судом, в котором вчинен иск, причем процедура такого привлечения и его последствия определяются законом этого суда.

Статья 46. Дополнительная юрисдикция

Всякий иск об ответственности, предусмотренный в статье 45, должен быть возбужден по выбору истца в пределах территории одного из государств-участников либо в одном из судов, в которых иск может быть вчинен против перевозчика по договору на основании статьи 33, либо в суде по месту жительства фактического перевозчика или по месту нахождения его основного коммерческого предприятия.

Статья 47. Недействительность договорных положений

Всякая оговорка, клонящаяся к освобождению перевозчика по договору или фактического перевозчика от ответственности на основании настоящей главы или же к установлению предела ответственности, меньшего, чем тот, который применим в соответствии с настоящей главой, является недействительной и не порождает никаких последствий, но недействительность этой оговорки не влечет за собой недействительности всего договора, который продолжает подпадать под действие положений настоящей главы.

Статья 48. Взаимоотношения перевозчика по договору и фактического перевозчика

За исключением положений статьи 45, ничто в настоящей главе не затрагивает возникающие между перевозчиками права и обязанности, включая любое право регресса или освобождения от ответственности.

Глава VI

Прочие положения

Статья 49. Обязательное применение

Являются недействительными всякие положения договора перевозки и всякие особые соглашения, предшествовавшие причинению вреда, которыми стороны отступали бы от правил настоящей Конвенции либо путем определения подлежащего применению закона, либо путем изменения правил о юрисдикции.

Статья 50. Страхование

Государства-участники требуют, чтобы их перевозчики обеспечили надлежащее страхование своей ответственности в соответствии с настоящей Конвенцией. Государство-участник, в которое перевозчик выполняет полеты, может потребовать от него доказательств обеспечения надлежащего страхования своей ответственности по настоящей Конвенции.

Статья 51. Перевозки, осуществляемые при исключительных обстоятельствах

Положения статей с 3 по 5, 7 и 8, касающиеся перевозочных документов, не применяются к перевозкам, осуществляемым при исключительных обстоятельствах вне рамок обычных операций по эксплуатации воздушного транспорта.

Статья 52. Определение дней

Когда в настоящей Конвенции речь идет о днях, то подразумеваются календарные дни, а не рабочие дни.

Глава VII

Заключительные положения

Статья 53. Подписание, ратификация и вступление в силу

1. Настоящая Конвенция открыта для подписания в Монреале 28 мая 1999 года государствами, участвовавшими в Международной конференции по воздушному праву, состоявшейся в Монреале с 10 по 28 мая 1999 года. После 28 мая 1999 года Конвенция будет открыта

для подписания всеми государствами в Штаб-квартире Международной организации гражданской авиации в Монреале до ее вступления в силу в соответствии с пунктом 6 настоящей статьи.

2. Настоящая Конвенция открыта также для подписания региональными организациями экономической интеграции. Для целей настоящей Конвенции «региональная организация экономической интеграции» означает любую организацию, учрежденную суверенными государствами определенного региона, которая обладает компетенцией в отношении некоторых вопросов, регулируемых настоящей Конвенцией, и должным образом уполномочена подписывать и ратифицировать, принимать, утверждать настоящую Конвенцию или присоединяться к ней. Ссылка на «государство-участника» или «государства-участники» в настоящей Конвенции иным образом, чем в пункте 2 статьи 1, пункте 1 b) статьи 3, пункте b) статьи 5, статьях 23, 33, 46 и пункте b) статьи 57, распространяется в равной мере на региональную организацию экономической интеграции. Для целей статьи 24 ссылки на «большинство государств-участников» и «одну треть государств-участников» не распространяются на региональную организацию экономической интеграции.

3. Настоящая Конвенция подлежит ратификации государствами и региональными организациями экономической интеграции, которые ее подписали.

4. Любое государство или региональная организация экономической интеграции, которые не подписали настоящую Конвенцию, могут принять, утвердить ее или присоединиться к ней в любое время.

5. Ратификационные грамоты и документы о принятии, утверждении или присоединении сдаются на хранение в Международную организацию гражданской авиации, которая настоящим назначается депозитарием.

6. Настоящая Конвенция вступает в силу на шестидесятый день с даты сдачи на хранение депозитарию тридцатой ратификационной грамоты, документа о принятии, утверждении или присоединении между государствами, которые сдали на хранение такие документы. Документ, сданный на хранение региональной организацией экономической интеграции, не учитывается для целей настоящего пункта.

7. Для других государств и для других региональных организаций экономической интеграции настоящая Конвенция вступает в силу на шестидесятый день с даты сдачи на хранение ратификационной грамоты, документа о принятии, утверждении или присоединении.

8. Депозитарий незамедлительно уведомляет все государства, подписавшие Конвенцию, и все государства-участники:

- а) о каждом подписании настоящей Конвенции и дате такого подписания;
- б) о сдаче на хранение каждой ратификационной грамоты, документа о принятии, утверждении или присоединении и о дате такой сдачи на хранение;
- с) о дате вступления в силу настоящей Конвенции;
- д) о дате вступления в силу любого изменения пределов ответственности, установленных в соответствии с настоящей Конвенцией;
- е) о любой денонсации в соответствии со статьей 54.

Статья 54. Денонсация

1. Любое государство-участник может денонсировать настоящую Конвенцию путем письменного уведомления депозитария.

2. Денонсация вступает в силу через сто восемьдесят дней с даты получения такого уведомления депозитарием.

Статья 55. Взаимосвязь с другими документами Варшавской конвенции

Настоящая Конвенция имеет преимущественную силу перед любыми правилами, применяемыми к международной воздушной перевозке:

1. между государствами — участниками настоящей Конвенции в силу совместного участия этих государств в:

- а) *Конвенции для унификации некоторых правил, касающихся международных воздушных перевозок*, подписанной в Варшаве 12 октября 1929 года (в дальнейшем именуется Варшавской конвенцией);
- б) *Протоколе об изменении Варшавской конвенции для унификации некоторых правил, касающихся международных воздушных перевозок*, подписанной в Варшаве 12 октября 1929 года, совершенном в Гааге 28 сентября 1955 года (в дальнейшем именуется Гаагским протоколом);
- с) *Конвенции, дополнительной к Варшавской конвенции для унификации некоторых правил, касающихся международных воздушных перевозок, осуществляемых лицом, не являющимся перевозчиком по договору*, подписанной в Гвадалахаре

18 сентября 1961 года (в дальнейшем именуется Гвадалахарской конвенцией);

- d) *Протоколе об изменении Конвенции для унификации некоторых правил, касающихся международных воздушных перевозок, подписанной в Варшаве 12 октября 1929 года и измененной протоколом, совершенным в Гааге 28 сентября 1955 года, измененной Гаагским протоколом, подписанном в Гватемале 8 марта 1971 года (в дальнейшем именуется Гватемальским протоколом);*
 - e) дополнительных протоколах № 1-3 и Монреальском протоколе № 4 об изменении Варшавской конвенции, измененной Гаагским протоколом, или Варшавской конвенции, измененной Гаагским и Гватемальским протоколами, подписанных в Монреале 25 сентября 1975 года (в дальнейшем именуются Монреальскими протоколами); или
2. в пределах территории любого отдельного государства — участника настоящей Конвенции в силу участия этого государства в одном или нескольких документах, упомянутых выше в подпунктах а) — е).

Статья 56. Государства, имеющие более одной правовой системы

1. Если государство имеет две или более территориальные единицы, в которых применяются различные правовые системы в отношении вопросов, регулируемых настоящей Конвенцией, оно может в момент подписания, ратификации, принятия, утверждения или присоединения заявить, что настоящая Конвенция распространяется на все его территориальные единицы или лишь на одну или более из них и может изменить это заявление, представив другое заявление в любое время.
2. Любое такое заявление доводится до сведения депозитария, и в нем должны ясно указываться территориальные единицы, к которым применяется Конвенция.
3. В отношении государства-участника, сделавшего такое заявление:
 - a) ссылки в статье 23 на «национальную валюту» понимаются как относящиеся к валюте соответствующей территориальной единицы этого государства; и
 - b) ссылка в статье 28 на «национальное законодательство» понимается как относящаяся к законодательству соответствующей территориальной единицы этого государства.

Статья 57. Оговорки

Никакие оговорки к настоящей Конвенции не допускаются, за исключением того, что государство-участник может в любое время заявить путем уведомления депозитария о том, что настоящая Конвенция не распространяется на:

- а) международные воздушные перевозки, выполняемые непосредственно этим государством-участником в некоммерческих целях в связи с осуществлением его функций и обязанностей в качестве суверенного государства; и/или
- б) перевозку лиц, груза и багажа, осуществляемую для его военных властей, на воздушных судах, зарегистрированных в этом государстве-участнике или арендованных им, которые полностью зарезервированы этими властями или от их имени.

В УДОСТОВЕРЕНИЕ ЧЕГО нижеподписавшиеся полномочные представители, должным образом уполномоченные, подписали настоящую Конвенцию.

СОВЕРШЕНО в Монреале 28 дня мая месяца одна тысяча девятьсот девяносто девятого года на русском, английском, арабском, испанском, китайском и французском языках, причем все тексты являются равно аутентичными. Настоящая Конвенция остается на хранении в архивах Международной организации гражданской авиации, а ее заверенные копии направляются депозитарием всем государствам — участникам настоящей Конвенции, а также всем государствам — участникам Варшавской конвенции. Гаагского протокола, Гвадалахарской конвенции. Гватемальского протокола и Монреальских протоколов.

ОБ АРБИТРАЖНОЙ РЕФОРМЕ 1999 Г. В ШВЕЦИИ.

КАСАТЕЛЬНО НОВОГО ШВЕДСКОГО ЗАКОНА ОБ АРБИТРАЖЕ И НОВОГО РЕГЛАМЕНТА АРБИТРАЖНОГО ИНСТИТУТА ТОРГОВОЙ ПАЛАТЫ СТОКГОЛЬМА

*Ульф Франке,
Генеральный секретарь
Арбитражного Института ТП Стокгольма*

ВВЕДЕНИЕ

Арбитражная реформа в Швеции 1999 г. повлекла не только принятие нового Закона об Арбитраже. Помимо Закона, Арбитражным Институтом при ТП Стокгольма (Институтом) был разработан целый ряд процессуальных правил разрешения споров.

Главными и наиболее часто используемыми среди упомянутых правил являются положения Регламента Института. Кроме Регламента, Арбитражным Институтом были приняты:

- Правила ускоренной арбитражной процедуры,
- Регламент рассмотрения споров в области страхования,
- Правила примирительной процедуры Института посреднических услуг по урегулированию споров,
- Правила процедуры в соответствии с Арбитражным Регламентом ЮНСИТРАЛ.

Весь список названных процессуальных правил, как и новый Закон об Арбитраже, вступили в силу одновременно 1 апреля 1999 г.

Действующий Регламент Института применяется равным образом для разрешения как внутренних, так и международных споров, а также может быть использован в арбитражных разбирательствах за пределами Швеции.

НОВЫЙ ЗАКОН ОБ АРБИТРАЖЕ

Несмотря на значительный срок неизменного действия, предшествующее законодательство об арбитраже 1929 г. вплоть до при-

нения нового Закона обеспечивало вполне удовлетворительную юридическую базу для организации как внутренних, так и международных арбитражных разбирательств в Швеции.

Одной из причин вышесказанного является длительная история развития арбитража в Швеции и, как результат, то, что в этой стране независимость арбитража признается с давних пор. Так, решения арбитража подлежали пересмотру только в случаях, когда арбитры отклонялись от процессуальной процедуры, установленной арбитражным соглашением сторон, или иным образом не соблюдали минимальных стандартов справедливого предоставления каждой стороне возможности изложить свою позицию. На протяжении многих лет арбитражные решения в Швеции являются окончательными и исключительными в отношении существа споров.

Новый Закон об Арбитраже, включающий в себя положения предшествующего Закона и Закона об арбитражных соглашениях и решениях, является примером современного законодательства, отвечающего нуждам международной практики. Статьи Закона 1929 г. были адаптированы и скорректированы с учетом прецедентного права и нужд современного арбитражного процесса. Влияние на новое законодательство оказало также развитие международного арбитражного права, в частности, Типовой закон ЮНСИТРАЛ о международном коммерческом арбитраже. Поэтому, несмотря на свою применимость, аналогично предшествующему Закону, в равной степени к внутренним и международным спорам, новый шведский Закон об Арбитраже очень близок по содержанию к тексту Типового закона ЮНСИТРАЛ.

Какие споры могут быть разрешены арбитражем

Новый Закон сохранил фундаментальный принцип предшествующего законодательства, который гласит:

всякий спор по вопросам, в отношении которых стороны вправе заключить соглашение, может быть разрешен в арбитражном порядке.

Новеллой является ряд положений раздела 1, расширяющих компетенцию арбитража за пределы юрисдикции судов. Во-первых, названный раздел устанавливает, что спор, касающийся исключительно наличия или отсутствия определенного фактического обстоятельства, может быть рассмотрен арбитражем. Во-вторых, в разделе говорится, что арбитры вправе заполнять пробелы в тексте соответствующего контракта.

Арбитражное соглашение

Важное нововведение содержится в разделе 48 Закона касательно права, применимого к арбитражным соглашениям (как отличного от права, регулирующего отношения из самого контракта). Как гласит указанный раздел, в отсутствие договоренности сторон об ином к арбитражному соглашению подлежит применению право государства, на территории которого имеет место или будет, в соответствии с арбитражным соглашением, иметь место арбитражное разбирательство.

Автономность арбитражного соглашения

Автономность арбитражного соглашения по отношению к самому контракту установлена в первом абзаце раздела 3 и является результатом кодификации существующих прецедентов.

С доктриной автономности арбитражного соглашения тесно связан принцип компетенции компетенции, который был добавлен в раздел 2 нового Закона. Указанный принцип гласит, что состав арбитража в случаях, когда оспаривается существование или действительность арбитражного соглашения, вправе вынести решение на предмет собственной компетенции. Этот принцип был сформулирован на основе анализа прецедентной практики.

Постановления и решения арбитража

Закон провозглашает широкие полномочия арбитров в отношении принятия постановлений и решений по отдельным вопросам, таким образом покончив с неопределенностью в этой области, характерной для предшествующего законодательства.

Важной новеллой является предоставление ответчику права требовать разрешения спора, даже если истец отзывает иск. Раздел 28 гласит, что в случае, когда сторона отказывается от заявленных требований, арбитражное разбирательство будет прекращено, если только другая сторона не настаивает на вынесении решения касательно изложенных требований.

Обеспечительные меры

Закон в абзаце 4 раздела 25 содержит новые положения об обеспечительных мерах, устанавливающие, что в отсутствие договоренности сторон об ином арбитры в ходе разбирательства могут по запросу любой стороны потребовать от другой стороны совершения

определенных действий в целях обеспечения требований, заявленных по рассматриваемому делу.

Недействительность и отмена арбитражных решений

Основания для обжалования арбитражного решения содержатся в главе под названием *Недействительность и отмена арбитражных решений*. Предложенный список является закрытым, что означает невозможность обжалования решений по каким-либо иным основаниям.

Исключение оснований для отмены решения

Новеллой является положение Закона, гласящее, что иностранные участники (т.е. в случаях, когда ни одна из сторон не является субъектом шведского права) могут своим соглашением заранее исключить возможность отмены арбитражного решения по всем или каким-либо основаниям, установленным в разделе 34 Закона об Арбитраже.

Приведение в исполнение

Последняя глава нового Закона содержит положения, которые в предшествующем законодательстве были урегулированы в форме Закона об иностранных арбитражных соглашениях и решениях, и, по сути, являются отражением участия Швеции в Нью-Йоркской конвенции.

НОВЫЙ АРБИТРАЖНЫЙ РЕГЛАМЕНТ ИНСТИТУТА

Назначение арбитров

Как и в предшествующем Регламенте, согласно ныне действующему Регламенту Арбитражного Института для разрешения спора назначаются три арбитра, если иное не предусмотрено соглашением сторон. Каждая из сторон назначает по одному арбитру, третий арбитр назначается Арбитражным Институтом и выступает в качестве Председателя состава арбитража. Стороны, однако, свободны избрать иной способ назначения Председателя.

Кроме того, если стороны не договорились о числе арбитров в составе арбитража, Институт, принимая во внимание сложность дела, цену спора и другие обстоятельства, вправе постановить, что спор подлежит разрешению единоличным арбитром. Наделение Ар-

битражного Института указанным полномочием является новеллой Регламента.

Применимое право

Положения нового Регламента сформулированы в традициях действующей практики решения вопроса о применимом праве, а именно предоставляя сторонам максимальную свободу выбора. Регламент позволяет сторонам подчинить свой контракт не только какому-либо национальному праву, но и любым принципам права, а также уполномочить состав арбитража выступать в качестве мирового посредника или разрешить спор *по справедливости*.

Часто стороны не приходят к соглашению касательно применимого права. Для таких случаев новый Закон оговаривает полномочия состава арбитража применять то право или правовые нормы, которые представляются арбитрам наиболее приемлемыми в конкретных обстоятельствах, а не прибегать к коллизионным нормам какой-либо правовой системы. Такое правило идет вразрез с превалирующей шведской арбитражной практикой разрешения споров с иностранными участниками, однако отражает последние международные тенденции в этой области.

Решения

В новом Регламенте были существенно урезаны сроки для вынесения арбитражного решения, а именно установлено, что решение должно быть вынесено не позднее шести месяцев с момента передачи дела составу арбитража, в то время как предшествующим Регламентом арбитрам предоставлялся один год.

Арбитражные сборы

Новый Регламент внес значительные корректировки в отношении принципов исчисления арбитражных сборов. Предшествующий Регламент позволял арбитрам самостоятельно определять размеры своего вознаграждения на основании затраченного на разбирательство времени, а также с учетом сложности дела, цены спора и других обстоятельств.

Ныне действующие правила уполномочили Арбитражный Институт установить фиксированные размеры вознаграждения арбитров в зависимости от цены спора.

Следует отметить, что валютой расчета в Регламенте является не шведская крона, а евро (EURO).

Правила ускоренной арбитражной процедуры

Первые Правила ускоренной арбитражной процедуры были представлены в 1995 г. и тотчас же стали с успехом применяться на практике. Спрос на упрощенную процедуру для рассмотрения дел с незначительной ценой иска в международной коммерции обусловил заслуженную популярность названных Правил.

Вариант Правил ускоренной арбитражной процедуры 1999 г. в принципе содержит прежние положения. Однако новеллы Арбитражного Регламента, как, например, по вопросу применимого права, были также учтены при составлении новых Правил.

Основными чертами ускоренной процедуры являются следующие:

- Рассмотрение дела всегда осуществляется единоличным арбитром, который, если иное не установлено соглашением сторон, назначается Арбитражным Институтом.
- Помимо искового заявления и ответа на иск, каждая сторона может представить только одно дополнительное краткое письменное заявление. Время для дополнения ограничено и составляет 10 рабочих дней.
- Арбитр обязан вынести решение по делу в течение трех месяцев с момента передачи ему дела. Основания для вынесения решения будут изложены в нем, только если поступил соответствующий запрос от одной из сторон.

Регламент рассмотрения споров в области страхования

Данный Регламент был принят в целях обеспечения более эффективного рассмотрения дел в сфере страхования и перестрахования. В соответствии с настоящим Регламентом, по таким делам Институт избирает арбитров исключительно из круга лиц, обладающих соответствующими опытом и квалификацией и являющихся признанными специалистами в области страхования.

Названный Регламент включают соответствующие положения как Арбитражного Регламента, так и Правил ускоренной арбитражной процедуры. Последние применимы в большинстве случаев, за исключением тех, когда Институт, учитывая сложность дела и иные обстоятельства, решит руководствоваться Арбитражным Регламентом.

РЕГЛАМЕНТ АРБИТРАЖНОГО ИНСТИТУТА ТОРГОВОЙ ПАЛАТЫ СТОКГОЛЬМА

Принят Торговой Палатой г. Стокгольма и
введен в действие 1 апреля 1999 г.

СОДЕРЖАНИЕ

I. ОРГАНИЗАЦИЯ ИНСТИТУТА

- Статья 1. Институт
- Статья 2. Правление
- Статья 3. Решения Правления
- Статья 4. Секретариат

II. АРБИТРАЖНЫЙ РЕГЛАМЕНТ ИНСТИТУТА

ВОЗБУЖДЕНИЕ ПРОИЗВОДСТВА

- Статья 5. Просьба об арбитраже
- Статья 6. Регистрационный сбор
- Статья 7. Отказ в возбуждении производства по делу
- Статья 8. Дата возбуждения производства по делу
- Статья 9. Правила процедуры
- Статья 10. Объяснения ответчика
- Статья 11. Запрашивание у сторон дополнительной информации;
сроки
- Статья 12. Уведомление сторон
- Статья 13. Назначение арбитров, определение места арбитража
- Статья 14. Аванс на покрытие расходов
- Статья 15. Передача дела составу арбитража

ФОРМИРОВАНИЕ СОСТАВА АРБИТРАЖА

- Статья 16. Число арбитров и процедура их назначения
- Статья 17. Беспристрастность и независимость арбитров.
Обязанность арбитра заявить об основаниях для отвода
- Статья 18. Отвод арбитров
- Статья 19. Прекращение полномочий арбитров

ПРОИЗВОДСТВО ПО ДЕЛУ, ОСУЩЕСТВЛЯЕМОЕ СОСТАВОМ АРБИТРАЖА

- Статья 20. Правила процедуры, устанавливаемые составом арбитража
- Статья 21. Исковое заявление и возражения по иску

- Статья 22. Дополнение иска или возражений по иску
- Статья 23. Язык разбирательства
- Статья 24. Применимое право
- Статья 25. Устное слушание
- Статья 26. Доказательства
- Статья 27. Эксперты
- Статья 28. Неявка стороны на заседание
- Статья 29. Отказ от права ссылаться на отклонения от процедуры
- Статья 30. Голосование
- Статья 31. Обеспечительные меры

АРБИТРАЖНОЕ РЕШЕНИЕ

- Статья 32. Арбитражное решение
- Статья 33. Срок для вынесения арбитражного решения
- Статья 34. Отдельное арбитражное решение
- Статья 35. Право требовать вынесения арбитражного решения
- Статья 36. Характер арбитражного решения
- Статья 37. Исправление арбитражного решения и вынесение
дополнительного арбитражного решения
- Статья 38. Хранение арбитражных решений

АРБИТРАЖНЫЕ РАСХОДЫ

- Статья 39. Арбитражные расходы
- Статья 40. Оплата арбитражных расходов
- Статья 41. Расходы, понесенные сторонами

ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

- Статья 42. Освобождение от ответственности

ВСТУПЛЕНИЕ В СИЛУ

III. ПРИЛОЖЕНИЕ

ПОЛОЖЕНИЕ ОБ АРБИТРАЖНЫХ РАСХОДАХ И СБОРАХ

I. Регистрационный сбор

II. Аванс на покрытие арбитражных расходов

III. Арбитражные расходы

Статья 1. Гонорары арбитров

Статья 2. Административный сбор Института

Статья 3. Расходы

IV. Вступление в силу

I. ОРГАНИЗАЦИЯ ИНСТИТУТА

Статья 1. Институт

Арбитражный Институт Торговой Палаты Стокгольма (далее «Институт») является независимым органом Торговой Палаты Стокгольма (далее «Палата»), занимающимся вопросами арбитража.

Сам Институт не разрешает споров. В его задачи входит:

- содействовать разрешению внутренних и международных споров в соответствии с Регламентом Института (далее «Регламент»);
- содействовать разрешению споров в соответствии с другими правилами процедуры, принятыми Институтом¹;
- содействовать, согласно установленному Институтом порядку, арбитражным разбирательствам, процедура которых частично или полностью отличается от процедуры, предусмотренной Регламентом;
- давать разъяснения касательно разрешения споров в соответствии с Регламентом;
- предоставлять информацию по вопросам проведения арбитража и примирительной процедуры.

Статья 2. Правление

(1) Институт имеет Правление, состоящее из шести членов, которые назначаются на трехлетний срок Советом Директоров Палаты. Совет Директоров Палаты назначает Председателя и Заместителя Председателя из членов Правления Института. Председатель и Заместитель Председателя Правления должны быть юристами.

(2) При наличии чрезвычайных причин Совет Директоров Палаты имеет право освободить члена Правления от занимаемой должности. Если в период исполнения своих обязанностей член Правления уходит в отставку или освобождается от должности, Совет Директоров назначает на оставшийся срок нового члена Правления.

¹ Институтом приняты Правила ускоренной арбитражной процедуры, Регламент рассмотрения споров в области страхования, Правила примирительной процедуры Института посреднических услуг по урегулированию споров и Правила процедуры в соответствии с Арбитражным Регламентом ЮНСИТРАЛ.

Статья 3. Решения Правления

Два члена Правления образуют кворум. Если решение не может быть принято большинством голосов, голос Председателя является решающим. Как Председатель, так и Заместитель Председателя имеют право принимать решения от имени Правления по срочным вопросам. Решения Правления являются окончательными и не могут быть пересмотрены Палатой.

Статья 4. Секретариат

Институт имеет Секретариат, которым руководит Генеральный Секретарь. Генеральный Секретарь должен быть юристом.

II. АРБИТРАЖНЫЙ РЕГЛАМЕНТ ИНСТИТУТА

ВОЗБУЖДЕНИЕ ПРОИЗВОДСТВА

Статья 5. Просьба об арбитраже

Арбитражное производство возбуждается подачей истцом в Институт просьбы об арбитраже, которая должна содержать:

- (i) наименование, почтовые адреса, номера телефонов, факсов и адреса электронной почты сторон и их представителей;
- (ii) краткое описание спора;
- (iii) предварительное изложение требований истца;
- (iv) копию арбитражного соглашения или оговорки, в соответствии с которыми спор подлежит разрешению арбитражем; и
- (v) если это предусмотрено избранной процедурой, указание на арбитра, назначенного истцом, включая почтовый адрес, адрес электронной почты, номера телефона и факса такого арбитра.

Статья 6. Регистрационный сбор

(1) Одновременно с подачей просьбы об арбитраже истец уплачивает регистрационный сбор. Величина сбора определяется в соответствии с Положением Института об арбитражных расходах и сборах, действующим на дату подачи просьбы об арбитраже.

(2) Если при подаче просьбы об арбитраже требуемый регистрационный сбор не был уплачен, Институт устанавливает срок, в течение которого истец обязан уплатить такой сбор.

Статья 7. Отказ в возбуждении производства по делу

Если будет установлено, что Институт не имеет юрисдикции в отношении спора или регистрационный сбор не уплачен в указанный срок, просьба истца об арбитраже отклоняется.

Статья 8. Дата возбуждения производства по делу

Арбитражное производство считается возбужденным с момента получения Институтom просьбы об арбитраже.

Статья 9. Правила процедуры

Институт обязан обеспечить конфиденциальность разбирательства и его проведение беспристрастно, экономно и без задержек.

Статья 10. Объяснения ответчика

(1) Институт передает ответчику просьбу истца об арбитраже с предложением изложить свою позицию в установленный Институтom срок, а именно:

- (i) прокомментировать просьбу истца об арбитраже; и
- (ii) если это предусмотрено избранной процедурой, указать арбитра, назначенного ответчиком, включая почтовый адрес, адрес электронной почты, номера телефона и факса такого арбитра.

(2) Если ответчик желает выдвинуть возражение в отношении действительности или применимости арбитражного соглашения, об этом, с указанием оснований, следует заявить в ответе Институту.

(3) Если ответчик желает предъявить встречный иск или требование о зачете, об этом, с указанием оснований, следует заявить, давая ответ Институту, причем заявление должно включать как описание характера иска, так и предварительное изложение исковых требований. Любой встречный иск или требование о зачете должны основываться на арбитражном соглашении.

(4) Институт передает истцу позицию ответчика. Истцу должна быть предоставлена возможность прокомментировать любые возражения или заявления, выдвинутые ответчиком.

(5) Уклонение ответчика от дачи объяснений в установленные сроки не препятствует продолжению производства по делу в соответствии с настоящим Регламентом.

Статья 11. Запрашивание у сторон дополнительной информации; сроки

(1) Институт может запросить у сторон дополнительную информацию в отношении любых предоставленных Институту письменных заявлений. Не получив запрошенной информации от истца, Институт может принять решение о прекращении производства по делу. Не получив запрошенной информации от ответчика касательно встречного иска, Институт может отклонить встречный иск. Если ответчик не предоставляет запрошенной информации касательно других письменных заявлений, это не препятствует продолжению производства по делу.

(2) Любой срок, установленный для исполнения сторонами указанных Институтом процессуальных действий, может быть продлен Институтом.

Статья 12. Уведомление сторон

(1) Любое уведомление или другое сообщение Института доставляется по последнему известному адресу адресата.

(2) Любое уведомление или другое сообщение доставляется курьером или заказным почтовым отправлением, факсимильной связью, электронной почтой или любым другим средством связи, которое позволяет осуществить регистрацию отправки сообщений.

(3) Уведомление или сообщение, отправленное в соответствии с пунктом 2, считается полученным адресатом не позднее даты обычной доставки, установленной для выбранного средства связи.

Статья 13. Назначение арбитров, определение места арбитража

После завершения обмена письменными заявлениями в соответствии со статьями 5-11 Институт должен:

(i) принять решение о числе арбитров, если оно не было согласовано сторонами;

(ii) в случаях, предусмотренных статьей 16, назначить единоличного арбитра или председателя состава арбитража, а также, если необходимо, остальных арбитров, входящих в состав арбитража;

(iii) принять решение о месте арбитража, если оно не было согласовано сторонами; и

(iv) установить размер аванса на покрытие расходов в соответствии со статьей 14.

Статья 14. Аванс на покрытие расходов

(1) Аванс на покрытие расходов должен быть равен предполагаемой сумме арбитражных расходов в соответствии со статьей 39.

(2) Каждая сторона должна внести половину аванса на покрытие расходов. Институт может установить отдельные суммы для встречных исков и требований о зачете. По соответствующему заявлению состава арбитража Институт может в ходе разбирательства принять решение о необходимости оплаты дополнительных сумм.

(3) Если одна из сторон не осуществит платеж требуемой суммы, Институт должен установить срок, в течение которого другая сторона может оплатить недостающую сумму. Если требуемая оплата не произведена, производство по делу прекращается полностью или в той части, к которой относится недостающий платеж.

(4) Как в ходе производства по делу, так и после его окончания Институт может принять меры по обеспечению выплаты вознаграждения арбитрам, а также возмещению других арбитражных расходов.

(5) Институт может разрешить сторонам внести часть аванса на покрытие расходов в виде банковской гарантии или других форм обеспечения.

Статья 15. Передача дела составу арбитража

После того, как сформирован состав арбитража и внесен аванс на покрытие расходов, Институт передает дело составу арбитража.

ФОРМИРОВАНИЕ СОСТАВА АРБИТРАЖА

Статья 16. Число арбитров и процедура их назначения

(1) Стороны определяют число арбитров по своему усмотрению. В отсутствие договоренности сторон о числе арбитров, состав арбитража включает трех арбитров, если только Институт, принимая во внимание сложность дела, цену спора и другие обстоятельства, не решит, что спор подлежит разрешению единоличным арбитром.

(2) Когда состав арбитража включает более одного арбитра, каждая сторона назначает равное число арбитров. Если сторона не назначает арбитра в течение срока, установленного Институтом, назначение производится Институтом, кроме случаев, когда стороны договорились об ином.

(3) Если в споре участвуют два или более истца или ответчика и спор должен быть разрешен более чем одним арбитром, как истцы, так

и ответчики совместно назначают равное число арбитров. Если любая из сторон не производит указанного совместного назначения, то за эту сторону назначение осуществляет Институт. В случае необходимости Институт может назначить весь состав арбитража, если стороны не договорились об ином.

(4) Когда состав арбитража включает более одного арбитра, председатель назначается Институтом, если стороны не договорились об ином.

(5) Когда спор разрешается единоличным арбитром, его назначение производит Институт, если стороны не договорились об ином.

(6) В случае смерти арбитра, назначенного стороной, такая сторона назначает другого арбитра. В случае смерти арбитра, назначенного Институтом, другого арбитра назначает Институт.

(7) Если арбитр отказывается от выполнения своих функций или освобожден от должности, Институт назначает другого арбитра. Если арбитр был назначен стороной, Институт принимает во внимание мнение назначающей стороны. Если состав арбитража включает трех или более арбитров, Институт может принять решение о продолжении дела оставшимися арбитрами. Принимая такое решение, Институт учитывает мнения сторон и состава арбитража.

(8) Когда стороны представляют различные государства, Институт назначает председателем гражданина третьей страны, если стороны не решили по-другому или если Институт не пришел к иному мнению.

Статья 17. Беспристрастность и независимость арбитров. **Обязанность арбитра заявить об основаниях для отвода**

(1) Арбитр должен быть непристрастным и независимым.

(2) Лицо, которому предложено принять назначение в качестве арбитра, обязано заявить о любых обстоятельствах, которые могут вызвать обоснованные сомнения в отношении его непристрастности и независимости. Если такое лицо, тем не менее, назначено арбитром, оно обязано незамедлительно письменно заявить о таких обстоятельствах сторонам и другим арбитрам.

(3) Арбитр, которому в ходе арбитражного разбирательства становятся известны любые обстоятельства, которые могут его дисквалифицировать, должен немедленно письменно информировать стороны и других арбитров.

Статья 18. Отвод арбитров

(1) Если сторона желает заявить об отводе арбитра, эта сторона направляет Институту письменное заявление с обоснованием причин отвода.

(2) Заявление об отводе должно быть сделано не позднее 15 дней после того, как сторона узнала об обстоятельствах, которые могут служить основанием для отвода. Незаявление об отводе в предусмотренный срок будет считаться отказом от права заявлять такой отвод.

(3) Институт обязан предоставить сторонам и арбитрам возможность прокомментировать отвод.

(4) Окончательное решение об отводе принимается Институтом. Если Институт устанавливает, что арбитр подлежит дисквалификации, Институт освобождает арбитра от должности.

Статья 19. Прекращение полномочий арбитров

(1) Если арбитр фактически не имеет возможности выполнять свои обязанности или не выполняет свои функции надлежащим образом, Институт освобождает арбитра от должности.

(2) До освобождения арбитра от должности Институт обязан запросить мнения сторон и других арбитров.

ПРОИЗВОДСТВО ПО ДЕЛУ, ОСУЩЕСТВЛЯЕМОЕ СОСТАВОМ АРБИТРАЖА

Статья 20. Правила процедуры, устанавливаемые составом арбитража

(1) Состав арбитража определяет порядок ведения разбирательства в соответствии с условиями, установленными арбитражным соглашением и настоящим Регламентом, и с учетом пожеланий сторон.

(2) Состав арбитража может уполномочить председателя самостоятельно принимать решения по процедурным вопросам.

(3) Состав арбитража обязан обеспечить конфиденциальность разбирательства и вести дела беспристрастно, экономно и без задержек, предоставляя каждой стороне достаточную возможность изложить свою позицию.

(4) Состав арбитража, после консультаций со сторонами, может назначить проведение слушаний в месте, отличном от места арбитражного разбирательства.

(5) В отношении уведомлений, отправляемых составом арбитража, применяются положения статьи 12.

Статья 21. Исковое заявление и возражения по иску

(1) В срок, установленный составом арбитража, истец представляет исковое заявление, которое, если только эта информация ранее не была представлена по делу, должно содержать:

- (i) изложение конкретных требований и их размера;
- (ii) изложение существенных фактов и обстоятельств, на которых истец основывает свои требования; и
- (iii) предварительный перечень доказательств, на которых истец намерен основывать свои требования.

(2) В срок, установленный составом арбитража, ответчик представляет возражения по иску, которые, если только эта информация ранее не была представлена по делу, должны включать:

- (i) заявление о том, признает ли ответчик и в каком размере он признает или отвергает требования истца;
- (ii) изложение существенных фактов и обстоятельств, на которых ответчик основывает свою позицию;
- (iii) встречный иск или требование о зачете с соответствующими обоснованиями; и
- (iv) предварительный перечень доказательств, на которых ответчик намерен основывать свою позицию.

(3) Состав арбитража может обязать стороны представить дополнительные письменные объяснения.

Статья 22. Дополнение иска или возражений по иску

(1) В ходе производства по делу любая из сторон имеет право изменить свой иск или возражения по иску при условии, что таким образом измененное требование по-прежнему охватывается арбитражным соглашением, кроме случаев, когда состав арбитража признает нецелесообразным разрешить такое изменение с учетом времени его заявления, ущерба, который может быть причинен другой стороне или иных обстоятельств.

(2) Положения статьи 10 не препятствуют применению предыдущего пункта в отношении права стороны на заявление встречного иска или требования о зачете.

Статья 23. Язык разбирательства

Если язык или языки производства по делу не были согласованы сторонами в арбитражном соглашении, состав арбитража после консультаций со сторонами может принять решение по данному вопросу.

Статья 24. Применимое право

(1) Состав арбитража разрешает споры по существу на основе закона или правовых норм, согласованных сторонами. При отсутствии такого соглашения состав арбитража применяет закон или правовые нормы, которые он считает наиболее подходящими.

(2) Любое указание сторон на законодательство определенного государства должно толковаться как непосредственно отсылающее к материальному праву этого государства, а не к его коллизионным нормам.

(3) Состав арбитража разрешает спор по справедливости (*ex aequo et bono*) или в качестве мирового посредника (*amiable compositeur*), только если стороны непосредственно уполномочили его действовать таким образом.

Статья 25. Устное слушание

(1) Устное слушание проводится по просьбе одной из сторон, а также в случае, если состав арбитража сочтет проведение устного слушания целесообразным. Если слушание назначено, состав арбитража, принимая во внимание пожелания сторон, определяет время слушания, его продолжительность и порядок проведения, включая порядок представления доказательств.

(2) Если в ходе разбирательства происходит замена арбитра, то вновь сформированный состав арбитража решает вопрос о том, следует ли повторять предыдущее устное слушание и если следует, то полностью или частично.

Статья 26. Доказательства

(1) По просьбе состава арбитража стороны представляют доказательства, на которые они ссылаются, с указанием обстоятельств, которые они намерены подтвердить с помощью каждого из доказательств, а также представляют документы, на которые они ссылаются.

(2) Состав арбитража может отклонить предложенные ему доказательства, если сочтет, что эти доказательства не имеют отно-

шения к делу, несущественны или что доказывание может быть произведено другими, более подходящими или экономичными средствами.

Статья 27. Эксперты

(1) Если стороны не договорились об ином, состав арбитража может назначить одного или более экспертов для доклада по конкретному вопросу.

(2) Любой из сторон по ее просьбе должна быть предоставлена возможность задать вопросы каждому такому эксперту.

Статья 28. Неявка стороны на заседание

Если любая из сторон без уважительной причины не является на слушание или иным образом не соблюдает порядок, установленный составом арбитража, такая неявка не препятствует составу арбитража провести рассмотрение дела и вынести решение.

Статья 29. Отказ от права ссылаться на отклонения от процедуры

Сторона, которая в ходе разбирательства в течение разумного времени не заявила возражений о каких-либо замеченных ею отклонениях от положений арбитражного соглашения, настоящего Регламента или других применимых к рассмотрению дела процессуальных правил, считается отказавшейся от своего права ссылаться на такие отклонения от процедуры.

Статья 30. Голосование

При голосовании решающим является мнение, которое получило больше голосов, чем любое другое. Если такого большинства не достигнуто, решающим считается мнение председателя, если стороны не договорились об ином.

Статья 31. Обеспечительные меры

(1) Если стороны не договорились об ином, в ходе производства по делу состав арбитража может, по запросу одной из сторон, распорядиться о совершении другой стороной определенных действий в целях обеспечения иска, который будет рассмотрен составом арбитража. Состав арбитража может потребовать от запрашивающей стороны предоставления разумного обеспечения ущерба, который

может понести противоположная сторона в результате совершения таких действий.

(2) Обращение стороны в судебный орган с просьбой о принятии обеспечительных мер не считается несовместимым с арбитражным соглашением или настоящим Регламентом.

АРБИТРАЖНОЕ РЕШЕНИЕ

Статья 32. Арбитражное решение

(1) Арбитражное решение считается вынесенным в месте арбитражного разбирательства. Оно должно содержать дату вынесения, решение или постановление, обосновывающие их мотивы, а также подписи арбитров. При отсутствии подписи одного из арбитров арбитражное решение может быть вынесено при условии указания в нем, что решение было подписано большинством арбитров, которые также подтверждают, что арбитр, чья подпись отсутствует, принимал участие в разрешении спора.

(2) Если какой-либо арбитр без уважительных причин не участвует в обсуждениях состава арбитража по какому-либо вопросу, такое неучастие не препятствует принятию решения другими арбитрами.

(3) Стороны могут прийти к соглашению, что арбитражное решение будет подписано председателем состава арбитража единолично.

(4) Если арбитр имеет особое мнение, то оно прилагается к арбитражному решению.

(5) Если в ходе арбитражного разбирательства стороны урегулируют спор, состав арбитража по просьбе сторон фиксирует мировое соглашение в виде арбитражного решения на согласованных условиях.

(6) Арбитражные расходы в соответствии с положениями статьи 39 и их распределение между сторонами фиксируются в арбитражном решении или ином постановлении, которым прекращается арбитражное разбирательство. Арбитражное решение также может быть вынесено только в отношении расходов.

(7) Состав арбитража обязан немедленно выслать арбитражное решение сторонам.

Статья 33. Срок для вынесения арбитражного решения

Арбитражное решение должно быть вынесено не позднее шести месяцев со дня передачи дела составу арбитража. Институт может продлить срок вынесения арбитражного решения.

Статья 34. Отдельное арбитражное решение

(1) По просьбе одной из сторон по отдельному вопросу или части предмета спора может быть вынесено отдельное арбитражное решение.

(2) В случае если сторона частично признала иск, состав арбитража может вынести отдельное арбитражное решение, основанное на таком признании.

Статья 35. Право требовать вынесения арбитражного решения

(1) Если сторона отзывает иск, состав арбитража прекращает производство в этой части спора, если только другая сторона не потребует от состава арбитража вынесения решения по этому иску.

(2) Если сторона, которая еще не уплатила аванс на покрытие расходов, просит состав арбитража вынести арбитражное решение по отозванному иску, Институт может потребовать от запрашивающей стороны уплаты аванса на покрытие расходов как условие вынесения такого решения.

Статья 36. Характер арбитражного решения

Арбитражное решение является окончательным и обязательным с момента его вынесения.

Статья 37. Исправление арбитражного решения и вынесение дополнительного арбитражного решения

(1) Любая очевидная ошибка в расчетах или опечатка в арбитражном решении должна быть исправлена составом арбитража.

(2) Если сторона заявит соответствующее ходатайство в течение 30 дней после получения арбитражного решения, состав арбитража должен принять решение по вопросу, который должен был быть решен, но не нашел отражения в арбитражном решении.

(3) Если сторона заявит соответствующее ходатайство в течение 30 дней после получения арбитражного решения, состав арбитража может дать его письменное толкование.

(4) До осуществления каких-либо действий в соответствии со вторым и третьим пунктами настоящей статьи, состав арбитража обязан выяснить точки зрения сторон.

Статья 38. Хранение арбитражных решений

После завершения арбитражного разбирательства состав арбитража должен передать в Институт одну копию всех арбитражных решений и письменных постановлений по делу, а также все протоколы к нему. Вышеуказанные документы должны храниться Институтом.

АРБИТРАЖНЫЕ РАСХОДЫ

Статья 39. Арбитражные расходы

(1) Арбитражные расходы включают:

- (i) гонорары арбитров;
- (ii) административный сбор Института;
- (iii) компенсации арбитрам и Институту на покрытие их расходов, возникших в ходе рассмотрения дела; и
- (iv) гонорары и компенсации расходов всех экспертов, назначенных составом арбитража в соответствии со статьей 27 Регламента.

(2) Суммы, указанные в пунктах (i) — (iii), окончательно определяются Институтом в соответствии с Положением об арбитражных расходах и сборах, действующим на дату начала арбитражного производства. Суммы, указанные в пункте (iv), окончательно определяются составом арбитража.

Статья 40. Оплата арбитражных расходов

(1) Стороны несут солидарную ответственность по оплате всех расходов, указанных в статье 39.

(2) Состав арбитража принимает решение о распределении расходов на арбитражное разбирательство между сторонами в зависимости от исхода дела и других обстоятельств.

Статья 41. Расходы, понесенные сторонами

Если стороны не договорились об ином, состав арбитража по просьбе одной из сторон может в арбитражном решении или ином постановлении, прекращающем арбитражное разбирательство, обя-

зять проигравшую сторону возместить другой стороне расходы в связи с оплатой услуг юристов и другими издержками по ведению дела.

ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Статья 42. Освобождение от ответственности

Институт не несет ответственности перед сторонами за любое действие или бездействие в связи с арбитражным разбирательством, если не будет доказано, что такое действие или бездействие являются следствием умысла или грубой халатности со стороны Института. Любой из арбитров несет ответственность, только если будет доказано, что он причинил ущерб в результате умысла или грубой халатности.

ВСТУПЛЕНИЕ В СИЛУ

Настоящий Регламент вступает в силу с 1 апреля 1999 года и заменяет прежний Регламент Арбитражного Института Торговой Палаты Стокгольма. Настоящий Регламент подлежит применению к любому спору, принимаемому к рассмотрению начиная с 1 апреля 1999 года, если стороны не договорились об ином.

III. ПРИЛОЖЕНИЕ

ПОЛОЖЕНИЕ ОБ АРБИТРАЖНЫХ РАСХОДАХ И СБОРАХ

I. Регистрационный сбор

Регистрационный сбор, предусмотренный статьей 6 Регламента Арбитражного Института Торговой Палаты Стокгольма (далее «Регламент»), установлен в размере 1000 евро.

Регистрационный сбор не подлежит возврату, является частью административного сбора, выплачиваемого Институту в соответствии с нижеприведенной статьей 2 Раздела III, и подлежит вычету из аванса на покрытие расходов, который вносится истцом согласно статье 14 Регламента.

II. Аванс на покрытие арбитражных расходов

В соответствии со статьей 13 Регламента, Институт устанавливает сумму, которая вместе с начисляемыми на нее процентами составляет аванс на покрытие арбитражных расходов. Сумма рассчитывается таким образом, чтобы покрыть предполагаемые арбитражные расходы в соответствии со статьей 39 Регламента и, в случаях, предусмотренных законом, налог на добавленную стоимость. Суммы, указанные в подпунктах (i) — (iii) пункта 1 статьи 39 Регламента, подлежат определению в соответствии с настоящим Положением.

III. Арбитражные расходы

Статья 1. Гонорары арбитров

(1) Если стороны не договорились об ином, Институт принимает решение о размере гонораров арбитров на основании таблицы, приведенной ниже и исходя из цены спора. В случаях, предусмотренных законом, к суммам гонораров прибавляется налог на добавленную стоимость.

(2) В целях расчета цены спора к цене иска прибавляется цена встречного иска или требования о зачете, за исключением требований об уплате процентов. В тех случаях, когда цена спора не определена, Институт определяет ее на основе оценки размера дела. Каждая сторона обязана предоставить Институту необходимую информацию для проведения такой оценки.

(3) Если дело потребовало выполнения значительно большего или меньшего объема работы, чем обычно, допустимы отклонения от сумм, указанных в таблице.

(4) Гонорар каждого из арбитров составляет 60 процентов от размера гонорара, выплачиваемого председателю состава арбитража, если Институт не решит иначе, исходя из особых обстоятельств дела.

Статья 2. Административный сбор Института

(1) Институт определяет размер причитающегося ему административного сбора. Решение принимается с учетом цены спора в соответствии с приведенной ниже таблицей. В случаях, установленных законом, к сумме административного сбора прибавляется налог на добавленную стоимость.

(2) В целях расчета цены спора к цене иска прибавляется цена встречного иска или требования о зачете, за исключением требований об уплате процентов. Если цена спора не указана, Институт определяет величину административного сбора с учетом размера дела. Каждая сторона обязана предоставить Институту необходимую информацию для проведения такой оценки.

(3) Если дело потребовало выполнения значительно большего или меньшего объема работы, чем обычно, допустимы отклонения от сумм, указанных в таблице.

Статья 3. Расходы

В дополнение к гонорарам, выплачиваемым арбитрам, и административному сбору Института, Институт определяет сумму, необходимую для покрытия разумных расходов арбитров и Института, которую должны предоставить стороны.

IV. ВСТУПЛЕНИЕ В СИЛУ

Настоящее Положение вступает в силу с 1 апреля 1999 года и заменяет собой предыдущее Положение.

Настоящее Положение подлежит применению к любому спору, принимаемому к рассмотрению начиная с 1 апреля 1999 года.

ГОНОРАРЫ АРБИТРОВ

Цена спора (евро)	Председатель состава арбитража/ единоличный арбитр (евро)	
	Минимум	Максимум
до 25 000	2 500	5 000
от 25 001 до 50 000	2 500 + 2% от суммы свыше 25 000	5 000 + 10% от суммы свыше 25 000
от 50 001 до 100 000	3 000 + 2% от суммы свыше 50 000	7 500 + 5% от суммы свыше 50 000
от 100 001 до 500 000	4 000 + 1% от суммы свыше 100 000	10 000 + 3% от суммы свыше 100 000
от 500 001 до 1 000 000	8 000 + 0,8% от суммы свыше 500 000	22 000 + 2,4% от суммы свыше 500 000
от 1 000 001 до 2 000 000	12 000 + 0,5% от суммы свыше 1 000 000	34 000 + 2% от суммы свыше 1 000 000
от 2 000 001 до 5 000 000	17 000 + 0,2% от суммы свыше 2 000 000	54 000 + 1% от суммы свыше 2 000 000
от 5 000 001 до 10 000 000	23 000 + 0,1% от суммы свыше 5 000 000	84 000 + 0,52% от суммы свыше 5 000 000
от 10 000 001 до 50 000 000	28 000 + 0,03% от суммы свыше 10 000 000	110 000 + 0,1% от суммы свыше 10 000 000
от 50 000 001 до 75 000 000	40 000 + 0,02% от суммы свыше 50 000 000	150 000 + 0,08% от суммы свыше 50 000 000
от 75 000 001 до 100 000 000	45 000 + 0,012% от суммы свыше 75 000 000	170 000 + 0,048% от суммы свыше 75 000 000
от 100 000 001	48 000 + 0,01% от суммы свыше 100 000 000	

АДМИНИСТРАТИВНЫЙ СБОР ИНСТИТУТА

Цена спора (евро)		Административный сбор Института (евро)
до 25 000		1 000
от 25 001	до 50 000	1 000 + 4% от суммы свыше 25 000
от 50 001	до 100 000	2 000 + 2% от суммы свыше 50 000
от 100 001	до 500 000	3 000 + 1% от суммы свыше 100 000
от 500 001	до 1 000 000	7 000 + 0,8% от суммы свыше 500 000
от 1 000 001	до 2 000 000	11 000 + 0,3% от суммы свыше 1 000 000
от 2 000 001	до 5 000 000	14 000 + 0,1% от суммы свыше 2 000 000
от 5 000 001	до 10 000 000	17 000 + 0,06% от суммы свыше 5 000 000
от 10 000 001	до 50 000 000	20 000 + 0,02% от суммы свыше 10 000 000
от 50 000 001	до 75 000 000	28 000 + 0,01% от суммы свыше 50 000 000
от 75 000 001		30 500 + 0,01% от суммы свыше 75 000 000
		Максимум 60 000

РЕКОМЕНДУЕМАЯ АРБИТРАЖНАЯ ОГОВОРКА

Любой спор, разногласие или претензия в связи с настоящим контрактом либо его нарушением, расторжением или недействительностью будут окончательно разрешены путем арбитража в соответствии с Регламентом Арбитражного Института Торговой Палаты г. Стокгольма.

По мере необходимости сторонам рекомендуется делать следующие дополнения к оговорке:

Состав арбитража будет включать... арбитров (единоличного арбитра).

Место проведения арбитража... (указать).

Языком арбитражного разбирательства будет... (указать).

ТИПОВАЯ ОГОВОРКА О ПРИМЕНИМОМ ПРАВЕ

Настоящий контракт регулируется нормами материального права ... (указать).

Информация об Арбитражном Институте стокгольмской Торговой палаты может быть получена по следующим адресам: **Arbitration Institute of the Stockholm Chamber of Commerce, P.O. Box 16050, S-103 21 Stockholm, Sweden, Office: Jakobs Torg 3. Tel: +46 8 555 100 50. Fax: +46 8 566 316 50. E-mail: arbitration@chamber.se. Сайт в Интернете: <http://www.chamber.se>.**

Кто есть кто в нашей науке

ЛУКЪЯНЦЕВ ГРИГОРИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ
(Москва)

Родился в 1972 г. в Вашингтоне, США. Окончил международно-правовой факультет МГИМО (У) МИД России в 1994 г.

В 1995-1998 г.г. являлся соискателем кафедры международного права МГИМО (У) МИД России. В 1998 г. защитил диссертацию на тему «Региональная система защиты прав человека в рамках Совета Европы (на примере Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г.)».

В 1994-1997 г.г. работал в Управлении по международному гуманитарному сотрудничеству и правам человека (УГПЧ) Министерства иностранных дел Российской Федерации в отделе универсального сотрудничества по правам человека. С 1997 г. и по настоящее время работает в Постоянном представительстве России при Отделении ООН и других международных организациях в Женеве.

В составе российских делегаций принимал участие в работе многочисленных гуманитарных и правозащитных форумов, в том числе в сессиях Комиссии ООН по правам человека, Экономического и Социального Совета ООН, Исполнительного Комитета Программы Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев, Руководящей группы Конференции по беженцам и мигрантам в СНГ и др. Участвовал в подготовке и представлении периодических докладов Российской Федерации в международные органы по правам человека.

В качестве эксперта от России принимал участие в разработке проектов двух факультативных протоколов к Конвенции о правах ребенка, факультативного протокола к Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания.

Автор более десяти научных работ по различным аспектам межгосударственного сотрудничества по правозащитной проблематике, в том числе монографии «Европейские стандарты в области прав человека: теория и практика функционирования Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод» (Москва, 2000 г.).

Сфера научных интересов — универсальное и региональное сотрудничество государств в правозащитной и гуманитарной сфере в рамках ООН и Совета Европы, механизмы контроля в международном праве.

На вопрос редакции о том, каковы, на его взгляд, современные тенденции межгосударственного сотрудничества в области прав человека, Г.Е. Лукьянцев ответил: «С одной стороны, налицо стремление государств к развитию такого сотрудничества, что проявляется как в разработке многочисленных новых документов по данной теме, так и в значительном внимании стран к обсуждению этой проблематики в ходе многочисленных международных форумов. С другой стороны, в настоящее время все отчетливее ощущается стремление отдельных государств использовать тему прав и свобод человека в качестве рычага давления и инструмента сведения «личных счетов». Как представляется, права человека действительно могут быть не разъединяющим, а объединяющим фактором в международных отношениях, но лишь при условии строгого соблюдения их участниками принципов суверенного равенства, запрещения применения силы и угрозы силой, уважения территориальной целостности, а также других принципов международного права».

**ОРДЖОНИКИДЗЕ СЕРГЕЙ
АЛЕКСАНДРОВИЧ**

**заместитель Министра иностранных дел
Российской Федерации**

Орджоникидзе С.А., 1946 г.р. В 1964 г. окончил Московское суворовское военное училище. В 1969 г. окончил Московский государственный институт международных отношений, аспирантуру Дипломатической академии. Владеет английским и испанским языками.

В системе Министерства иностранных дел с 1969 г. Работал на различных дипломатических должностях в центральном аппарате Министерства и за рубежом. В 1991-1996 г.г. — заместитель Постоянного представителя СССР, России при ООН в Нью-Йорке, США. С апреля 1996 г. — директор Департамента международных организаций. Член Коллегии Министерства иностранных дел России. С марта 1999 г. — заместитель Министра иностранных дел. Имеет дипломатический ранг Чрезвычайного и Полномочного Посла.

Имеет государственные награды.

Неоднократно выступал на международных форумах по международно-правовым вопросам. Участвовал в различных научных конференциях в МГИМО (У) МИД России, Дипломатической академии и т.д. Неоднократно был председателем государственной экзаменационной комиссии факультета международных отношений МГИМО (У) МИД России. Является заместителем председателя Национального комитета Российской Федерации по Десятилетию международного права ООН. Член редколлегии журнала «Международная жизнь».

На вопрос редакции: «Как известно, Вы как заместитель Министра иностранных дел курируете правовые вопросы, в том числе, и Правовой департамент в МИДе. Каково, на ваш взгляд, в нынешнем меняющемся мире, где мы видим и слышим много нападок на международное право, значение этой науки и применение ее на практике?» — Сергей Александрович ответил:

«Современное международное право — это сформировавшаяся система, в основе которой общепризнанные принципы, зафиксированные в Уставе ООН. В то же время это динамичная система, сфера действия которой постоянно расширяется. В сегодняшнем мире международное право регулирует отношения, которые ранее рассматривались как сугубо внутригосударственные, устанавливая, в частности, обязательства государств по отношению к находящимся на их территории физическим и юридическим лицам. Это, однако, вовсе не означает отмены основополагающих принципов суверенитета государств, территориальной целостности, невмешательства во внутренние дела, а свидетельствует о новой роли международного права в современных международных отношениях.

Нельзя не выразить глубокую озабоченность попытками подорвать многополюсную основу современного мироустройства, опирающуюся на Устав ООН. Заложенная в нем система коллективной безопасности должна оставаться краеугольным камнем поддержания мира на глобальном и региональном уровне. Международный мир и стабильность могут быть обеспечены лишь при условии неукоснительного соблюдения принципов и норм международного права, соответствующих положений Устава, укрепления центральной роли ООН».

ЮСУБОВ АЙДЫН МАХМУД оглы
(Баку)

Родился в 1951 г. в г. Казах Азербайджанской ССР. В 1974 г. окончил юридический факультет Бакинского государственного университета.

После окончания университета до 1992 года работал в Институте философии и права Азербайджанской ССР, заведовал отделом этого института.

В 1989 г. после окончания заочной аспирантуры во Всесоюзном институте по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности при Прокуратуре СССР защитил кандидатскую диссертацию на тему «Принцип публичности в уголовном процессе».

В настоящее время является заведующим кафедрой уголовного права и процесса юридического факультета Университета «Азербайджан». Преподает также международное гуманитарное право.

Участвовал в двух международных семинарах, проводившихся под эгидой Международного Комитета Красного Креста (МККК) в Баку (сентябрь 1997 г.) и в поселке Снегири Московской области (ноябрь 1997 г.).

На вопрос редакции: «Как помогает ему участие в работе семинаров в его преподавательской деятельности», А.М. Юсубов ответил: «Сейчас трудно отделить международное право от внутреннего, потому что во многих конституциях стран СНГ четко обозначен приоритет международного права. Оно, таким образом, выше внутреннего. Но у этих семинаров есть и недостаток. Все, кто приезжает к нам из-за границы, начинают читать лекции с нуля. Они почему-то забывают, что мы — не студенты первого курса, а сложившиеся преподаватели и многое уже знаем».

Издательство "Международные отношения" выпустило в свет очередной тираж учебника **"МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО"**.

Учебник написан коллективом авторов под руководством профессора, Заслуженного деятеля науки РФ Ю.М. Колосова и профессор Э.С. Кривчиковой. Известные ученые, преподаватели международного права МГИМО(У) подготовили новый учебник, отражающий современные тенденции развития этой отрасли права с учетом интересов всего международного сообщества и государств.

Рекомендован Министерством образования Российской Федерации в качестве учебника для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальностям "Юриспруденция", "Международные отношения", "Международная экономика".

В издательстве готовятся к выпуску в свет новые книги по международному праву:

Коллектив авторов МГИМО(У) под редакцией Ю.М. Колосова. **ЕВРОПЕЙСКОЕ МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО;**

Д. Карро, П. Жюйяр. **МЕЖДУНАРОДНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРАВО** (перевод с французского);

Х. Кох, У. Магнус. П. Винклер фон Моренфельс **"МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО И СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ"** (перевод с немецкого).

ISSN 0869-0049

